

СОДЕРЖАНИЕ

МАСТЕР-КЛАССЫ
(основные положения)

КАРПОВ Ю.Ю. ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В НАШИ ДНИ: ЭТО РЕАЛЬНО?	3
КУЗЬМИНОВ П.А. ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТАХ	16
ЧЕДЖЕЛОВ С.Р. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА И ИДЕИ «МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЫ» В ПЕРВОЙ ОСЕТИНСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ	31
ЦАЛЛАГОВА З.Б. ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ	41

I. ИСТОРИЯ

ИСАКА Р. ОСЕТИНЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА.....	49
БОГОТОВА Ф.Ф. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАБАРДИНЦЕВ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	53
ЖУРТОВА А.А. ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ К РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ XVIII-XIX ВВ.	60
ШУРДУМОВА Д.А. СОЦИАЛЬНЫЙ МИР АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	68
ЧЕГАРОВА В.Н., МАЛАХОВ Д.А. К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ ДЛЯ СЛУЖБЫ В ГРУЗИИ И КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА.....	74
ТАХУШЕВА И.С. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ «СОВРЕМЕННОГО» (1856-1858 ГГ.).....	83
ХРАМЦОВА Ю.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРАВОСЛАВИЯ В 60-70-Х ГГ. XIX В. В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)	94
ПАЗОВ И.С. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ.....	105
АХМЕТОВА М.Х. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ТРУДАХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ	112
БУЗАРОВА И.В. ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРСКИЕ ВЕДОМОСТИ».....	117
АББАСОВА Н.В. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ	125
АТАБИЕВ Х.А. УЧАСТИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	135
ТОМАЕВ М.К. ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (НАЧАЛО XX ВЕКА)	143
АМЕЛЯН В.В. НОВЫЕ ФОРМЫ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.	148
ПОМАТОВ В.И. СОВЕТСКАЯ ПЕРИОДИКА 1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА.....	158
КУЦЕВЛЯК Д.И. УСЛОВИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 20-30-Е ГОДЫ XX В.....	167
МАШЕЗОВА Л.Р. РЕПРЕССИВНАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ДЕЯТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 30-Е ГОДЫ XX В. (на примере Х. М. Камбиева, А. П. Булычева, Х. Б. Хагурова, А. Г. Дымова, Н. А. Цагова).....	172
ТАТАРОВ А.А. 115 КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА (АВГУСТ-НОЯБРЬ 1942 Г.)	180

СИНАНОВ Б.А. ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВУЗОВ КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)	185
---	-----

II. ЭТНОЛОГИЯ

ДАУЕВА Т.Т. ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ, ВЫЗВАННЫХ ТЯЖКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ (на материалах Осетии второй половины XIX века)	196
БЕДОЕВА И.А. ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ ОСЕТИИ	204
БИДЕЕВА С.Г. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЛАДИКАВКАЗ)	211
ДЗАГОЕВА Э.П. ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ. ВЫШИВАЛЬЩИЦЫ ОСЕТИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.	218
ТАВАСИЕВА Э.И. ПРАВОВОЙ СТАТУС ВДОВЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	224
ЗАЛЕЕВА З.Т. СВЯТИЛИЩЕ «НОГ ДЗУАР» В КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКИХ ОСЕТИН	230
БОЦОЕВА И.В. ХЕТАГ. МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ	236
АЙЛАРОВ А.Э. АССИРИЙЦЫ В ОСЕТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	245

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

АБАЕВА Ф.О. ПОСЛЕСВАДЕБНЫЙ ЦИКЛ ОСЕТИН: ОБРЯДОВЫЙ ТЕКСТ ТЁЩИ (УСЫ МАДЫ АЕГЪДАУ)	250
ДЗАПАРОВА Е.Б. СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	256
СЕЛИНА О.В. ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА	266
БЯЗРОВА А.Р. ИУ БЫЦЪУАГ ФАРСТЫ ТЫХХÆЙ КОЧЫСАТЫ РОЗÆЙЫ ПЬЕСÆ «МÆ УАРЗОНДЗИНАД ÆВИ МÆ ФЫДЫ НЫХАС?» – Ы	273
ГУЧМАЗОВА К.П. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ЖИВОТНЫХ Г. ТЕДЕЕВА	280
ПЕЛИЕВА О.М., СМОЛЬКОВА А.В. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ОСЕТИНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН	286

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ЦОПАНОВА А.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА	296
ГЕБЕКОВ Г.Ф. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ СВЕТСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ	305
ФЕДОСОВА Е.Д. АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩИЕ СООБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ	314
КЕЛЕХСАЕВ Р.К. ПРАВОСЛАВИЕ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	322
ХАЛИЛОВА А.С. МИГРАЦИИ ДАГЕСТАНЦЕВ В «ТРАДИЦИОННО РУССКИЕ» РЕГИОНЫ ЮГА РОССИИ В 1980-2010 ГОДЫ: ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	328
КАДЫКОЕВА М.М. РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В КБР	336
МАТРОСОВА Е.Г. ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СКФО	345
ТАРИЕВА В.А. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	350
ТУМОВ А.А. ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ	355
ХУБУЛОВА В.В. ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	361
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ	368

МАСТЕР-КЛАССЫ (основные положения)

Ю.Ю. КАРПОВ,
дин, зав. отделом этнографии народов Кавказа
Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера, Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В НАШИ ДНИ: ЭТО РЕАЛЬНО?

Понятие «традиция» определяют в целом одновариантно. Или как «передачу в диахронном плане, от старших к младшим, от поколения к поколению, от когорты к когорте устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, всего, что образует костяк культуры» [1, 160]. Либо как «выраженный в социально-организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [2, 80].

Это бесспорно верно применительно к научному понятию как таковому. Однако употребляя словосочетание «традиционная культура» и т.п., надо понимать их условность. Под «традиционным» мы обычно имеем в виду нечто стародавнее и едва ли не в неизменном

состоянии сохранявшееся на протяжении веков и дожившее до второй половины-конца XIX в., что мы и принимаем за точку отсчета (за базовую модель «народной» культурной традиции). Однако это далеко не так. То, что нам известно по достоверным источникам принадлежит именно указанному времени, не более того. Наглядный пример тому комплекс мужской и женской одежды народов Северного Кавказа, сформировавшийся достаточно поздно, однотипный во всем регионе, причиной чему были разные факторы, среди которых не последнее место занимала мода.

Поэтому может быть резоннее говорить о соотношении «текстов» и «смыслов» элементов культуры, понимаемой в широком плане.

Социолог Э. Ф. Кисриев резонно замечает, что при оценке сохранения «традиций» и появляющихся в культуре инноваций, при оценке взаимодействия тех и других необходимо выделять «структуры (материальные и поведенческие), которые можно конкретно и объективно описать, и значения, смыслы этих структур, которые содержатся в сознании тех, кто непосредственно актуализирует их». «Структуру» и «значение» допустимо соотносить с «текстом» и «смыслом» в семиотическом анализе. И важно уяснить какой смысл несут в себе те или иные традиционные или инновационные структуры, равно относятся ли «смысловые системы» к «традиционным» или «современным». Отсюда вывод: «Динамика изменений «текста» культурного элемента, факторы, воздействующие на его структурные характеристики, не обусловлены с необходимостью динамикой смысловых изменений, т. е. значений, вкладываемых общественным сознанием в эти структуры. Глубоко ошибочным будет при рассмотрении современных социальных изменений искать смысл актуальной традиции, основываясь лишь на «текстовых» характеристиках. Смысл, который несет в определенном обществе тот или иной элемент культуры... не может быть выведен с необходимостью из того, какой смысл несла данная структура в исторических условиях... Структурные характеристики («текст») могут сохраняться при глубоких изменениях смысла и функций этих структур, устойчивые смысловые комплексы традиционного общественного сознания могут реализоваться посредством новейших, ультрасовременных структур» [3, 30-31].

Известный французский социолог и этнолог Пьер Бурдьё, введший понятие «габитус», подразумевающий «определенные системы принципов и навыков структурирования социального пространства и организации социальной деятельности, или структурирующие

структуры, порождающие практики и представления», замечает: «В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является; следовательно, он есть то, что придает практикам их *относительную независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего» [4, 109].

При некоторых различиях в акцентах в главном ученые сходятся. Прямолинейное отношение современного явления с «прошлым» («традицией») нереально. Поэтому подобные экстраполяции некоторых ученых и политиков, по меньшей мере, нетактичны.

Авторы книги о положении русских на Северном Кавказе Г. С. Денисова и В. П. Уланов отмечают, что диаспоры кавказцев, используя ресурс этносолидарного взаимодействия, опыт трудовой адаптации и криминальные практики, по-особому активны в разных регионах РФ, что так или иначе приобретаемые ими финансовые ресурсы отправляются в Кавказский регион на поддержание жизнеобеспечения семей, однако экономическая ситуация в регионе от использования этих моделей выживания не меняется. «Фактически это – модернизированная и видоизмененная модель набеговости. Суть ее остается неизменной: ресурсы добываются «на стороне» и вкладываются в поддержание в самом регионе инфраструктуры быта, но не производства. У этого варианта организации функционирования нет долгосрочной позитивной перспективы» [5, 258].

Однако подобное сравнение – поверхностная оценка ситуации. Разве только кавказцы отличаются нацеленностью на поддержание жизнеобеспечения семей, формируя диаспоры в России и вне оной? А молдаване, украинцы, таджики и т. д., действия которых не связываются с «набеговостью»? Такое было и много раньше, в XIX – начале XX в., когда костромские, тверские и разные иные мужики-крестьяне приходили в активно развивавшийся Петербург, не заботясь (или делая это в минимальной степени) о создании инфраструктуры производства у себя на родине. Кавказцы (жители северной его части) – граждане России, и ходят-ездят они по стране с целью обеспечения выживания своих семей (что в полной мере согласуется с характерной для данной культурной традиции заботой о «доме») и вряд ли в массе своей должны заботиться о развитии производства в «собственном» регионе. Разве российские (или русские) бизнесмены,

переправляющие изрядные суммы денег за рубеж, поступают принципиально иначе?

Обращаясь к «набеговой системе» в новейшее время, можно без труда заметить, что, в отличие от исторической ретроспективы, где ее «текст» и «смысл» находились в одном композиционном сочетании, теперь, особенно если ориентироваться на приведенный авторами упомянутой книги пример (а они не одиноки в своем мнении; по большому счету, исторические построения М. М. Блиева подразумевают посылки в современность), их композиция выглядит иначе. «Классический» набег не только решал «экономический вопрос», он имел конкретное общественное наполнение – через него по-своему социализировалось юношество, он вносил динамику в «уравновешенный» порядок жизни горских обществ, и эта вторая – общественная – составляющая «смысла» была, пожалуй, более значимой в функциональности «текста» по сравнению с экономической составляющей. В новейших условиях отъезд в Россию «за деньгами» и разноплановая активность там земляческих групп кавказцев в целях обеспечения своих семей дает гораздо больше оснований видеть в нем современный вариант отходничества. Разве что упомянутые психологический и престижный мотивы оттеняют в нем компоненты «традиционного» «смысла» другого «текста». Не схожие ли мотивы в общем и целом подразумевал П. Бурдые?

Со своей стороны, я хочу привести пример современного не то «отходничества», не то «набега», о котором мне рассказали в дагестанском селении Карата 10 лет назад.

В конце 1980-х начале 1990-х гг. немало молодых каратинцев побывало в Москве, которая предоставляла им шанс решать свои финансовые (житейские) вопросы. Они крутили наперсточный «бизнес» на Курском вокзале. Как каратинцам удалось закрепить за собой одно из, по-видимому, соблазнительных мест «бизнеса», не вполне ясно, говорят, что стычки с конкурентами были, но не особо жестокие, так как на «кровь не шли». С милицией существовала договоренность – ей платили положенные суммы, она же иногда забирала «нарушителей общественного порядка», но только для вида.

За три-четыре года в Москве побывало порядка 150 каратинцев – одна партия «работала», уезжала, а ее место занимала другая. В основном жили в гостинице, некоторые – на квартирах, другие – у девушек. В группах совместно проживавших земляков были выборные

старшие – «более шустрые, мужественные, способные взять на себя общественную работу».

По словам моего информанта Муртазали, он не испытывал на тот момент угрызений совести (игра есть игра) – «тогда был двойной стандарт (для себя, активных участников игры. – Ю. К.), работы не было, и подобное выглядело допустимым». Аналогичные мысли были и у его товарищей. Постепенно, накапливая в Москве «жизненный опыт», Муртазали увидел «внутри грязь». Но выбрался он из «грязи», из криминала и из Москвы, равно как и большинство его земляков, благодаря дяде. Последний – сотрудник дагестанских органов МВД, обеспокоенный тем, что в Карату уже доставили не один труп молодых людей, отправился в Москву забрать племянника, а заодно и других ребят, к судьбе которых он также не был равнодушен. Он увез их оттуда, чем по праву гордится, ибо оказался едва ли не единственным каратинцем зрелого возраста, живо и участливо отреагировавшим на происходящее. Он вспоминает, что и родители погибших в Москве, и родители тех, кому грозила аналогичная участь, реагировали на происходящее достаточно вяло (едва ли не как на само собой разумеющееся развитие событий и судеб их детей).

Большинство отправившихся некогда в странствие каратинцев «спаслись», и они вернулись в Дагестан; 5-6 человек погибло в стычках или от наркотиков; некоторые же остались в Москве – у кого появился собственный легальный бизнес, кто промышляет воровством. Симптоматично, что многие из вернувшихся на родину обратились к Богу, естественно, в согласии с мусульманской (не ваххабистской) традицией. В их числе и Муртазали (подробнее см.: [6, 558-561]).

В общих чертах криминальная практика каратинцев на тот период ненамного отличалась от таковой, например, «солнцевских» или «тамбовских», за исключением отсутствия (полного или желательного) «крови». «Бизнес» у них был «мягким». Раскаяние и обращение к религии по завершении «бизнес-вояжа» тоже в той или иной мере типичны (кого в монастырях нет?). Для кавказцев же они, похоже, по-особенному неслучайны. Сошлюсь на пример известного в Москве на рубеже 1980-1990-х гг. организатора и руководителя «чеченской мафии» Хож-Ахмеда Нухаева, позднее активно занимавшегося богостроительством и пытавшегося на его основе разрешить чечено-российский конфликт (подробнее см.: [7]). Во многом (а может быть в главном) схожие примеры нетрудно найти в судьбах известных персон кавказской истории XVIII-XIX вв. Вспоминается и замечание ав-

тора первой половины XIX в., отметившего, что черкесы «не входят в церковь до тех пор, пока им не исполнится лет шестьдесят; они живут все разбоем и поэтому совестятся входить в церковь, полагая, что они могут осквернить ее своим присутствием. Но когда приходят для них такие лета и они перестают воровать и грабить, они посещают богослужение, которое слушали в своей молодости за стенами церкви, сидя верхом на лошади» [8, 127].

Получается, что жизнь «джигита» как бы по заданному делится на этапы, которые он последовательно проживает в различных ипостасях. С Х.-А. Нухаевым соответствующее изменение произошло после 30 лет. В рассказе Муртазали также звучала косвенная привязка кардинального изменения в его личной судьбе и в судьбах его товарищей к достижению того же возраста. Здесь, конечно, присутствует элемент случайности (приезд и действия дяди). Однако примем во внимание, что и в полуполюгендарной традиции 30-летний возраст отмечал существенные изменения в судьбе и статусе мужчины, прекращение им походов «маскулинизации» и достижение возраста зрелости.

В такой же степени определена «традицией» организация кавказцев «на выезде» по земляческому принципу (в полной мере она дает о себе знать в условиях армии). Корпоративность проявляется и в том, что к первому удачно устроившемуся на новом месте земляку тянутся родственники, односельчане и т. д., преимущественно сверстники. Достаточно косвенное влияние «традиции» можно усмотреть в сохранении некоторого подобия идеологического антуража, сопровождающего акции к «чужакам». Теперь, правда, нет призывов «обогреть кровью» землю «неверных», зато срабатывает эффект разжатой пружины, когда лица, в родном селении сдерживаемые контролем общины, «на стороне» как бы идут вразброс и позволяют недопустимое на «родине». В свою очередь, далеко не все современные девушки, большей частью знакомые с «секс-символами» массовой культуры, предпочитают им мужчин-боевиков со шрамами на лице и теле. В такой же косвенной связи с «традицией» выглядит допустимость (естественность) в глазах родственников и сельского общества в целом отъезда молодежи в «чужую» землю, равно как заявляемое требование их возвращения домой в установленный срок (в определенном возрасте). Чуть конкретнее связь «традиции» с изменением самоощущения лица, достигшего 30-летнего возраста и претендующего на изменение своего общественного статуса (в частности через женитьбу). Следующая аналогичная перемена происходит с ним в возрасте 50 лет (или

в условно привязываемое к этой дате время, совпадающее с возвращением старшего сына из армии), когда мужчина прекращает более или менее регулярные посещения компаний сверстников и начинает вести себя «солидно».

Однако вряд ли нынешние описанного рода «походы» молодежи включены в систему ее социализации, которая сама в последнее время активно трансформируется.

Другой пример из новоявленных общественных практик, в котором можно усмотреть связь с традиционными общественными институтами.

Также десять лет назад в дагестанских СМИ появлялись сообщения о необычном для Дагестана явлении общественного быта, которое имело место в упомянутом селении Карата. О нем была информация по телевидению, заметка и пространная статья в газете. Точнее, не о явлении, а об индейцах селения Карата, которые «с виду – люди как люди, а приглядишься – доподлинные индейцы». Материалы СМИ преподносили информацию о них как о забавном курьезе современной жизни, где все имеют право «дурью маяться» на собственный лад [9]. В том числе и дагестанские горцы, казалось бы, такие консервативные в своих жизненных принципах и устоях.

Мне довелось познакомиться с каратинскими «индейцами»; я общался со многими из них в 2003 и в 2004 гг. Вот что рассказывают они о себе и что можно было наблюдать в их лагере в 2003 г.

Тридцать с небольшим лет назад (в 2003 г. отмечалась круглая дата образования этого «братства») семнадцатилетний юноша Магомед Абдусамадов, влюбленный в индейцев и все индейское, о чем он знал в первую очередь по фильмам производства ГДР с Гойко Митичем в главной роли, организовал своих товарищей, и в итоге группа подростков стала отправляться в местный лес, где они поселялись на некоторое время, сооружая шалаши и ведя «природный» образ жизни. В этом не было чего-либо совершенно необычного для сельчан. И до этого в лес на экскурсии и в походы местных школьников водили учителя, на лесных полянах устраивались краткосрочные лагеря. В лес ходили и семьями – на отдых. Необычность группы, организованной М. Абдусамадовым, заключалась в привнесении в быт каратинцев чужеродной индейской символики и активном использовании ее. Правда, восприняли ее лишь члены вновь сформированной и некоторым образом выделившейся из общей массы сельчан группы, а именно сверстники мужского пола юношеского возраста.

Какие символы и атрибуты оной использовались ими?

Если не сразу, то со временем все члены группы получили «новые имена» – прозвища: Макимота, Орлиный Глаз, Отважное Сердце и т. п. Новое имя, как правило, давалось после совершения поступка, по которому судили о характере человека. Под стать именам и экипировка – у Вождя особый головной убор с орлиными перьями («как в кино»), томагавк; у его соратников головные уборы бывают попроще, но их может и вовсе не быть (бейсболки, кепки, вязаные шапочки и т. п. не в счет).

В лесу «индейцы» размещаются на полянах и расставляют палатки. В указанные годы в Каратинском лесу функционировало два лагеря: «Волчье логово» и «Орлиное гнездо». В первом обитали вождь и его соратники – в основном первые «индейцы», во втором – поколение более молодых «индейцев». Возраст одних где-то от 40 до 50 лет, члены другого лагеря на один-два десятка лет моложе.

Здесь надо оговорить, что «настоящими индейцами» становятся не все желающие. Претендент на это звание обычно в течение нескольких лет (говорят, что до пяти) принимает участие в лесных сборах, но не считается «настоящим индейцем», и если он не совершит за это время злостных нарушений дисциплины, то его принимают в это «закрытое братство», как правило, наделяя и особым именем.

Общий порядок в «Волчьем логове» выглядел так.

В начале сборов костер разжигался от спички, затем огонь надлежало постоянно сохранять; закуривать можно было лишь от костра (хотя, конечно, зажигалки полуоткрыто использовались); вместо чая заваривали молодые сосновые шишки, лесной шиповник, травы; водка при этом была в ходу. Главный «индеец» запрещал своим соратникам (и они его в этом поддерживали) вести разговоры о политике, деньгах и делах, а также о семьях и женщинах. Разрешались лишь «индейские» – общие мужские темы, т. е. без «деловой» конкретики. Нарушители подобных установлений, а равно опоздавшие к началу сборов либо пропустившие их в предыдущем сезоне наказывались – их привязывали к «позорному столбу» (специально выбранной на территории лагеря сосне), им демонстративно угрожали томагавком.

Лесные сборы организовывались ежегодно в августе. На одну-три недели в лес собирались каратинцы, жившие в селении, в Махачкале, а также весьма далеко от Дагестана, в частности в Петербурге. Приезжие нередко совмещали лесные сборы с помощью родителям; август и начало сентября – пора сенокоса. Большое время в лесу занимали

«мужские» состязания, в частности по популярному в последние десятилетия в Дагестане волейболу, а еще индивидуальные – в кидании камня, в прыжках с места.

Обычно лес за сезон таким образом посещало не меньше сотни человек (а то и две-три; партии и отдельные люди сменяли друг друга). Основная их масса, обремененная семьями и детьми-школьниками, к 1 сентября покидала лес, а многие и саму Карату. Мужские сборы не вечны, «индейское лето» имеет конец.

Для полноты характеристики правил «индейской» жизни надо отметить, что «индейцы» за экологическую чистоту. В конце сборов они убирают за собой мусор и активно призывают к тому же всех посещающих лес. Они обратились к джамаату (общине) с предложением запретить рубку живых деревьев (ввиду трудности зарабатывания денег здесь ведутся лесоповал и лесозаготовки для продажи). Они призвали местных охотников уходить для промысла дичи подальше в горы, и, говорят, это дало о себе знать – в лесу появляется зверь, которого уже давно не видели.

К характеристике самих «индейцев». Среди них есть летчик гражданской авиации, бизнесмен, живущий в Питере, заведующий производством АО «Порт-Петровск», служащие райвоенкомата и фискальных органов, начальник государственного пожарного надзора районного Ахвахского МЧС. Последний и есть зачинатель «индейской» традиции в Карате.

Порядок организации и быта «индейцев» достаточно полно соответствует традиции мужских союзов (мужских домов), которая до первых десятилетий XX в. имела в Дагестане широкое развитие [10, 24-25].

Однако традиция ли это? Если понимать под традицией «передачу в диахронном плане... устоявшихся форм поведения, навыков, понятий, всего, что образует костяк культуры», то вряд ли. Описанное «явление» существует лишь три-четыре десятка лет (насколько мне известно, данная практика сохраняется по сей день), и в него вовлечено неполных два поколения выделенной (по известному принципу) части этносоциального сообщества. Возможно, «индейцам» удастся передать свой «заряд» и «опыт» детям и тем закрепить его во временном отношении. Проявленное СМИ внимание к каратинской «индеане» до известной степени тоже может поспособствовать этому. Но не исключено и другое.

Конечно, это инновация, именно с ней мы имеем дело; здесь явно выражен элемент случайности, и она практически не укладывается в

рамки представлений о «традиции» как таковой. Однако, может быть, допустимо рассматривать ее появление в более широком контексте местных социальных и культурных традиций? Ведь оно, данное «явление», не только «произошло», но и в какой-то мере уже адаптировалось в местной среде.

До середины XX в. в Карате имелся мужской дом – *бакъи миса* – «срединный дом». Название подразумевало социальное предназначение его как общего для всех мужчин (членов соответствующего объединения) дома, а не местоположение его в селении. Располагался-то он как раз на окраине онога, и было это чье-либо пустовавшее и немалых размеров жилое строение. Порядок функционирования такого «мужского дома» и организация быта лиц, в него допускавшихся (т. е. членов местного мужского объединения), соответствовали общеизвестным.

Соблазнительно предположить некоторую, безусловно, опосредованную связь между традицией мужских союзов и этой новой – «индейской».

Конечно, зарождение четыре десятка лет назад в Карате новой «традиции» – это случайность. Такой ее характер обусловлен уже тем, что должен был появиться и появился человек, обладавший неординарными качествами и способный увлечь своими фантазиями сверстников, более того – реализовать их в Игре. Появление Игры явилось следствием и счастливого стечения обстоятельств. Это усвоенные с детства, со школьных лет походы в лес. Это появление ярких, будоражащих детское и юношеское воображение кинофильмов с красивыми, сильными, мужественными героями. Примечательно, что в 1970-е гг., а может быть раньше, появилось обретшее достаточно широкую популярность в крупных городах СССР, в ГДР, а может быть и в других странах, молодежное движение или такая же субкультура «пау-вау», воспринявшая и взявшая себе за основу (внешний антураж) элементы культуры североамериканских индейцев. Каратинская «индейская традиция» с «пау-вау» не связана, хотя о существовании этого «движения» некоторые каратинские «индейцы» и могут знать. Случайность также то (хотя как сказать), что индейская и горско-дагестанская мужская атрибутика и героика во многом оказались созвучными. К слову замечу, что в некотором смысле параллелью индейским нарядам (в частности головным уборам с перьями) являлись использовавшиеся членами дагестанских мужских объединений ритуальные маски (а в редких случаях

и головные уборы с перьями), да и фигура вождя навеивает ассоциации с избравшимся членами мужских братств горцев на время сборов их главой – *шахом*, *ханом* или, как в каратинской среде, *тамадой*, который вместо томагавка имел другой отличительный знак-атрибут.

В меньшей степени случайностью выглядит то, что историческая память жителей горных аулов не поверхностна, в ней сохраняются (и притом довольно живо) воспоминания о многих элементах культуры предков, так что информацией о «срединном доме» мужчин в их родном селении владеют многие каратинцы. Это не означает, что подобную информацию некто либо конкретные лица решили оживить, обыграв по-новому. Никто перед собой такой цели явно не ставил и даже не имел в виду. Все оказалось стечением обстоятельств, может быть и «счастливым», родившим Игру, в которой неким образом на новый незнакомый местной среде лад была обыграна «историческая» память (наверное, точнее – «воспоминание») о фрагменте своей культуры (или реплика с этого воспоминания).

Но может быть, дело обстоит иначе. Ведь рассказывали же жители дидойского (цезского) селения Шаитли в 1981 г. о справляемом у них празднике *игби* (кстати, полно вписывающемся в традицию мужских союзов), что центральный персонаж праздника был заимствован их отцами в 1920-е гг. в соседней Грузии [11, 150]. В это трудно было поверить, настолько в 1980-х гг. все в *игби* выглядело органичным и цельным. Однако насколько точно мы можем проследить и оценить судьбу той или иной инновации, механизм ее привития, адаптации в «традиции», усвоения либо, наоборот, ее отторжения последней?

В целом же о явлениях общественной практики каратинцев Новейшего времени, наверное, нужно сказать, что они неоднозначно соотносятся с традиционными формами оной. Они – явные инновации, порожденные разнообразными факторами современной действительности, которые имеют мало шансов утвердиться в жизни на системных началах. Вместе с тем само их появление в известной мере не случайно. И появились, и функционируют эти явления в социокультурном пространстве, которое по причине специфики не только сохраняет память о собственных «традициях», но нередко и воспроизводит их в измененных внешних условиях и, что естественно, в новых формах. С оговорками их можно интерпретировать, с одной стороны, в качестве примера «относительной независимости» габитуса

– «деятельного присутствия всего прошлого» в настоящем, с другой – как довольно сложную корреляцию между трансформированным «текстом» и таким же «смыслом».

Каждый отдельный пример бытования в современной среде явления в той либо иной мере «напоминающий» или даже внешне соответствующий параметрам явления «традиционного» требует разностороннего анализа. При этом вывод, к которому можно будет прийти, вряд ли окажется однозначным. Определенная преемственность в социальных практиках существует. Так, полтора столетия назад, когда российская власть запретила и фактически ликвидировала регулярные «сборы» княжеских дружин в Черкесии (практики которых вполне вписывались в традицию мужских союзов), тайный язык *шакобза*, бытовавший в «стане наездников» (*ицу пицыIэ*), был воспринят учащимися медресе и мектебе – «станом студентов» (*сохъ-устэ пицыIэ*). Значение имело соответствие организационных принципов обоих сообществ, их закрытость от окружения «непосвященных». Схожее явление наблюдалось и в Дагестане, где такие же принципы были присущи сообществам *муталимов* (учащихся медресе) [12, 270-272].

В наши дни заместитель руководителя аппарата Антитеррористической комиссии в Республике Дагестан Х.Г. Магомедов уверяет, что принципы организации и жизнедеятельности незаконных вооруженных формирований в этой республике очень и очень напоминают (или даже соответствуют) тем, которые имели место в местной среде в «традиционных» мужских союзах одно-два столетия назад.

В свою очередь попытки воссоздания общины (*джамаата*) в разных местностях современного Дагестана, в ряде случаев относительно успешные, вряд ли окажутся примером возвращения к «традиции» в должном объеме – в надлежащем «смысле» и «тексте», хотя «инкорпорированную историю... деятельное присутствие прошлого» здесь усматривать то же правомерно.

Примечания

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 160.
2. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2.
3. Кисриев Э.Ф. Осовременивание и проблемы взаимодействия

традиций и инноваций // Социальные изменения в современном Дагестане. Махачкала, 1993. С. 30-31.

4. Бурдые П. Практический смысл. СПб.; М., 2001.

5. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: Анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003.

6. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.

7. Карпов Ю. Ю. Портрет современного джигита глазами этнографа // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. 2003.

8. Монпере де Ф. Д. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии Армении и Крыму. В кн.: Мариньи де Т. Путешествие по Черкесии / Пер. В. М. Аталикова. Нальчик, 2002.

9. «Московский комсомолец в Дагестане», 2004, № 8 от 15.09.

10. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

11. Карпов Ю. Ю. Персонажи шаитлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. 43: Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа.

12. Карпов Ю. Ю. Джигит и волк.

П.А. КУЗЬМИНОВ,
дин, профессор Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТАХ

В науку, к сожалению, не всегда приходят люди, подготовленные к самостоятельной научной работе над конкретными вопросами прошлого. В силу этого перед молодыми исследователями возникают многочисленные вопросы, в том числе связанные с историографическим анализом проблемы, которые, как правило, вызывают серьезные трудности.

Понятие «историография» многозначно. Нас привлекает значение, которым часто обозначают историческую литературу по какому либо вопросу, проблеме, периоду. Например, историография феодализма, историография Кавказской войны, историография крестьянской реформы 1861 г. в России, в Терской области и т.п.

При этом если С.М. Соловьев в историографических обзорах ограничивался освещением галереи «портретов» историков с анализом их трудов в хронологической последовательности, то В.О. Ключевский и, особенно, А.С. Лаппо-Данилевский включили в предмет историографии процесс смены исторических концепций.

Конечно, в наши дни представление о предмете историографии заметно расширилось, теперь в это понятие включается целый ряд компонентов, отражающих развитие истории науки.

Во-первых, в него вошло, по мнению Э.А. Шеуджен, выяснение общественных условий развития исторической науки на разных этапах, когда существенно изменялась конкретная историческая среда, духовная, социально-экономическая, политическая жизнь общества, которые в значительной степени, определяют развитие исторического знания.

Во-вторых, изучение процесса накопления знания о человеческом обществе. Каждое новое поколение историков располагает материалами, накопившимися в ходе предшествующего развития исторической науки. Речь идет не только о фактах, но и определенных идеях и теориях, их связи с философскими и политическими взглядами, характерными для данной эпохи. В этой плоскости происходит пересечение предмета двух дисциплин – историографии и методологии истории. Важной задачей историографии является анализ теоретико-методологических принципов исторического познания, выяснение того, как развивались теории, с позиции которых изучался исторический процесс.

В-третьих, анализ круга и характера источников, привлеченных историком, конкретных методик их исследования, история введения в научный оборот ранее неизвестных источников и историографических памятников, развитие методов исторического исследования, совершенствование приемов анализа исторических источников. То есть здесь соприкасаются также границы двух дисциплин – историографии и источниковедения. Но предметом историографии становится не каждый исторический источник, а только тот, который изучен историком. Сегодня идет разработка категории «источниковедение историографии», с помощью которой выявляется историографическая глубина источника. Умение анализировать источники отражает профессиональный уровень историка.

В-четвертых, в предмет историографии входит изучение процесса формирования проблематики исторических исследований. Весьма важно уяснить, какие проблемы прошлого и, главное, почему, становились предметом исследования. Бесспорно, в немалой степени изучение тех или иных явлений прошлого диктуется наличием источников, но нельзя исключить и влияние на выбор проблематики общественно-политической жизни. Если в древности и средние века господствовала военная и церковно-государственная тематика, то в новое и новейшее время главной стала социально-экономическая и политическая проблематика, а действие исторических героев, которым посвящалось историческое повествование, сменилось описанием действий народных масс. Важно учитывать, что в целом для исторической науки характерно расширение проблематики. В наши дни это происходит еще и за счет появления новых для исторического знания направлений на «стыке» наук – исторической социологии,

исторической психологии, исторической географии, исторической демографии и т.п.

В-пятых, предметом изучения являются организационные условия науки, в которых происходит развитие исторического знания. Речь идет о существовавших в тот или иной период научных учреждениях, эволюции их структуры, историческом образовании, исторической периодике, исторических библиотеках, состоянии и доступности материалов архивов. При этом нельзя упускать вопросы, связанные с подготовкой кадров исторической науки, их квалификации, распределения по отраслям исторического знания [1, 7].

Историографические обзоры молодых ученых зачастую откровенно слабы. Типичной ошибкой начинающих исследователей является подход, при котором они априори утверждают, что большинство работ историков, писавших до них, были не достаточно серьезны и глубоки, поэтому в них нет ничего ценного.

У читателя таких работ формируется впечатление, что историческая наука началась только с 1991 г., а всё, что было написано в советское время, преподносится как подготовка к научному анализу. Однако вдумчивый исследователь понимает, что историков 20-х гг. XX в. бессмысленно критиковать за то, что они не использовали должным образом источники. Требования науки того периода – пропаганда исторических знаний, отражающих пафос строительства социализма в СССР или в отдельном регионе, поэтому утомляющая наукообразность в исторических работах отсутствовала.

Историк, помнящий об этом, не будет удивляться, что во многих трудах 20-х гг. нет сносок, справочного аппарата, поскольку при внимательном чтении текста можно увидеть, что приведенный материал свидетельствует о хорошем знании архивов, мемуарной литературы, периодической печати. Таким образом, чтобы оценить труд того или иного историка, нужно знать общественно-политический контекст, в рамках которого работал историк 20-х, 50-х или 80-х гг. Для историографических исследований подобные моменты важны.

Любое научное исследование по истории всегда строится не только на изучении исторических источников, но и на научной литературе предшественников (монографий, научных статей, тезисов). Поэтому обязательным этапом в научной работе является анализ использованной литературы, результатом которого становится историографическая часть введения.

Первым, наиболее простым уровнем историографического познания является историографическая аннотация. Этот вид оценки труда ученых используется в тезисах или научных статьях. Он предполагает краткое перечисление основной литературы по проблеме с указанием выделенных авторами аспектов.

Более сложным видом познания является историографический анализ. Он предполагает всестороннее исследование процесса изучения конкретно-исторической проблемы в научной литературе и определение наименее изученных и наиболее перспективных для исследования направлений. Историографический анализ имеет две формы:

- самостоятельное историографическое исследование – историографическая монография или статья, в которой излагается весь ход историографического анализа и его выводы;

- вспомогательное историографическое исследование – историографический раздел введения конкретно-исторического исследования, который содержит лишь обобщенные выводы проведенного историографического исследования.

В дипломных и диссертационных работах, как правило, используется вторая форма историографического анализа.

Наибольшая трудность при написании научной работы возникает обычно при написании историографического раздела введения квалификационной работы. Опыт конкретно-исторического исследования не позволяет решить задачи историографического исследования. Распространенной ошибкой является написание введения дипломной работы после того, как написаны основные разделы и заключение. В этом случае содержание введения рассматривается как формальная часть исследования, как дань формальной традиции. По этой причине текст введения оказывается наиболее слабой и уязвимой частью дипломной работы. Необходимо помнить, что введение, в том числе и его историографический раздел, выполняет функцию постановки научной проблемы и задает цель и глубину анализа всему последующему исследованию. По этой причине основа текста введения и его наиболее сложный – историографический раздел создаются в первую очередь и являются необходимой теоретико-методологической и историографической предпосылкой, обеспечивающей научность последующего анализа проблемы.

Требования к историографии, касающейся темы диссертационного исследования, в науке известны. Ученый должен тщательно

проанализировать все, что опубликовано по исследуемой теме, дать объективный анализ изданных научных работ. Это особенно важно сегодня, когда в научный оборот введено большое количество новых документов и материалов, произошла методологическая переоценка многих событий и явлений. Поэтому речь идет не о критике (хотя и она необходима) работ предшественников, а о выявлении причин, по которым наука в тот или иной период не могла дать объективной оценки истории.

Хотелось бы предостеречь начинающих исследователей, приступающих к изучению литературы по теме исследованиями, от весьма распространенной ошибки – подмены историографии краткими аннотациями о работах. Некоторые знатоки считают необходимым перечислить буквально все публикации по теме. В результате в диссертации и, особенно, в автореферате приводятся длинные списки изданий, которые ничего не дают для осмысления их значимости в изучении данной проблемы. В научной работе требуется не только перечисление опубликованных работ, но и их анализ, выявление степени изученности темы в целом и ее составных частей.

Крайне важно в историографической части дипломной работы или диссертации проанализировать взгляды ученых по соответствующим вопросам, а затем в разделах диссертации аргументировано изложить свою точку зрения. Настоящая наука не может существовать без плюрализма мнений и суждений; сопоставления различных точек зрения, с которыми связан поиск истины. Участие соискателя в научной дискуссии – важный критерий оценки его подготовленности, знания изучаемой научной проблемы.

Нет единства и в том, где размещать историографический раздел. В большинстве случаев (думаем, это наиболее целесообразно) историографический обзор дается во введении диссертации и, соответственно, в этой части автореферата. Ведь анализ историографии нужен для обоснования новизны научного исследования, а это должно быть сделано во введении.

Исследователь вправе написать самостоятельный раздел по историографии. Особенно целесообразно это делать в случае, если рассматриваемые проблемы по-разному оцениваются учеными. Самостоятельный историографический раздел исследователи включают в диссертации в том случае, если он необходим в таком значительном объеме для более глубокого раскрытия темы. Кроме того, органично выглядят историографические сюжеты в разных главах диссертации,

когда они непосредственно связаны с исследованием конкретных вопросов. Благодаря этому научный уровень диссертации существенно повышается. Уместно будет в научном аппарате дать краткие справки с перечислением их трудов, концептуальных пристрастиях, политической ангажированности ученых, работавших по данной теме.

Таким образом, главной целью историографического анализа в историческом исследовании является:

- освоение накопленного опыта в научном изучении данной исторической области;
- включение предполагаемого исследования в существующую историографическую традицию;
- определение степени изученности предмета исследования, а также выявление наименее исследованных его аспектов по содержанию, по хронологии и по территории.

Историографический анализ занимает вполне определенное место в структуре введения квалификационной работы. Он следует после формулировки объекта исследования, а непосредственно за ним следует определение предмета конкретно-исторического исследования.

Историографический анализ включает ряд этапов:

1. Выделение историографических этапов;
2. Анализ каждого историографического этапа;
3. Выделение на каждом этапе основных видов научной литературы по проблеме;
4. Характеристика основных видов литературы;
5. Выделение основных концептуальных подходов к исследованию проблемы;
6. Выделение авторов, внесших наибольший вклад в изучение проблемы, и их главных работ;
7. Выделение основных аспектов предмета, которые изучались на каждом историографическом этапе;
8. Формулирование выводов – выделение аспектов, этапов и регионов в рамках объекта исследования, которые наименее изучены.

Определение предмета историографического анализа представляет собой сложную исследовательскую задачу. Она решается студентом под руководством преподавателя с учетом следующих классических правил.

1. Историографический анализ исторического исследования.

Предмет историографического исследования избирается таким

образом, чтобы он был как можно ближе к предмету конкретно-исторического исследования и содержал наибольший опыт его изучения:

А) предмет историографического анализа может совпадать с предметом конкретно-исторического исследования;

Б) предмет историографического анализа может быть шире предмета конкретно-исторического исследования в хронологическом аспекте;

В) предмет историографического анализа может быть шире в территориальном аспекте;

Г) предмет историографического анализа может быть шире в содержательном аспекте.

Д) Историографический раздел во введении начинается с формулировки предмета историографического анализа.

После определения предмета историографического анализа дается историко-библиографическая характеристика научной литературы по нему – обобщенная или с указанием точных количественных данных.

Например, изучению деятельности сословно-поземельных комиссий в Терской области в 40-70-х гг. XIX в. посвящено 6 монографий, 21 научная статья, 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций.

Пример обобщенной характеристики: Изучению деятельности сословно-поземельных комиссий в Терской области в 40-70-х гг. XIX в. посвящено несколько монографий, более двадцати научных статей, а также ряд докторских и кандидатских диссертаций. Приведение точной количественной характеристики является более желательным.

2. Выделение этапов в изучении предмета историографического анализа

Историографические этапы – это стадии изучения предмета историографического анализа. Хронологические рамки изучения истории проблемы определяются следующим образом:

– нижняя граница – дата выхода первой публикации, в которой предмет исследования впервые отражен в любой, даже самой незначительной степени (вплоть до простого упоминания);

– верхняя граница – дата выхода последней публикации по предмету исследования.

Хронологические этапы выделяются по трем критериям:

Первый – смена ведущих концепций в понимании предмета исследования. Например. 1. В дореволюционной историографии деятельность сословно-поземельных комиссий в Терской области в 40-70-х

гг. XIX в. рассматривалась как бесполезная трата бюджетных средств, поскольку они не имели решающего значения для принятия решений администрацией Терской области. 2. В советской историографии деятельность сословно-поземельных комиссий в Терской области в 40-70-х гг. XIX в. рассматривалась как инструмент колониальной политики царизма, который выполнял все заказы администрации Терской области. 3. В современной историографии деятельность сословно-поземельных комиссий в Терской области в 40-70-х гг. XIX в. рассматривается как необходимый механизм сбора материала, на основании которого администрация Терской области принимала решения по всем земельным и сословным вопросам.

Второй – существенное изменение социальных условий, влияющих на развитие интереса и количество публикаций по предмету исследования, т. е. изучение проблемы в условиях дореволюционного, советского и современного общества.

Третий – внутринаучные факторы, влияющие на развитие интереса и количество публикаций по предмету исследования (признание, например, предмета в достаточной степени изученным). Скажем, до начала 60-х годов XX в. имя и судьба Д. С. Кодзокова почти не упоминались в научной литературе. После выхода в свет монографии Т. Х. Кумыкова [2], которая открыла это имя широкой общественности, о нем появляются статьи в Москве, Тбилиси, Пятигорске, Нальчике, Орджоникидзе и других городах СССР. Новая публикация Т. Х. Кумыкова [3] снизила внимание, поскольку книга обстоятельно раскрыла жизненный путь и общественную деятельность Д. С. Кодзокова. С изменением общественно-политических условий работы ученых, изменились парадигмы осмысления деятельности дореволюционных чиновников. Работы С. А. Айларовой [4] открыли новые грани творчества и служения обществу Д. С. Кодзокова.

Историографические этапы изучения избранного предмета могут совпадать с этапами развития всей отечественной исторической науки, но могут и не совпадать. Главное здесь обосновать свою точку зрения об изменении известной периодизации, обязательно с указанием автора, при этом заявка должна быть по возможности тщательно аргументирована.

В начале текста историографического анализа предлагается общая периодизация процесса изучения предмета исследования с выделением только количества этапов и их хронологических рамок. Например: В изучении деятельности сословно-поземельных комиссий

в Терской области 40-70-х гг. XIX в. в отечественной историографии можно выделить шесть основных этапов: первый этап – с 1869 до середины 1880-х гг.; второй – с середины 1880-х до начала 20-х гг. XX в.; третий – с начала 20-х гг. XX в. до 1962 г.; четвертый – с 1962 до середины 80-х гг.; пятый – с середины 80-х гг. до начала 90-х гг. XX в.; шестой – с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время. Далее последовательно дается историографическая характеристика каждого этапа.

3. Анализ историографических этапов

Анализ каждого историографического этапа проводится по следующим аспектам:

- А) общая характеристика этапа;
- Б) выделение на каждом этапе основных видов научной литературы по предмету;
- В) характеристика основных видов научной литературы;
- Г) выделение основных аспектов предмета, которые изучались на каждом историографическом этапе;
- Д) выделение основных концептуальных подходов к исследованию предмета;
- Е) выделение авторов, внесших наибольший вклад в изучение предмета, и характеристика их главных работ.

При характеристике литературы необходимо указывать ее жанр – публицистическая, научно-публицистическая или научно-исследовательская литература. В рамках характеристики научно-исследовательской литературы необходимо при отсутствии специальной научно-исследовательской литературы выявлять литературу по более широким проблемам, а также литературу по взаимосвязанным темам, в которых предмет исследования изучался в качестве аспекта иных, более широких тем. При отсутствии специальной научно-исследовательской литературы, а таковой считается литература непосредственно по предмету историографического анализа, обязательной является характеристика публикаций по более широким или взаимосвязанным темам. Это характерно, как правило, для второго историографического этапа.

Таким образом, историографические этапы выделяются в познании объекта исследования по этапам перехода от публицистики к научно-публицистическим работам, а затем изучению объекта в рамках научных исследований по более широким темам. Как правило, лишь на третьем этапе появляются первые специальные научные исследования, обычно в виде научных статей.

Выделение группы авторов по изучаемым аспектам или по занимаемой позиции всегда сопровождается ссылкой на их основные работы – монографии или научные статьи. При этом не желательно, чтобы общее число публикаций в ссылке превышало пять работ. В конце этой ссылки ставится обычно «и др.», поскольку приводятся лишь основные работы.

При разделении историко-познавательного процесса на этапы следует учитывать влияние социально-политических условий, существенное изменение которых приводит к началу нового этапа в историографии объекта. Хотя в последнее время все чаще в качестве разделительной вехи между этапами указывают не 1917 год, а конец XIX – начало XX вв.

При характеристике новейшей отечественной историографии, которую можно начинать с середины 80-х или с начала 90-х в зависимости от реальных методологических изменений в изучении предмета и появления принципиально новой литературы, следует более подробно остановиться на характеристике вклада ведущих современных исследователей.

Общая характеристика этапа начинается с указания его хронологических рамок. Затем дается общая оценка его роли и вклада в дальнейшее изучение предмета по сравнению с предшествующим этапом. При необходимости указываются факторы, способствовавшие или препятствовавшие развитию исследований на данном этапе – общественно-политические условия, недоступность источников, утвердившееся в науке мнение о достаточной изученности предмета и др.

При характеристике каждого историографического этапа указываются качественные позитивные изменения в изучении данного предмета:

- А) появление первых публикаций по предмету;
- Б) появление первых научных публикаций;
- В) появление первых специальных научных публикаций;
- Г) появление первой монографии;
- Д) защита первых кандидатских и докторских диссертаций;
- Е) появление первых историографических публикаций;
- Ж) появление первых источниковедческих публикаций;
- З) проведение специальных научных конференций по предмету исследования.

Хочу обратить внимание на то, что на каждом историографическом этапе исследователь должен выделить основные виды на-

учной литературы. Дело в том, что в историографии существует иная классификация историографических источников, чем в исторической науке. Так после общей характеристики историографического этапа перечисляются основные виды научной исторической литературы, в которых на данном этапе отражалось изучение предмета:

А) специальная литература, т.е. литература непосредственно по предмету исследования или его аспектам;

Б) литература по более широким и взаимосвязанным темам, в которой предмет исследования рассматривался в качестве аспекта;

В) обобщающие фундаментальные исследования по истории России, в которых отражается господствующая на данном этапе концепция научного понимания предмета исследования как исторического явления;

Г) специальные историографические исследования по предмету;

Д) специальные источниковедческие исследования по предмету;

Е) специальные библиографические исследования по предмету;

Ж) справочные и энциклопедические издания;

З) докторские и кандидатские диссертации по предмету исследования.

При характеристике этапа называются лишь те виды научной литературы, в которых на данном этапе получал освещение предмет исследования. Отсутствующие виды литературы при характеристике этапа упоминать не принято.

При оценке вклада в изучение предмета тех или иных работ автора неправильным является перенесение акцента на нерешенные вопросы и на то, что автор не рассматривает в своем исследовании. Правильным является определение того, что внес нового и позитивного данный ученый по сравнению с предшественниками. Например, о Терской сословно-поземельной комиссии, работавшей под руководством Д. С. Кодзокова, упоминали М. М. Ковалевский, Я. В. Абрамов, М. Абаев, В. Н. Кудашев и др. Первым деятельность Кодзокова монографически исследовал Т. Х. Кумыков, привлекий богатейший архивный материал, который отложился в ЦГА СОАССР, ЦГА КБАС-СР, ГАКК, ВИА СССР, ЦГИА СССР. С. А. Айларова, используя новые методологические подходы и принципы объективности, историзма, целостности и системности, дала углубленную интерпретацию его общественно-политической позиции по целому ряду вопросов жизни населения Терской области.

Характеристика главных видов литературы начинается с тех видов литературы, в которых на данном историографическом этапе предмет исследования получил наибольшее освещение. При характеристике основного вида литературы, который внес наибольший вклад в изучение предмета, в первую очередь, перечисляются аспекты конкретно-исторического предмета исследования, получившие освещение в литературе данного вида.

Другие виды литературы характеризуются обобщенно по тем аспектам предмета, которые в них получили отражение. Более подробно характеризуются первые работы по каждому виду литературы (первое специальное исследование, первое историографическое, источниковедческое и т.д.). Таким образом, дается характеристика каждого историографического этапа.

Значительной спецификой обладает характеристика первого историографического этапа, а также современного этапа изучения предмета исследования, на которых и надо акцентировать внимание.

Характеристика первого историографического этапа освещения проблемы начинается с анализа публикаций современников. Так отмена крепостного права и рабских отношений у горских народов Терской области вызвала публикации в газетах «Кавказ», «Терские ведомости», журнале «Кавказское эхо» и других, в которых читателям предлагались фотографии-зарисовки о действиях администрации Терской области по ограничению и ликвидации феодальных отношений в регионе. Для первого историографического этапа характерно первоначальное отражение предмета исследования не в научной литературе, а в публицистике, в рамках которой задаются первоначальные подходы и общие характеристики предмета исследования как исторического явления.

При характеристике современного историографического этапа следует обратить внимание на определение его начального хронологического рубежа по данному конкретному историческому предмету. Начало современного этапа должно определяться появлением первых публикаций в первой половине 90-х годов, в которых данный предмет впервые рассматривается не с позиций советской историографии, а с принципиально иных методологических позиций по изучению данного предмета.

Обосновываются новые концептуальные подходы, которые противопоставляются методологическим подходам советской историографии. Приводятся авторы и работы по каждому новому подходу. Дает-

ся оценка степени разработанности и исследовательской перспективности новых подходов. Если возможно, выделяется ведущий подход, к которому склоняется наибольшее число исследователей.

4. Формулирование выводов историографического анализа

Историографический раздел введения в обязательном порядке завершается историографическими выводами. Они содержат в себе характеристику степени изученности предмета конкретно-исторического исследования по аспектам, а также по хронологическим этапам. Перечисляются сюжеты, получившие наибольшее освещение, менее изученные, а также вопросы, совсем не исследованные. Также отмечаются те этапы штудирования проблемы, которые в наибольшей степени освоены, и те, которые изучены недостаточно или не изучены совсем. Соответственно, дается характеристика степени изученности предмета исследования, например, по округам Терской области, Северному Кавказу, с выделением наименее исследованных сторон вопроса трансформации социальных отношений у горских народов. После этого выделяются аспекты, этапы и округа, которые, по мнению исследователя, нуждаются в дальнейшем изучении. Таким образом, с одной стороны, исследователь акцентирует внимание на том, что станет объектом его анализа, с другой, он фактически прогнозирует дальнейшее развитие науки.

Образцы историографических выписок:

Конкретно-исторического исследования: Например, Месяц С.И. Население и землепользование Кабарды (хозяйство на плоскости) // Труды по естественноисторическому обследованию Кабарды. В 3-х т. – Воронеж, 1928. Вып. 2. Т. 2. Работа переиздана. Месяц С.И. Население и землепользование Кабарды (хозяйство на плоскости). – Нальчик: КБГСХА им. В.М. Кокова, 2009. 133 с.

Сведения об авторе (на момент публикации):

- А) фамилия, имя, отчество;
- Б) годы жизни;
- В) сведения о государственной принадлежности (для зарубежных авторов);
- Г) научная степень и звание;
- Д) место работы и должность;
- Е) Жанр литературы – беллетристика, научно-популярное издание, публицистика, научно-публицистическая работа, научно-исследовательская работа, учебная литература, справочно-энциклопедическое издание.

Ж) Вид исследования – монография, статья, тезисы.

З) Предмет исследования.

Ответ на эти вопросы поможет определить: 1. историографическую базу исследования, т. е. круга литературы (научной, публицистической и т.д.), на которой построено исследование; 2. теоретико-концептуальную основу исследования: традиционное историческое сознание, формационная, цивилизационная, или модернизационная концепции, системный подход; 3. главную проблему, которую ставит или не ставит, но подразумевает автор.

Конечно, процесс историографического анализа не свободен от мировоззренческих и политических пристрастий, но при этом нельзя забывать о принципах историзма, объективности, синтеза разноплановых и внутренне противоречивых источников или точек зрения. В связи с этим значительно расширяются возможности использования потенциала всемирной компьютерной сети, огромным достоинством которой является оперативность получения информации и интерактивность. Многие аспиранты и соискатели сегодня предпочитают работать в Интернете, используя обилие его возможностей при поиске новой литературы и публикаций, чем в фондах библиотеки.

Для них мы рекомендуем использовать ресурсы глобальной сети: Государственная историческая библиотека – [http://www.shpl.ru\(docdeliv\)list/cont_hist.htm](http://www.shpl.ru(docdeliv)list/cont_hist.htm); Российская государственная библиотека в Москве – <http://www.rsl.ru>; Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге – <http://www.ner.ru>; <http://www.history.perm.ru/> и др.

Использование ресурсов новых информационных технологий показывают их преимущества. Они позволяют сочетать проблемное и ситуативное моделирование деловых игр, многовариативность и альтернативность изучения исторических событий и фактов.

Новые информационные технологии существенно расширяют творческий потенциал исследователей, помогают выйти за пределы традиционной модели изучения проблемы, развивают умения молодых исследователей анализировать избранную тему. Интерактивные возможности всемирной компьютерной сети позволяют формировать предмет своего поиска, добиваться результата, проверять его и использовать на основании намеченной цели. Можно выделить несколько уровней использования Интернет – ресурсов в историографическом обзоре:

1-ый помогает аспиранту найти справочную или учебную информацию по какому-либо вопросу.

2-ой, более высокий уровень использования Интернета основывается на поиске в сети оригинальных научных работ по той или иной исторической проблеме. В этом случае в выигрыше те, кто хорошо знают иностранные языки, могут найти и перевести статьи на интересующие темы. Это позволяет ознакомиться с последними достижениями исторической науки, помогает понять не только общеизвестные и общепринятые отечественные концепции, но и зарубежные исследования и подходы.

3-ий подход связан с поиском, копированием и установкой программных продуктов (бесплатных или платных, демоверсий), без которых сегодня нельзя представить работу в соответствующих областях деятельности. В таком ракурсе в данном курсе используются мультимедийные и интерактивные программы общего характера: Династия Романовых. Три века Российской истории. Историческая энциклопедия. – М., Коминфо, 1997; Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. В 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами и др.

Обратной стороной доступности информации является наличие в сети многочисленных сайтов: – www.referat.ru; <http://dali.orgland.ru>; [tsd.referats](http://tsd.referats.ru); www.east-siberia.ru и других, с банком готовых рефератов, дипломных и диссертационных работ по различным вопросам истории, скачивая которые, молодые ученые самоустраиваются от исследовательской работы.

Примечания:

1. Шеуджен Э. А. Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. – С. 5-7.
2. Кумыков Т. Х. Жизнь и общественная деятельность Л. М. Кодзокова. Нальчик, 1962.
3. Кумыков Т. Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.
4. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. Владикавказ, 2002; Айларова С. А. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ, 2003; Айларова С. А., Тебиева Л. Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (кон. XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008.

С. Р. ЧЕДЖЕЛОВ,
дин, профессор Северо-Осетинского государственного
университета им. К. Л. Хетагурова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА И ИДЕИ «МАТЕРИНСКОЙ ШКОЛЫ» В ПЕРВОЙ ОСЕТИНСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

После Февральской (1917 года) революции в обстановке все возрастающей политической активности народных масс все отчетливее проявлялись тенденции осетинского учительства к выработке концепции развития системы народного образования. Уже в мае 1917 года среди осетинской интеллигенции возникает идея о созыве Всеосетинского учительского съезда с целью выработки общей педагогической политики, которую следовало проводить в школах Северной и Южной Осетии. Предстоящий съезд являлся насущной необходимостью, ибо в сложившейся политической обстановке наблюдался известный паралич власти, в том числе и в вопросах развития народного образования.

К рассматриваемому периоду осетинская интеллигенция полностью созрела для принятия собственной концепции строительства национальной школы. Для этого сложились необходимые политические и социально-культурные предпосылки [1, 334-335]. Для организации созыва съезда было образовано специальное бюро, в которое вошли видные представители осетинской интеллигенции, ряд лет занимавшиеся учительской деятельностью. Это были Б. Алборов, Ц. Амбалов, М. Гарданов, Н. Газданова, Г. Гуриев, Г. Дзагуров Т. Дзахсорова, С. Тибилов, А. Тотоев, С. Тхостов, Х. Уруймагов и другие. Председателем бюро был избран Б. А. Алборов.

Как явствует из данного перечня лиц, в состав бюро вошли как представители осетинского учительства Осетии среднего возраста – М. К. Гарданов, Х. А. Уруймагов, Т. Н. Дзахсорова, так и молодые пе-

дагоги, имевшие высшее образование, – Б. А. Алборов, Г. А. Дзагуров и другие [2, 145-147]. Было решено созвать съезд 10 июля 1917 года во Владикавказе. Для того чтобы в его работе приняло участие как можно больше представителей педагогических коллективов, бюро по созыву съезда приняло специальное обращение, написанное на русском и осетинском языках, в котором говорилось:

«Граждане учителя Северной и Южной Осетии!

Настало время строительства новой, лучшей жизни. С большим упованием и надеждой взирает на вас наш край родной, наш бедный народ, а еще более – родная развалившаяся школа. Вам хорошо известно, что в последней не все налажено, не все благоустроено, что окончившим ее она дает очень и очень мало. Известно вам также, что громадное большинство оканчивающих начальную школу не продолжает образование и вскоре забывает почти все приобретенное за годы учения.

Небезызвестно вам, вероятно, и то, сколько труда и энергии нужно приложить окончившим, чтобы успевать в науках так же, как успевают окончившие благоустроенную народную школу. Это явление объясняется, во-первых, несовершенством программы нашей начальной школы, а, во-вторых, недостаточной подготовленностью преподающих в ней. До сих пор, как на причину недостатков нашей школы мы ссылались на старый ненавистный режим, который не давал возможности проявить свою инициативу в деле обновления родной школы.

Теперь в этом направлении не встречается больше никакой помехи. Пора указать на слабые, больные места своего народа и залечить его старые раны, нанесенные проклятым прошлым, чтобы ярко проявить свою национальную физиономию среди культурных народов.

Школа – путь к свету и счастью, могуч и силен тот народ, у которого она стоит на должной высоте. Передовые нации отлично знают это и прилагают все свои силы к улучшению постановки народного образования. Пора и нам наладить школьное дело. Чем больше будем медлить, тем больше нас будут угнетать разорительные пережитки старины: калым, поминки, кровная месть и др.

Граждане учителя Северной и Южной Осетии!

Кто из вас страдает при виде народного горя, кто стремится к процветанию национальной школы, тот пусть явится 10 июля с. г. в г. Владикавказ на Первый Всеосетинский Учительский съезд, программа которого следующая:

I. Критический обзор программ преподавания в начальной осетинской школе: а) предметы преподавания, б) объем и содержание отдельных предметов, в) их образовательная и воспитательная ценность, г) метод обучения и преподавания.

II. Желательный тип низшей осетинской школы: а) предметы преподавания, б) объем и содержание отдельных предметов, в) их образовательная и воспитательная ценность, г) методы обучения и преподавания.

III. Подготовка преподавателей низшей школы: а) преобразование Ольгинского приюта и Ардонской семинарии, б) открытие новых педагогических заведений и курсов, в) педагогические съезды, музеи, журналы и библиотеки.

I. Объем и содержание курса Осетиноведения в низшей, средней и педагогической школах: а) осетинский язык, б) осетинская письменность и словесность, в) история осетинского народа, г) география Осетии, д) этнография, е) археология, ж) обычное право.

II. Критический обзор учебников и книг для чтения на осетинском и русском языках: а) букварь, б) после букварные книги для чтения, в) грамматика, г) словари, д) беллетристика и книги научного содержания, е) наглядные пособия.

III. Установление единообразной графики.

IV. Установление единообразной орфографии.

V. Дошкольное и после школьное воспитание и образование: а) детские сады, б) площадки, в) часы рассказывания, г) библиотеки, д) курсы для взрослых, е) чтение, ж) лекции, з) народные дома, и) театр, библиотеки и читальни, к) экскурсии.

VI. Открытие новых низших, средних школ и высшего учебного заведения по кавказоведению с кафедрой по осетиноведению.

VII. Управление осетинской школой.

VIII. Вопросы общественно-политические.

Граждане учителя Северной и Южной Осетии!

Не поленитесь принять дополнительное участие в общей творческой работе, не уклоняйтесь без достаточного основания, каждому из вас будет заготовлена бесплатная квартира, по мере сил и возможностей проявим к вам обычное гостеприимство.

Желающих принять участие в съезде просим сообщить об этом заблаговременно, чтобы заготовить ко дню приезда все необходимое каждому из участников.

Лиц, желающих выступить на съезде с письменным докладом, просим прислать оный в бюро Съезда для ознакомления. Тех, кто не

в состоянии будет этого сделать, а также и тех, которые намерены выступить с устным докладом, просим прислать заранее тему и основные тезисы доклада» [3, 1].

Данное обращение-воззвание было разослано во все школы Северной и Южной Осетии. Изучив его текст, мы можем утверждать, что оно по своей сути явилось тщательно составленной широкой программой действия осетинских педагогов. Мы можем с полным основанием также утверждать, что члены бюро по созыву съезда проделали громадную и кропотливую научно-редакционную работу, обобщив все рациональные предложения и замечания по преобразованию системы народного образования, которые высказывались многими видными представителями осетинской культуры. Эти замечания и предложения были выделены в качестве вопросов повестки дня съезда.

После опубликования воззвания повсеместно в Северной и Южной Осетии развернулась широкая педагогическая дискуссия. В ней приняли участие не только непосредственно педагоги, но и широкие круги осетинской интеллигенции, усилиями которых по благотворительной подписке были собраны необходимые для проведения съезда денежные средства.

Негативный отпечаток на планы проведения съезда наложило осложнившееся политическое положение в стране, обусловленное сменой относительно мирового периода развития событий в условиях двоевластия. 5 и 6 мая в Осетии прошла волна беспорядков и террора, в результате чего многие учителя побоялись отправиться на съезд. Именно поэтому на съезд прибыло всего лишь 2 делегата от учительства Южной Осетии.

В первый день съезда, 10 июля 1917 года, с докладом «Желательный тип начальной школы в Осетии: предметы преподавания, объем и содержание этих предметов» выступил Харитон Уруймагов. В своем докладе он критиковал школу прошлого, которую называл «узницей, полицейским участком, фабрикой сухих и бездушных маленьких чиновников». Х. Уруймагов обосновал ряд принципиальных положений, которые, по его мнению, должны стать основой новой системы народного образования в случае ее принятия на съезде. После их тщательного обсуждения съезд принял программные положения.

Съезд постановил, что осетинская начальная школа должна быть национализирована, т.е. основана на тех элементах и фактах, которые служат признаками той или иной нации (общность происхождения,

общность языка, быта, обычаев, исторического прошлого). Основой обучения в школе предполагался родной язык, на котором планировалось вести преподавание учебных предметов. Родным языком в школах, расположенных в иронских селениях, признавался иронский, а в дигорских – дигорский диалект осетинского языка.

В курсе начальной осетинской школы съезд наметил ввести кроме родного языка следующие предметы: природоведение, арифметику, геометрию, русский язык, историю, географию, рисование, законоведение (предметы называются в том порядке, в котором они перечисляются в материалах съезда – С. Ч.). Русский язык был признан съездом в качестве государственного языка. Его изучение планировалось ввести в обязательном порядке, начиная со второго полугодия второго года обучения, а там, где имелись необходимые условия, т.е. дети владели русским языком, со второго полугодия первого года обучения.

В результате квалифицированного обсуждения предполагаемых предметов школьной программы, в нее были внесены такие школьные дисциплины, как пение, гимнастика и рукоделие, которые были, наряду с вышеназванными предметами, объявлены обязательными образовательными предметами.

Неоднозначная оценка делегатами съезда была дана законоведению. Часть педагогов выступала против его введения в школьную программу, мотивируя свое решение тем, что сам по себе предмет этот является весьма сложным и, кроме того, его объем и содержание были для большинства школ и учителей делом неясным. Учитывая это обстоятельство, съезд ввел законоведение в качестве необязательного предмета школьной программы. Съезд отверг предложение о введении в школьную программу обществоведения (социологии) как самостоятельного предмета. Было решено несколько уроков обществоведения проводить в начальной школе за счет уроков истории.

Во время второго дня работы съезда внимание его участников было обращено на вопросы воспитания и образования в начальной осетинской школе. По данному вопросу высказывались делегатами три вида суждений:

1. Основной формой воспитания в школе является общественное воспитание.
2. Основной формой воспитания подрастающего поколения является трудовое воспитание.
3. Основной формой воспитательной работы является воспитание на основе осетинских традиций.

На основании речи М. Ю. Гадиева, съезд принял резолюцию, в которой говорилось:

«Осетинская школа стремится к созданию свободной личности ребенка, так, чтобы питомец школы был свободен к дальнейшему совершенствованию, был бы подготовлен к борьбе за существование в специфических условиях осетинской жизни.

Осетинская школа и внутренней организацией, и системой образования должна воспитывать в своих питомцах, с одной стороны, – чувство общности, любовь к обществу, к своему народу, к людям, к человеку вообще, с другой стороны – воспитать любовь к труду, уважение к труду – будь то физический или умственный» [1, 2-3].

Вопрос о воспитании на основе осетинских традиций был снят с повестки дня съезда ввиду того, что, как отмечалось в материалах съезда, «участники съезда не были подготовлены к его обсуждению». Однако думается, что в действительности дело обстоит несколько иначе.

Сам факт вынесения на обсуждение делегатов вопроса о воспитании, на основе осетинских народных традиций, свидетельствует о том, что вопрос этот был весьма актуален и некоторые делегаты съезда предлагали его для рассмотрения, но большинство делегатов было не в состоянии правильно оценить необходимость такого воспитания, в результате чего вопрос с повестки дня съезда был снят. К сожалению, эта проблема не решена в должной мере и в настоящее время, что позволяет нам убедиться в необычайной актуальности идей, выдвинутых на съезде/

Съезд констатировал, что начальная осетинская школа должна иметь окончанный курс, после прохождения которого дети свободно могли бы переходить в школу второй ступени для продолжения своего образования. Курс начальной осетинской школы был определен в шесть лет. Был установлен минимальный возраст учащихся, необходимый для поступления в школу. Максимальный предел в возрасте не устанавливался, чтобы обеспечить возможность начать свое образование всем детям.

На съезде был определен тип школы. Был провозглашен смешанный тип, т.е. мальчики и девочки должны были обучаться вместе. Предполагалось ограничить количество учащихся – 30 учеников на одного учителя в классе. Однако ввиду крайней недостаточности кадров учителей, было решено увеличить количество учащихся до 40 в

классе. Согласно рекомендации съезда, каждый класс должен иметь определенного учителя, который в своей работе учитывал бы принцип индивидуальности в обучении и воспитании ребят.

Делегаты съезда посчитали, что система отметок, переводных и выпускных экзаменов не имеет под собой никакого научного и общественного обоснования и является лишь результатом педагогической бюрократической теории. В силу этого в новой осетинской школе предполагалось не экзаменовать учащихся, не подвергать их какого-либо рода наградам и наказаниям, а также по окончании школы не выдавать выпускникам никаких свидетельств с отметками. Было решено, что по окончании школы выпускник будет получать лишь удостоверение или ярлык о прохождении обучения учеником такой-то школы.

Третий день работы съезда ознаменовался обсуждением доклада, с которым выступил Б. А. Алборов с докладом «Об установлении единообразной осетинской графики». Было решено, что за основу осетинского алфавита будет взят русский алфавит, причем были одобрены добавочные к русской графике знаки, заимствованные из других алфавитов.

Во время работы четвертого дня съезда обсуждался доклад Г. А. Дзагурова «К вопросу об установлении единообразной осетинской орфографии». Ввиду ограниченности во времени съезд постановил детальные разработки вопросов, связанных с новым осетинским алфавитом, передать на рассмотрение специальной комиссии образованной съездом. В этот же день единодушно постановили составить приговоры о преобразовании церковных школ в министерские и обратиться к Дирекции народных училищ с просьбой о выделении средств на содержание этих школ.

Была послана телеграмма в Москву в адрес делегатов Всероссийского съезда учителей церковно-приходских школ, в которой приветствовалось российское учительство и выражалась надежда на установление всеобщего светского образования в стране и о переходе всего дела народного образования в ведение органов местного самоуправления.

По докладу Х. А. Уруймагова «Об управлении осетинской школой» обсуждалась предполагаемая структура народного образования в Осетии и, в частности, школы. Согласно ее основным положениям, во главе школьной системы в Осетии утверждался Совет, в состав которого входил министр и выборные от губернских организаций.

Задачей Совета было изучение вопросов, связанных со школьным и внешкольным образованием, внесение собственных предложений на рассмотрение правительства. В мелкой земской самоуправляющейся единице школьным делом должен был заниматься школьный Совет при местной управе с аналогичными функциями, что и те, о которых мы писали выше. В каждой школе предполагался школьный Совет в составе учительского персонала, врача и представителей от населения.

Пятый день работы съезда был посвящен детальному рассмотрению вопросов управления школой. Было решено, что всеми делами народного образования в Осетии будет заниматься Училищный Совет, состоящий из пяти членов. Трое должны были избираться непосредственно на самом учительском съезде, а двое – Окружным гражданским комитетом. Училищный Совет был наделен правом кооптации. Главной задачей этого органа управления народным образованием определялась съездом как осуществление всеобщего, обязательного и бесплатного начального обучения. Широкое обсуждение в этот день съезда вызвали вопросы преобразования Владикавказской Ольгинской женской школы и Ардонской духовной семинарии.

15 июля, на шестой день работы съезда, было решено созывать педагогические съезды не реже одного раза в год. Проводить их было рекомендовано во время летних каникул, также предполагалось открыть педагогический музей и издавать осетинский педагогический журнал, который планировалось издавать на осетинском и русском языках.

С докладом об имеющихся в распоряжении школ учебниках выступил на съезде Алмахсит Кануков – составитель осетинского букваря. Он проанализировал те методы, которые использовались учителями в работе с учащимися. Лучшим для постижения осетинской грамоты докладчик считал звуковой метод обучения с применением анализа и синтеза. В этот же день участниками работы съезда был заслушан доклад делегата из Южной Осетии Бидзина Кочиева – автора другого осетинского букваря. Составленный им букварь был построен по тому же звуковому методу, что и букварь А. Канукова, но в нем более последовательно осуществлялся принцип обучения чтению и письму. Делегаты, отметив присущие обеим книгам недостатки, поручили Училищному Совету детально рассмотреть все вопросы, связанные с их доработкой и исправлением.

С большим вниманием был заслушан доклад Измаила Баева, посвященный вопросам внешкольного образования в Осетии. Это объяснялось особой актуальностью данной проблемы. Докладчик отмечал, что «демократия стремится к тому, чтобы начальное школьное образование было всеобщим, бесплатным и принудительным, но этим еще не исчерпывается народное образование. Есть целая область дошкольного образования, есть другая область послешкольного образования».

О необходимости организации экскурсий учащихся с целью укрепления их здоровья и закрепления знаний по таким предметам, как естествознание, география, родиноведение говорила в своем докладе С. Тхостова. Подводя итоги выступлений, съезд принял следующую резолюцию:

«Всеосетинский учительский съезд, заслушав доклады И. Баева о внешкольном образовании и С. Тхостовой о Кавказско-горском музее и об образовательных экскурсиях и, обсудив эти доклады, признает неотложно необходимым возможно скорую организацию внешкольного образования в Осетии. Съезд призывает всю семью осетинских культурных и общественных деятелей к немедленной работе над поднятием политической сознательности, над поднятием уровня просвещения и воспитания путем повторно-дополнительных курсов, народных лекций, образовательных экскурсий и т.п.

Съезд выражает надежду, что будущее самоуправление, как один из насущных задач момента, поставит на очередь покрытие Осетии сетью народных домов, как центров внешкольного образования и воспитания».

16 июля проходил седьмой день работы съезда. Обсуждался вопрос о создании в Осетии низших (начальных – С. Ч.), высших начальных (неполных средних – С. Ч.) и средних учебных заведений с целью организации непрерывной системы школьного образования и воспитания. Помимо этого было решено открыть фельдшерскую школу для удовлетворения нужд общества в людях с медицинским образованием. Для распространения профессиональных знаний было признано необходимым открыть профессиональные школы. Было решено также открыть высшее учебное заведение универсального типа, в котором организовать кафедру осетиноведения.

В этот же день были заслушаны программы учебных предметов и доклад председателя графической комиссии Б. А. Алборова о графике осетинского языка. Участники работы съезда единогласно приняли

предложение организовать Северо-Осетинский Учительский союз. Руководящим органом Союза учреждалось бюро, местопребыванием которого был Ардон. В бюро были избраны Т. Габуева, О. Туаева, З. Амбалова, А. Уруймагов, А. Тотров. В ревизионную комиссию избрали Х. Уруймагова, В. Абаева и А. Гиоеву.

Осетинский учительский союз на съезде был провозглашен преемником существовавшего в начале XX века «Общества взаимопомощи учащихся». Оставшиеся после его закрытия денежные средства было решено передать вновь образованному Союзу. Съезд выразил решимость всей осетинской интеллигенции развернуть работу по представлению женщине-осетинке надлежащего места в семье и в обществе.

Подводя итоги оценки работы съезда, необходимо отметить, что он явился крупным, поистине историческим событием в истории Осетии благодаря тому, что на нем, по сути дела, была разработана концепция развития народного образования. Значение Первого Всеосетинского учительского съезда, аккумулировавшего педагогическую мысль интеллигенции Северной и Южной Осетии, воззрения видных представителей осетинской культуры на проблемы народного просвещения, вплоть до нашего времени, не было по достоинству оценено. Этому есть множество причин. Главная, на наш взгляд, заключается в том, что его подлинно демократический, новаторский дух не мог быть принят в обстановке излишней идеологизации нашего общества.

Многие положения, выдвинутые на съезде, например предложения об отмене оценок и переводных экзаменов, воспринимались долгие годы как крамола и несуразица, и только в наши дни, когда повсеместно в стране набирают силу идеи педагогики сотрудничества и производные от, так называемой, болонской образовательной системы зачетные единицы, они переживают как бы свое второе рождение.

Примечания

1. История Осетии: в 2 томах. Том 2. История Осетии в XIX – начале XX века / Под редакцией З.В. Кануковой. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012.

2. Канукова З.В. Осетинское Историко-филологическое общество//Известия СОИГСИ. Вып.1 (40). 2007.

3. Научный архив СОИГСИ им. В. А. Абаева. Ф.10. Оп. 1. Д.28. Труды I Всеосетинского учительского съезда.

З. Б. ЦАЛЛАГОВА**дпн, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)**

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Образование подрастающих поколений, обеспечивая механизм трансляции этнического наследия новым поколениям, призвано, вместе с тем, обеспечить и интеграционные процессы, заложить основы для понимания и общения с другими культурами, нацеливать на умение поддерживать и развивать диалог культур. Этим воспитательным задачам как нельзя лучше отвечает процесс этнопедагогизации средней школы и вуза, в ходе которой оптимально решаются задачи кросс-культурного образования, формирования культуры межнациональных отношений, воспитания межэтнической толерантности. Сравнительно-сопоставительное рассмотрение народно-педагогических знаний разных народов, исключает навязывание тех или иных ценностей, межнациональную нетолерантность, способствует не только выявлению общности духовных истоков разных этносов, но и наглядно иллюстрирует, что именно в диалоге культур проявляется духовность этноса, его гуманистические ценности.

Наблюдения показывают, что эффективность работы по реализации воспитательного потенциала народной педагогики как фактора формирования межнациональной толерантности возрастает при проведении специальной учебно-воспитательной работы на уроках по предметам гуманитарного цикла, подключении межпредметных связей, раннем начале формирования культуры межнациональных отношений, учете возрастного фактора, учете индивидуальных особенностей каждого школьника, специфики учебных коллективов.

Особенно важно проведение такой работы в периоды социально-экономической нестабильности, которая сопровождается социальной дифференциацией граждан, ожесточенной борьбой за власть, преступностью, отсутствием надежных механизмов правовой защиты населения, обострения этнического экстремизма. Перечисленные факторы способствуют нарастанию попыток разрешения возникающих общественных проблем силовым путем со стороны оппозиционно настроенных к власти этнических общностей. Именно по этому поводу говорил Вольфрам Вейднер: «Националисты не могут быть довольны до тех пор, пока не найдут кого-нибудь, кто их обидит». Наиболее радикальные настроения на этнической основе чаще всего возникают среди молодежи, не имеющей устоявшихся мировоззренческих ориентиров. Именно поэтому так важна соответствующая профессиональная и этнокультурная компетентность педагога, осознающего, что одной из главных причин этнического экстремизма являются взаимные территориальные притязания этносов, которые обусловлены: историческим прошлым этносов, нечеткостью или отсутствием демаркации существующих границ, возвращением на историческую родину ранее депортированного этноса, расчленением этноса между разными государствами и др. Обостряется этнический экстремизм и политическими причинами (борьба за власть между различными этническими группами на местном или региональном уровне, борьба этноса за свой политический статус или за полную государственную независимость).

В связи с серьезностью проблемы во всем мире уделяется огромное внимание оздоровлению социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся основными источниками этноконфликтов, а также моделированию различных сценариев возникновения и развития этноконфликтов, своевременному принятию оперативных мер по их нейтрализации на глобальном и региональном уровнях, а также усилению этнокультурного компонента содержания образования. Именно образовательные институты в такой ситуации наиболее эффективно могут проводить воспитательную работу по формированию толерантных, благоприятных межэтнических отношений. Особенно результативно при осуществлении такой работы обращение к народно-педагогическому наследию. Школа как социальный институт общества, использующая этнопедагогические традиции как содержательную основу учебно-воспитательной работы, может внести существенный вклад в воспитание толерант-

ных межэтнических отношений. И если взрослых людей, стреляющих друг в друга из-за националистических установок, мирить может быть поздно, то детям просто необходимы примеры и образцы эталонного толерантного поведения и мироосознания. С младших классов необходимо развивать у школьников такие нравственные чувства, как уважение и любовь не только к своей родине и своему народу, но и другим странам и народам.

В условиях переосмысления ценностей человечества и наций общество вновь обращается к культурному наследию каждого народа, что приводит к необходимости возрождения этнопедагогической культуры, духовных и нравственных ценностей, обычаев и традиций каждого народа. Важную роль играет неоспоримое утверждение Константина Дмитриевича Ушинского: «Воспитательные идеи каждого народа проникнуты национально более, чем что-либо другое».

В педагогической теории и практике проблема сущности, цели, задач воспитания этнической толерантности получила широкое развитие. Важность такого воспитания подчеркивали в своих работах Я. А. Коменский, И. Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко и другие. В современной отечественной педагогике формирования этнической толерантности рассматривается как процесс превращения социально и государственно значимых требований общества во внутренние стимулы личности (Н. И. Болдырев, Э. П. Козлов, И. А. Липкина, Н. Т. Трофимова, И. Ф. Харламов, М. Г. Яновская и др.).

Ученые среди основных средств воспитания толерантной личности называют включение учащихся в различные виды деятельности и в систему общественных отношений, передачу социального, этнического опыта новому поколению, внесение в его сознание мировоззренческих идей, знаний о моральных принципах и нормах, формирование ценностных ориентаций, знакомство с историей родного края, историко-культурными и природными памятниками в русле диалога культур и цивилизаций.

В начальной школе в силу специфики возраста (ярко выраженная необходимость в нравственном и поведенческом идеале, эмоциональность, восприимчивость, непосредственность в восприятии фольклорной образности и т.д.) привитие соответствующих моральных и поведенческих установок, осознание себя гражданином не только малой родины, республики, но и всей страны происходит наиболее гармонично. Однако между целями и задачами такого воспитания и

практическим их воплощением в современном обществе существует ряд противоречий. Одно из них касается социального аспекта воспитания и выражено в падении прежних и отсутствии новых идеологических норм, на основе которых формировалось бы этнокультурное сознание подрастающего поколения.

Очевидна необходимость преодоления противоречия современной общественной жизни, обусловленного тем, что школьники ориентируются на нравственный идеал патриота, достойный подражания, но потоки современной псевдо культуры искажают представления о патриотизме и формируют в сознании школьников иллюзорные суррогатные приоритеты, что затрудняет выполнение педагогических задач.

Между тем, задача воспитания гражданина и патриота, знающего и любящего свою Родину, свою малую родину, свой народ не может быть выполнена без приобщения к духовным богатствам своего народа. Особенностью народной культуры является то, что в условиях постоянно меняющихся исторических ситуаций, уклада общественной жизни, она не подвержена коренной трансформации, она стабильна благодаря вековому отбору жемчужин народной мудрости. Поэтому этнокультура – это и источник обновления содержательной основы современного воспитания, и традиционное этническое средство формирования толерантной личности.

Все проявления материальной и духовной жизни этноса нашли свое образное отражение в народном творчестве, обращение к которому в современной педагогике может позволить решить социальные, общекультурные, экологические, нравственно-эстетические проблемы. Однако, меры по решению проблем трансляции этнокультуры часто носят несистемный, нецеленаправленный характер. Проблема заключается в наличии противоречий между необходимостью приобщения школьников к основам национальной культуры и недостаточной разработанностью подходов к решению задач нравственного воспитания на основе народных традиций.

Обобщение современного опыта педагогической работы по формированию в структуре личности школьников этнической толерантности показывает, что наиболее эффективен этот процесс, если:

- будет выявлен нравственный потенциал и система гуманистических ценностей содержания этнокультурных традиций того или иного народа в связи с мировой культурой;

- этнический компонент содержания воспитания, реализуемый в учебно-воспитательном процессе школы, стимулирует развитие и становление представлений о своей принадлежности к этнокультуре и о месте этой культуры в ряду других этнических культур;

- целенаправленно осуществляется приобщение учащихся к этнокультурным традициям в сочетании с обеспечением исторической грамотности учащихся, их широкого историко-этического просвещения, развитием способности понимать себя и другого человека в качестве субъекта определенной этнической культуры;

- учащиеся включены в активные и разнообразные виды учебной и внешкольной деятельности, ориентированной на формирование не только национального самосознания, но и общегражданского сознания.

Эффективность такой работы возрастает при раннем начале формирования культуры толерантности; нацеленности на активное усвоение соответствующих разделов содержания образования по предметам гуманитарного цикла; проведении специальных факультативных занятий, подключении межпредметных связей, способствующих организации глубокого восприятия этнопедагогического материала. Важным залогом успешности процесса является достаточная психолого-педагогическая подготовка учителя для работы с соответствующим материалом, позволяющим на всех степенях образования вести межкультурный диалог – надежное и верное средство продвижения к истине, прозрению и мудрости, ибо в различии этнических культур важно видеть достоинство, а в их диалоге видеть форму истины более высокого порядка. Это тем более важно, что «в народных культурах нет материала для межнациональной розни. Этнопедагогический диалог, диалог культур подчеркивает межнациональное, общечеловеческое в духовно-нравственных ценностях народов. Народы говорят на разных языках, но духовно они очень близки друг другу» (Г.Н. Волков).

Методически полноценное использование народной педагогики в школе – оптимальный путь формирования в воспитанниках толерантности, а также средство формирования личности, для которой гармония и мир являются очень важными ценностями. Предлагаемые пути знакомства с этнопедагогическим наследием народов готовят школьника к жизни и деятельности в определенном этнокультурном пространстве, знакомят с интегрированными знаниями по

истории, этнологии, культуре. В них нет навязывания тех или иных ценностей, создаются лишь условия для их понимания и выбора, что исключает межнациональную нетолерантность, конфликты на почве неприятия, протеста.

Вместе с тем, взаимосвязь национально-регионального компонента содержания образования с межэтнически ориентированным обучением и воспитанием школьников в контексте диалога культур будет способствовать:

- получению образовательной информации об уникальности культуры родного народа, его места в контексте мировой цивилизации;
- осознанию толерантности и ненасилия как гуманистических ценностей, открывающих дорогу к сближению и диалогу культур, взаимопониманию народов, составляющих единое и целостное человечество; формированию на их основе таких качеств как терпимость, открытость, уважение к культуре других народов и др., необходимых для межкультурной коммуникации;
- формированию личности, способной к осознанному сотрудничеству, взаимопониманию, диалогу с другими людьми, в том числе и представляющими другие этносы;
- воспитанию подрастающих поколений в духе международного взаимопонимания и сотрудничества, уважения прав человека, идей и принципов демократии, нацеленности на содействие выработке цивилизованных форм межэтнических отношений.

Предлагаемый подход способствуя тотальным сравнительным сопоставлениям, позволяет внедрять энциклопедически широкий по охвату явлений действительности материал в самые разные воспитательные системы, рекомендации, способные реально содействовать формированию заданных качеств в структуре личности учащихся. Активное использование его в процессе этнопедагогизации учебно-воспитательного средней школы способствует не только выявлению общности духовных истоков разных этносов, но и наглядно иллюстрирует, что именно в диалоге культур проявляется духовность этноса, его гуманистические ценности. Такие знания позволяют привести учащихся к пониманию взаимосвязи национальных духовных культур, умению мыслить аналитически, сопоставляя категории «частного» и «общего», «национального» и «межнационального», что способствует принятию общегуманистической позиции, воспитанию молодежи в духе мира, диалога культур.

Обозначенные образовательные критерии в национальной школе должны опираться на современные концепции и методики личностно ориентированного обучения и воспитания. Только глубоко индивидуальный подход, реальное обеспечение конкретных условий для развития природных способностей и задатков каждого ребенка, в структуре личности которого гармонично сочетаются гражданское сознание и национальное самосознание.

По мнению современных ученых, исследования которых вносят весомый вклад в отечественную образовательную теорию и практику, построение национально-регионального компонента образования в современной общеобразовательной школе, в том числе на начальной ступени обучения, должно опираться на следующие принципы:

1. Принцип региональности и этнологичности учебно-воспитательного процесса, который ориентирует на учет региональных особенностей (география региона в российском и мировом масштабе, знакомство с политическими, экономическими, социальными аспектами, физической картой и т.д.).

2. Принцип историко-культурной направленности, предполагающий основной вектор организации учебно-воспитательного процесса направлять в сторону изучения истории и культуры своего народа и своеобразные стороны в культуре народов, проживающих в данном регионе. В рамках данного принципа раскрывается историческая обусловленность тех или иных явлений прошлого и настоящего, фольклор, национальное искусство, обычаи и традиции. При этом само понятие «национальная культура» приобретает обширный, всеобъемлющий и многоаспектный смысл, как интегративная категория, объединяющая всевозможные аспекты идентификации социума в российской и мировой культуре. Данный принцип нацеливает на диалектический анализ места и роли своего народа и народов-соседей в общей культурной традиции России и всего мира. При этом важно отметить, что в системе содержательной реализации данного принципа необходимо опираться на идеи поликультурности и толерантности в образовании и воспитании, которые обеспечивают согласованность национального подхода с идеями формирования «представителя мировой культуры и цивилизации».

3. Принцип гуманитарно-ориентированного построения содержания образования, основанный на включении в региональное содержание образования знаний о человеке и обществе. Личностно-ориентированный подход позволит формировать у подрастаю-

щего поколения гуманистическое мировоззрение и гуманитарную грамотность, создать условия для самопознания, саморазвития и самореализации личности в системе поликультурности современного мира.

4. Принцип глобальности и комплексности учебно-воспитательного процесса, отвечающий за развитие целостного поликультурного мировоззрения, коммуникативных особенностей личности в современном мире, включающих преодоление языковых барьеров, религиозных, расовых, национальных. Данный принцип должен найти свое практическое воплощение в преподавании всех школьных дисциплин, выступать доминирующим фактором в определении содержания образования, привлечении информационных и коммуникативных форм и методов организации учебно-воспитательного процесса.

I. ИСТОРИЯ

РЁКО ИСАКА,
аспирант Токийского государственного университета
(г. Токио, Япония)

ОСЕТИНЫ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

В статье излагаются взгляды духовных лиц, включающие сведения о культуре и быте осетинского народа. Автор прослеживает основные этапы христианизации этноса.

Ключевые слова: культура осетин, религия, христианство, миссионеры, духовные лица.

В середине XVIII в. наступил поворотный момент в истории Осетии. В 1740-х гг. устанавливаются дипломатические отношения Осетии с Россией. В результате Белградского мирного договора, завер-

шившего Русско-турецкую войну 1735-1739 г., Северный Кавказ был объявлен независимым в качестве буферной зоны. Поэтому ни Российская, ни Османская империи не имели права вмешиваться прямо в дела Северного Кавказа [1, 17-18]. Чтобы обойти строгие условия договора, Российское правительство послало православную миссию из грузинских духовных лиц [2, 80]. Документы о миссии в Осетии хранятся в Государственном архиве (Российский государственный исторический архив, Архив внешней политики России и Российский государственный архив древних актов). В архивных документах обнаруживаются описания культуры осетинского народа. Уже в 1967 г. были опубликованы главные архивные материалы о русско-осетинских отношениях [3].

Первым упоминанием об осетинах является донесение 1742 года грузинского архиепископа Иосифа и архимандрита Московского Знаменского монастыря Николая. Они сообщили, что в то время численность осетин была более 200 тысяч человек и осетинский народ с давних времен был православным христианским. У них имеются каменные церкви и в них святые иконы и книги, и иноверцы к божьим этим церквям прибегали с охотой. Иосиф и Николай считали осетин более или менее «непросвещёнными» [3, 29-31].

В 1743 г. сведения об осетинском народе Коллегия иностранных дел получила от кабардинских князей и кумыкского владельца, находившихся тогда в Петербурге. По их словам, дигорцы живут в горах, по вершинам реки Уруха и других ближних рек, против Малой Кабарды. Некоторые дочери дигорцев выходили замуж за кабардинцев. Они имеют особенный язык, а закона никакого не имеют. Раньше у них был христианский закон и до сих пор держат посты по христианскому обыкновению. У них есть церкви каменные, которые в то время состояли пустые. Интересно, что все горские народы, простиравшиеся от абхазов до чеченцев, грузинцы называют осетинами [3, 37-38].

В 1745 г. в Осетию отправилась миссия, составленная из 21 миссионера, в том числе и грузинский архимандрит Пахомий, игумены Христоф и Николай. Эта миссия называлась Осетинской духовной комиссией [1, 29-30]. 25 мая 1745 года Комиссия приехала в Дигорию. В донесении грузинских духовных лиц сообщалось, что дигорцы крестятся, но не говорят про христианство, то есть, они крестятся без энтузиазма. В то же время, из других мест и деревень народы приходят и просят миссионеров крестить их. Однако миссионеры

задерживались в Дигории, потому что здесь «по местам татарский закон употребляется». На самом деле часть дигорцев придерживалась ислама под влиянием кабардинцев. В этом донесении были фиксированы сведения о культуре дигорцев: «Хлеб родится у них пшеница, ячмень, овес, питье употребляют пиво, вино и бузу (здесь бузой миссионеры называют осетинскую араку, – Р. И.). Скот имеют баранов, коров и быков, свиней, лошадей и ишаков. Одежду носят мужской и женский пол: серые кафтаны, и бурки валяные, бараньи шубы. Эти все сами делают. Привозят из других мест прочую ткань, как парча. Они военный народ, охотники с хорошим оружием и очень схожи с российскими народом. Они знают басурманское обыкновение, на имя пророка Илии закалывают барана, мясо сами съедят, а кожу повесят на дерево и через этого поклоняются Илии. Это обыкновение оставили крещенные дигорцы». Кроме этого, в донесении описываются похоронные и свадебные обычаи: «Когда кто-то умрет, главу и лицо на себе издерут, по обычаю басурманскому и продолжительно имеют печаль, мяса не едят на год, и много баранов и коров закалывают для умершего, и созвав соседей поят и кормят. Двух или трех человек на лошадях пошлют на 1 день езды, и оттуда они должны скакать и если из них кто наперед прискачет, тому больше дают за труды, и так думают, что умершему будет польза и если во время того скакания человеку или лошади сделается вред или человек или лошадь умрет, то для кого он трудился, тот спасен будет. Когда кто-то возмет за себя в жены девушку, то отец этой девушки или родственник ближний у зятя своего берут много средств. Если у нее муж умрет, а брат мужа останется холостой, тот брат ее за себя возьмет, а из своего дому не отпустит на сторону. Все содержат великий пост, и перед рождеством Христовым пост содержат одну неделю, а прочих постов ничего не знают, затем постного кушанья у них нечего нет. И в огородах ничего ни сеют, ни сажают. Рыбу из Терека привозят к ним купцы, однако не достаточно. Миссионеры разрешили новоокрещенным не держать апостольских постов, так как нечего не могут достать постного [3, 72-75].

Таким образом, начальные донесения духовных лиц включают много сведений о культуре осетинского народа. В первом донесении грузинские духовные лица считали осетин христианами. Однако, на момент приезда миссии в Осетию, осетины сохраняли свои традиционные нехристианские обычаи. Главное, следует отметить, что в традиционных осетинских обычаях имеются древнехристианские эле-

менты. Например, такие имена святых духов у осетин, как Уацилла и Уастырджи. Осетины XVIII века с одной стороны были христианами, с другой стороны сохраняли свою дохристианскую традицию. Такая особенность осетин позволяла Российскому правительству более эффективно распространять свое влияние в Осетии.

Примечания:

1. Блиев М.М. Осетинское посольство в Петербурге 1749-1752: присоединение Осетии к России. Владикавказ, 2010.
2. Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.-Пятигорск, 1992.
3. Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. I, 1742-1762 гг. / Сост. М. М. Блиев. Оржоникидзе, 1976.

Ф. Ф. БОГОТОВА,
студент КБГУ (г. Нальчик)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАБАРДИНЦЕВ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье ставится задача научного изучения в дореволюционной историографии общественного устройства кабардинцев, развития феодальных отношений.

Ключевые слова: феодализм, дореволюционная историография, историческое развитие, земельные отношения, социально-экономический строй.

Феодализм в Кабарде – одно из наиболее сложных и своеобразных явлений социально-экономической истории. Ключ к его пониманию дает разгадку на самые важные и дискуссионные вопросы кавказоведения. Актуальность данной работы обусловлена существованием многочисленных субъективистских или политически ангажированных точек зрения по проблеме общественного строя кабардинцев, в которых делаются попытки принизить уровень развития экономики, социальных отношений, культуры.

Вопросы общественного развития Кабарды заняли особое место в русском кавказоведении дореволюционного периода. Этому способствовало большое количество исторических сведений о кабардинцах, которое накопилось к началу XIX века в исторической науке. С другой стороны, с конца XVIII века в Кабарде постепенно начало распространяться русское административно-судебное управление. Поэтому правительство было заинтересованно в более ясном представлении отношений, существовавших в кабардинском обществе.

Социокультурная инаковость, «неевропейская» природа народов Северного Кавказа в политико-этнологической интерпретации основаны на стадильной характеристике их «общественного быта». При

этом, по мнению А. Х. Борова, первое, что бросается в глаза при чтении работ дореволюционных авторов – это констатация отсталости общественного развития горских народов, их пребывание в состоянии «первобытности», «младенчества» и отсутствия элементов цивилизации [1, 9].

Восприятие и трактовка авторами XIX в. вопросов «общественного быта», т.е. типов общественного устройства, социальных структур, институтов власти и управления у народов Северного Кавказа, не могут быть корректно оценены без учета решаемой ими политической сверхзадачи – отыскание эффективных способов покорения и управления этими народами. Это обстоятельство отражало не только политическую ангажированность и соответствующую ограниченность взглядов первого поколения российских кавказоведов, но и ту реальную историческую ситуацию, в которой находились народы региона, в которой осуществлялась их социальная практика, функционировали, воспроизводились и видоизменялись социальные институты, регулирующие их жизнедеятельность [1, 10].

В дореволюционной историографии, по мнению большинства современных исследователей, существовало, по крайней мере, два направления в вопросе общественного строя кабардинцев. Часть авторов утверждала, что у кабардинцев наблюдались вполне сложившиеся и даже развитые феодальные отношения. Для доказательства они ссылались на развитую феодальную лестницу и на наличие феодальной собственности на землю. К этой группе авторов относятся: И. Гюльденштедт, С. Броневский, князь Шаховский, М. Ковалевский, В. Миллер и другие. С. Бурнашев, И. Дебу, П. Гаврилов, Н. Дубровин, Ф. Леонтович, Кулишер, Я. Абрамов и другие утверждали, что у кабардинцев господствовали родовые отношения, при этом они ссылались на отсутствие феодальной собственности на землю. Они рассматривали кабардинское хозяйство вплоть до 60-х годов XIX века как кочевое, скотоводческое и не видели в нем развивавшихся элементов земледельческого хозяйства.

Полковник С. Бурнашев в 1794 году опубликовал записки П. С. Потемкина о Кабарде под названием «Описание горских народов». В ней указывается, что кабардинские князья не имели земельной собственности. Но в другом месте он говорит о «богатых князьях», «о взаимной злобе» между князьями и народом, о крайнем угнетении народа и его ненависти к феодалам.

Данную точку зрения поддержал И. Дебу, который писал: «Ника-

кой князь или владелец не имеет ни малейшей собственности; но некоторые уздени имеют оную, впрочем, все принадлежит народу» [2, 55]. Как видим, в одном предложении высказаны три взаимоисключающих варианта общественных отношений.

П. Гаврилов утверждал, что кабардинцы вели полукочевую жизнь. Сельское хозяйство их находилось на самой низкой ступени развития. Главным источником существования кабардинцев он считал скотоводство. Единственным доказательством подобного утверждения являются приводимые им данные о развитии скотоводства в 60-х годах XIX века. По его данным, в Кабарде накануне реформы было до 34 тысяч лошадей, до 700 тысяч овец и до 120 тысяч крупного скота [3, 6]. По данным известного кавказоведа Т. Х. Кумыкова, эти цифры преувеличены.

В 70-х годах XIX века кавказоведческая литература пополнилась многотомным трудом военного историка Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Н. Дубровин не смог критически подойти к разноречивым источникам и, механически соединив их, повторил все противоречия, которые были высказаны предшествующими авторами. Так, вслед за К. Ф. Сталем, Н. Дубровин считал, что подобно князьям и дворяне не имели отдельно от своего народа никакой поземельной собственности. Оценивая качество данной работы, К. Ф. Дзамихов отмечает, что Н. Дубровин пытается на основе исторических данных принизить уровень социально-экономического развития адыгов, которые долгое время вели активную борьбу против политики царского самодержавия [4, 694].

В 80-х годах XIX века крупный вклад в русское кавказоведение внес Ф. И. Леонтович. Опубликованный им сборник надолго стал одним из важнейших источников в изучении общественного строя и обычного права горцев. Леонтович причисляет кабардинцев к народностям, стоящим по своему общественному развитию на переходной ступени от кочевого к оседло-общинному быту. В оценке социально-экономического строя Кабарды и других горских народов Леонтович, правильно отметив сохранение здесь патриархально-родового уклада, ошибочно считал его господствующим. Патриархальная оболочка, прикрывавшая развитие феодальных отношений, ввела в заблуждение ученого. У Леонтовича нет четких и ясных указаний о праве наследования кабардинских князей на землю. Упоминается только слово «имения», под которым исследователи, сам Леонтович и некоторые советские историки, отрицающие наличие феодальной

собственности на землю, подразумевают только движимое имущество [5,135].

Значительным шагом вперед в изучении общественного строя адыгов были исследования К. Ф. Сталя, проведенные в середине XIX столетия. Освещая политическое устройство адыгов, он разделил адыгские «племена» на «аристократические» и «демократические», положив в основу этого деления степень преобладания у них черт общинно-родового или же феодального устройства. Подчеркивая роль общины в жизни адыгского социума, К. Ф. Сталь писал: «Община есть первая ступень политического быта каждого народа. Община является первоначально самобытной единицей, в которой семейства или роды все одного происхождения и имеют одни и те же интересы. Община, по мере увеличения своего, раздроблялась на большее или меньшее число общин, которые тотчас отделялись друг от друга и образовывали каждая самостоятельное целое. Устройство общины или колена есть первое политическое устройство человека». И далее добавлял: «В этом-то первобытном коленном устройстве остались с незапамятных времен кавказские горские народы, и каждый из них разделен на маленькие независимые общества». Нет нужды говорить, насколько важным было для своего времени это высказывание К. Ф. Сталя, ибо, как указал М. О. Косвен, совершенно ясно, что, несмотря на известную нечеткость терминологии, присущей той эпохе, «коленное устройство» можно читать как «родовое устройство».

Н. И. Карлгоф наряду с чертами феодализма обнаружил у адыгских «племен» институты родового строя. Он сделал ценный вывод о том, что наблюдавшееся им общественное устройство не составляет исключительной особенности только адыгов, а свойственно «всем младенчеству народам», и подчеркивал, что изучение его «может пояснить темные и загадочные стороны в истории первых времен образования государств» [6].

Как видно, перечисленные авторы, рисуя неверную картину экономического быта кабардинцев, занимавшихся якобы не земледелием, а только скотоводством, процесс феодализации связывали с переходом кабардинцев к земледелию, а не с разложением у них патриархально-родового строя и возникновением новых производственных отношений.

Другая группа авторов, стоявших на позиции признания феодализма в Кабарде, была не так многочисленна, но более солидна в научном отношении.

Так, например, С. Броневский оценивает общественно-политический строй в Кабарде как феодальный. Он считает, что «феодальная иерархия, учрежденная у кабардинцев, подобна такому же удельному правлению, какое было введено немецкими рыцарями в Пруссии, Курляндии и Лифляндии, да и мало разнится от внутреннего управления России во время удельных князей» [4, 679]. Однако автор считает феодализм не результатом внутреннего процесса развития общества, а результатом внешнего влияния, завоевания. Кабардинские князья и дворяне, по его мнению, – завоеватели, подчинившие коренных жителей. В этом он видит источник феодализма. Насколько можно судить, С. Броневский отрицательно относился к феодальному периоду в истории народа. Несомненный интерес представляют его сведения о занятиях кабардинцев. Одним из первых в кабардиноведении, он указывает, что кабардинцы пахут землю плугом наподобие украинского, в который впрягают несколько пар быков. Они сеют просо, кукурузу, яровую пшеницу, полбу и ячмень. К недостаткам работы относится то, что автор не затрагивает вопрос о формах крестьянского землевладения [9, 37].

Значительным достижением дореволюционной русской исторической науки были труды крупнейшего буржуазного историка М. М. Ковалевского. Среди дореволюционных исследователей юридического быта горцев Кавказа ученый занимает особое место, поскольку одним из первых познакомил мир науки с укладом жизни многочисленных народов, населяющих этот регион. Исследователь с мировым именем и разносторонними научными интересами, он был историком, юристом, этнографом, социологом. Во всех этих областях знаний он оставил множество трудов, внесших серьезный вклад в кавказоведение [7, 98].

Впервые в исторической литературе Ковалевский поставил вопрос о специфике горского феодализма. Он считал, что на Кавказе можно проследить сложный процесс перехода родовых и общинных отношений в феодальные. Ковалевский характеризует кабардинское общество дореформенного периода как феодальное. «Мы едва ли ошибемся, – пишет он, – если применим к только что описанной нами сословной организации термин феодальный, так как отличительные черты последней – соединение в одном лице земледельческих и политических прав, иерархическое подчинение низших сословий высшим, договорное отношение между ними, основанное на взаимном обмене услуг, встречаются и в кабардинском общественном устройстве» [4, 702].

М. М. Ковалевский характеризует феодализм как политико-правовое понятие. Придерживаясь либеральных методологических позиций, М. М. Ковалевский и другие ученые-позитивисты видели в основе исторического процесса преимущественно политические причины. Соответственно меньше уделялось места экономическим факторам.

В связи с проведением крестьянской реформы в 60-х годах XIX века [8, 33-34], появляются ряд статей, посвященных социально-экономическому строю Кабарды. Так, например, в трудах Т. Макарова, написанных на основании документальных материалов Кабардинского временного суда, содержится интересные сведения много материалов по земельному вопросу. Дав краткую историческую справку о происхождении кабардинцев, связях Кабарды с Россией, автор переходит к изложению земельных отношений в Кабарде. Он приводит конкретные факты, подтверждающие наличие феодальной собственности на землю, в частности, дает описание двадцати крупных участков с указанием их владельцев. Макаров, справедливо отмечает то, что феодалы вступали в борьбу между собой за право владения теми или иными участками, что князья дарили землю своим вассалам, а крестьяне были прикреплены к земле и платили за пользование ею феодальную ренту [3,14].

Таким образом, в дореволюционной историографии вопрос об общественном строе кабардинцев в XVIII – первой половине XIX в. был поставлен, но не решен. Дореволюционная историография страдала методологическими недостатками, заключавшимися в том, что ее представители не изучали развитие экономической жизни Кабарды. Необходимо также отметить, что авторы, о которых шла речь, в большинстве случаев не были специалистами-историками. Многие из них были офицерами царской армии и собирали этнографические сведения о кавказских горцах во время служебного пребывания на Кавказе. В целом, дореволюционная историография не ставила задачу научного изучения общественного устройства кабардинцев. Работы в основном носили описательный характер.

Но, несмотря на недостатки их работы, сама постановка вопроса о феодализме у горских народов, в частности кабардинцев, в условиях дореволюционной исторической науки уже являлась положительным моментом. А ведь исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со свои-

ми предшественниками. В этом отношении вклад дореволюционных историков в вопросе изучения общественного строя кабардинцев в XVIII – первой половине XIX в. неоценим. Несмотря на существующие в дореволюционной историографии разногласия в понимании проблемы феодальной собственности на землю и феодальных отношений, большая часть исследователей пришла к выводу, что хотя кабардинцы и не создали централизованной системы государственно-политического устройства, наиболее развитые феодальные структуры и соответствующая им организация в Кабарде все же существовали. Проблема особенностей кабардинского феодализма является ярким свидетельством того, что общность закономерностей исторического развития не исключает конкретных форм проявления этих закономерностей.

Примечания:

1. Боров А.Х. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // Исторический вестник. Вып. X. Ч. I. Нальчик, 2012.
2. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. I. / Сост. Х. М. Думанов. Нальчик, 2001.
3. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800-1869). Нальчик, 1959.
4. Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 2008.
5. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
6. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-экономические очерки. URL: http://budetinteresno.info/kraeved/adig_history_5.htm (дата обращения: 03.02.2013).
7. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.
8. Кузьминов П.А. Причины и подготовка преобразований у народов Северного Кавказа в 50-70 годы XIX века // Известия СОИГСИ. Вып. 5(44). 2011.
9. Гутнов Ф.Х. Адаты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. Вып. 10(49) 2013.

А. А. ЖУРТОВА,
студент КБГУ (г. Нальчик)

ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ К РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КАВКАЗОВЕДЕНИИ XVIII-XIX ВВ.

В данной статье автор стремится исследовать проблему присоединения Северной Осетии к России в дореволюционной отечественной историографии.

Ключевые слова: историография, кавказоведение, присоединение, подданство, горские народы, притеснение, бадеята.

В отечественной историографии проблеме исторического взаимодействия России и населяющих её многочисленных народов отведено значительное место. В кавказоведении существуют такие понятия, как «подданство», «присоединение», «вхождение» в качестве определения установившихся взаимоотношений северокавказских народов с Россией в тот или иной исторический период, что создает сложное дискурсивное поле.

В отечественном кавказоведении при изучении взаимоотношений Северной Осетии и России уделялось внимание самым различным аспектам: анализу русско-осетинского исторического взаимодействия в период средневековья, исследованию распространения христианства среди осетин, их участия в войнах России, строительства Кавказской линии, ликвидации суверенитета, установления в Северной Осетии российской административно-политической системы и т.д.

Одним из ранних источников, дающим сведения об отношении осетинского народа к России, о стремлении попасть под её покровительство, является дневник [1] капитана российской армии Л. Штедера. Штедер вел дневник, содержащий исключительно важные сведения о горских народах, особенно об осетинах [2]. Автор полагал,

что регион обладает большим стратегическим значением для России, т.к. через него проще осуществлять контроль над Грузией, кроме того «Осетия богата минералами и хорошими металлами и сулит большие доходы» [3]. Штедер застал в Северной Осетии чрезвычайно накаленную атмосферу, готовую разрядиться кровавыми социальными схватками между бадеями (князьями – А. Ж.) и крестьянством [4]. Он писал: «Волнения среди дигорцев продолжались, а недовольство бадеями среди старшин и народа ежедневно все увеличивалось... Благодаря общей ненависти к бадеям и их защитникам кабардинцам, среди них возникло отвращение к магометанской религии. Их крещение поэтому чисто политическое, для того, чтобы путем вписывания своих имен обеспечить себе ближайшую помощь России. Простой народ вступил в тесный союз со старшинами по сходству образа мыслей для того, чтобы помочь удержать свою свободу» [5]. Штедер участвовал на собрании дигорского народа в селе Караджаево и имел возможность подробно разобраться в причинах возмущения осетинского крестьянства против бадеев. «Я наметнул им под большим секретом, – рассказывает он далее, – о засаде, которую им приготовил народ и убеждал их, что благоразумие требует лучше согласиться с народом, нежели все потерять. Положение было настолько серьезным, что они отдали себя и все свое благосостояние на безграничную милость России, предоставив мне закончить дела с народом» [3].

В результате между крестьянами 30 дигорских селений и бадеями был заключен договор. Штедер подробно его описывает: «По составленным статьям была принесена клятва. Главные статьи были таковы:

1. Должна быть принесена общая клятва верности России.
2. Все дигорцы, сделанные бадеями рабами, должны быть отпущены и все незаконно взятые во владение со времен их отцов земли должны быть отобраны...
3. Подати бадеям будут уплачиваться впредь согласно старого обычая, но будут точно установлены.
6. Один бадеятин и двое старшин из каждого селения отправятся к русскому старшему начальнику, чтобы подтвердить соглашение...

Таким образом, – завершает автор, – путем подчинения этого народа, была установлена свободная связь с Имеретией через горы. Более чем три тысячи оссов сделались подданными России и, находясь сзади Малой и Большой Кабарды, они могли бы в случае нужды

направить этот беспокойный народ на другие мысли, содействуя им» [5]. Работа Л. Штедера имеет большую историческую и историографическую ценность, став одним из важнейших источников по истории Северной Осетии.

Такое важное событие в истории русско-осетинских взаимоотношений, как пребывание в Петербурге в 1749-1752 гг. посольства из Осетии, ставшее, по мнению многих историков, прологом к совершившемуся позже присоединению к империи, вскользь упоминается уже в исследовании М. Д. Чулкова [6, 325].

Ценными в качестве источника, характеризующего отношение российских властей, военных и ученых к северокавказским народам в конце XVIII в., в частности, к осетинам, являются заметки И. А. Гюльденштедта [7]. В 1768 г. он был приглашен русской Академией наук для участия в экспедициях, обследовавших юго-восточные области России [8]. Вот как автор комментирует свое отношение к предстоящему путешествию: «Россия имеет сношения с этими народами уже в течение трех столетий, то я счел своей обязанностью разрешить этот вопрос, я решил, насколько возможно, пролить свет в это темное царство» [9]. Осетины, по данным Гюльденштедта, «доставляли с давних пор много хлопот русским войскам на линии; они досаждали нападениями и убийствами путешественников, направлявшихся из Грузии и в нее, а также набегами и грабежами на линии Терека. Когда их наказывали, они признавали господство и защиту русских и давали заложников; но когда эти последние убегали или умирали, и они не предвидели близкого наказания, они снова становились враждебными» [9]. Таким образом, мы видим, что взаимоотношения России и осетинского народа были весьма сложными и порой противоречивыми.

Важную информацию по истории распространения православия Россией среди осетинского народа, содержится в исследовании Г.-Ю. Клапрота [10]. В 1807 году по предложению почётного члена Императорской Академии наук, польского графа Яна Потоцкого отправляется на Кавказ [11] «для исследования вновь приобретенных стран, их языков, для отыскания летописей и собирания преданий» [12, 728]. В своей работе Клапрот сообщает: «В 1742 г. грузинский архиепископ Иосиф и архимандрит Николай... вручили ее величеству царице Елизавете Петровне следующее заявление: «Осетины живут в Кавказских горах и после разорения персами и турками грузинского государства не подчиняются никакому властителю; они были раньше

обращены в христианство, но с тех пор опять впали в язычество. От путешественников, проезжавших через их страну, получены сведения, что они снова хотят вернуться к христианской вере.... Нельзя допускать, чтобы они оставались в прежних заблуждениях и, вполне вероятно, что когда к ним пошлют правоверных учителей, они в течение короткого времени будут возвращены на правильный путь» [13]. Далее в сообщении следует, что после того, как Сенат и Синод рассмотрели это заявление, было решено отправить в 1745 г. в Осетию архимандрита Пахомия, священников Христофора и Николая и иеромонаха Ефрема для распространения христианской веры. Как полагает автор, эти духовные деятели «вернули неверующих к истинной вере и, кроме того, убедили их в целях обеспечения себя от нападения кабардинцев и чеченцев объявить себя в подчинении России; этот совет был принят в 1748 г. и приведен в исполнение курачскими и чимскими старейшинами Тесби, Амистала, Гучи, Гази и Мази» [13]. Принятие христианства, а вернее, согласно Клапроту, «возвращение» к нему имело решающее значение в процессе присоединения Осетии к Московскому государству.

Среди исследований середины XIX века можно выделить работу П. Г. Буткова [14], в которой он сообщает об осетинском посольстве в Петербург, о предписании кизлярской администрации в 1747 г. всех приезжавших в крепость Кизляр осетинов, принявших православие, награждать деньгами и «принимать их в российское подданство». В 1752 г. вместе с уезжавшими послами в Осетию был отправлен архимандрит грузинский Пахомий для дальнейшей деятельности по распространению христианства в регионе [15, 167]. Во второй части работы содержится информация о строительстве крепости Владикавказ и о том, как пришлось в 1788 г. ее «оставить, как больше сделавшееся нам в тягость, нежели в пользу; поселившиеся при Владикавказе осетины паки выбрались в горы, тем паче, что кабардинцы Малой Кабарды сих выселившихся из гор в особую слободу осетинов сильно притесняли и разоряли» [16]. Исследование Буткова имеет большое значение для изучения истории всех северокавказских народов.

Большой интерес вызвал пятитомный труд В. А. Потто [17]. В нем Россия предстает фактически как спасительница осетинского народа от «опасного и беспощадного врага» в лице кабардинцев, «которые не позволяли осетинам спускаться с гор иначе, как за огромную плату. Запертые в своих ущельях, ... осетины ... замкнулись в самих себя и одичали. Таким образом, – продолжает автор,

– ... при первом появлении в этой стране русских войск в царствование Екатерины, когда граф Тотлебен шел в Имеретию, встретили их как своих избавителей» [18, 103]. Но вскоре доверие осетин было утеряно, «ошибки администрации, ... происки грузинских царевичей, ... ослабили, – по мнению Потто, – наше влияние над Осетией до такой степени, что она сделалась постоянным убежищем для всех преступников» [18]. В результате целой серии карательных экспедиций против «хищников», в особенности после военных действий отряда генерала Абхазова в 1830 г. [19], «народ потерял свое самоуправление и свои привилегии. Из всех земель ... образовалось приставство, которое должно было внести в жизнь осетинского народа начало гражданского порядка» [20]. Данное исследование наиболее ярко демонстрирует существовавший в сознании дореволюционной интеллигенции образ того или иного северокавказского народа. И в соответствии с этим представлением, по-видимому, избирались способы методы покорения, выстраивалась определенная стратегия завоевания.

В аналогичном русле написана работа Н.В. Гильченко [21]. Он утверждает, что осетины, «стесненные в горных ущельях, страшно бедствовали. Недостаток плодородной почвы обуславливал недостаток пищевых средств, а доставка их с севера и юга, в виду враждебности населения грузинских феодалов и кабардинцев, была в высшей степени трудна и недостаточна.... Война с кабардинцами имела для Осетии пагубное значение» [21, 40]. Такая ситуация длилась веками, пока на Кавказе не появились русские. Они, что важно, «в интересах политики много сделали для осетин, разрозненных кровавыми междоусобицами внутри, угнетаемых кабардинцами извне... Осетины, – пишет Гильченко, – влачили жалкое существование, пока русское правительство не приняло участия в их судьбе» [21, 41]. Участие это выразилось в повелении графу Гудовичу в 1792 г. «охранять» осетин от кабардинцев. С этого времени, замечает автор, «осетины вздохнули свободнее. Переход осетин под владычество русских сопровождался значительными переменами в их общественном быту» [21, 42]. Исходя из выше изложенного, можно утверждать, что Северная Осетия была присоединена к России уже в конце XVIII века, и произошло это мирным путем.

Е. Максимов и Г. Вертепов в 1891-1892 гг. опубликовали историко-статистический очерк [22] по истории северокавказских народов, основанный на трудах В. А. Потто, Н. В. Гильченко и др.

Авторы сообщают, что в конце XIV в. «в соседстве с Северной Осетией появляются кабардинцы. Первое время отношения новых соседей были сносны и довольно мирны. Но впоследствии они испортились... Поводом, – как полагают авторы, – была предгорная плоскостная земля, в которой нуждались обе народности» [22, 10]. В условиях отсутствия земли, жестком давлении соседей, Осетия «встретила первые русские войска в крае, появившиеся еще при Екатерине II, как своих избавителей. Действительно, первым делом русских было движение на Кабарду, отодвинувшее ее от гор, и давшее возможность осетинам спуститься на плоскость. Вначале появления русских, – утверждают авторы, – между ними и осетинами господствовал полный мир. Но в первой четверти текущего столетия, во время войны русских с Персией отношения эти стали ухудшаться. Несколько осетинских старшин, под влиянием подкупов и убеждений персидских агентов, старались донести дело до открытого возмущения» [23]. В результате русских военных экспедиций в 1830 г., Северная Осетия была разделена на приставства и включена в состав Терской области и Тифлисской губернии. Как подмечают Максимов и Вертепов, «с водворением русских в крае, среди осетин, совращенных в магометанство кабардинцами, снова начинается переход в христианство. Дело это, имеющее столь важное цивилизующее значение, совершалось, к сожалению, очень медленно и недостаточно прочно» [23]. Как мы видим, в данной работе прослеживаются те же тенденции в характере освещения русско-осетинского исторического взаимодействия, что и в предшествовавших исследованиях по проблеме русско-осетинских взаимоотношений.

Дореволюционные авторы признают факт политической, военно-стратегической и экономической необходимости друг в друге. Исследователи придают огромное значение распространению православия среди осетин, как одному из способов скорого и безболезненного присоединения территории к Российскому государству. Присоединение Северной Осетии к Российской империи, согласно одним авторам, состоялось в конце XVIII века, согласно другим – в 1830 г.

Примечания

1. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 27-70.
2. Гутнов Ф.Х. Века и люди (Из истории осетинских сел и фамилий). Владикавказ, 2004. Вып. 2 // URL: <http://fandag.ru/publ/8-1-0-90> (дата обращения: 21.04.2013).
3. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-525903.html?page=3>. (дата обращения: 21.04.2013).
4. Кокиев Г.А. Дневник Штедера. Введение // URL: <http://www.iriston.com/nogbon/news.php?Newsid=358> (дата обращения: 21.04.2013).
5. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году // URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-10639.html?page=6> (дата обращения: 21.04.2013).
6. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. М., 1785. Т. 2., кн. 2.
7. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
8. Иоганн Антон Гюльденштедт // URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1760-1780/Gildenstedt/otryv1.htm> (дата обращения: 22.04.2013).
9. Гильденштедт И.А. Путешествие по России и Кавказским горам // URL: http://apsnyteka.org/647-kavkaz-evropeiskie-dnevnik_i_xiii-xviii_vekov_202-301.html (дата обращения: 22.04.2013).
10. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. – Халле, Берлин. 1812.
11. Данилов А.В. Генрих-Юлий Клапрот (1783-1835) //URL: <http://okavkaze.ru/ludi-kavkaza/24-genrih-klaprot> (дата обращения: 22.04.2013).
12. Клапрот, Генрих-Юлий // Русский биографический словарь. М., 1994. Т.8.

13. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-158133.html?page=9> (дата обращения: 22.04.2013).

14. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I, II.

15. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. // Хрестоматия по истории осетинского народа / Сост. М. П. Санакоев. Цхинвал, 1993. Том. I.

16. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. // URL: [http://ghalghay.com/2009/12/30/ бутков-п-г-материалы-для-новой-истории](http://ghalghay.com/2009/12/30/бутков-п-г-материалы-для-новой-истории) (дата обращения: 22.04.2013).

17. Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1-5.

18. Потто В. А. Кавказская война. Т. 5.

19. Блиев М., Тотров Р. Карательная экспедиция генерала Абхазова // [http:// ossetians.com /rus /news. php?newsid=12](http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=12) (дата обращения: 22.04.2013).

20. Потто В. А. Кавказская война // URL: [http://statehistory.ru/books/ Kavkazskaya-voyna--Tom-5--Vremya-Paskevicha--ili-Bunt-Shechni/10](http://statehistory.ru/books/Kavkazskaya-voyna--Tom-5--Vremya-Paskevicha--ili-Bunt-Shechni/10) (дата обращения: 22.04.2013).

21. Гильченко Н. В. Материалы для антропологии Кавказа. Осетины. СПб., 1890.

22. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Владикавказ, 1892. Вып. 1.

23. Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки // URL: <http://lab-adat.ru/archives/476> (дата обращения: 22.04.2013).

Д. А. ШУРДУМОВА,
студент СГИ КБГУ (г. Нальчик)

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР АДЫГСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье исследуются характерные признаки становления сельской общины, как переходной ступени от родовой организации к политической. Автор приходит к выводу, что сельская община, помимо своей социальной значимости содержала в себе управленческую функцию. То есть, занималась поддержанием внутриобщинной дисциплины, осуществляла контроль морали и нравственности. Вся эта деятельность велась в форме неофициального социального контроля, по обычаю.

Ключевые слова: община, крестьянство, феодал, землевладение, общественно-политический строй.

В жизни адыгского крестьянства в конце XVIII – первой половине XIX века важную роль продолжала играть община. Вообще процесс возникновения сельской общины в исторической науке принято связывать с разложением родового строя. Трансформация семейной (родовой) общины, ее превращение в территориальные поселения семей и патронимии, дальнейшая их дифференциация, ослабление родственных отношений, возникновение между ними противоречий по урегулированию широкого круга вопросов внутриобщинной жизни, охране определившейся территории и населения приводят к образованию соседской (сельской) общины [1, 1].

Общественно-политический строй большинства народов Северного Кавказа, в том числе адыгских народов, до окончательного включения их в систему Российского государства еще не достиг уровня централизованного государственного объединения [2, 6]. И, несмотря на многообразие политического устройства народов Северного Кавказа, низовой организацией управления во всех феодальных владениях и союзах оставалась сельская община. Она имела исключительное значение в жизни его народов, находившихся на разных уровнях социально-экономического развития.

С распадом родовых отношений у многих народов возникает сельская община как переходная ступень от родовой организации к политической. Однако и при сельской общине, отнюдь не противореча ей, в течение длительного периода продолжает существовать и сохранять свою силу патриархальная семейная община, или большая семья [3, 59].

У народов Северного Кавказа в рассматриваемый период община сохраняла пережитки ее архаических форм – родовой и соседской, что вело к переплетению отношений раннегосударственного типа с патриархально-общинными. Методы ведения хозяйства требовали тесного сплочения жителей, но под влиянием имущественного и социального неравенства, индивидуализации труда и выделения верхушки родовая община стала разлагаться – с дальнейшим переходом ее функций к объединению, где родственные связи уже не проявлялись так ярко, то есть к общине соседской.

Сельская община была известна адыгам под разными названиями: псыхъуэ (община возле реки), къуажэ и жылэ (аул и село). Она сохраняла многие черты, свойственные родовой общине: круговая порука, взаимная защита, трудовая взаимопомощь и другие [4, 23].

Л. Я. Люлье отмечал, что всякая община, составляя часть племени, представляет семью в большом виде. Ее члены считают себя настолько близкими друг другу, что не допускают между собой брачного родства. Община ведет свои хозяйственные и полевые дела сообща. Всякое оскорбление или ущерб, нанесенное одному из ее представителей, считается посягательством на благосостояние всей общины, и, в свою очередь, каждый член подлежит ответственности за свое поведение перед всей общиной. Раз лишившись покровительства общины, горец не может уже иметь никаких ручательств за свою личную безопасность и жизнь [5, 47].

В конце XVIII – первой половине XIX века ярко проявлялись пережиточные формы землевладения и землепользования. Феодалы встречали упорное сопротивление со стороны общинно-родовых отношений. Данный факт затушевывал реальный характер земельных отношений у адыгов.

Внеэкономическое принуждение, как главный фактор феодальных отношений, безусловно, играло определенную роль, но в рассматриваемое время не являлось главным. В первой половине XIX века феодальная зависимость крестьян являлась следствием возникновения права собственности на землю. Правда, при наличии плохо

развитых социально-экономических отношений она еще не достигла высокого уровня [6, 18].

Функции сельской общины были многообразны и охватывали все стороны повседневной жизни села. Конечно, прежде всего, сельская община выступала как поземельная единица, организовывала хозяйственную деятельность крестьян на принадлежащей ей земле. Поэтому на сходе обсуждались вопросы распределения земли между общинниками, о времени и порядке земледельческих работ и т.п. Большая роль общины в организации производства была связана с коллективностью землевладения и несением различных обязательств перед владельцем. «По понятиям черкесов земля принадлежит не лицу, но целому обществу» [7, 104], – пишет Ф.И. Леонтович. Крестьянин лишь пользовался землей на определенных условиях.

Сельская община, помимо своей социальной значимости содержала в себе воспитательную функцию, или, иначе говоря, управленческую. То есть, занималась поддержанием внутриобщинной дисциплины, осуществляла контроль морали и нравственности. Вся эта деятельность велась в форме неофициального социального контроля, по обычаю.

Община также выполняла судебную функцию. Адатские суды разрешали споры только по заявлениям истцов, или по жалобам потерпевших с точным указанием на ответчика, или обвиняемого. За несвободных (крепостных и рабов) выступали их хозяева. Судили выборные (от влиятельных родов) старейшины [8, 1]. Таким образом, крестьянская община являлась экономическим объединением и низшей административной единицей, выполнявшей различного рода функции: управленческую, производственную, воспитательную, судебную.

К концу XVIII века все общинные земли были уже феодализированы, а свободные общинники-крестьяне в основном закрепощены феодальными владельцами. Общество делилось на два основных слоя: феодальных владельцев и крестьян. Как феодалы, так и крестьяне делились на ряд категорий. По материалам обычного права адыгское крестьянство первой половины XIX века выступает раздробленным на отдельные группы, отличающиеся особенностями своего социального, юридического, семейного положения [9, 132].

К крестьянам относились: тфокотли, азаты (шхашахуж или вольноотпущенники), оги, логанauty, унаuty и пшитли. Самым многочисленным и могущественным сословием были тфокотли [10, 305].

Они составляли 75% всего населения [11, 51]. Чаще всего тфокотлей рассматривали как среднее сословие свободных общинников, незакрепощенных крестьян. Это было ядро адыгов и самый производительный их элемент [12, 147].

Труд рабов использовался для неограниченных работ по дому и хозяйству господина. Тем не менее, несмотря на наличие крепостных и рабов, основным производителем все же оставался тфокотль, что являлось выражением незрелости феодальных отношений [13, 1].

Специфической чертой общественного строя адыгских народов в период становления феодализма является широкое внедрение в систему сословно-классовых отношений института покровительства – патроната. Патронат – более поздний тип куначеских взаимодействий, при которых отношения имели патрон – клиентелистский характер (отношения между людьми неравного социального статуса) [14, 23].

В условиях развития феодальных отношений архаичные институты трансформировались в форму регламентации отношений между различными категориями горского населения. Теперь функции патрона чаще всего выполняло отдельное авторитетное лицо, например, пши (князь). В «аристократических» общностях князя, прикрываясь обычаем патроната, выступали верховными собственниками земли. Так, Леонтович Ф.И. указывает, что князя имеют исключительное право пользования лучшими из земель, на которой живут, покровительствуемые ими аулы [15, 74]. Они могли себе выбрать самые удобные территории для хлебопашества, сенокоса, скотоводства и других работ.

Вот как описывает этот обычай известный адыгский просветитель Хан-Гирей: «По введенному в Черкессии обыкновению, слабый человек, находя свое положение опасным, ограждает себя посредством покровительства могущественной особы таким образом: он является к лицу, сильному властью, знатностью рода, обстоятельствами, и поручает себя, свое семейство... его покровительству, в чем ему и не отказывается никогда... Поступающие под покровительство владельцев, живут, по большей части в аулах своих покровителей, что приносит этим последним пользу, умножая число их окружающих и подвластных, оказывающих им разного рода услуги» [16, 282]. Человек, поступавший под покровительство, получал первоначально материальную помощь скотом, продовольствием, инвентарем и т.п. В то же время он принимал на себя определенные обязательства перед покровителем: от исполнения сельскохозяйственных и строительных

работ для патрона до участия в военных набегах на соседей. Таким образом, покровительство нельзя считать социальной поддержкой в чистом виде. Тем не менее, некоторые элементы подобной поддержки в этом обычае просматриваются. Человек со своей семьей, по каким-либо причинам оторвавшийся от общины, становился совершенно беззащитным и нуждался в покровительстве [17, 3].

Патрон брал клиента под защиту, при ущемлении его прав добивался разрешения конфликтной ситуации в пользу подопечного, с готовностью пользуясь при этом оговоренным в адатах правом взимания штрафов с виновного-обидчика его клиента, что являлось одной из важнейших статей доходов адыгской аристократии.

Клиент, в свою очередь, должен был оказывать патрону различные услуги. По мере развития общественных отношений у адыгов, в патронате все более ярко проявлялись феодальные черты, маскировавшиеся патриархальным обычаем гостеприимства. Для клиента покровительство постепенно трансформировалось в отношения прямой зависимости: дворянин становился вассалом бывшего патрона, свободный крестьянин закрепощался [18, 386].

Все эти данные указывают на то, что в рассматриваемый период патронат являлся не столько средством взаимопомощи разных слоев населения, сколько орудием извлечения выгоды для феодалов. С одной стороны, они взыскивали большую пеню с тех, кто наносил обиду их подопечным, а с другой патронат использовался ими как прикрытие при расширении своих прав на землю и укреплении зависимости крестьян.

Таким образом, патронат наполнился классовым содержанием, стал фундаментом иерархии адыгской аристократии и основой подчинения свободных категорий крестьянства.

Так, в первой половине XIX века, феодальная собственность продолжала сосуществовать с общинной и мелкокрестьянской индивидуальной формами собственности. Сохранение общинно-родовых устоев крайне осложняли земельную проблему, однако процесс утверждения феодальной поземельной собственности планомерно продолжался.

Примечания

1. Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. [Электронный ресурс] URL <http://www.kbrnet.narod.ru> (дата обращения: 26. 04. 2013)

2. Данилова Е. Н. Абазины. М, 1984.
3. Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Т. 1. М, 1952. [Электронный ресурс] URL [http:// www.twirpx.com](http://www.twirpx.com) (дата обращения: 28.04.2013)
4. Меретуков М. А. Образ жизни и нормативно-организующие функции сельской общины у адыгов / Культура и быт адыгов. Вып. VII. Майкоп, 1988.
5. Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи / Материалы для истории черкесского народа. Майкоп, 1990. Вып. 4.
6. Джимов Б. М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800-1868 гг.) // Ученые записки АНИИ. Майкоп, 1970. Т. 11.
7. Леонтович Ф. И. Кавказ. Адамы горских народов. Нальчик, 2010.
8. Ладыженский А. М. Адамы горцев Северного Кавказа // Южно-российское обозрение. Вып. 18. Ростов-на-Дону. 2003. [Электронный ресурс] URL [http:// www.kavkaznasledie.ru](http://www.kavkaznasledie.ru) (дата обращения: 9. 06. 2013)
9. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967.
10. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974.
11. Джимов Б. М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX веке. Майкоп, 1986.
12. Очерки истории Адыгеи. Т.1. Майкоп, 1957.
13. Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Очерк первый. Социально-экономическое положение адыгов в конце XVIII – первой половине XIX в. [Электронный ресурс] URL [http:// www.budetinteresno.info](http://www.budetinteresno.info) (дата обращения: 26. 04. 2013)
14. Шахназарян Н. Адыги Краснодарского края. Краснодар, 2008. – С. 24. [Электронный ресурс] URL [http:// www.conflict.net](http://www.conflict.net) (дата обращения: 23. 05. 2013)
15. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. [Электронный ресурс] URL [http:// www.twirpx.com](http://www.twirpx.com) (дата обращения: 28.02.2013)
16. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.
17. Спирина В. И. Очерки истории социальной работы на Кубани. [Электронный ресурс] URL [http:// www.wucheba.ru](http://www.wucheba.ru) (дата обращения: 30.05.2013).
18. Губжоков М. Н. Культура адыгов / История Адыгеи с древнейших времен до начала XX века. Т.1. Майкоп, 2009.

В. Н. ЧЕГАРНОВА, Д. А. МАЛАХОВ,
Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС при Президенте
РФ (г. Железноводск)

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ ДЛЯ СЛУЖБЫ В ГРУЗИИ И КАВКАЗСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В статье приведен анализ взглядов современных исследователей на разработку и реализацию нормативных актов начала XIX века по предоставлению льгот чиновникам, отправляющимся на службу в Грузию и Кавказскую губернию.

Авторы подводят некоторые итоги изучения деятельности кавказской администрации и верховной власти в решении проблемы недостатка квалифицированных чиновников для службы на Кавказе.

Ключевые слова: губерния, исторический источник, нормативный акт, льготы, администрация, чиновники, власть.

Северный Кавказ попадает в сферу российских геополитических интересов в XVIII веке. Сначала Петр I, а затем и его преемница в политической сфере Екатерина II последовательно реализуют «стратегию восточного вопроса». В конце 60-х годов XVIII в. Российская империя вступила в открытое столкновение с Турцией и в результате побед в русско-турецких войнах (1768-1774 гг., 1787-1791 гг.) получила ряд территорий на Северном Кавказе и упрочила позиции в Закавказье, освободив Грузию от вассальной зависимости от персидского шаха и приняв её под свой протекторат. К 20 годам XIX века в целом завершается процесс международно-правового присоединения Северного Кавказа к России, что ставит следующие задачи по политико-административному, экономическому и культурному обустройству региона как неотъемлемой части империи, а также необходимости упрочения своих позиций в регионе. С одной стороны – это строительство оборонительной линии и казачья колонизация края, с другой стороны – административное обустройство Предкавказья как

одной из российских провинций. Эти задачи оказались сложными. По мнению В. В. Дегоева, «в качестве внешнеполитической проблемы Северный Кавказ был в определенном смысле проще, чем в качестве внутривластной» [1, 28].

Изучение в этой связи вопроса привлечения в регион русского чиновничества является одной из важнейших задач современной историографии Кавказа в рамках изучения развития российской системы управления регионами (в том числе и окраинами) и выработки управленческих стратегий скорейшей социально-экономической адаптации территории к российской административной системе.

В работе над данной статьей целесообразным представлялось использование опубликованных исторических источников, в частности Актов, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК), изданных в последней трети XIX века под редакцией известного ученого и государственного чиновника А. П. Берже. Этот крупнейший дореволюционный сборник документов включает 12 томов и охватывает период с 1799 по 1862 гг.

В актах, большую часть которых составляют документы, отражающие основную государственную точку зрения, содержатся ценнейшие сведения о роли кавказской администрации, взглядах на кавказскую политику крупнейших политических деятелей региона, их обращения к верховной власти, а также проекты в виде всеподданнейших записок и отчеты. В них отражены и гражданские установления, материалы сенаторских ревизий и т.д. Применительно к данному исследованию были использованы многочисленные материалы, среди которых наибольшее значение имеют: «Записка кн. Цицианова, представленная гр. Кочубею, от 27 октября 1803 года, № 1841», «Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 26 февраля 1805 года, № 27», «Рескрипт кн. Цицианову, от 31 марта 1803 года», «Рапорт гр. Гудовича Правительствующему Сенату, от 8 апреля 1808 года, № 45», «Рапорт к.с. Васильева ген. Тормасову, от 18 января 1811 года, № 60», «Записка о причинах медленного производства дел по Кавказской губернии, 1817 года» и т.д.

Вторым серьезным источником стало «Полное собрание законов Российской империи» (Собрание 1 и 2), в котором нашли отражение законодательные акты: «О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу от 19 декабря 1803 года», «О штате губерний Астраханской и Кавказской от 13 июля 1807 года», «О награждении следующими чинами определяемых к гражданским должностям чи-

новников в Кавказскую губернию от 29 октября 1809 года» и т.д.

Ценность законодательных актов и документов кавказской администрации заключается в том, что они позволяют отследить процесс взаимодействия между региональной администрацией и верховной властью по решению наиболее острых вопросов, а их сопоставление по содержанию, срокам рассмотрения и реализации позволяет сделать вывод об эффективности такого взаимодействия.

Одним из первых примеров подобного взаимодействия становится переписка Главногоначальствующего в Грузии князя П. Д. Цицианова и императора Александра I. В марте 1803 года князь П. Д. Цицианов получает рескрипт от императора Александра I, в котором он подчеркивает: «Я приказал обратить особое внимание, чтобы чиновники на замещение разных в Грузии вакантных мест избраны были сколько возможно из числа людей лучших и чтобы в незамедлительном времени были они к месту назначения своему отправлены» [2, 29]. Вполне закономерно, что привлечение в регион профессиональных чиновников было невозможно без предоставления им каких-либо существенных преимуществ. По мнению П. Д. Цицианова, таковым могло стать награждение при определении на службу следующим чином, что он и изложил в записке министру внутренних дел Российской империи графу В. П. Кочубею от 21 октября 1803 года. П. Д. Цицианов отмечает: «если принять в уважение трудность пути, дороговизну здешней жизни, необычайность климата, то Грузинскую губернию поровнять можно с Иркутской в выгодах, даруемых определяющимся на службу». В качестве «выгод» П. Д. Цицианов предлагал давать «при определении по чину и при отставке, которая не прежде 4-х лет последует». Эта мера, по мнению Главногоначальствующего в Грузии П. Д. Цицианова, позволит «сыскать охотников достойных и способных к службе» [3, 37]. Предложения П. Д. Цицианова легли в основу указа Правительствующему Сенату от 19 декабря 1803 года, в котором установлено:

- при назначении желающих вступить в Грузии в отправление секретарских и разных канцелярских должностей награждать их следующим чином;
- получившие чины должны прослужить в Грузии один год, считая с прибытия их на место;
- тем, кто выйдет в отставку после 4 лет службы, также давать следующий чин;
- тем, кто продолжит службу, сократить сроки производства в

следующий чин вдвое, т.е. производство из коллежских регистраторов в губернские секретари составит 1,5 года [4, 381]. Соответственно указ был опубликован в АКАК [5, 44].

Обращает на себя внимание срок рассмотрения предложений П.Д. Цицианова – всего 1,5 месяца. Скорость принятия решения вполне объяснима. На Кавказе в начале XIX века Россия заметно активизирует свою внешнюю политику. Это связано, прежде всего, с присоединением Грузии (1801 год). Это событие, как известно, повлекло за собой весьма существенные территориальные изменения и создание особой системы административного управления краем.

В 1802 году на основании проекта реформы военно-гражданского управления, разработанного специальным комитетом, вышел указ Правительствующего Сената. Суть его сводилась к учреждению должности начальника Астраханской и Кавказской губернии, инспектора Кавказской линии и главнокомандующего в Грузии. Таким образом, в одном лице сосредоточились все полномочия власти на Северном Кавказе и в Закавказье. На ответственную и многогранную должность Главноуправляющего император назначил генерал-лейтенанта князя П.Д. Цицианова – из числа выдающихся полководцев и государственных деятелей, которых особо ценила Екатерина II, внесших огромный вклад в осуществление государственной политики своими личными качествами.

П.Д. Цицианов был выходцем из аристократического грузинского рода. Кроме того, П.Д. Цицианов родился и воспитывался в России, был предан российскому престолу, служил в элитных гвардейских частях, получил военный и административный опыт на Кавказе, исполняя роль наставника графа В.А. Зубова во время его Персидского похода в 1795 г. В 1796-97 гг. он был комендантом Бакинской крепости.

Возложив руководство Грузией на П.Д. Цицианова, Александр I в высочайшем повелении от 7 марта 1803 г. предоставил ему широкие полномочия: «...чтобы большое расстояние (между Петербургом и Тифлисом – *прим. авт.*) и медленность в получении предписаний от оного проистекавшие не могли затруднить вас в исправлении дел на вас возложенных... вы совершенно развязаны и мне остается только повторить вам, чтоб вы отнюдь не затрудняли себя ожиданием на всякое дело отсель предписания, но чтобы распоряжались в оных как наилучшее для пользы службы признаете, донося мне только всякий раз о распоряжениях ваших...» более того, 9 декабря 1803 г. Алек-

сандр распорядился, чтобы предписания П. Д. Цицианова выполнялись как высочайшие повеления, если они даже будут противоречить российским законам.

Таким образом, в истории развития российской администрации на Кавказе период деятельности в крае П. Д. Цицианова представляет отдельный этап. Несмотря на краткосрочность деятельности (1802-1806 гг.) многие начинания и замыслы Главноуправляющего стали своего рода «дорожной картой» и были воплощены в жизнь [6, 34]. Е. И. Кобахидзе отметила, что П. Д. Цицианов «первым из кавказских администраторов сформулировал долгосрочную программу политико-административного подчинения Северного Кавказа» [7, 34]. Меры, предложенные П. Д. Цициановым, опробованные правительством в Грузии, в дальнейшем получали распространение и в Кавказской губернии. Кавказская губерния была образована в 1802 году. Долгое время управление Кавказской губернии оставалось неудовлетворительным, гражданские и судебные дела не разбирались по несколько лет, в течение которых, по сообщению сенатора Д. Мертваго, «иных людей доводили до нищеты» [8, 62]. Одной из причин неэффективного управления территорией было отсутствие квалифицированного чиновничества. В 1809 году в связи «с затруднениями в приискании способных чиновников для определения к Гражданским, должностям в Кавказскую губернию» преимущества данные Указом 19 февраля 1803, года были распространены и на эту местность, но обязательный срок службы был установлен в 3 года [9, 1243]. Таким образом, предложения П. Д. Цицианова, высказанные в 1803 году и опробованное в Грузии было распространено и на Кавказскую губернию.

Одним из серьезных шагов в решении проблемы недостатка квалифицированных кадров для службы регионе стал указ 22 апреля 1804 года, в котором предписывалось: «по недостатку чиновников и по другим местным неудобствам, открывшимся при определении к статским должностям в губерниях Сибирских, Новороссийских, Астраханской, Кавказской, повелеваем: в губерниях сих, равно как и в Грузии, в определении на места поступать не по классам мест, но по усмотрению способностей и представлений, от начальства исходящих» [10, 287]. Настоящее положение было подтверждено и в июле 1807 года при утверждении штата губерний Астраханской и Кавказской: «действие указа 22 апреля 1804 года об определении чиновников в этих губерниях не по классам, а по способностям их, остается в силе» [11, 1217].

Льготы, предоставленные Указами 19 декабря 1803 года и 22 апреля 1804 года, не решили проблемы недостатка кадров для государственной службы региона, о чем в январе 1811 года в своем рапорте главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии генералу А. П. Тормасову пишет председатель казенной экспедиции А. И. Васильев: «4 уже раза комплектовалось здешнее правительство канцелярскими служителями, но не взирая на дарованные указом 1803 года привилегии, был и ныне есть недостаток в оных» [12, 1217].

Анализ переписки позволяет установить, что кавказская администрация не только отслеживала действенность тех или иных принятых мер, но и готовила обоснование для совершенствования системы вновь принимаемых решений. В качестве одной из мер преодоления недостатка чиновников А. И. Васильев предлагает следующее: сделать предписание всем присутственным местам, кроме отдаленных северных губерний, чтобы за неважные преступления секретарей и канцелярских служителей, имеющих должные способности, по приговору вместо наказания отправляли на высылку в Грузию. Присылка такого рода людей в Грузию может заменить для них наказание, а правительству служить «пособием в отправлении дел». Предлагал А. И. Васильев установить и «испытательный срок» – 2 года, по истечении которого при «хорошем поведении и добропорядочном исправлении должностей» с согласия правителя Грузии наказание с них было бы снято [13, 50]. Однако это предложение А. И. Васильева не нашло поддержки у властей. В августе 1812 года А. И. Васильев получает ответ, изложенный в рапорте С. С. Малиновского Главнокомандующему в Грузии генералу Н. Ф. Ртищеву: «что принадлежит до того, чтобы недостаток канцелярских служителей заменять обращением сюда ссылочных, я с сим мнением не могу согласиться, чтобы люди развратные и поврежденных нравов не могли заразить оными и остальных служащих и не ввели между ними и природными жителями новых развратов, не говоря о том, что для сбережения их от утечки потребуется немалое число караула, содержания коего сами они не будут стоить» [14, 210].

Другой стороной проблемы недостатка кадров становится качество служащих, прибывающих на Кавказ. Так, в 1808 году в рапорте Главнокомандующего в Грузии И. В. Гудовича Правительствующему сенату подчеркивается, что «определяемые на службу в Грузию канцелярские служители большей частию нетрезвого и дурного поведения и к исправлению дел малоспособные, не чувствующие ни увеще-

ваний, ни выговоров» [15, 22]. Далее в своем рапорте И. В. Гудович и предлагает меры воздействия на таких служащих: «для исправления их и дабы дела по присутственным местам имели надлежащее течение, держать иногда по ночам под караулом и днем под присмотром заставляя писать» [16, 23].

Аналогичная оценка дана и в рапорте председателя казенной экспедиции А. И. Васильева: «из людей, высылаемых сюда присутственными местами некоторые оказываются без должных способностей и порочного поведения» [17, 51]. А. И. Васильев вслед за И. В. Гудовичем также предлагает: «к удержанию порядка и в отращивание присылки или добровольного определения на службу в Грузию малоспособных и порочного поведения секретарей и канцелярских служителей не награждать их чинами до того времени, пока они, вступив в должности, прослужат год и через звание и добропорядочное поведение себя аттестуют» и только спустя год с момента вступления в должность можно объявлять следующие чины [18, 51]. Такого же рода предложения встречаются и в Записке о причинах медленного производства дел по Кавказской губернии 1817 года: «чтобы сюда присылаемы были люди в способности и добром поведении испытанные и аттестатами и послужными списками снабженные, и чтобы позволено было прежде объявления им чинов употреблять к делам по крайней мере три месяца как для испытания их способности, так и для замечания об их поведении, и уже по возможности удостоверения в том и другом объявлять чины, считая со времени прибытия» [19, 571].

Предложения, высказанные представителями кавказской администрации, были утверждены Сенатским указом от 28 февраля 1821 года:

- отправлять на Кавказ только чиновников, «кои оказались имеющими довольные способности для отправления службы»;
- чиновников «неспособного и дурного поведения» возвращать за счет тех мест и лиц, которые их туда направили;
- представлять к награждению чином только после того, как прибывший канцелярский служитель «действительно подаст о себе хорошую надежду» [20, 631].

Итак, мы наблюдаем две тенденции: во-первых, стремление правительства, устанавливая ряд выгод, привлечь в регион служащих, с другой – стремление недобросовестного чиновничества всячески использовать дополнительные выгоды в неблагоприятных целях. Так,

в рапорте управляющего по гражданской части на Кавказе генерала А. П. Ермолова в Правительствующий сенат от 15 января 1827 года сказано: «многие чиновники, определяясь в Кавказскую область и получая за это чины, прогоны и денежное вспоможение, большую часть положенного для прослужения в сей области срока, проводили, пользуясь 28-ми дневными отпусками, на Кавказских минеральных водах, к явному вреду службы» [21, 94]. В качестве меры пресечения в 1832 году было утверждено мнение Государственного Совета: «поставить общим для всех означенных мест правилам, что отпуска чиновников свыше 28 дней имеют быть исключаемы из действительной выслуги для удержания чинов, полученных ими при определении» [22, 94].

Таким образом, изучив материалы, связанные с разработкой и реализацией нормативных актов начала XIX века о предоставлении льгот чиновникам, отправляющимся на службу в Грузию и Кавказскую губернию, совершенно очевидно прослеживается заинтересованность кавказской администрации и верховной власти в решении проблемы недостатка квалифицированных чиновников для службы на Кавказе, сохранения «лица» российских чиновников, утверждения «положительного имиджа» России в регионе в целом.

Примечания

1. Дегоев В. В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): Учебное пособие. М., 2009.
2. Акты Кавказской Археографической комиссии (далее АКАК). Тифлис. Типография Главного управления Наместника Кавказского. Т.2. № 32.
3. АКАК. Т.2. № 55.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I, II. (далее ПСЗ). Собрание 2. Т.3. № 1944.
5. АКАК. т.2. № 360.
6. Хлынина Т. П., Кринко Е. Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д., 2012.
7. Кобахидзе Е. И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. №4.
8. Малахова Г. Н. Становление и развитие российского государ-

ственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв., 2001.

9. ПСЗ. Собрание 1. Т. 30. № 23943.
10. ПСЗ. Собрание 1. Т. 28. № 21273.
11. ПСЗ, Собрание 1, Т. 29. № 22553.
12. АКАК. Т. 4. № 49.
13. АКАК. Т. 4. № 49.
14. АКАК. т. 4. Ч.2. № 273.
15. АКАК. Т. 3. № 33.
16. АКАК. Т. 33. № 33
17. АКАК. Т. 4. № 49.
18. там же.
19. АКАК. Т. 4. Ч. 2. № 962.
20. ПСЗ. Собрание 1. Т. 37. № 28563.
21. АКАК. Т. 6 ч.1. № 139.
22. ПСЗ. Собрание 2. Т.7. № 5537.

**И. С. ТАХУШЕВА,
студент КБГУ (г. Нальчик)**

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ «СОВРЕМЕННОКА» (1856-1858 ГГ.)

Статья посвящена детальному анализу проблемы крестьянского вопроса на страницах «Современника» в период общественно-политического кризиса. Рассматривается история появления журнала, дается определение идейной направленности и структуры «Современника», изучается редакторский и авторский состав и его позиции, проводится анализ материала, представленного в журнале по проблеме крестьянского вопроса.

Ключевые слова: журнал, критика, крепостной строй, крестьянский вопрос, подвизники, периодическое издание.

Условия функционирования и развития русской периодической печати, ее отношение к протекающим в стране процессам постоянно находятся в поле внимания отечественной журналистской науки. Исследования в данном направлении приобретают характер всегда актуального в своей непрерывности поиска отправных начал познания феномена организованной и целенаправленной социальной коммуникации. Злободневность этого поиска обусловлена как интенсивными, противоречивыми процессами в сфере масс-медиа и их влиянием на политическую, культурную, духовную жизнь страны, так и по-прежнему насущной задачей теоретического осмысления и практического решения проблемы свободы слова в качестве основного условия конструктивных взаимоотношений власти и общества.

В связи с этим показательна история журнала «Современник». Он занимал центральное место среди подцензурных революционно-демократических изданий в России середины XIX в.

Для нас особую значимость имеет то, что «Современник» обоснованно выражал и стойко защищал интересы закрепощенного крестьянства – основной категории населения, боровшейся за уничтожение феодально-крепостнического строя.

Анализ «Современника» 50-60-х гг. приводит к выводу, что редакция сумела в условиях жесточайшей цензуры и полицейских

репрессий так организовать работу журнала, чтобы все его отделы (публицистический, литературно-критический, беллетристический) служили целям разоблачения антинародного смысла готовившейся крестьянской реформы 1861 г.

Важную информацию по интересующей нас проблеме содержат полное собрание сочинений в пятнадцати томах Н.Г. Чернышевского [1], материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные в 1861-1862 гг. [2], собрание сочинений в трех томах Н.А. Добролюбова [3].

Монографии, посвященные освещению процесса подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. на страницах журнала «Современник», немногочисленны, и по большей части однонаправлены, однако среди других изданий рассматриваемого периода, «Современник» более подвергнут научному изучению.

Ю.А. Масанов составил хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов, опубликованных в журнале, с раскрытием авторства [4], В.Э. Боград опубликовал указатель содержания «Современника» за 1847-1866 гг. [5]. Плодом двадцатилетних трудов В.Е. Евгеньева-Максимова были три книги, посвященные этому органу печати: «Современник» в 40-50-е гг. От Белинского до Чернышевского» с приложением статьи Д. Максимова «Современник» Пушкина» [6], «Современник» при Чернышевском и Добролюбова» [7] и «Последние годы «Современника» [8]. Советская наука накопила и по-новому осмыслила ряд фактов деятельности русских революционеров-демократов, и потому трилогия В.Е. Евгеньева-Максимова в некоторых своих разделах представляется устаревшей, но как хранилище материалов по истории «Современника» сохраняет свое значение.

Надо отметить, что крупнейшая работа, раскрывающая суть поставленной проблемы, принадлежит советскому исследователю Н.М. Сикорскому [9]. Ученый глубоко и детально изучил процесс подготовки крестьянской реформы 1861 г. в «Современнике», но он, на мой взгляд, слишком радикален в оценке работы других периодических изданий.

В разработку данной темы огромный вклад внес Б.П. Козьмин [10], немаловажную роль сыграли А.А. Корнилов [11], Я.И. Линков [12], Л.Ф. Пантелеев [13].

Из-за ограниченности круга интересующей нас литературы по теме при написании работы были привлечены различные работы по истории русской журналистики [14]. Данные работы примечательны, прежде всего, тем, что в них дается детальный анализ «Совре-

менника» и описываются идейные позиции сотрудников журнала. В частности, ценный материал содержится в книге «Очерки по истории русской журналистики и критики» под редакцией В. Г. Березиной и др. [15]. В книге две части: «Шестидесятые годы» и «Семидесятые – девяностые годы» XIX в. Каждая часть открывается обзорной главой, в которой дается характеристика общественного и литературного движения, состояния журналистики и цензурной политики правительства. В последующих главах анализируются либо отдельные органы печати, либо группы периодических изданий.

Таким образом, историографический обзор показывает, что в науке накоплен серьезный опыт изучения подвижнической деятельности редакции «Современник», что позволило нам раскрыть содержание заявленной проблемы.

Прежде чем начать обзор проведенной нами исследовательской работы, хотелось бы сделать небольшое отступление, которое поможет нам проследить деятельность журнала и его руководящий состав в различные временные промежутки его существования. «Современник» являлся российским литературным и общественно-политическим журналом, издававшимся в Санкт-Петербурге в 1836-1866 гг. Историю «Современника» для удобства изложения можно разбить на три периода. Первый период связан с началом выхода в свет журнала. Основал журнал в 1836 г. А. С. Пушкин. Он же был наиболее частым автором. Там же публиковались произведения Н. В. Гоголя, Д. В. Давыдова, Ф. И. Тютчева, князя П. А. Вяземского и других.

Второй период истории периодического издания охватывает временной промежуток с 1837 по 1846 г., когда после смерти Пушкина в 1837 г. короткое время редакцией «Современника» заведовал князь Вяземский, а с 1837 по 1846 г. П. А. Плетнев.

Но нас больше всего будет интересовать третий период истории журнала «Современник» исходя из поставленной проблемы. Начиная с 1846 г. дела у издания шли плохо и, в конце концов, в этом же году Плетнев продал права на журнал Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву. С этого времени начинается третий период печатной деятельности журнала. Обновленный «Современник» вышел 1 января 1847 г. Главным лицом издания должен был стать В. Г. Белинский, знаменитый критик. Но здоровье не позволило ему долго проработать в этом печатном органе. Не считая мелких библиографических заметок, ему удалось напечатать в «Современнике» только одну большую статью: «Обозрение литературы 1847 г.». После смерти Белинского в 1848 г.,

в последующие годы тон в журнале задавали Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов [16]. Важно отметить, что убеждения и концепции руководства и лидеров журнала, играют определяющую роль в становлении идейной направленности печатного издания.

Журнал имел постоянные проблемы с цензурой. В 1862 г. выпуск «Современника» был приостановлен на восемь месяцев. В 1865 г. он получил еще два предупреждения и, наконец, в 1866 г. окончательно закрыт [17].

Несмотря на то, что в «Современнике» несколько раз происходила смена состава сотрудников и писателей журнала, он оставался одним из наиболее значительных российских литературных журналов XIX века.

Переходя непосредственно к анализу проблемы, необходимо выделить, что в середине 50-х гг. XIX в. наблюдается переход «Современника» на позиции последовательного революционного демократизма.

Решающую роль в изменении характера «Современника» как типа журнала сыграла, без всякого сомнения, разработка в нем именно крестьянского вопроса – главного вопроса, стоявшего тогда перед обществом. Ответить на запросы дня, дать конкретное, практическое решение той или иной проблемы, связанной с освобождением крестьян от крепостной зависимости, можно было лучше всего в публицистическом произведении. И не случайно, что «Современник» как журнал общественно-политический и литературно-художественный окончательно складывается в середине 1858 г., когда стало возможно, хотя и с большими ограничениями, открытое обсуждение крестьянского вопроса.

Программа «Современника» по крестьянскому вопросу в период общественно-политического кризиса (1856-1858 гг.) была последовательно революционно демократической, рассчитанной на освобождение крестьян от крепостной зависимости путем революционного свержения царского самодержавия.

Революционно-демократическая сущность программы «Современника» по крестьянскому вопросу нашла довольно явное проявление в отношении журнала к царским рескриптам, появившимся в конце 1857 г. Первый рескрипт царя на имя виленского генерал-губернатора В. И. Назимова появился 20 ноября 1857 г. и означал, что правительство решилось, наконец, пойти на открытое, «гласное» обсуждение крестьянского вопроса [18, 115]. В печати появилась возможность писать по крестьянскому вопросу открыто. Разумеется,

что о такой возможности следует говорить лишь условно. Цензура по-прежнему проводила наступательные действия на журналистику, «душила» ее. Но все же, если раньше не только прямое, но даже косвенное осуждение крепостного строя и всякое даже малейшее указание на необходимость его упразднения строжайшим образом запрещалось, то теперь это стало в какой-то мере возможно. Этой относительной возможностью и воспользовался Н. Г. Чернышевский, напечатавший во втором номере «Современника» за 1858 г. большую статью «О новых условиях сельского быта». Статья Чернышевского является главным документом, позволяющим судить об отношении «Современника» к царским рескриптам.

Свое отношение к этим документам Чернышевский ясно выразил еще до их опубликования в письме к А. С. Зеленому в сентябре 1857 г.: «Из общественных новостей, – писал он, – по-прежнему занимает Петербург указ об освобождении крестьян... Но он оказывается вовсе не указом об освобождении, а просто приглашением к любовным сделкам...» [19, 350].

Редакция «Современника» в своей критике крепостничества исходила из свойственной всем просветителям точки зрения, заключающейся в том, что крепостное право – источник всех бед. Ее четко сформулировал в начале 1858 г. Н. Г. Чернышевский в статье «О новых условиях сельского быта»: «...Общий главнейший источник всех их – крепостное право; с уничтожением этого основного зла нашей жизни каждое другое зло ее потеряет девять десятых своей силы» [20, 398]. Большое внимание в этой статье Чернышевский сфокусировал на необоснованности крепостного права в экономической области. Касаясь этого вопроса, Чернышевский писал, что во главу изучения надо поставить рассмотрение именно экономической стороны дела, а уже потом, надо приступать к опубликованию статей, обзорающих несостоятельность крепостного права в историческом, юридическом, административном и государственном отношениях [21, 399].

Но первым, наиболее качественным и рельефным выступлением «Современника» с резкой критикой крепостничества, прежде всего в плане экономическом, была рецензия Н. Г. Чернышевского на книгу И. Фундукля «Статистическое описание Киевской губернии» [22, 25-64]. Можно полагать, что Чернышевский специально взял для порицательного разбора типичную «ученую» работу, написанную к тому же «тайным советником»; это как бы подчеркивало полную лояльность задуманного дела.

В статье отстаивается взгляд на крепостничество как главное препятствие в экономическом развитии страны. Чернышевский берет в качестве примера одно имение, упоминающееся у Фундуклея как «благоустроенное», лучшее по своей организации. Экономическая беспочвенность этого «благоустроенного» имения доказывается Чернышевским статистическими и фактическими данными.

При таком строе, как подсчитывал Чернышевский, три четверти основных жизнедеятельных сил тратились безрезультатно, не принося ни пользы обществу, ни даже выгоду владельцу. В связи с этим напрашивался вывод о том, что дальнейшее существование такого устройства может окончиться полным бедствием для государства.

В рецензии на произведение В. Порошина «Дворяне-благотворители» Чернышевскому удалось показать, к каким положительным результатам приводят отдельные случаи освобождения крестьян даже в условиях существования самодержавно-крепостнического строя.

Сказание В. Порошина было посвящено описанию случая освобождения крестьян в имении князей Ширинских-Шихматовых. Последние отпустили на волю своих крестьян в соответствии с законом 1803 г., по которому можно было освобождать крестьян от крепостной зависимости в звании «вольных хлебопашцев». Однако, было бы неверно считать, что Чернышевский в этой статье выступает популяризатором такого решения крестьянского вопроса, какое имело место в имении Ширинских-Шихматовых. Нельзя забывать, что данный указ предусматривал выплату крестьянами помещикам выкуп или исполнение повинностей за предоставляемую им свободу и земельный надел. Чернышевский лишь показывает на конкретном примере, что освобождение крестьян, отпуск их на волю, приводит к положительным результатам, ибо дело это исходит «от здравых, благих начал» [23, 36].

Главной своей задачей «Современник» в 1856-1858 гг. кроме критики крепостничества в плане экономическом, считал разоблачение политической сути крепостнического строя, показ непосредственной связи крепостничества с царским самодержавием, пропаганду идеи народной революции. Именно это принципиально и весомо отличало «Современник» от всей либеральной журналистики, например, «Экономического указателя» И. В. Вернадского и «Русского вестника» М. Н. Каткова, где тоже часто появлялись статьи, показывающие экономическую несостоятельность дальнейшего существования крепостного права.

В журнале печатались многочисленные статьи, в которых показывалось, что крепостное право наложило злобещий отпечаток на все без исключения области жизни страны. «Какую бы отрасль общественной жизни ни взяли бы мы, в каждой оказываются... действия этого коренного зла», – писал Н. Г. Чернышевский [24, 396]. Трудом крепостных в России определяется «весь характер и общественного и национального хозяйства» [25, 417].

«Современник» показывал, что крепостное право – основание той несправедливости в обществе, при которой на одном полюсе сконцентрировано богатство, на другом – нищета; на конкретных примерах разоблачался строй, который приводит по существу к элиминации крестьянства, влачившего многострадальное и бесталанное существование в условиях крепостного плена.

Мощнейшим ударом по крепостному праву явилась большая статья Н. А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», написанная на основе носивших мемуарный характер произведений С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука». Привлекая материалы из этих сочинений, Добролюбов продолжил традицию, сложившуюся в журнале в 1856-1857 гг. и заключавшуюся в использовании любых произведений в целях популяризации революционно-демократических идей в легальных условиях.

Прежде всего, Добролюбов останавливается на образе самих помещиков. Крепостнические отношения пронизывают всю их жизнь, обнаруживая свое влияние во всех областях, «даже там, где всего менее можно было бы ожидать: в домашних забавах, в родственных отношениях, в воспитании детей помещиков» [26, 26]. В статье Добролюбов показывает степень этического падения помещиков в условиях крепостного права. Они грубы, некультурны и неделикатны, они нечестны и неправедны даже по отношению к своим близким.

Еще в 1856 г. в рецензии на «Месяцеслов на 1856, високосный год» [27, 12-15], Чернышевский приводил любопытные цифры, констатирующие о крайне низком уровне развития культуры в стране. Во всех учебных заведениях министерства народного просвещения в 1853 г. обучалось всего 121193 человека, в 1854 г. – 122553 человека. Население страны в это время составляло около 60 миллионов человек. Таким образом, лишь один человек из 500 учился. Еще более убогой была картина состояния высшего образования: во всех высших учебных заведениях в 1853 г. обучалось 4110 студентов, а в 1854 г. – 4130. Не трудно заметить, что крепостное право

по таким подсчетам отрицательно влияло на культурную и образовательную среды.

В середине 1857 г. Чернышевский помещает в «Современнике» рецензию на брошюру «Столетие Московских ведомостей (1756-1856)» [28, 58-60], в которой обращает внимание читателя на неимоверную отсталость страны в области просвещения. Та же мысль развивалась в одном из «Современных обозрений», написанном Н. Г. Чернышевским. Западные европейские государства очень далеки от достижения идеала в области народного образования, писалось в статье, но даже с ними Россия может сравниться лишь тогда, когда в двадцать раз увеличится число ее школ и в сорок раз умножится число учащихся в тех школах. Для «исцеления зла» мало развивать просвещение, надо уничтожить крепостнический строй, или, по терминологии Чернышевского, «другие обстоятельства», которые в свою очередь порождены невежеством. «...До уничтожения их невозможно и распространение просвещения» [29, 273-274]. Таким образом, отсталость страны в культурной сфере, в области просвещения, в экономической среде являлась порождением крепостного права, и без ее уничтожения невозможно было говорить о дальнейшей модернизации страны.

Во «Внутреннем обозрении» № 9-12 «Современника» за 1857 г. Чернышевский писал о распространении грамотности в народе, о семейных отношениях в деревне и других вопросах, касающихся в той или иной мере положения русского крестьянства. Очень резко высказывался он по поводу развернувшихся в журналистике того времени споров о телесных наказаниях крестьян: «И о таких вещах надобно еще спорить! Говорите же о прогрессе! Если эти споры прогресс, то прогресс, достойный монгольских степей, а не Европейской России; времен какого-нибудь Тимура Култука, а не XIX века!» [30, 141]. Чернышевский явно издевательски относился к либеральным восторгам по поводу прогресса, на путь которого якобы вступила Россия в царствование Александра II. Никаких надежд на прогресс сверху, на правительственные начинания он не возлагал.

Таким образом, в ходе проведенной нами исследовательской работы была тщательно изучена проблема «Крестьянский вопрос на страницах «Современника» в период общественно-политического кризиса». Изучение данной темы мы начали с истории самого журнала «Современник», так как, прежде чем перейти к анализу материала, представленного в журнале по интересующей нас проблеме, надо было определить идейную направленность и структуру «Со-

временника», изучить редакторский и авторский состав и его позиции. Далее был проведен непосредственно сам анализ поставленной проблемы.

В ходе исследовательской работы, изучив соответствующий материал, мы пришли к следующим выводам: во-первых, «Современник» был создан А. С. Пушкиным как литературный журнал в 1836 г. В нем публиковались стихи, проза, критические, исторические, этнографические и другие материалы. В целом, в первый период существования журнала деятельность его целиком была нацелена на печатание художественных произведений, которые никак не затрагивали основ существующего строя и насущных проблем, стоявших перед обществом.

Во-вторых, с переходом к Некрасову и Панаеву «Современник» меняет свою идейную направленность: из литературного журнала он превращается в общественно-политический и литературный. Здесь будет правильно еще раз подтвердить выдвинутый выше тезис о том, что идейные позиции авторов и редакторов журнала играют основополагающую роль в характере деятельности периодического издания. Именно с этого периода начинается резкая критика на страницах журнала основ крепостнического строя.

В-третьих, выделяя задачи, которые ставила перед собой редакция «Современника», поставив животрепещущий и злободневный для того общества крестьянский вопрос, можно с уверенностью сказать, что в период с 1856 по 1858 г. главной задачей издания было вскрыть язвы крепостничества в стране. Решению основной задачи – подготовке крестьянской реформы в журнале было подчинено буквально все: от маленькой заметки в отделе «Смесь» до крупной статьи на политическую тему. В различных отделах журнала, например, «Внутреннее обозрение», «Современное обозрение», печатались многочисленные статьи известных общественно-политических деятелей, в которых показывалось, что крепостное право наложило зловеющий отпечаток на все без исключения области жизни страны. Критике крепостничества с экономической, культурной и образовательной сторон были посвящены издававшиеся на страницах «Современника» такие произведения Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, как «О новых условиях сельского быта», «Месяцеслов на 1856 год, високосный год»; рецензии на различные произведения: «Столетие Московских ведомостей (1756-1856) Е. Корша», «Деревенская жизнь помещика в старые годы. Детские годы Багрова-внука, служащие

продолжением «Семейной хроники» С. Аксакова», «Дворяне благотворители. Сказание В. Порошина», «Статистическое описание Киевской губернии, изд. И. Фундуклеем» и др.

И в заключение хотелось бы отметить, что из всех журналов рассматриваемого периода, а точнее 1856-1858 гг., нам больше всего импонирует именно «Современник», потому что он был наиболее близок к народу и поднимал вопросы, которые волновали общество, но, что самое главное, не только выражал, но и защищал интересы угнетенных масс.

Примечания

1. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 томах. М., 1939.
2. Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные в 1861-1862 гг. М., 1890 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dobrolyubov-museum.ru/index.php/dobrolyubov/bibliography> (дата обращения: 08.04.2013).
3. Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 3 томах. М., 1986.
4. Литературное наследство. М., 1949. Т. 53-54.
5. Боград В. Журнал «Современник», 1847-1866. Указатель содержания. М.-Л., 1959.
6. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40-50-х гг. Л., 1934.
7. Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.
8. Евгеньев-Максимов В. Е. Последние годы «Современника», 1863-1866, Л., 1939.
9. Сикорский Н.М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. М., 1957.
10. Козьмин Б.П. Журнал «Современник» – орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н.Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957.
11. Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/30583> (дата обращения: 08.04.2013).
12. Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. М., 1952.
13. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934.
14. Есин Б.И. История русской журналистики (1703-1917). М.,

2000; История русской журналистики XVIII-XIX веков / Под ред. А. В. Западова. М., 1973; Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840-1850-х годов. М.-Л., 1951; История русской журналистики XVIII-XIX вв. / Л. П. Громова, М. М. Ковалева, А. И. Станько и др. / Под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003.

15. Очерки по истории русской журналистики и критики / Под ред. В. Г. Березиной. Л., 1965. Т. 2.

16. Козьмин Б. П. Журнал «Современник» – орган революционной демократии. Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. М., 1957.

17. Евгеньев-Максимов В. Е. Последние годы «Современника», 1863-1866. Л., 1939.

18. Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб., 1905 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigafund.ru/books/30583> (дата обращения: 08.04.2013).

19. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 томах. М., 1939. Т. 14.

20. Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта (статья первая) // «Современник», 1858, II, Критика.

21. Там же.

22. Чернышевский Н. Г. Статистическое описание Киевской губернии, изд. И. Фундуклеем, в 3 томах. СПб., 1852. // «Современник», 1856, VII, Критика.

23. Чернышевский Н. Г. Дворяне благотворители. Сказание В. Порошина. СПб., 1856. // «Современник», 1856, IX, Библиография.

24. Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта (статья первая) // «Современник», 1858, II, Критика.

25. Там же.

26. Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением «Семейной хроники» С. Аксакова. М., 1858. // «Современник», 1858, III, Критика.

27. Чернышевский Н. Г. Месяцеслов на 1856 год, високосный год // «Современник», 1856, I, Библиография.

28. Чернышевский Н. Г. Столетие Московских ведомостей (1756-1856) Е. Корша. М., 1857. // «Современник», 1857, IV, Библиография.

29. Чернышевский Н. Г. Современное обозрение // «Современник», 1857, X, Смесь.

30. Чернышевский Н. Г. Внутреннее обозрение // «Современник», 1857, XI.

Ю. С. ХРАМЦОВА
(г. Железноводск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРАВОСЛАВИЯ В 60-70-Х ГГ. XIX В. В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье идет речь о многочисленных преобразованиях, связанных с проведением реформ XIX в., затронувших не только мирян, но и условия жизни, и профессиональную деятельность священнослужителей. Обосновывается мысль о том, что реформы способствовали преодолению сложившейся вековой замкнутости православного духовенства, открыли новый этап его развития, создав, одновременно, новые противоречия внутри данной социальной общности.

Ключевые слова: реформа, православие, церковь, старообрядцы, приход, священнослужители, духовенство, епархия.

Ход модернизации, требующий отказа от традиционных форм управления и регламентации, обострил кризис феодальной политической системы, экономических и духовных основ общества, что форсировало постановку вопросов совершенствования внутрицерковной деятельности клириков. Жизнь требовала, считает А. В. Ключарева, серьезных изменений в религиозной сфере православного населения, от реформирования сложившейся синодальной системы государственно-церковных отношений и необходимости возрождения патриаршества, до проведения мероприятий по «оживлению» прихода [1, 3].

Как известно, юридический статус Церкви был определен «Духовным регламентом» 1721 г., в соответствии с которым она получила статус «коллегии», а духовенство стало осознаваться как сословие, состоящее на государственной службе [2, 314], вследствие этого правительство считало себя обязанным направлять его деятельность для решения первоочередных задач. Введение государственной церков-

ности изменило структуру Церкви, а тем самым и положение приходского духовенства. Чиновники оказывали все большее влияние на формирование условий жизни приходского духовенства [3]. Итогом этого процесса явилось превращение приходского духовенства в духовное сословие (звание), в силу чего, идеологи Великих реформ, по мнению С. В. Римского, попытались применить к области церковной принцип крестьянской реформы [4, 138].

Важную роль в проведении реформ в России, в том числе и в церковном ведомстве, сыграл П. А. Валуев, которому принадлежала схема материального обеспечения православного духовенства империи, положенная в основу реформ [5, 167]. Посол Франции в Петербурге Шарль де Талейран-Перигор отнес министра внутренних дел, инициатора многих подвижек в обществе, к «числу самых ярких личностей Империи» [6, 150].

Если до 1721 г. священник воспринимался обществом как «служитель Церкви», относившийся к ее юрисдикции, чьей главной обязанностью считалось пастырство, то ко времени реформ императора Александра II, духовенство мыслилось как сословие, обязанное служить на благо государства, и забота правительства простиралась главным образом на материальное благополучие и права этого сословия.

Перестройка церковной жизни началась с создания в июне 1862 г. особого Присутствия состоящего из духовных и штатских лиц для поиска «способов к большему обеспечению быта духовенства» [7, 559]. Его задачи были обозначены следующим образом: «1. К расширению средств материального обеспечения приходского духовенства; 2. К увеличению личных его гражданских прав и преимуществ; 3. К открытию детям священно- и церковнослужителей путей для обеспечения своего существования на всех поприщах гражданской деятельности; 4. К открытию духовенству способов ближайшего участия в приходских и сельских училищах» [7, 561].

Третий пункт программы был обусловлен тем, что в дореформенный период характерной стороной бытия духовного сословия была его сословная замкнутость, поскольку обучение детей духовенства велось в закрытых духовных школах и дети наследовали сословную принадлежность отца и места служения в церковных приходах.

14 апреля 1863 г. Александр II Высочайше утвердил выписку из журнала Присутствия по делам православного духовенства, в соответствии с которой во всех губерниях и областях империи учреждались местные Присутствия по делам православного духовенства. Для

казачьих регионов, в том числе и терских казаков, подобные присутствия были учреждены позже. В эти присутствия должны были войти по три представителя власти: епархиальный архиерей, начальник губернии или области и управляющий палатой государственных имуществ [7, 561]. Их задачами были ревизия материального положения духовенства губерний и передача сведений в главное Присутствие в Петербург.

За период 12 летней работы Присутствие по делам православного духовенства приняло свыше 40 государственных законов, направленных на изменение правового статуса и улучшение материального обеспечения. 17 апреля 1863 г. был принят закон, по которому, церковнослужители и их дети «изымались от всяких вообще телесных наказаний» [8, 353].

В этом же году выпускникам духовных семинарий разрешили поступать в университеты. В связи с реформой начального и среднего образования в 1863 г., устав гимназий в 1864 г. «разрешил сыновьям духовных лиц поступать в гимназии, а уставы духовных училищ и семинарий от 1867 г., в свою очередь, предоставляли им право посещать светские школы» [9, 78]. Закон о земстве от 1 января 1864 г. предоставлял духовенству право участвовать в сословно-куриальных выборах и быть избранным в земские органы самоуправления [10, 558].

Наиболее важным актом в преодолении сословной замкнутости духовного сословия, стало принятие 26 мая 1869 г. закона «Об устройстве детей лиц Православного духовенства». Этим законом детям священно- и церковнослужителей открывался «путь к обеспечению своего существования на всех поприщах гражданской деятельности». На законодательном уровне было утверждено, что дети духовенства лично не принадлежат к духовному сословию, «показываясь только для сведения в послужных списках их отцов». Детям священнослужителей предоставлялись права детей личных дворян, а церковнослужителей – личных почетных граждан, а вместе с тем им предоставлялось право поступления на любую гражданскую должность [11, 522]. Вместе с тем, за детьми духовенства сохранялось первоочередное право «на образование в духовно-учебных заведениях, на определение в священно- и церковнослужители, на пособие от епархиальных попечительств о бедных духовного звания или на другие, существующие по духовному ведомству, способы призрения и т.д.» [11, 522].

Закон от 15 марта 1871 г. подтверждал, что «не имеющие прав высшего состояния, дети священнослужителей Православного и Армяно-Григорианского исповеданий принадлежат к потомственному, а дети церковных причетников (дьячков, пономарей и псаломщиков) тех же исповеданий, к личному почетному гражданству, когда бы и в каком звании те дети не были рождены» [12, 203].

Законы, разрушающие сословную замкнутость духовенства, довольно быстро дали положительные результаты. Дети духовенства стали в полной мере использовать свои права. Даже окончившие полный курс семинарии теперь часто шли на службу в гражданские ведомства, поступали в светские высшие и специальные учебные заведения, особенно на историко-филологические и юридические факультеты университетов. В 1880 г. их численность достигла 34,5% от общего состава учащихся [4, 202].

Следующей церковной реформой была ликвидация наследственности на приходах, ставшей прямым следствием замкнутости духовного сословия. Традиция о наследовании детьми церковнослужителей служебных мест родителей сложилась в XVII-XVIII вв. Этому способствовали внутри сословные браки, которые выполняли определенные социальные и экономические функции, поскольку «они гарантировали пенсионное содержание отошедшему от службы (по старости) духовенству, обеспечивали сирот и позволяли замещение мест клириков путем получения их в приданное. Такая практика позволяла семье контролировать свое церковное место. Это место, – считает И. А. Семин, – отходило к получившему образование семинаристу, который соглашался жениться на дочери бывшего священника, и тем самым обещал поддержку ушедшему на покой священнику и его семье» [13, 104].

22 мая 1867 г. был принят закон, упраздняющий наследование священно- и церковнослужительских мест [14, 798]. В нем говорилось: «Опыт показал, что допущение такого порядка представляет весьма важные невыгоды, а именно: а) беспрестанные затруднения для епархиальных Архиереев, обязанных, при таком устройстве дел, предпочитать в рукополагаемых, достоинство родству; б) расстройство порядка по церкви и приходу, в коих вакантные места, будучи зачислены за священно- и церковнослужительскими дочерьми, остаются за несовершеннолетием их праздными; в) крайнее стеснение для причтов, большей частью скудно обеспеченных и однако принужденных притом делиться своим последним достатком с принятыми на их

содержание лицами; г) обременение учреждений Православного духовного ведомства множеством дел, возникающих от несоблюдения, нередко невольного, членами причтов неудобноисполнимых условий, и по укоренившемся, вследствие такого порядка вещей, убеждению в среде духовенства о наследовании мест по праву родства». Выявленные недостатки законом отменялись: 1) наследование священно- и церковнослужительских мест «в видах призрения престарелых священно-церковнослужителей или оставшихся после них семейств»; 2) зачисление штатных мест за дочерьми или родственницами духовенства «с правом определения на вакансии тех кандидатов, которые вступят в брак с такими девицами»; 3) выдача части доходов предшественникам в качестве платы за место; 4) открытие новых штатных вакансий на приходах ради определения «известных лиц» или ради «призрения осиротевших духовных семейств» [14, 798].

Освобождение церковных мест от наследования дало возможность желающим получить священный сан заключать браки с представительницами других сословий, хотя закон и не регламентировал это.

Третьим аспектом реформы был вопрос о юридическом статусе жен духовенства. Правовой статус женщины из духовного сословия определялся положением ее мужа, так как после замужества, несмотря на прежнюю сословную принадлежность, женщина автоматически возлагала на себя обязанности «представителя церковного ведомства» [15]. Если священнослужитель исключался из духовного звания по каким-либо причинам, то статус его жены также понижался. Отдельной проблемой было тяжелое положение матушки-вдовы. Если она выходила замуж повторно, то лишалась права на получение пособий.

Комиссия, которая обсуждала этот вопрос, предложила предоставить вдовам священнослужителей высокий статус личного дворянства, а вдовам церковнослужителей – личного почетного гражданства, но это предложение встретило оппозицию Государственного Совета [13, 106]. Тем не менее, 11 октября 1875 г. был принят закон о состоянии вдов духовенства, в соответствии с которым «вдовы, не принадлежащие к потомственному дворянству священнослужителей и церковных причетников..., если они сами по себе не имеют, по происхождению, прав высшего сословия, пользуются: вдовы священнослужителей – правами личного дворянства, а вдовы церковных причетников – правами личного почетного гражданства» [16, 303].

Однако закон здесь же ввел ограничения: новое замужество лишало их всех привилегий.

16 апреля 1869 г. был утвержден проект «О составе приходов и церковных причтов» [17, 321], положивший начало формированию новых штатов в епархиях. Закон ставил цель количественно уменьшить духовное сословие, во-вторых, за счет снижения численности сословия уменьшить материальные расходы государства. Если до 1869 г. одноштатный церковный причт состоял из священника, диакона, дьячка и пономаря, двухштатный из двух священников, одного диакона, двух дьячков и двух пономарей и т.д., то штаты 1869 г. предусматривали наличие одного священника и одного церковнослужителя (псаломщика, в чьей должности были объединены обязанности дьячка и пономаря) на один приход. Небольшие приходы объединялись. Из штатов были исключены диаконы, которым предоставлялось право перейти на должность псаломщиков, либо «продолжить службу за штатом, на средства общины» [18, 334].

Сокращение приходов и причтов было негативно оценено и современниками и потомками. «Приходы, складывавшиеся преимущественно от потребности верующих, хотели произвольно поделить во имя некоего благополучия духовенства, уподобив их обычным доходным статьям. Для этого их хотели укрупнить, установив квоту численности общины для каждой епархии» [4, 195]. Практика показала, что сокращение приходов и причтов было незначительным. В одной из многочисленных записок, рассылавшихся архиереям для отзыва, говорилось о том, что закрытие множества церквей сделало духовенство народу «ненавистным, так что народ мстит ему уменьшением доходов, отчего и в удвоенных приходах положение духовенства не улучшилось вдвое, а труда прибыло столько, что при увеличении расстояний священник и поспевать во время всюду не может, куда его требуют» [4, 197].

16 февраля 1885 г., в связи с закрытием Присутствия по делам православного духовенства, был принят новый закон о причтах, который позволял епархиальным архиереям уже без обращения в Синод восстанавливать причты в приписных церквях, вновь открывать некогда закрытые приходы. Отменялось разделение священников на настоятелей и помощников настоятелей, а равно и разделение причетников на псаломщиков и исполняющих должность псаломщика [19, 66]. Таким образом, эта часть церковной реформы оказалась крайне непопулярной, что и предредило его судьбу.

Церковные реформы Александра II не только стали попыткой «раскрепостить» и оживить господствующую Церковь [20, 126], но и внесли серьезные изменения в бытие духовного сословия Российской империи и во многом предопределили его дальнейшее развитие. Была разрушена сословная замкнутость, дети духовенства получили определенный, достаточно высокий статус потомственных (дети священнослужителей) и личных (дети церковнослужителей) почетных граждан, им был открыт путь в любые учебные заведения и предоставлена возможность любой государственной службы. Сыновья духовенства получили возможность заключать браки с девицами других сословий, был определен статус вдов духовенства.

Но наряду с положительными факторами, преобразования имели и негативные стороны. Так, из-за явного предпочтения детьми духовенства гражданской службы духовной в пореформенный период возник вопрос о нехватке клириков. Отмена обязательности сословных браков, «высвободила» значительное количество дочерей духовенства. Как следствие, удельный вес самостоятельных тружениц, революционерок, дочерей лиц духовного звания увеличивался год от года.

Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, негативно относившийся к церковной реформе [21, 433], сократившей расходы казны на содержание клириков, в конце царствования императора Александра III сумел добиться разрешения на внесение в декабре 1892 г. представления в Государственный Совет об ассигновании в 1893 г. из казны на содержание духовенства 250000 руб., и о дальнейшем продолжении дополнительных ассигнований «дотоле, пока будет обеспечено содержанием духовенство во всей России». 23 апреля 1893 г., благодаря К. П. Победоносцеву, мнение Государственного Совета было утверждено императором [22, 377], а 29 декабря 1892 г., по постановлению Государственного Совета, означенная сумма была внесена в финансовую смету Св. Синода на 1893 год.

Негативным последствием реформ для духовного сословия стало еще большее «сращивание» лиц, принадлежащих духовному сословию, с государственной системой. Отныне представитель духовного сословия понимался исключительно как государственный служащий, пользующийся привилегиями, заботами и материальным обеспечением от государства.

Это, в конечном счете, привело к формированию неразрешимого противоречия. Правительство России, привыкшее считать себя га-

рантом общественной стабильности, а церковь – лишь помощницей, не понимало, что ослабление самостоятельной роли церкви чревато падением её престижа в глазах верующих. Новый образ церкви в качестве служанки государства способствовал не укреплению, а, наоборот, снижению авторитета государства и Церкви.

Религиозная ситуация, с точки зрения Святейшего Синода, среди терских казаков всегда была сложной, поскольку значительная часть Гребенского, Терского семейного войска и других групп казачества, сформировавшихся в XVI-XVIII вв., не приняла реформ патриарха Никона и твердо отстаивала каноны старой веры. В условиях Кавказской войны возможностей официальному православному духовенству искоренить «крамолу раскольников и ересей» практически было не возможно, да и рискованно, о чем свидетельствовали примеры не красовцев и тех староверов, которые переходили на сторону Шамиля.

Причин сложившейся ситуации несколько. С одной стороны, толерантная правительственная политика, прежде всего Екатерины II, которая ликвидировала раскольничью контору, разрешила старообрядцам не брить бороду, носить любое платье, отменила двойной оклад, наименование их раскольниками, дала возможность старообрядцам действовать открыто, и не опасаться преследований со стороны официальной церкви. С другой, обширность епархии, удаленность региона от епархиального центра, отсутствие дорог, сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка, бедность и малочисленность приходов создавали многочисленные трудности в деятельности официального духовенства. Желающих вести здесь проповеди было явно недостаточно. Наконец, казаки оказывали пассивное и активное сопротивление попыткам официальной церкви вмешиваться в их религиозную практику.

Даже Николай I, занимавший четко обозначенную «официально-православную» позицию и издававший указы о преследовании «раскольников», допускал исключения в отношении терских староверов. Ведь казачье старообрядчество, считает Н. Н. Великая, не держало «хулы» на государство и церковь, а двоеперстие не мешало присягать российскому престолу и верно нести службу. Именно военная функция казачества считалась главной, и ради ее сохранения правительство шло на уступки [23, 34].

Основные же усилия руководства епархией были направлены на борьбу с прибывавшими на Терек «классическими раскольниками», проповедовавшими идеи о пришествии Антихриста, близкой кончи-

не мира, «неправости» никонианской церкви и т.п. Ситуация изменилась после завершения Кавказской войны и проведения реформ в области. Как и на Дону, проведение церковных реформ на Тереке в 1860-1873 гг. стало причиной унификации правового положения терского духовенства с общероссийским [24, 27].

Для того чтобы представить масштабы влияния церковных реформ на духовную жизнь православного социума, приведем данные о численности казачества и русского населения. Общая численность русского населения и украинцев на Северном Кавказе в 1795 г. достигала 150 тыс. чел. обоего пола, которое и составляло основной массив православного населения [25, 144]. В 1834 г. оно уже составляло – 405,5; в 1858 г. – 780,4; в 1867 г. – 1085,8; в 1897 г. – 2887,3 [25, 145]. Из них в Терской области в 1867 г. проживало 262,5 [25, 199]. В 1897 г. – 312,5 тыс. чел. обоего пола. В 1858 г. по IX ревизии в Ставропольской губернии насчитывалось всего 942 представителя духовенства [25, 164].

В Кавказской епархии, обнимающей Ставропольскую губернию, большую часть Терской области, Кубанскую область и Черноморский береговой округ, состояло православного исповедания 1010957 душ обоего пола. Они посещали два мужских монастыря, один из которых в Терской области, два женских монастыря, 441 церкви, 45 молитвенных домов. По статистическим данным Кавказской епархии здесь в 1874 г. числилось духовенства: монашествующих мужского пола 69, женского пола 96. Белого 1183. Окончивших богословский курс протоиереев и священников 447, не окончивших семинарского курса 30, обучавшихся в училищах 40, получивших домашнее образование 2. Окончивших богословский курс псаломщиков 10 [26, 70].

По данным первой всеобщей переписи населения в 1897 г. в Терской области работало всего 679 православных священнослужителей [27, 124]. Вместе с членами семей получается порядка четырех тысяч человек.

Сокращение числа священнослужителей и церковнослужителей в Терской области, уменьшение их духовного влияния на массы, ухудшение материального положения, произошедшее в результате проведения церковных реформ, бесспорно, было просчетом правительства. Оно привело к падению авторитета Церкви на окраинах Российской империи, усилило позиции старообрядцев, раскольников и руководителей различных сект, углубило кризис официального православия.

Примечания

1. Ключарева А. В. Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881-1917 гг. (по материалам Тульской епархии): Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Орел, 2009.
2. Полн. собр. зак. собр. 1. 1720-1722. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. VI.
3. Подробнее см.: Знаменский П. В. Приходское духовенство. Казань, 1873.
- Римский С. В. Православная Церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. Ростов-на-Дону, 1998.
4. Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX века // Отечественная история. 1995. № 2.
5. Цит. по: Черкасов П. П. Политические реформы Александра II в донесениях и отчетах посольства Франции в Санкт-Петербурге // Новая и новейшая история. № 3. 2010.
6. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1862. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVII. Отделение первое.
7. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1862. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVII. Отделение первое.
8. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1863. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. Т. XXXVIII. Отделение первое.
9. Конюченко А. И. Русское православное духовенство во второй половине XIX – начале XX веков // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начала XX веков). Челябинск, 1993.
10. Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999.
11. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1869. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. Т. XLIV. Отделение первое.
12. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1871. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1874. Т. XLVI. Отделение первое.
13. Семин И. А. Государственная политика в отношении православного приходского духовенства (1825-1870-е гг.). Дис. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2006.
14. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1867. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1871. Т. XLII. Отделение первое.

15. Леонтьева Т. Г. Женщины из духовного сословия в самодержавной России // Женщины. История. Общество. Сб. научных трудов. Вып. 1. Тверь, 1999. URL: <http://www.tvergenderstudies.ru/pbbk002r.htm> (Дата обращения 06.05.2013).
16. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1875. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. Т. L. Отделение второе.
17. Полн. собр. зак. Собр. 2. 1869. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. Т. XLIV. Отделение первое.
18. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700-1917. М., 1996. Ч. 1.
19. Полн. собр. зак. Собр. 3. 1885. СПб., 1887. Т. V.
20. Полунов А. Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина 1890-х годов) // Вопросы истории. 1997. № 11.
21. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева за 1888-1889 гг. СПб., 1890.
22. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб., 2007.
23. Великая Н. Н. Официальное православие и гребенские казаки в XVIII – начале XX в. // Православие в исторических судьбах Юга России. Южнороссийское обозрение. Вып. 16. Ростов-на-Дону, 2003.
24. Шадрина А. В. Приходское духовенство Донской епархии второй половины XIX – начала XX веков: Автореферат диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. Ростов-на-Дону, 2013.
25. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIXXX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996.
26. Северный Кавказ: российская политика и практика христианизации. Извлечения из «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей (1873-1917 гг.)». / Сост. Подготовка текстов и комментарии Р. А. Остапенко. Майкоп, 2009.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXVIII ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ. СПб, 1906. Табл. XX. Распределение населения по группам занятий и возрастов.

**И. С. ПАЗОВ,
студент СГИ КБГУ (г. Нальчик)**

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ.

Статья посвящена некоторым аспектам Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. Анализируются причины закрепления дипломатических и военно-политических отношений между Россией и странами Балканского полуострова. Особое внимание уделяется и факторам укрепления политических связей на юге России.

Ключевые слова: русско-турецкая война, Российская империя, народы Балканского полуострова, Северный Кавказ, боевое содружество

В ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Россия была ориентирована не только на победу, но и восстановления международного авторитета после поражения в Крымской войне. Политическая расстановка сил этому способствовала: у Великобритании были проблемы в колониях; Франция не оправилась от поражения в войне с Германией; Австрия была в долгу перед нашей страной за невмешательство в войну с Францией. В такой ситуации Порты оказалась перед военной угрозой со стороны России. К тому же рост национально-освободительного движения народов Балканского полуострова против османского ига и вмешательство европейских держав в балканские дела вызвал в середине 70-х гг. XIX в. «восточный кризис».

Османская империя представляла собой огромную империю, раздираемую национально-освободительными движениями и давлением «великих держав». Турецкое правительство не было готово к серьёзному военному конфликту с Российской империей. В самой России разворачивалось массовое движение поддержки борьбы славянских народов Балканского полуострова, охватившее все общественные слои населения, оказав тем самым поддержку царскому правительству.

В нашей стране со второй половины XIX века прошли военные реформы, и настало время проверить их на деле. Этой проверкой и явилась русско-турецкая война. Но был и ряд отрицательных моментов, связанных с Северным Кавказом, где в начале 70-х годов XIX века обострились противоречия внутри горских обществ, вызванные произволом царских чиновников, результатом которых были многочисленные волнения и выступления широких народных масс, подстрекаемые агентами турецкого правительства. Таким образом, начало войны явилось прекрасным поводом для решения этих проблем.

12 (24) апреля 1877 г. в условиях мощного подъема национально-освободительной борьбы балканских народов и небывалого в истории России общественного движения в их поддержку началась русско-турецкая война. 9 (21) мая 1877 г. под давлением широких народных масс румынский парламент объявил Порте войну. В июне 1877 г., сломив упорное сопротивление османов, русские войска переправились через Дунай, вступили в Болгарию, народ которой всюду встречал русских солдат торжественно как своих избавителей от ига Порты. Успешное наступление русских войск встревожило Оттоманскую Порту. Чтобы поправить свое положение, командование турецкой армией срочно перебросило из Черногории корпус Сулейман-паша, которому и поручили руководство забалканской султанской армией. Генерал И. В. Гурко вынужден был отступить за Балканы. Тем временем войска под командованием генерала Криденера внезапно атаковали и взяли крепость Никополь.

8 (19) июля русские войска безуспешно атаковали город Плевна. Через 10 дней русское командование вновь атаковало город, но овладеть им не удалось и на этот раз. Неудачей окончился и третий штурм Плевны. После этого по предложению Д. А. Милютина было решено кампанию продолжить, сломив сопротивление османов методом блокады. Для этого из Петербурга был вызван герой Севастопольской обороны, военный инженер-генерал Э. И. Тотлебен, вся кавалерия была подчинена генералу И. В. Гурко [1, 147]. В соответствии с планом Тотлебена кольцо блокады вокруг Плевны смыкалось, а положение осажденных все более и более ухудшалось. Оказавшись в крайне тяжелом положении, осажденные сделали попытку прорвать кольцо окружения, но были разбиты. 10 (22) декабря 1877 г. Плевна сдалась [1, 202-203].

Успешными были действия русских и на Кавказском театре войны. Наступательные действия против Порты со стороны Закавказья

должен был вести сформированный накануне войны действующий корпус под командованием генерала М. Т. Лорис-Меликова. Военные действия корпус начал в ночь с 12 на 13 апреля 1877 г. Выступивший в 12 ч. 30 мин. ночи небольшой отряд во главе с поручиком А. А. Брусиловым перешел через р. Арпачай и пленил застигнутую врасплох заставу османов. «Другая наша колонна, – писал А. А. Брусилов, – также успешно выполнила возложенное на нее поручение» [2, 28]. Успешно продвигающиеся войска без боя заняли крепость Баязет. А 5 мая штурмом овладели крепостью Ардаган, укрепления которой вооружались с помощью английских инженеров, и тем самым перерезали путь, соединявший Батум с Карсом и Эрзерумом. Русские войска, которые были встречены армянами с восторгом, заняли также значительную территорию турецкой Армении. Однако командование Кавказского корпуса не сумело воспользоваться растерянностью войск османов и вместо того, чтобы разгромить и уничтожить живую силу противника, основное внимание уделило осаде Карса. Этим воспользовался командующий османской армией Мухтар-паша. Завершив формирование своих войск, он двинулся к Карсу. Направленные против османов отряды под командованием генералов А. А. Тергукова и В. А. Геймана не имели успеха. Командование Кавказского корпуса оказалось вынужденным снять осаду Карса.

В октябре 1877 г. из Центральной России на Кавказ прибыло воинское подкрепление. Теперь численность главных сил, действовавших на Карском направлении, была доведена до 50 тыс. чел. Тогда же, по предложению Д. А. Милютина, в помощь кавказскому командованию был направлен опытный генерал Н. Н. Обручев, который разработал план действия против османов. В итоге предпринятых энергичных мер, русские войска одержали ряд побед, из которых наиболее значимой была победа при Аладжи, после чего был блокирован гарнизон Карса. В ночь с 5 на 6 ноября русские войска штурмом овладели крепостью Карс. В июле-августе русские войска изгнали из Абхазии османов, которые в первые месяцы войны, пользуясь преимуществом своего, созданного с помощью Англии и Франции черноморского флота, заняли Сухум и Очамчири.

История русско-турецкой войны 1877-1878 гг. изобилует фактами, свидетельствующими об укреплении боевого содружества горцев Северного Кавказа с русским народом. Представители северокавказских народов участвовали во всех сражениях русско-турецкой войны, как на Балканском, так и на Кавказском театре войны. Согласно

решению высшего командования, в действующую Дунайскую армию были определены Кубанский и Терский эскадроны, Владикавказский и Кубанский казачьи полки и Терско-горский иррегулярный полк. Начальник штаба Кавказской казачьей дивизии (куда входил и Терско-горский полк) П. Д. Паренсов писал: «Совершенно в них влюбился. Это была настоящая кавалерия, центавры» [3, 605]. Однако в мае 1877 г., когда Терско-горский полк, пройдя значительную территорию Румынии, вышел на исходные позиции, поступил приказ о разделении полка. Ингушский эскадрон был отозван в Одессу, а Осетинский дивизион был влит во Владикавказский конный полк. В составе Кавказской казачьей бригады (куда входил и Владикавказский полк) Осетинский дивизион участвовал во многих сражениях, проявив при этом мужество и храбрость. Отличился Осетинский дивизион и в сражении при дер. Самовид, и Омаркиоя-Павликаны.

В начале октября 1877 г. из-за настойчивых просьб всадников, желавших принять участие в боевых действиях с османами, был переведен в Болгарию Ингушский дивизион. Зачисленный в XIII армейский корпус, дивизион уже 12 октября участвовал в сражениях при с. Сисово и при р. Ак-Лом, Кара-Лом и в других стычках. Вслед за этим части войск под командованием генерала А. М. Дондукова-Корсакова, среди которых был и Ингушский дивизион, заняли Церцевец, Констанце, Огарчин. В ходе ноябрьских боев отличились многие офицеры и всадники дивизиона. Особо была отмечена храбрость подпоручика Батако Ужахова, прапорщика Доха Мальсагова. Знаком отличия Военного ордена был награжден всадник Дуда Мацилгов. Несмотря на ранение, он возвратился в строй со своим оружием и, оставаясь до окончания дела, мужественно и храбро служил отличным примером для своих товарищей. В ноябре Осетинский дивизион в составе отряда генерала Гурко принимал участие в боях у Горного, Дубняка, Дальнего Дубняка, Телиши, Правец и др. Только в сражении за Правец Осетинский дивизион пленил 2 османских офицеров и 41 солдата. Высоко оценил всадников Осетинского дивизиона полковник лейб-гвардии Преображенского полка А. А. Берс: «Лучшей кавалерии для горной службы нельзя себе вообразить, их лошади в горах как у себя дома, и нет никакой такой горы, на которую не мог бы забраться осетин, частью верхом, а где ведя лошадь в поводу. Осетин ловок, глаз у него зоркий, любит свою лошадь, редко натрет ей спину и сам довольствуется малым, но всегда молчалив, не хвастлив» [4, 74].

В конце декабря 1877 г. русские войска, преодолев неимоверные трудности, перешли Балканы и при полной поддержке и участии болгар и сербов освободили Софию. В этих боях снова отличились воины-северокавказцы. Осетинский и Ингушский дивизионы принимали самое активное участие во многих сражениях и в 1878 г. В январе Ингушский дивизион сражался с османами близ рек Ак-Лом и Кара-Лом. Участвовал в освобождении г. Разграда, станции Шайтанджик, Шумлы и др. Во всех этих сражениях ингуши проявили храбрость и мужество. Среди особо отличившихся командование назвало всадников База Цургова, Ильяса Хампиева, Тебо Хадарцева, которые, будучи ранены, остались в строю, а также прапорщиков Тхостова, Артагана Мальсагова и урядника Мусу Ганижева, взявшего в плен командира эскадрона османов.

В январе 1878 г. Осетинский дивизион участвовал в бою у Татар-Базарджика за освобождение Филиппополя (Пловдив), в сражениях у с. Чатак, Чепеляр, Дердери и др. В этих боях отличились поручик Г. Есенов, корнет К. Абисалов, есаул И. Гайтов, майор А. Кубатнев, подполковник Г. Абисалов, сотник И. Шанаев, прапорщик К. Абисалов, ротмистр А. Есенов и многие другие, которые были отмечены наградами. Рядовым Терско-горского иррегулярного полка разновременно было выдано свыше 200 георгиевских крестов. Среди них рядовые Осетинского дивизиона Б. Мильдзихов, Э. Доев, К. Туриев и др., всего 46 человек. Серебряные медали получили два всадника. Урядник Б. Драболов был произведен в юнкера, урядник Т. Кириев – в прапорщики. Ингушский и Осетинский дивизион были награждены георгиевским знаменем с надписью «За отличие в Турецкой войне 1877-1878 годов» [5, 82]. Особенно активным было участие народов Закавказья и Северного Кавказа на Кавказском театре войны. Здесь в войне с османами в рядах русских войск принимали участие Дагестанский (2-й и 3-й), Кабардино-кумыкский, Чеченский конно-иррегулярный полки. Горцы Северного Кавказа находились также в числе других соединений, дагестанцы в составе Закатальского конно-иррегулярного полка, осетины в казачьих и иррегулярных полках в составе двух Горско-Моздокских, двух Кизлярско-Гребенских, 2-м Владикавказском, двух Волжских казачьих полках, а поручики Т. Козырев, А. Алданов, юнкер Е. Хадарцев, прапорщик Б. Тургиев, капитаны Газданов, Дударов, Таучелов, майор И. Кусов и многие другие в регулярных частях [6, 293].

В составе действующей Кавказской армии были образованы из горцев Северного Кавказа конно-иррегулярные полки: Кабарди-

но-Кумыкский, Чеченский, два Дагестанских полка. Кроме того, горцы Северного Кавказа служили в других подразделениях русских войск: горцы Дагестана – в Закатальском конно-иррегулярном полку, осетины – в регулярных частях и казачьих полках, Дербентском стрелковом полку, Нижегородском драгунском полку, Горско-Моздокских, Кизляро-Гребенских, Владикавказском, Волжских казачьих полках и др. Эти соединения принимали участие почти во всех основных сражениях войны.

Всадники конно-дагестанских полков с самого начала войны находились на переднем крае, участвовали в форсировании реки Арпачай. В начале мая в блокадных боях у сильно укрепленной крепости Каре они показали образцы храбрости. В мае русская часть, в составе которой был и Кабардино-кумыкский полк, при с. Бегли-Ахмет нанесла поражение османской кавалерии.

5 июля при вылазке карского гарнизона у с. Аравартан отличился Чеченский полк. В середине июля два Дагестанских и Чеченский конно-иррегулярные полки близ с. Субботан атаковали неприятеля и принудили османов отступить. Почти три месяца происходили боевые действия при Авлиар-Аладжинских позициях. И в этих упорных и кровопролитных боях активное участие приняли Чеченский, Кабардино-кумыкский и Дагестанские полки. Особо отличились воины Т. Магуев, П. Тагилов, Г. Тамиров, И. Чопалов, Д. Вагапов, Э. Яндаров, А. Алибеков и многие другие. В августе всадники горских полков вновь нанесли сильное поражение османам у с. Субботан. В августе всадники 3-го Дагестанского полка окружили и уничтожили часть османской кавалерии. В августе, созданный из 2-го Дагестанского и Чеченского полков, летучий отряд нанес сильное поражение разбойнической шайке, действующей по указке турецкого главнокомандующего Мухтара-паши.

Осенью 1877 г. русская армия начала наступательные действия. После продолжительной борьбы было сломлено сопротивление османских войск, укрепившихся на высотах Малые-Янги, Аладжа, Казил-Тапа. Из окружения вырвалась лишь небольшая группа во главе с Муса-пашой Кундуховым. В ходе боев отличились многие всадники северокавказских конно-иррегулярных полков. Неувядаемой славой покрыли себя горцы Дагестана, Чечни, Кабарды, Осетии в сражениях при Деве-Бонну, особенно в боях за крепость Каре. За особое отличие в одной из блестящих операций – штурме крепости Карс – 3-й Дагестанский полк был награжден георгиевским знаменем с надписью «За

взятие Карса», а всадники полка получили знаки на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну» [6, 44]. 97 всадников были награждены медалями. Позже почетным званием был также награжден Чеченский конно-иррегулярный полк [7, 24].

Георгиевского креста за отличие в боевых действиях удостоились всадники Чеченского полка Д. Дурдиев, У. Гаев, Ш. Сугайпов и многие другие, ордена св. Владимира – майор Тхостов, корнет Б. Яндаров. Много чеченцев было также награждено орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орденом св. Станислава 3-й степени. Большое число всадников Кабардино-кумыкского и Дагестанских полков были также награждены знаками отличия Военного ордена и георгиевскими крестами. Первым в России полным кавалером Георгиевского креста, «для нехристиан установленного», стал юнкер 2-го Дагестанского полка, лакец по национальности Лабазан Ибрагим Халил-оглы. Четырьмя георгиевскими крестами был награжден аварец Гаджи-Магомед Халаков. Боевых орденов также удостоились Д. Нурахманов, И. Казанбиев, Д. Ханмурзин, А. Е. Кантемиров, Т. Козырев, Д. Алдатов, Б. Кубатиев, З. Хуцистов и многие другие [6, 292-293].

Приведенный материал наглядно свидетельствует, что в ходе русско-турецкой войны северокавказским народам удалось продемонстрировать хорошую военную подготовку на полях сражений, внести свой вклад в разгром противника.

Примечания

1. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. / Под ред. акад. И. И. Ростунова. М., 1977.
2. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963.
3. Паренсов П. Д. Из прошлого. Ч. 1-3. СПб., 1904.
4. Воспоминания офицера лейб-гвардии Преображенского о походе в Турцию в 1877-1878 гг. А. Берса. СПб., 1899.
5. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1878. Т. 14. Ч. 1.
6. История Осетии в 2-х томах. Том 2. История Осетии в XIX – начале XX века. /Под редакцией З.В. Кануковой. Владикавказ, ИПЦ СОИГСИ, 2012.
7. Казачьи войска: Справочная книга ими. Главной квартиры. СПб., 1912.
8. Гизетти А. Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличия Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. 1.

М. Х. АХМЕТОВА,
студентка КБГУ (г. Нальчик)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАБАРДЫ И БАЛКАРИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ В ТРУДАХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Статья посвящена вопросам развития экономики Кабардино-Балкарии в пореформенный период XIX в. Особое внимание автор отводит обзору указанного периода в трудах северокавказских просветителей.

Ключевые слова: экономика, ремесло, рынок, модернизация, реформа, сословно-поземельная комиссия.

Хозяйственно-экономическая ситуация последних лет характеризуется заметным оживлением интереса к реалиям российской истории второй половины XIX века. Именно к этому периоду относится полноценное приобщение народов Кабарды и Балкарии к российской государственности, проведение модернизирующих реформ, развитие товарно-денежных отношений. Современное состояние жизни российского общества, предпринимающего попытки обновления и реформирования экономики, интенсификации хозяйства побуждает внимательно изучать исторический опыт модернизации России и ее национальных окраин, понять своеобразие и закономерности предшествующих обновленческих эпох в истории страны.

В 60-70-е годы XIX века в Российском государстве происходили важные социально-экономические и политические преобразования. Влияние этих перемен на развитие Северного Кавказа в целом, и Кабарды и Балкарии в частности, бесспорно, однако в исторической науке не разрешен вопрос о степени этого влияния. А. Х. Боров считает, что оно было незначительным и что социальная и экономическая структура северокавказских обществ и после Великих реформ сохранила надолго свои прежние формы [1, 20]. Профес-

сор Т.Х. Кумыков утверждает, что перемены 60-70-х годов способствовали более быстрому развитию капиталистических отношений, что оказало плодотворное влияние на социально-экономическое развитие северокавказских обществ. «Под влиянием «капризного» рынка, – пишет ученый, – развиваются торговое земледелие и скотоводство, усиливается подвижность населения, растет городское население, расширяется связь ремесла с рынком. Общественно-экономический строй народов Терека становится многоукладным» [2, 6]. О большой значимости преобразований писал и М.Х. Ацканов: «Социально-экономические реформы 60-70-х годов XIX века в Кабарде и Балкарии во многом обусловили существо производственных отношений в них» [3, 9].

Центральное положение в проблеме хозяйственно-экономического развития народов Кабарды и Балкарии в пореформенную эпоху занимает земельный вопрос. Значительное внимание этому вопросу уделил Л.М. Кодзоков, назначенный председателем созданной в июне 1863 г/да Терской сословно-поземельной комиссии, которая «занималась изучением сословно-правовых отношений горского населения и проведением крестьянской, аграрной и податной реформ в округах Терской области» [4, 24]. Эта комиссия под председательством Д.С. Кодзкова проделала большую работу по сбору материалов по истории социально-экономической структуры народов Северного Кавказа, решила много задач, но реализовать их на практике так и не смогла [5, 25].

Он отстаивал наиболее «демократичный» общинный принцип землепользования [6, 98]. Для проведения в жизнь этого принципа Л. М. Кодзоков добился от феодалов принятия акта от 20 августа 1863 года, согласно которому вся земля в Кабарде признавалась общественной, то есть принадлежащей всему кабардинскому народу. Реализуя указания начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, сословно-поземельная комиссия приняла активное участие в укрупнении мелких кабардинских аулов, что в значительной степени облегчало размежевание аульных земельных угодий. Д. М. Кодзоков решительно выступал против помещичьего землевладения, что сближало его, по мнению Г.Х. Мамбетова, с революционными демократами [7, 100].

Д.М. Кодзоков предпринял попытки разрешения аграрного вопроса в Балкарии. В частности, предлагал отрезать от кабардинских земель около 40 тысяч десятин и передать их балкарцам. В качестве

компенсации кабардинский народ должен был получить земли, лежащие за р. Кич-Малкой, переданные царской администрацией карачаевцам [8, 184].

Д. М. Кодзоков идеализировал крестьянскую общину, поэтому стремился склонить балкарских землевладельцев признать все земли в горах всенародной собственностью. Но эта попытка провалилась [9, 35].

Д. М. Кодзоков уделял большое внимание вопросам развития сельского хозяйства – главной отрасли экономики горских обществ. Он указывал, что по своему хозяйственному развитию горцы стояли на различных ступенях. Что касается качества обработки земли, то Кодзоков отдавал предпочтение горным районам. Объяснял он это тем, что здесь было намного меньше земли, чем на плоскости, и поэтому жителям приходилось интенсифицировать свой труд [10, 86]. Кодзоков считал скотоводство главным богатством Кабарды, которое приносило пользу не только ее населению, но и всему Кавказу [11, 181].

Преобразовать экономику Северного Кавказа, интегрировать его хозяйство в общероссийский хозяйственный организм смогут, по мнению просветителя, только те социальные слои горских обществ, для которых труд и хозяйственное созидание являются нормой повседневного существования. Именно в пореформенной деятельности и творчестве Д. С. Кодзокова ярко проявились его общественные взгляды на значение труда как самого важного фактора экономического развития общества [12, 117].

Большое внимание земельному вопросу уделял известный балкарский общественный деятель Б. А. Шаханов-Джанхотов. Он отмечал запутанность, спорность земельных отношений в Балкарии и решительно возражал всем, кто утверждал, что горцы имеют много земли и поэтому надо отрезать у них часть земли и передать русским переселенцам [13, 102].

Защищая земельную собственность Таубиев, Шаханов-Джанхотов вынужден был согласиться, что последние завладели землей путем захвата, который произошел давно – 100 и более лет назад. «В условиях острой нехватки земли в горах, все участки имели свои собственные названия, известные с незапамятных времен» [14, 249]. Шаханов доказывает существование института частной собственности в Балкарии и приводит аргументы в пользу законности владения, пользования и распоряжения земельными участками [15, 249]. Од-

нако он соглашался на передачу всей земли в общественное пользование, но только в том случае, если таубии получают соответствующее вознаграждение [16, 103].

Земельный вопрос занял большое место и в творчестве балкарского историка и этнографа М. К. Абаева. В решении земельного вопроса М. Абаев следует взглядам местных чиновников, стремившихся представить дело так, что царизм якобы хотел улучшить земельное владение балкарцев, а ему мешали Кодзоков и ему подобные [17, 35]. Как мы уже выше указывали, это не соответствует действительности.

Определяя основу экономической жизни балкарцев, Абаев писал, что в силу природных условий они занимались преимущественно скотоводством. Хлеб (ячмень, овес и немного яровой пшеницы) сеяли на низменных, более или менее удобных клочках земли, которые очищались от камней, удобрялись навозом и орошались водой [18, 256].

Земельный вопрос нашел отражение и в первом обобщающем научном труде по истории кабардинского народа. В. Н. Кудашев понимал всю важность земельной реформы в Кабарде. «Земельная реформа 1860-х годов была крупным переворотом в жизни кабардинского народа, – пишет он. – Она существенно изменила быт, общественные и экономические отношения в Кабарде» [19, 134]. В. Н. Кудашев признает наличие феодальной собственности на землю у князей, первостепенных и второстепенных дворян, а поэтому категорически не согласен с содержанием известного Акта кабардинского народа о признании земли общенародной собственностью. Проанализировав содержание Акта, он пишет: «Нельзя не признать, что акт 20 августа 1863 года был, в значительной степени, искусственным и не соответствовал ни действительному положению вещей, ни понятиям и земельным отношениям, как они исторически сложились у кабардинского народа» [20, 134].

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, в целом экономические идеи просветителей Кабарды и Балкарии были достаточно прогрессивны для своего времени. И сами они (просветители), как отмечает С. А. Айларова, не только пишут о хозяйстве, но и активно занимаются хозяйствованием на земле, организуют передовые сельскохозяйственные формы, пропагандируют новые формы труда [21, 56].

Примечания:

1. Боров А.Х. Северный Кавказ: социокультурные механизмы исторического процесса // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. 3.
2. Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Кодзокова Л.М. Нальчик, 1962.
3. Ацканов М.Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917 гг.). Нальчик, 1967.
4. Кузьминов П.А. Открытие Терской сословно-поземельной комиссии во Владикавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. науч. трудов. Вып. 4. Пятигорск, 2005.
5. Там же.
6. Мамбетов Г.Х. Земельный вопрос в творчестве общественно-политических деятелей адыгов, балкарцев и карачаевцев // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX-начале XX века (материалы конференции 28-29 марта 1974 года). Нальчик, 1976.
7. Там же.
8. Кумыков Т.Х. Указ.соч.
9. Абаев М. Балкария. Нальчик, 1992.
10. Кумыков Т.Х. Дмитрий Кодзоков. Нальчик, 1985.
11. Кумыков Т.Х. Указ.соч.
12. Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конец XVIII – начало XIX вв.). Владикавказ, 2008.
13. Там же.
14. Муратова Е.Г. Басият Шаханов: штрихи к портрету в историческом интерьере // Человек второго плана в истории. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 3.
15. Там же.
16. Мамбетов Г.Х. Указ.соч.
17. Абаев М. Указ.соч.
18. Кумыков Т.Х. Указ.соч.
19. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.
20. Там же.
21. Айларова С.А., Тебиева Л.Т. Указ.соч.

**И. В. БУЗАРОВА,
аспирант СОИГСИ**

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

*В статье анализируются публикации по хозяйственно-экономической тематике «Терских ведомостей». На страницах газеты получили освещение проблемы развития земледелия и скотоводства, крестьянских промыслов, развитие промышленности и формирование новых и социальных групп населения городов Северного Кавказа, горских народов и казачества. «Терские ведомости» характеризуются как одна из наиболее информационно-насыщенных газет регионов. **Ключевые слова:** Северный Кавказ, «Терские ведомости», экономика, хозяйство, горские промыслы, кооперация, сельскохозяйственные общества.*

Газетные фонды прошлых лет – это емкий и ценный исторический источник, отражающий специфику, сложности и противоречия, успехи и трудности своего времени.

Экономические и культурные изменения в жизни горцев, связанные с развитием капитализма, накладывали свой отпечаток на характер «Терских ведомостей», все более способствуя их отходу от выполнения лишь официальной программы, накоплению на их страницах общедемократических традиций российской журналистики [1,10].

Наиболее часто из корреспондентов-осетин на страницах «Терских ведомостей» выступал Андрей Медоев (1860-1922), его статьи отличались остротой постановки общественных вопросов, богатством фактического материала. В таких работах, как «Сказание о появлении медоносных пчел в Дигории» [2], «Заметки о деятельности Алагирского серебро-свинцового завода» [3], «Тугановские скачки и воровство» [4], «О подводной повинности» [5], «С. Христиановское.

Историко-экономический очерк» [6], «Сословный спор в Осетии» [7], «Лесоводство в горной Осетии» [8] и других он подробно освещал социально-экономическую жизнь, культуру и быт осетин. В центре внимания публициста были наиболее важные для Осетии вопросы.

Под влиянием новых идей в начале XX в. и вплоть до 1917 г. продолжался процесс эволюции «Терских ведомостей». Например, в 1901 г. стало выходить приложение «Сельскохозяйственный отдел» (1901-1905) в виде отдельного журнала, рассылаемого всем подписчикам. Необходимость в таком издании ощущалась весьма остро, и, когда в газету «стало поступать много сельской корреспонденции, не желая нарушать рамки официоза, Терское областное управление решило издавать эти материалы отдельным приложением к газете». В 1902 г. журнал-приложение получил новое название – «Сельскохозяйственное прибавление Терского общества сельского хозяйства и сельской промышленности» [9].

С XVIII века открылись важные для дальнейшей жизни горцев перспективы. Непреходящее значение имело освоение в XVI-XVIII вв. подлинной житницы региона – плоскостной территории, проходившее в тесной связи и взаимообусловленности с процессом складывания с середины XVI в. системы русско-северокавказских отношений и вхождения народов региона в состав России, завершившимся к концу XVIII в.

Северокавказские общественные деятели и просветители начала XIX в. – К. Атажукин, А. Ардасенов, Ч. Ахриев, Г. Баев, А. Бутаев, А. Гассиев, Г. Дзасохов, М. Гарданов, А. Хассиев, Х. Уруймагов, Г. Цаголов, Д. Кодзоков, А. Г. Кешева, И. Д. Канукова., К. Л. Хетагурова – характеризуя хозяйственную жизнь региона, единодушно отмечали ведущую роль земледелия и скотоводства. Их данные позволяют воссоздать картину состояния хозяйства горцев в ту пору, выявить особенности его развития в разных районах края. В их трудах вскрываются основные причины, негативно влиявшие и тормозившие хозяйственное развитие северокавказских народов: суровые природные условия, примитивный характер земледельческих орудий, отсутствие давних и глубоких контактов с более развитыми обществами, неразвитость торговли, политическая нестабильность и незащищенность результатов труда земледельца и скотовода вследствие набеговой практики [10,33].

Просветители верят, что лишь в накоплении капиталов, в спонтанном народом стремлении к богатству и хозяйственному твор-

честву – залог процветания народа. Сам ход событий, требования новой экономической ситуации, по их мнению, покончат с традициями «набеговой экономики», создадут новую материальную основу [11,132].

Ингушского просветителя Чаха Ахриева волновала проблема связи этнической культуры и экономики. Главную причину бедности ингушей, малоэффективности и неустойчивости хозяйства горцев он видел в особенностях «национального характера», т. е. духовных предпосылках хозяйствования, писал о необходимости изменения традиционной хозяйственной психологии.

Застой, лень, рутинность в хозяйственных занятиях – это, по мнению просветителя, результат внешних культурных влияний. «Азиатские» черты народного характера связаны с «праздно-воинственным» образом жизни мужской половины ингушского населения, возлагающей значительную часть полевой и домашней работы на женщин [12].

Какие-либо изменения, ведущие к обновлению хозяйственных навыков ингушей, могли произойти только с помощью России, российской хозяйственной культуры. В ингушском народном характере в первые пореформенные годы, по мнению Ч. Ахриева, происходили позитивные сдвиги: формировались новое отношение к труду и хозяйству, более цивилизованные формы мышления и поведения, шло отторжение всего, что связано с героикой набега и захвата добычи. Этот период в истории народа он считал переломным, в связи с чем подчеркивал, что общественная и хозяйственная жизнь ингушей представляет «борьбу двух противоположных элементов народного духа: старого и нового; старый постепенно оттесняется и уступает место новому» [13].

Кавказ подпал под власть России, рыцарские правила столкнулись с новым, враждебным порядком и рушились, а вместе с ними, разумеется, исчезла и законность насильственного присвоения чужой собственности; место ее заняла необходимость честного труда. Кавказская молодежь, воспитанная преданиями прошедшей жизни, не могла вдруг приняться за соху, или вступить в воинские ряды своих завоевателей. Соха не соответствовала ее аристократическим наклонностям, а служба под знаменами иноверцев запрещалась религией, да и гордость не позволяла; и вот из прежних героев образовалась шайка беспорядочных людей, которая, боясь заслуженного наказания, прячет концы своих непозволительных походов как

можно дальше» [14,70-71]. «Порок этот будет существовать до тех пор, пока не искоренится пагубное убеждение, что воровство есть признак удачества и предприимчивости. Такое убеждение составилось не сегодня и не вчера, оно имеет историческое значение» [14,70]. «В эпоху войн такое положение не бросалось в глаза так резко, но в настоящее время оно неприятно поражает каждого свежего человека, как нечто дикое и несправедливое» [15].

Передовые представители северокавказской интеллигенции ясно видели социально-экономическую отсталость своих народов; у них были новые взгляды на труд, собственность, богатство, предприимчивость. И сами они не только пишут о хозяйстве, но и активно занимаются хозяйствованием на земле, организуют передовые сельскохозяйственные фермы, пропагандируют новые формы труда. В предлагаемых передовой интеллигенцией проектах содержались конкретные предложения, которые должны были обеспечить преодоление экономической отсталости.

С интересными замечаниями экономических тенденциях пореформенного развития Кабарды выступил автор, опубликовавший под псевдонимом «Адыге» несколько статей «Письма из Кабарды» [16].

Основная забота публициста: необходимость формирования у населения Кабарды и Северного Кавказа в целом новой земледельческой культуры, отвечающей требованиям дня, более современного эффективного хозяйствования. «Какую бы отрасль сельского хозяйства мы не взяли – земледелие, скотоводство, коневодство и др., – ни одна из них не только не развивается, но заметно с каждым годом приходит в упадок, как, например, коневодство (особенно в качественном отношении) или продвигается вперед черепашью шагом (как, например, земледелие)» [17].

Автор четко формулирует и причины стагнации в хозяйствовании края: «Незнакомство туземцев с более или менее приверженность дедовским способам – вот главные причины, тормозящие развитие сельского хозяйства в Кабарде, среди простого народа, а так же отчасти среди крупных собственников» [18]. Публицист считает, что только открытие сельскохозяйственных школ, дающих современные экономические знания и агрономические навыки, может сформировать для северокавказского населения новые эффективные формы труда и хозяйствования: «Молодые кабардинцы, выходя из сельскохозяйственной школы хозяевами-практиками, мало того, что сами могли бы вести хозяйство более рациональными способами, они тем

самым служили бы живым примером своим односельчанам в том, что только тот труд дает хорошие результаты, который подкреплен знанием» [19]. Новые учебные заведения воспитывали бы и высокую этику труда у тех социальных слоев, которые традиционно отмечались презрением к черному труду. «Для привилегированного сословия сельскохозяйственная школа могла бы иметь то важное значение, что дети его за все время пребывания в школе привыкли бы к честному труду, а если нет, то, во всяком случае, научились бы ценить, уважать чужой труд» [20].

Начиная с 60-х гг. XIX в. на Северном Кавказе происходил быстрый процесс заселения и освоения земель. Хотя в горах в 60-70-е гг. преобладало натуральное хозяйство, на равнине отмечался процесс складывания товарного производства на рынок кукурузы, пшеницы, табака, подсолнечника и т. д.; товарный характер приобретало скотоводство. С этого времени хозяйственно-экономическое лицо местных обществ начало, хотя и медленно, меняться в сторону увеличения товарного обмена, постепенного включения во всероссийский рынок и внедрения элементов денежного обращения.

В своих статьях Г. Баев не устал пропагандировать в Осетии и на Северном Кавказе сельские банки, кредитные товарищества, различного рода кооперации [21]. Именно в этих формах хозяйствования он видел единственное средство «поднятия материального благосостояния сельского населения». Отсюда и горячая пропаганда просвещения, требование введения земского самоуправления на Кавказе, могущего дать горскому населению определенную хозяйственную самостоятельность, а, следовательно, силы и средства, чтобы противостоять всеразрушающему наступлению капитала [22].

В 1875 г. была открыта Ростово-Владикавказская железная дорога, которая соединила Северный Кавказ с Центральной Россией и содействовала его включению во всероссийский рынок. Северный Кавказ медленно, но верно менял свой хозяйственный облик.

А.-Г. Кешев оценивает станичную ярмарку, на которой черкесы, абазины, ногайцы торгуют бараньими шкурами, курчавыми бурками, седлами отличной работы – «тут все, что может производить горец». Душа радовалась, пишет он, при виде этой смешанной толпы. «Торговля – лучшее средство к сближению народов: в ней исчезает все, что разъединяет их друг от друга. Торговля приучит черкеса к честному труду и тем обеспечит его существование: вызовет в нем дух предприимчивости, сметливости и все то, что до сих пор сокры-

то в его богато одаренной натуре. Торговля изгонит из его головы те беспокойные, отжившие понятия, которые ставят его в прямое противоречие с настоящим положением дел. Торговля, наконец, введет в семейный быт черкеса неизвестные доселе удобства, изменит к лучшему семейные и общественные отношения, отодвинет на задний план винтовку...» [14,62]. «Теперь времена другие настали... Пора расстаться с оружием и взяться за соху», – говорят горцы [12].

«Главными же руководителями и наставниками массы в деле социально-экономического её перерождения, – писал адыкий просветитель А.-Г. Кешев, – могут и должны быть передовые как по образованию, так и по положению, люди из её же среды. Из их рук народ всегда охотнее примет всякого рода новинки, чем от кого-либо другого» [23].

Интересны публицистические заметки Кодзокова, где он ратует «за развитие производительных сил на Северном Кавказе, распространение здесь отраслей хозяйства и высокоурожайных сельскохозяйственных культур» [24].

У Цаголова есть ряд статей, посвященных чисто «рабочим» вопросам: положению пролетариата крупных предприятий и положению мелкого мастерового «люда», взаимоотношениям рабочих и хозяев, мерам защиты рабочих от произвола собственников [25].

Просветителя радует, что повседневность во всех ее конкретных проявлениях обретает высший смысл, что постоянная хозяйственная занятость становится нормой жизнедеятельности всех слоев населения Осетии – «все внимание народа обращено теперь на практическую сторону жизни». Но Кануков указывает и на традиции, несовместимые с рациональным и практичным ведением хозяйства, подрывающие его в самой основе, обычаи калыма, поминок.

Нормы рыцарской культуры с требованием щедрости, расточительности довели и над хозяйствованием простого горца. То, что копилось упорным трудом целой семьи всю жизнь, – спускалось без сожаления в одночасье [26].

Но все же новые экономические отношения перестраивают многовековой уклад жизни, формируют новый тип горца-предпринимателя, в душе которого уже полновластно засел капитал, – эдакого горца-буржуа.

Все просветители, общественные деятели и писатели конца XVIII – начала XIX вв. важным условием изменения традиций хозяйствования, бытовых привычек и экономического менталитета горцев в

целом считали просвещение. Образование сформирует в горце самое важное качество – умение учиться трудовым и хозяйственным навыкам у передовых обществ Европы и России.

Для всех северокавказских просветителей характерно понимание устойчивой значимости социально-культурных, духовных факторов экономического развития. С одной стороны, они подчеркивали, что включение горских народов в цивилизованное развитие невозможно без формирования у них системы ценностей, близкой европейской, т. е. ценностей труда, достижительности, прагматизма, рационального ведения хозяйства и т. д. С другой стороны, для устойчивого развития и стабильности общества необходимо сохранение традиционной культуры, самобытных ценностных систем, в том числе экономических. Представители передовой интеллигенции понимали, что явления хозяйственной жизни имеют определенные культурные предпосылки, основываются на менталитете данного народа и общества. Просветительская мысль искала равновесие между необходимостью более динамичного развития и сохранением горскими обществами своих национальных ценностей и идентичности.

Все просветители, общественные деятели и писатели конца XVIII – начала XIX вв. важным условием изменения традиций хозяйствования, бытовых привычек и экономического менталитета горцев в целом считали просвещение. Образование сформирует в горце самое важное качество – умение учиться трудовым и хозяйственным навыкам у передовых обществ Европы и России.

Примечания:

1. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2 половина XIX – начало XX в.). Владикавказ, 1998.
2. Андрей Медоев. Сказание о появлении медоносных пчел в Дигории // Терские ведомости. 1880. № 31.
3. Андрей Медоев. Заметки о деятельности Алагирского серебро-свинцового завода // Терские ведомости. 1883. № 16.
4. Андрей Медоев. Тугановские скачки и воровство // Терские ведомости. 1884. № 43.
5. Андрей Медоев. О подводной повинности // Терские ведомости. 1885. № 102.
6. Андрей Медоев. С. Христиановское. Историко-экономический очерк // Терские ведомости. 1899. № 92-94.

7. Андрей Медоев. Сословный спор в Осетии // Терские ведомости. 1899. № 95.
8. Андрей Медоев. Лесоводство в горной Осетии // Терские ведомости. 1888. № 24.
9. Хоруев Ю. В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке 1863-1917. Орджоникидзе, 1966.
10. Айларова С. А. Культура и хозяйство: взгляд северокавказских просветителей (конца XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008.
11. Айларова С. А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX века. Владикавказ, 2002.
12. Ахриев Ч. О характере ингуш // Терские ведомости. 1870. № 30.
13. Ахриев Ч. Этнографический очерк ингушского народа с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. 1872. № 32.
14. Каламбий (А.-Г. Кешев). Два месяца в ауле // Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик, 1988.
15. Ахриев Ч. Об ингушских женщинах // Терские ведомости. 1871. № 31.
16. Письма из Кабарды. I-III, V-VI // Терские ведомости. 1894. №№ 79, 83, 144, 150.
17. Письмо второе // Терские ведомости. 1894. № 83.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Баев Г. Сельский банк // Терские ведомости. 1898. № 32, 33; его же. Об организации кредитных учреждений среди горцев // Терские ведомости. 1900. № 67, 68; его же. Письма о кооперации // Терские ведомости. 1901. № 147, 149.
22. Баев Г. Отрадное движение // Терские ведомости. 1896. № 44.
23. Кешев А.-Г. Библиография // Терские ведомости. 1869. № 1
24. Кодзоков Д. Опыт наемной Терской области // Терские ведомости. 1869. № 9; его же. Заметка о коневодстве // Терские ведомости. 1899. № 10.
25. Цаголов Г. Наблюдения и заметки // Терские ведомости. 1901. № 49; его же. Терская горнопромышленность // Терские ведомости. 1901. № 88.
26. Кешев А.-Г. Библиография // Терские ведомости. 1870. № 30.

**Н. В. АББАСОВА,
аспирант КБГУ (г. Нальчик)**

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается влияние просвещения на развитие культуры горских народов в пореформенный период XIX в. Особое внимание автор уделяет деятельности М. Т. Лорис-Меликова по открытию школ.

Ключевые слова: культурное сообщество, реформа, письменность, просвещение, горские народы, гимназия, школа.

Новые веяния в социально-экономической, политической и духовной жизни России коснулись в пореформенный период и жителей Терской области. Многообразные связи и контакты с населением центральных регионов России, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Астрахани, Тифлиса поддерживали стремление к просвещению, вызывали интерес к литературе, искусству, истории, географии [1, 91].

Деятельность царской администрации по развитию образования в Терской области была теснейшим образом связана с общей политикой самодержавия в отношении народов Кавказа. Школа была основным орудием распространения в крае православия, а христианизация горских народов – стержнем того курса, который проводил царизм в этом районе империи. Если православное христианство находилось под покровительством правительства, то ислам в Терской области притеснялся. Дело в том, что ислам веками подключал народы Северо-Восточного Кавказа к мусульманскому «кругу мирового культурного сообщества» [2, 26].

В связи с этим страны Востока играли большую роль в исторических судьбах мусульманских народов Кавказа. Россию такие условия владения регионом не устраивали, она хотела иметь идеологический

рычаг воздействия на население, который видела в распространении христианства.

Специальным указом Александра II в июне 1860 г. было создано «Общество восстановления православного христианства на Кавказе». Обладая солидным капиталом и опираясь на администрацию края и области, это общество широко развернуло свою миссионерскую работу, особенно на территории Осетии. В 1869 г. Лорис-Меликов заслушал три отзыва священника Гатцева о «совратившихся в магометанство осетинах». В связи с «вероотступничеством» осетин начальник Терской области объявил, что необходимо выселить этих мусульман с семьями в Кубанскую область. Это высшее распоряжение заставило некоторых осетин снова объявить себя православными, скрывая при этом принятие ислама [3, 88].

Очень показательны, что в 1874 г. в городах Терской области насчитывалось всего 9 мечетей, 8 из которых приходилось на город Кизляр и одна мечеть находилась в Грозном. Во многих городах мечетей совсем не было, а просьбы жителей администрация игнорировала. И все-таки, несмотря на все создаваемые администрацией преграды, в Терской области мечетей было вдвое больше, чем православных церквей. Открытие новых мектеб и медресе после издания Правил «16 марта 1870 года» могло произойти только при обязательном наличии в них учителей русского языка, содержащихся за счет мусульманских обществ.

В 60-70 гг. XIX века учебные заведения Терской области подразделялись на правительственные, общественные и частные. Новым явлением для данного региона было появление в пореформенный период частных школ.

Основной формой народного образования являлись начальные одно- и двуклассные училища Кавказского учебного округа и Министерства народного просвещения [4, 31]. По положению об учебной части на Кавказе, высочайше утвержденному 15 мая 1867 года, в начальные училища допускались мальчики из всех сословий, достигшие 7 лет. Во Владикавказе и Нальчике открывались окружные школы, в Грозном – начальная горская школа. Окружные школы открывались для мальчиков из всех сословий, без различия вероисповедания. В них преподавали Закон Божий для православных; мусульманский закон – для мусульман; русский язык и грамматику, арифметику. Плата за обучение взималась в размере 5 рублей в год, бедные учащиеся от взноса денег освобождались. Окончившие окружные школы пользо-

вались теми же правами, что и выпускники Кавказских уездных училищ.

В Терской области мусульмане получали в основном реальное образование. Данная льгота для способных учеников позволяла им получить классическое образование в Ставропольской и Тифлисской гимназиях [5, 172].

Примечательно, что в школьные программы того времени не входило изучение истории родного края. В 1867 году на съезде учителей-историков, Я. М. Неверов доказывал пользу от изучения истории Кавказа. Его мнение разделили и ведущие кавказские педагоги, но практического воплощения это решение не получило.

В январе 1868 г. Владикавказская средняя школа была преобразована во Владикавказскую реальную прогимназию. Прогимназический курс был введен с 1 сентября 1867 г. По положению об учебной части на Кавказе 1867 г., к гимназиям и прогимназиям был применен общий устав Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г., деливший их на классические и реальные. Высочайше утвержденным актом 22 ноября 1873 г. учебные заведения Кавказского края окончательно были приравнены к одноименным заведениям Российской империи [6, 276]. Среди учащихся Терской области появился спрос на знание латинского и западноевропейских языков, так как эти знания помогали в дальнейшем при поступлении в классические гимназии. По законодательному акту от 15 мая 1867 года в некоторых уездных училищах на Кавказе было введено преподавание латинского, немецкого, английского и французского языков [7].

Владикавказская прогимназия, выросшая из горской школы, была предназначена в основном для обучения горцев, но уже в начале 1871 г. в ней не оказалось ни одного горца. Михаил Тариелович являлся попечителем Владикавказской гимназии и нередко заступался за провинившихся гимназистов перед строгим директором, из-за чего пользовался их любовью и уважением [8, 2].

В число учебных заведений, сыгравших наряду со столичными институтами благотворную роль в просвещении горцев, входила и Ставропольская мужская гимназия. Здесь была учреждена стипендия для горцев Терской области. Сохранилось большое количество прошений от чеченцев и ингушей, стремившихся дать своим детям образование в Ставропольской классической гимназии [9, 143].

Общественные учебные заведения в Терском казачьем войске подразделялись на мужские школы: бригадные, полковые и станич-

ные. Действовали также станичные общественные училища. В станице Наурской училище имело два отделения – общеобразовательное и ремесленное.

В Терской области ремесленное производство было хорошо развито в пореформенный период. С этой целью были открыты ремесленные училища и школы. Самым крупным из них было Владикавказское ремесленное училище, которому было присвоено наименование «Лорис-Меликовское». В 1870 г. в нем обучалось более 40 человек из разных уголков Терской области. Кроме ремесел здесь обучали русской грамоте.

Некоторые школы в административном порядке приходилось закрывать из-за большого количества нарушений.

В 1864 г. в Северной Осетии было 13 школ (250 учеников), в 1865 году – 23 (294), в 1866 (494) и в 1867 г. было уже 30 школ, а количество учащихся удвоилось и достигло 542 человека [10, 360]. Больше половины учеников владели русским языком.

Что же касается женского образования, то одним из первых этим вопросом занялся князь Барятинский. Князь Барятинский предлагал открыть во Владикавказе женский институт. 21 июня 1861 г. было открыто женское училище. В 1864 г. здесь обучалось свыше ста учениц. 1 марта 1867 г. в Грозном было открыто женское бесплатное училище, состоящее из двух классов – подготовительного и первого. Грозненскому училищу был присвоен III разряд, оно подчинялось Министерству народного просвещения. Училище содержалось на проценты и суммы, составлявшиеся из пожертвований. В 1875 г. женские учебные заведения действовали также во Владикавказском, Кизлярском, Георгиевском и Хасав-Юртовском округах. Во Владикавказском округе женские сельские школы содержались за счет сумм Общества восстановления христианства на Кавказе.

С 1869 г. все мужские школы в Терской области были вверены учителям, получившим педагогическое образование в Тифлисской Александровской учительской семинарии. Женские были поручены учительницам, подготовленным во Владикавказской Осетинской девичьей школе. В Осетии существовали христианские школы, в которых из-за недостатка учителей обучение поручалось священникам и молодым людям, не получившим специального педагогического образования [11, 3]. 15 марта 1866 г. в Нальчике были открыты трехмесячные курсы для подготовки учителей начальных школ. Еврейское население Терской области имело свои традиционные формы обу-

чения подрастающего поколения. Раввины горских евреев обучали мальчиков чтению и письму.

На Кавказе лишь небольшая часть школьного бюджета принадлежала государственной казне, основная часть расходного бюджета была возложена на местное население. Как отмечал В. П. Погожев, «налоги, собираемые с населения для содержания полицейской стражи и милиции, принесли бы большую пользу, будь они направлены на ниву просвещения» [12, 261]. Население области стремилось к получению образования и из-за недостатка казенных средств вынуждено было собирать деньги для открытия и содержания школ и училищ. Владикавказское городское общество отказывало многим молодым людям, желающим поступить в реальное училище, из-за переполненности классов, недостатка средств и помещений. Оно предложило открыть трехклассное городское училище на пожертвованные городом средства. Администрации Терской области понравились эти предложения, поскольку они не приносили убытка казне. Было объявлено о сборе средств на открытие школ в Хасав-Юртовском и Веденском округах. Однако школы на эти средства так и не были открыты.

По мере развития капиталистических отношений, появления свободных частных капиталов, в Терской области в 60-70 гг. XIX века открываются частные учебные заведения. По положению об учебной части на Кавказе, частные учебно-воспитательные заведения разрешалось открывать и содержать только русским подданным. Содержатель такого заведения должен был иметь аттестат об окончании среднего учебного заведения и хорошо владеть русским языком [13, 45].

Немаловажен факт, что вплоть до середины XIX века основным письменным языком народов Северного Кавказа являлся арабский язык. Но постепенно в роли межрегионального языка стал утверждаться русский. Вскоре он выступил в роли государственного, стал активно вытеснять арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в печать и просвещение.

Тем не менее, на территории Центрального Кавказа успешно продолжали действовать мусульманские школы. Система обучения в них достигла высокого уровня. Письменность в горах продолжала оставаться арабской, правовыми вопросами ведали исключительно знатоки арабского языка. Примечательно, что всю административную переписку в 60-70 гг. XIX века в сельских мусульманских обществах

вели муллы. Администрация Терской области понимала, что эту проблему можно решить, открыв светские образовательные учреждения в аулах и селах. Для составления проектов открытия в аулах Терской области народных школ были привлечены представители коренного населения: прапорщик Кеди Досов, Кази Атажукин и коллежский советник Д. С. Кодзоков.

Кеди Досов главной задачей этих школ считал обучение населения на родном языке. Все расходы на постройку школ, их укомплектование и денежное пособие учителям он относил на счет государственной казны [14, 11].

Несколько иным было предложение Кодзокова. Прежде всего, он посчитал необходимым, не тратя средств на постройку зданий, превратить уже существующие мусульманские школы в светские. Школы должны были организовываться для обучения кабардинской грамоте на русской алфавитной основе [15].

Оба проекта были рассмотрены начальником Терской области, но так и не осуществились на практике. С 1864 г. Лорис-Меликовым была развернута активная деятельность по открытию сети школ в различных районах подведомственной ему территории. В их программу входили: чтение и письмо на родном языке, и по-русски, практическое усвоение разговорного русского языка. Это была довольно удачная политика, когда Михаил Тариелович проявил гибкость и отверг радикальные проекты ряда авторов. В гимназиях и школах русский язык стал постепенно вытеснять местные языки, сводя их изучение к минимуму.

До конца 60-х гг. XIX века Северо-Восточный Кавказ не имел собственных местных печатных изданий. Михаил Тариелович приложил немало усилий для выхода в свет в январе 1868 г. органа местного управления – газеты «Терские ведомости». Для этого в 1867 г. была основана типография. Подготовка печатников «из казаков, туземцев и мещан» должна была продолжаться не менее полугода, примерно до начала 1868 г. Несмотря на это, начальник области обратился с ходатайством о разрешении издавать «Терские ведомости» с 1 мая 1867 года, то-есть с момента набора людей и начала обучения их типографскому делу [16, 15].

В своем отчете Лорис-Меликов пояснял, что необходимость в издании местных ведомостей предусмотрена законом. По его мнению, газете надлежало стать связующим звеном между русскоязычным населением и местными народами. Он отмечал, что предметом пу-

бликаций газеты, помимо правительственных распоряжений, должны быть обычаи, традиции и нужды управляемых.

Чтобы понять, насколько сложным бюрократическим механизмом являлось административное устройство Кавказа, и кто допускался к печатному слову, обратимся к истории открытия литературного кружка в Терской области. В апреле 1870 г. группа жителей Владикавказа подала в городскую ратушу прошение об открытии литературного кружка. Полицмейстер представил это прошение начальнику области. Тот потребовал, чтобы установили данные о сословной принадлежности и состоянии этих жителей. После этого Лорис-Меликов обратился 15 июня 1870 г. к наместнику Кавказа с просьбой о разрешении или отказе данного ходатайства. Спустя три месяца жители получили разрешение, но контроль над деятельностью кружка осуществляли полицейские власти.

Сам Михаил Тариелович с любовью относился к русской литературе, знал поэзию Пушкина, Лермонтова, в студенческие годы дружил с Некрасовым, был лично знаком с Салтыковым-Щедриным.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин очень тепло относился к Лорис-Меликову. В одном из своих писем он писал: «Скажу Вам совершенно искренне, что я всю жизнь избегал соприкосновения с лицами высокопоставленными, и только Вы один победили во мне чувство, вызывавшее эту сдержанность [17, 235].

М. Т. Лорис-Меликов, как человек умный и просвещенный, способствовал открытию в Терской области сети библиотек. Помимо общественных библиотек в Пятигорске, Владикавказе, Моздоке в пореформенный период появились и частные библиотеки.

В Кизляре, Моздоке и Георгиевске функционировали архивы, в которых работал известные кавказоведы. В 1875 г. во Владикавказе работали книжные и нотные магазины, в которых продавались справочники и научные книги по всем отраслям знаний. В 1868 г. впервые были опубликованы тексты двух нартских сказаний, записанные Василием Цораявым [18, 90].

Уровень музыкальной культуры горцев Терской области очень высок. Музыкальные произведения традиционно исполнялись на инструментах, изготовленных самими горцами [19, 76].

В Терском казачьем войске также большое внимание уделялось развитию музыкальной культуры.

В пореформенный период для коренного населения Северного Кавказа важнейшим событием стало создание письменности. До это-

го времени переписка велась горцами преимущественно на арабском языке, иногда писали по-турецки.

По распоряжению начальника Терской области М. Т. Лорис-Меликова, в крепость Грозный был вызван мулла Янгулбай с муталимами, которые учились у него арабскому языку. Из них никто не знал русского языка.

Заслугой Михаила Тариеловича является выпуск первой газеты в городе Владикавказе. В своём докладе на имя великого князя – наместника Кавказа Лорис-Меликов писал 28 января 1867 г: «При разнохарактерности населяющих Терскую область элементов, именно гражданского, казачьего и туземного, управляемых разнородными административными учреждениями, ощущается крайняя необходимость в средствах к скорейшему и одновременному обнародованию манифестов, указов Сената и других правительственных и местных распоряжений по всем отраслям управления, и потому чувствуется настоятельная необходимость в издании местного официального органа».

Далее в докладе дана подробная характеристика основным темам, областям и сторонам жизни общества, которые могут быть отражены в газете и цели ее издания. Лорис-Меликов был убежден, что изложение исторических преданий народов, населяющих Терскую область, публикаций по географии, статистике, промышленности, филологии и этнографии края «послужит для будущей истории Кавказа драгоценным материалом, получает возможность сохраниться посредством печатного слова в памяти потомства» [20, 125].

18 мая 1867 г. начальник Кавказского Горского управления Д. И. Старосельский сообщает начальнику Терской области: «Его императорское величество главнокомандующий армией изволил, согласно ходатайству вашему, разрешить издавать «Терские ведомости», и доверяет цензурное наблюдение за изданием «под личную вашу ответственность» [21]. Газета «Терские ведомости» начала выходить с 1 января 1868 г.

Правительство не могло позволить применение арабского алфавита при формировании письменности мусульман Кавказа, поэтому оно оказало содействие П. К. Услару и местным деятелям, которые на основе русской графики начали создавать алфавиты, буквари и печатать книги. Это была довольно тонкая политика по вытеснению арабского языка из региона путем поощрения развития местных языков не в ущерб русскому.

Подводя итоги, необходимо сделать следующие выводы: при утверждении российской государственности на Северо-Восточном Кавказе господство русского языка на административном уровне было неизбежно; арабский язык продолжал функционировать в религиозной сфере, в системе мусульманского обучения и в переписке горцев; создание письменности кавказских языков под руководством П. К. Услара стало значимым событием в лингвистике и повлияло на развитие культуры горских народов.

В 60-70 гг. XIX века на территории Терской области действовали конфессиональные учебные заведения, государственные и частные школы и гимназии. Государство поощряло деятельность христианских школ и ущемляло права мектебе и медресе. На развитие системы просвещения выделялась небольшая доля бюджетных средств. В условиях значительного спроса на приобретение образования возможности его получения были незначительными. Отсутствовало достаточное количество хорошо подготовленных учителей и оснащенных школ.

Примечания:

1. Город Моздок: Исторический очерк. Владикавказ, 1995.
2. Гамзатов Г. Г. К проблеме востоковедных аспектов истории национальных литератур на Северном Кавказе // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993.
3. НА СОИГСИ. Ф. 1. О. 1. Д. 54. Л. 88.
4. Лейберов И. П. Россия. Кавказ. Абхазия. (Исторические статьи и очерки). – СПб., 1995.
5. РГИА. Ф. 1149. Оп. 7. Д. 62. Л. 172.
6. Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1901.
7. Полное собрание законов Российской империи, Т. 42. Отд. 1-е / СПб., 1871.
8. Из воспоминаний о графе М. Т. Лорис-Меликове // Новое обозрение. 1888. № 1732.
9. Гонтарева Е. Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия Чинии истории, языка и литературы. Т. 6. Вып. 1. Грозный, 1965.
10. Цит. по: Ибрагимова З. Х. Чеченская история. Политика, экономика и культура. М., 2002.

11. Несколько слов о школах в Северной Осетии // Терские ведомости. 1875. №16.
12. Погожев В.П. Кавказские очерки. СПб., 1910.
13. РГИА. Ф. 1149. О.7. Д. 62. Л. 45.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 12. О. 5. Д. 86. Л. 11.
15. Там же.
16. Хорув Ю.В. Печать Терека и царская цензура. Орджоникидзе, 1971.
17. Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика и культура. М., 2002.
18. Мельниченко Е.Х. Развитие русско-осетинских культурных связей во II половине XIX века. Орджоникидзе, 1984.
19. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX –начала XX вв.)//Известия СОИГСИ. Вып.10 (49) 2013.
20. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на Кавказе.
21. Диктатор сердца // www.hayastan.ru / Arm vest/ Jurnal 07/j 07-stat16.htm.16.

**Х.А. АТАБИЕВ,
соискатель СОИГСИ**

УЧАСТИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье впервые вводятся в научный оборот материалы, свидетельствующие об активном участии балкарцев в Первой мировой войне в составе Кавказской дивизии. Выявлены поименно герои войны, конкретные заслуги, за которые они были награждены высокими наградами,

Ключевые слова: воины-балкарцы, кавказская дивизия, конный полк, подвиг, Георгиевский крест, награды.

Вопрос об участии карачаевцев и балкарцев в Первой мировой войне не становился предметом специального исследования, несмотря на его важность для изучения российско-балкарских отношений. Героические подвиги воинов-балкарцев на фронтах этой войны не известны широкой российской общественности, а такие знания могли бы способствовать оптимизации межнациональных отношений, сглаживанию этнофобий, укреплению общероссийской идентичности.

24 июля 1914 года почетные представители Кабарды и Балкарии в слободе Нальчик приняли постановление: «Доверенные от селений Большой и Малой Кабарды и Пяти Горских обществ Нальчикского округа, собравшись сего числа в слободе Нальчик для обсуждения вопросов, связанных с существующим положением Российского Государства, вознеся Господу Богу молитвы о здравии и благоденствии Его Императорского Величества Государя Императора и Всего Царствующего Дома, единогласно постановили – обратиться к начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска с просьбой по телеграфу: «...Просить Государя Императора разрешить населению Кабарды и Пяти Горских обществ выставить за счет насе-

ления на театр военных действий Кабардинский конный полк четырехсотенного состава. Составленный текст телеграммы одобрить и просить начальника округа отправить таковую за своей подписью» [1, 28].

Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») – кавалерийская дивизия, одна из частей Русской Императорской армии, была сформирована 23 августа 1914 года. На 90% она состояла из добровольцев-мусульман – уроженцев Северного Кавказа и Закавказья, которые, как и все туземные жители Кавказа и Средней Азии, по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. В соответствии с приказом Императора Николая II о создании Кавказской туземной конной дивизии от 23 августа 1914 года дивизию составляли три бригады из шести кавказских туземных конных полков (каждый в 4 эскадрона).

В состав дивизии входили следующие войсковые части: 1-я бригада состояла из Кабардинского конного полка (состоящего из кабардинцев и балкарцев) и 2-го Дагестанского конного полка (состоящего из дагестанцев); 2-я бригада состояла из Татарского конного полка (состоящего из азербайджанцев (пункт формирования г. Елизаветполь (Гянджа) и Чеченского конного полка (состоящего из чеченцев); 3-я бригада состояла из Черкесского конного полка (состоящего из карачаевцев, адыгейцев и абхазцев) и Ингушского конного полка (состоящего из ингушей). Большинство карачаевцев вошло в состав 3-й сотни. Всего в сотне было 136 человек. Из них карачаевцев – 87, русских – 13, ногайцев, черкесов и абазин – 36 человек.

Ко времени создания дивизии во время первой мировой войны в составе российской армии находились также Кавказская кавалерийская дивизия, пять Кавказских казачьих дивизий, Кавказская гренадерская дивизия, а также пять Кавказских стрелковых дивизий. В связи с этим новая дивизия получила название Кавказская туземная конная дивизия. Формирование дивизии завершилось в сентябре 1914 года, в октябре она была доставлена эшелонами в Подольскую губернию. В начале ноября Кавказская туземная конная дивизия была включена в состав 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Гусейн Хана Нахичеванского. С конца ноября дивизия вступила в бои на Юго-Западном (австрийском) фронте, которым тогда командовал генерал от артиллерии Николай Иудович Иванов.

Дивизия вела тяжелые бои у Полянчика, Рыбне, Верховины-Быстра. Особо тяжелые кровопролитные бои были в декабре 1914 года

на Сане и в январе 1915 года в районе Ломна-Лутовиска, где дивизия отражала наступление противника на Перемышль. Первые жертвы появились уже в 1914 году, о чем свидетельствует сохранившийся в архиве документ – «Удостоверение. Дано сие от Кабардинского конного полка землевладельцу сел. Верхнее Кожоково Нальчикского округа Терской области, Джанхоту Кургоковичу Абаеву в том, что брат его Асланбек Кургокович Абаев в бою с 17 на 18 декабря 1914 года у деревни Ветлино убит и 18 декабря похоронен у деревни Береги-Горне, в чем подписью и казенной печатью удостоверяется.

5 января 1915 года. Действующая армия. Командир полка полковник граф Воронцов-Дашков. Полковой кадий Шогенов» [2, 42].

В феврале дивизия провела ряд успешных наступательных операций: на реке Ломнице, бои у деревень Бринь и Цу-Бабин, занятие города Станиславов и местечка Тлумач. В июле, августе и осенью 1915 года дивизия участвовала в ряде боёв у Шупарки, Новосёлка-Костюкова, в районе Доброполе и Гайворона, которые по свидетельству её командира великого князя Михаила Александровича были увенчаны.

В архивных фондах Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики сохранились сведения об участии балкарцев в этих событиях. В бою 16 февраля 1915 года у дер. Майдан, юнкер милиции Докшуко Астемиров, ст. урядник Измаил Келеметов, мл. урядник Николай Миронович, мл. урядник Тита Баждугов, юнкер милиции Докшуко Астемиров под видом охотников, под действительным огнем противника успешно выполнили ответственное поручение и доставили важные сведения о расположении частей противника. За это они были награждены Георгиевскими крестами [3, 207].

В бою 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, ст. урядник Магомет Абаев, вместо выбывшего из строя офицера, принял командование взводов и выбил противника из занимаемых им окопов, проявил при этом выдающуюся храбрость и мужество. Мл. урядник Исмаил Тхазеплов в бою 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, командуя взводом, проявил выдающуюся храбрость и мужество, увлекая за собой товарищей и подчиненных, и выбил противника из занимаемых им окопов. 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, мл. урядник Ахмед Бицуев и всадник Бороко Броев, будучи в разведке, уничтожили неприятельский пост из 3 человек. В бою 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, будучи дозорными, своевременно обнаружили обход противника,

своевременно донесли и продолжали наблюдать, несмотря на явную опасность, за что были награждены медалями «За храбрость». Младшие урядники Азамат Бетрозов и Тита Баждугов в бою 14 февраля 1915 года у дер. Подгорки проявили выдающуюся храбрость и мужество, ободряя и увлекая за собой товарищей и подчиненных, чем содействовали успеху боя. Всадник Ибрагим Виев 17 февраля 1915 года у дер. Майдан, вызвавшись на разведку охотником, проник в расположение противника, где заметил приготовления противника к наступлению, выяснил его силы и расположение [3, 207]. Эти данные были сообщены подполковником Всеволодом Дмитриевичем Старосельским.

Приказом о награждении по Кабардинскому конному полку. От № 21312 октября 1915 г. были награждены прапорщик Магомет орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, за бой 10 сентября 1915 года у деревни Доброполе. Прапорщик Докшуко Астемиров награжден за тот же бой орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» за бой 29 сентября 1915 года [3, 208].

В мае – июне 1916 года дивизия, как и прежде числилась в составе 2-го кавалерийского корпуса 7-й армии, но принимала участие в Брусиловском прорыве временно находясь при 33-м армейском корпусе 9-й армии Юго-Западного фронта. К декабрю 1916 года дивизия была переброшена на Румынский фронт, теперь уже в составе 7-го кавалерийского корпуса 4-й армии. За время своей боевой деятельности Кавказская туземная конная дивизия понесла большие потери. За три года через службу в дивизии прошло в общей сложности более семи тысяч всадников, уроженцев Кавказа и Закавказья. Полки дивизии несколько раз пополнялись прибывавшими с мест их формирования запасными сотнями. За один только 1916 год дивизия провела 16 конных атак – пример небывалый в военной истории. Количество пленных, взятых Кавказской туземной конной дивизией за годы войны, в четыре раза превысило её собственный численный состав.

Приказом о награждении № 43 от 30 мая 1916 г. были награждены Георгиевскими крестами воины-балкарцы. **Юнкер милиции Камбулат Аджиев** 29 мая 1916 года у дер. Шепенице во время боя первым врубился в цепи противника, увлекая за собой товарищей и проявляя выдающуюся храбрость и мужество. **Ст. урядник Хазеши Диков** в бою у дер. Лужаны 29 мая 1916 года вызвался охотником и, несмотря на сильнейший артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь противника,

доставил важные сведения о противнике. Мл. урядник Ахмед Лафишев 29 мая во время конной атаки на дер. Лужаны подал пример храбрости, увлекая за собой товарищей, и привел с ними 14 пленных австрийцев. Всадник Асланбек Шаханов 29 мая 1916 года в конной атаке у дер. Лужаны, будучи ранен, остался в строю и принимал дальнейшее участие в бою. Всадники Туган Дышеков и Хапхо Хуранов в конной атаке 29 мая 1916 года у дер. Шепенице проявили выдающуюся храбрость, врываясь в ряды противника, причем захватили в плен 10 австрийцев. Всадник Зарамук Туттов в бою 29 мая 1916 года у дер. Лужаны, будучи ранен, остался в строю до конца боя. Медалями «За храбрость» были награждены мл. урядники Пшикан Охов и Адильгери Кожаев. В бою 29 мая 1916 года у дер. Шепенице и Лужаны они первыми бросились на цепь противника, увлекая за собой товарищей и проявляя выдающуюся храбрость [4, 523-524]. Приказом о награждении по Кабардинскому конному полку № 454 от 23 января 1916 года Георгиевскими крестами были награждены также мл. урядник Мансур Алиев и всадник Мажид Катханов. 15 декабря, будучи разведчиками, они под сильным огнем разведали противника и доставили ценные сведения. Во время разведки, заметив обходящую их заставу противника, сами атаковали ее и, зарубив 3-х человек, принудили остальных бежать в лес. При этом под Алиевым была убита лошадь, а под Катхановым – ранена лошадь. Был награжден также ст. урядник Коккоз Гелястанов, который 15 декабря 1915 года у дер. Шутроминце под сильным и действительным огнем противника доставил важное донесение, чем способствовал успеху наступления. В архиве сохранилась телеграмма за подписью командира 4-ой сотни штабс-ротмистра Соколовского «В ночь с 17-го на 18 декабря четвертая сотня Кабардинского полка имела славный 9-часовой бой с превосходящей численностью пехотой, укрепленной в окопах. Рад сообщить представителям Малой Кабарды и Горского общества, что их сыны с честью и славой поддержали своих предков. Смертью храбрых пали: Хату Анзоров, Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Исмаил Орков, Ибрагим Максидов, Люта Тумов, Дигго Ходов и Хагуро Шагиров» [5, 33].

Приказом о награждении по Кабардинскому конному полку № 221 от 15 июля 1915 года младший урядник Кушби Ахохов был награжден 5 августа 1915 года великим князем Георгием Михайловичем Георгиевским крестом 1-й степени № 5854 за то, что «2 июля 1915 года у дер. Шупарки, вызвавшись охотником на опасное предприятие, совершил оное с полным успехом».

Урядник Кушби Гиреевич Ахохов, 1891 года рождения. «Из кабардинцев селения Куденетово-2» (Чегем II), уздень, ст. урядник Исмаил Тамбиев в бою 2 июля 1915 года у дер. Шупарки под действительным огнем противника доставил важное донесение и восстановил связь», награжден георгиевским крестом 2 степени; всадник Каракиши Атабиев – 4 степени за то, что «2 июля, будучи раненным, остался в строю до конца боя»: мл. урядник Али Инароков – 2 степени, мл. урядник Хагуцира Влаев – 4 степени, за то, что в бою 2 июля спасли жизнь своего раненого офицера. Во время атаки 4-й сотни тяжелое ранение в ногу получил взводный командир прапорщик Павел Захаров. Его и вынесли из-под огня урядники Али Инароков и Хагуцира Влаев. Мл. урядник Аслан-Али Эфендиев получил Георгиевский крест 4 степени, он 2 июля 1915 года с явной опасностью для жизни доставил важные сведения о противнике [6, 174-175 об.]

Штабс-ротмистр Вольдемар Соколовский сообщал: «Приказом IX армии 5 сего июля 1915 года № 324 нижепоименованные обер-офицеры вверенного мне полка, – за отличия, оказанные в боях у дер. Шупарка, против неприятеля, награждены орденами: св. Анны 3-й степени с мечами и бантом,

св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»: прапорщик Магомет Абаев (для нехристиан установленный), прапорщик Измаил Келеметов (убит 2 июля сего года) – (для нехристиан установленный), прапорщик князь Таусултан Наурузов (для нехристиан установленный)» [7, 37].

Приказом 370 от 24 июля 1915 года о награждении по Кабардинскому конному полку был награжден Георгиевским крестом 1 ст. юнкер милиции Мисост Коголкин. 3 июля 1915 года у дер. Шупарка при занятии укрепленной неприятельской позиции на высоте 276 примером храбрости ободрил и увлек своих товарищей. Георгиевским крестом 3 ст. был награжден мл. урядник Аслан-Али Эфендиев. В бою 3 июля 1915 года под сильным огнем противника установил связь с соседними частями.

Всадник Жамбулат Балкаров получил Георгиевский крест 4 ст. В бою 3 июля 1915 года он доставил на линию боя патроны, когда в них была чрезвычайная надобность и когда никто другой не решался на это отважиться, вследствие грозящей почти неминуемой гибели. Мл. урядник Мажид Шадов был награжден Георгиевским крестом 2 ст. 3 июля 1915 г. у дер. Шупарки, будучи разведчиком, он с явной личной опасностью добыл и доставил важные о противнике сведения. Всад-

ники Кубатий Журтов и Макар Аппаев получили Георгиевский крест 4 ст.3 июля, будучи тяжело ранены, оставались в строю до конца боя [7, 37].

Отличительной чертой внутренней жизни Кавказской туземной конной дивизии была особая морально-психологическая атмосфера, сложившаяся в ней, которая во многом определяла отношения между её офицерами и всадниками. Выше всего ценились не чины и звания, а личная храбрость и верность. Традиционный менталитет накладывал отпечаток на внутреннюю жизнь кавказских полков. Почётные места в полковых офицерских собраниях занимали нередко уважаемые люди почтенного возраста из числа унтер-офицеров и даже рядовых всадников. Это было вполне естественно, поскольку многие воины состояли в родстве друг с другом. Характерной чертой отношений в офицерской среде дивизии было взаимное уважение лиц разных вероисповеданий к верованиям и обычаям друг друга. В Кабардинском полку, в частности, адъютант подсчитывал, сколько за столом офицерского собрания находится мусульман и сколько христиан. Если преобладали мусульмане, то все присутствующие оставались, по мусульманскому обычаю, в папах, если же больше было христиан – все папахи снимали. Около 3500 всадников были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость». Все офицеры дивизии были удостоены боевых орденов. На наградах, которые вручались подданным нехристианского вероисповедания, изображения христианских святых (Святого Георгия, Святого Владимира, Святой Анны и т. д.) были заменены государственным гербом Российской империи – двуглавым орлом. Однако, горцы вскоре потребовали вернуть им на награды Георгия, которого называли уважительно «джигитом», а герб с презрением именовали «птичкой». Правительство пошло им навстречу. Святой Георгий вернулся на награды. Очевидец с восхищением писал о действиях воинов «Дикой дивизии» в годы Первой мировой войны: «Стихийной, бешеной лавиной кидаются они, артистически работая острым, как бритва, кинжалом против штыков и прикладов... и об этих атаках рассказывают чудеса. Австрийцы давно прозвали кавказских орлов «дьяволами в мохнатых шапках». И действительно, одним своим видом, таким далеким от какой бы то ни было общеевропейской военной формы, кавказцы наводят на неприятеля панику...» [8].

Примечания

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР), Фонд И-6, опись 2, дело 75, том 1
2. ЦГА КБР, Фонд И-20, опись 1, дело 13
3. ЦГА КБР, Фонд И-6, опись 1, дело 891
4. ЦГА КБР, Фонд И-20, опись 1, дело 23
5. ЦГА КБР, Фонд И-6, опись 2, дело 75, том 2
6. ЦГА КБР, Фонд И-20, опись 1, дело 1
7. ЦГА КБР, Фонд И-20, опись 1, дело 17
8. Брешко-Брешковский Н. Н. Дикая дивизия. bookZ. ru collection

М. К. ТОМАЕВ,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В ОСЕТИИ (НАЧАЛО XX ВЕКА)

В статье на основе протоколов Осетинского Историко-Филологического общества – первой научной организации в Терской области, созданной в 1919 году, рассматривается история создания архива этого общества, которое способствовало становлению архивного дела в Осетии.

Ключевые слова: *рукописный фонд, архив, рукописи, фольклор, история, литература, архивное управление*

В 1919 году во Владикавказе было создано Осетинское Историко-Филологическое общество. В отличие от множества культурно-просветительских организаций, основанных в конце XIX – начале XX веков, Общество вошло в историю как «*первое **научное** учреждение горских народностей для собирания и изучения исторических памятников*» [1,7]. Осетинское Историко-Филологическое Общество зародилось в такой момент, когда повседневная злоба дня окончательно заслонила собою всякие иные интересы и цели, тем более чисто научного порядка. Понятно поэтому, что находились скептики, которые не могли понять, как можно в такой момент, когда великое революционное потрясение еще не улеглось, когда повсюду царили голод, холод, шла гражданская война, заниматься научными исследованиями, связанными с изучением старины.

И все же Общество сразу стало на твердую ногу. Не располагая никакими определенными материальными средствами, оно развернуло кипучую деятельность, которая с каждым годом делалась все интенсивнее, приобретая широкое национально-культурное значение.

Важным направлением деятельности Общества стал сбор памятников устного народного творчества, фольклорного и этнографического материала. В 1923 году Осетинское Историко-филологическое общество было зарегистрировано как научное учреждение, подведомственное Главнауке РСФСР.

Осетинское Историко-филологическое общество положило начало не только гуманитарной науки, осетиноведению как ее составляющей, но и научной, образовательной и отчасти культурной инфраструктуры Осетии.

За первый год Осетинское Историко-Филологическое Общество успело создать прекрасную библиотеку по вопросам Кавказоведения вообще и осетиноведения в частности. Библиотека содержала в себе почти все ценное, появившееся в свет по вопросам осетиноведения, например, такие ценные издания, как «Адаты кавказских горцев» Леонтовича, «Материалы по археологии Кавказа» гр. Уваровой, «Материалы для новой истории Кавказа» Будкова, «Кавказский сборник» «Горский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и многое другое. Имелись и книги на иностранных языках, как, например, осетинский синтаксис Штакельберга и другие. Особенно много книг на осетинском языке, чуть ли не все, что вышло в печати со времени появления осетинской письменности. В числе богатого собрания рукописей имелись неизданные рукописи нартовских сказаний И. Канукова, рукописи Коста Хетагурова и многое другое. Поэтому появилась идея отделить от библиотеки архив, который позже получит название Рукописного фонда.

Архив общества представлял большую научную ценность. Уже в 1919 году в числе его первых фондов значился архив Ардонского Отделения Владикавказского Епархиального Училищного Совета, который содержал богатейший материал по истории развития просвещения в Осетии, а также архив Северо-Осетинского Училищного Совета. Архив Общества также пополнился богатым архивом Моздокского Осетинского Духовного Училища, рукописью М. Туганова «Посвящение коня», рукописями покойного Алихана Токаева (несколько тетрадей), Гацира Шанаева «Сказания о Нартах» (на русском языке), а также копией рукописи первого осетинского поэта Темура Мамсурова.

Примечательно, что в августе 1920 года во Владикавказе было организовано Терское областное архивное управление, в создании

и развитии которого Общество приняло самое деятельное участие. Первым руководителем Главного архивного управления по Терской области был ученый секретарь Общества Григорий (Губади) Алексеевич Дзагуров. Понимая, что без архивов, хранящих в себе исторические документы в подлинниках, не может быть изучена история Терского края и его народов, он организовал работу по отбору и сохранению материалов, составивших фундамент будущих архивных фондов. Однако архив Общества формировался самостоятельно.

Одним из главных направлений деятельности Общества являлось сохранение творческого наследия Коста Хетагурова. Уже в первый год существования Общества в архив поступила рукопись Коста «О звуках осетинского языка» [2, 19]. Самым ценным приобретением архива Общество считало рукописи Коста (письма) и оригиналы его стихов, написанных на русском языке.

В 1921 году Общество отмечало 15-летие со дня смерти Коста. В числе многих мероприятий нас интересует выставка рукописей, писем и картин поэта. Все это было получено Обществом от дочерей протоиерея Александра Цаликова – Елены и Юлианы. В описи значились картина «Клухорский перевал», иконы «Константин и Елена», «Лик Христа», рукопись сборника «Ирон фандыр», 17 писем в конвертах, 4 открытки, 29 писем, одно стихотворение, беловой автограф рукописи и сборника «Ирон фандыр» в коричневом кожаном переплете с тиснениями и др. Как указывает Л. К. Гостиева, «значение сохраненного Цаликовыми раритета бесценно, поскольку другая авторская копия сборника «Ирон фандыр», переданная для издания в Кавказский цензурный комитет, в первоначальном виде не сохранилась» [3, 87].

В том же году в архив Общества поступили неизданные рукописи Коста Хетагурова (дополнительно к поступившим раньше), а в 1925 году – рукописи Коста Хетагурова в оригиналах, в том числе «Iron fændyr» с иллюстрациями, сделанными самим Коста.

В архиве Общества хранились также рукописи покойного собирателя народных сказаний Осетии Г. Г. Томаева, в лице которого Общество потеряло преданного честного сотрудника, любившего «и бедный свой народ и бедный свой язык». В числе его рукописей необходимо отметить «Дневник событий во Владикавказе с 1917 по 1919 гг.» написанный на осетинском языке и имеющий большое значение для истории революции, гражданской и межнациональной войны в Терском крае.

Особенное значение Осетинское Историко-Филологическое Общество за все время своего существования придавало делу собирания памятников устного народного творчества. В 1923 году записи производил преимущественно член Общества Цоцко Амбалов. Им было записано от старика Бидзиго Ревазова 69 сказаний на 700 страницах [3,1]. Записи эти представляют большую ценность в том отношении, что, кроме богатства материалов, по ним можно судить об устойчивости памятников народного творчества. Эта возможность имеется на лицо потому, что от этого сказителя записывал сказания до этого и покойный Г. Г. Томаев. Кроме Цоцко Амбалова, записью сказаний были заняты Г. Гуриев, Г. А. Дзагуров, М. Туганов и некоторые другие члены Общества. Одним из основных пунктов Устава Общества был пункт о том, чтобы начать целенаправленное разыскание, собирание, изучение, научное описание и классификацию памятников народного творчества и обеспечить их хранение [4, 218].

В планах Общества на 1924 год было научное описание рукописей архива. В 1925 году Общество вошло в состав нового Осетинского института краеведения, а архив Общества стал важным структурным подразделением института [5, 143-192].

Наибольшую ценность представляют фольклорные материалы, прежде всего, тексты нартовских сказаний, записанные корифеями осетинской науки, литературы, искусства – В. И. Абаевым, Б. А. Алборовым, Г. А. Дзагуровым, Ц. Амбаловым, М. С. Тугановым и многими другими; материалы фольклорных и этнографических экспедиций, записи народных мелодий, уникальные рукописи российских и северо-кавказских просветителей, материалы по лингвистике, этнографии, археологии, искусству и истории осетинского народа, терского казачества, других народов Кавказа, личные архивы известных ученых, писателей и общественных деятелей.

Со временем архив пополнялся рукописями плановых работ сотрудников института (более 700 ед.хр.), материалами социологических опросов, источниками по истории экономики, кино- и фотоматериалами. Архивные фонды пополняются также материалами, полученными из других архивов и библиотек в виде фотокопий, а также за счет частных поступлений материала, имеющего научное, социально-культурное и историческое значение.

Примечания

1. Канукова З.В. 85 лет научного поиска // Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
2. Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения (далее-ИОНИИК). Владикавказ, 1925. Вып.1.
3. Гостиева Л.К. Деятельность Осетинского Историко-Филологического общества по сохранению творческого наследия К.Л. Хетагурова // Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
4. Тамаева З.П. Отдел рукописных фондов//80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005.
4. Канукова З.В. Осетинское Историко-филологическое общество//Известия СОИГСИ. Вып.1(40)2007.

В. В. АМЕЛЯН,
аспирант, Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС
при Президенте РФ (г. Пятигорск)

НОВЫЕ ФОРМЫ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX В.

В статье исследуются характерные признаки влияния государства и общества на процессы в молодежной среде. Автор статьи указывает, что молодежь всегда была объектом пристального внимания государственных и общественных институтов, так как традиционно принимала активное участие в социальных и политических процессах, особенно в переломные моменты развития общества.

Ключевые слова: государство, молодежь, политика, идеология, нравственность, патриотическое движение, скауты.

В начале XXI века отношения между государством и молодежью, по мнению современных идеологов молодежной политики, должны строиться на основе взаимовыгодного партнерства, когда государство несет ответственность за создание для молодежи возможностей для самореализации. Молодежь необходимо этими возможностями воспользоваться, т.е. молодежная политика – это не государственная политика органов власти, а политика всех, кто способен оказывать влияние на улучшение жизни молодежи, включая ее саму. В советское время доминировала роль государства. В переходный, постперестроечный период молодежь фактически оказалась предоставленной самой себе.

В этих условиях становится особенно интересным обращение к опыту молодежного движения начала XX века, когда влияние различных общественных институтов на молодежь заметно преобладало над государственным [1, 78].

Российская империя накануне Первой мировой войны имела прекрасный демографический баланс: каждое следующее поколение чис-

ленно превышало предыдущее. Введенная в 1874 г. всеобщая воинская повинность с самого начала таковой не являлась: многочисленная русская армия далеко не вмещала в себя призывной контингент. Быстрый рост населения привел к аграрному кризису, в результате чего стремительно менялась система отношений в семье и малом обществе (прежде всего, в деревенской общине). В деревне участились семейные разделы, обострился конфликт поколений и в начале XX в. общественное внимание привлекло и стало активно обсуждаться новое явление – хулиганство. В таких условиях встал вопрос о молодежных организациях с воспитательными целями и о молодежной политике в целом.

До начала XX в. в России, как в подавляющем большинстве других стран, не существовало специализированных организаций по физическому и нравственному воспитанию молодежи. Однако, мировой опыт уже имел представление о формах работы с молодежью, такие организации уже были и успешно развивались. Это Сокольское движение, процветавшее на территории Австро-Венгрии, в Болгарии и Сербии среди славянских народов: чехов, болгар и сербов. Корни этого движения уходят в Чехию середины XIX в., когда чешский народ активно боролся с политикой онемечивания, проводившейся австрийскими властями. В 1862 г. доктор философии М. Тырш основал первое Сокольское общество, созданное как гимнастический союз. Движение сразу приобрело большую популярность в Чехии и в первой половине 1870-х гг. распространилось на европейские территории Османской империи, заселенные славянскими народами. Это способствовало поднятию национального самосознания сербов, черногорцев, болгар, хорватов и привело к мощным народным анти-турецким восстаниям 1875-76 гг. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. с «сокольским» движением познакомились русские офицеры, в т.ч. генерал М.Д. Скобелев. Русское командование на Балканах создавало из болгарских повстанцев, прошедших «сокольскую» подготовку, вооруженные отряды, которые активно участвовали в боевых действиях [2].

Первое русское гимнастическое общество с неофициальным названием «Сокол» было основано при активном участии В.А. Гиляровского в 1883 г. в Москве; впоследствии в него вошли Л.Н. Толстой и А.П. Чехов. В 1887 г. директор Первой Тифлисской гимназии Л.Л. Марков пригласил на должность инструктора по гимнастике чешского «сокола» Ю. Грумлика, работа которого нашла логическое

продолжение в рамках образованного в 1900 г. в Тифлисе первого общества с официальным названием «Русский Сокол» [3, 9].

В 1901 г. на проходившем в Праге всесокольском слете присутствовали представители русского педагогического персонала и делегаты гимнастических обществ. На последних сильное впечатление произвели «здоровые идеи и бодрая работа соколов». После слета последовали приглашения чешских соколов на гимнастическую работу в России. В стране одно за другим стали появляться гимнастические общества, работавшие по «сокольской» системе. Однако, в связи с быстрым, распространением движения по России возникла острая нехватка инструкторского состава. Частично данная проблема решалась организацией в Чехии курсов для инструкторов, но развитие движения тормозилось также полулегальным статусом на территории России.

С приходом П. А. Столыпина развитие русского Сокольства вышло на новый уровень. Русско-японская война и революция 1905 г. привели к упадку духа населения, подверженного влиянию революционных идей, и движение соколов, пропагандировавшее физическое и нравственное развитие личности, выглядело весьма уместным. В конце 1907 г. Сокольство получило государственное благословение, и в его ряды торжественно вступили П. А. Столыпин и его сын Аркадий.

Объединения русских соколов были первыми формами самоорганизации русской молодежи, получившими всенародное признание и государственную регистрацию своих документов.

Несмотря на панславянский характер движения соколов, в России, в силу действующей системы общественно-государственных отношений, в соколы свободно записывались представители самых различных этнических групп (достаточно сказать, что руководителем Союза Русских Соколов был русский поляк А. С. Гижицкий, а его заместителем – русский татарин М. А. Султан-Крым-Гирей). При этом организация русских соколов оставалась сугубо внепартийной и неполитической по своей сути. «Ставя себе задачи общенародного порядка, Русское Сокольство является организацией надпартийной, доступной для всего народа Русского». Русские соколы воспитывались на основе верности своему народу, и соответственно своими задачами определяли:

- физическое и духовное воспитание русских людей и поддержание в них бодрости;

- борьбу с их отнародованием (денационализацией);
- создание кадра русских сокольских деятелей» [4].

В 1908-1914 гг. возникли новые сокольские общества: в Москве, Каменец-Подольске, Екатеринославе, Егорьевске, Харькове (1908), Чернигове, Полтаве (1909), Воронеже, Орле, Новороссийске, Таганроге, Сычеве, Новочеркасске (1910).

С 1908 г. в Бахмуте (с 1924 г. – Артемовск) инспектором народных училищ Екатеринославской губернии А. А. Луцкевичем осуществлялась допризывная подготовка школьной молодежи, для чего был организован «отряд потешных». Потешничество не было изобретением XX в. Созданное в России в 80-х гг. XVII в., оно не мало послужило забавам юного Петра Алексеевича. Позже царем из этих отрядов были сформированы гвардейские Преображенский и Семеновский полки, не раз отличившиеся в реальных сражениях. Через несколько десятилетий петровским опытом частично воспользовалась и Екатерина II. По воспоминаниям современников той эпохи, дети офицеров, жившие с отцами при провинциальных полках, в десятилетнем возрасте, надев солдатские бескозырки, начинали постигать азы военной науки, маршируя по плацу и выполняя различные команды. Но, это были лишь эпизоды, отмечавшиеся всплесками внимания к военно-патриотическому воспитанию.

После поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. государство осознало необходимость введения целостной системы патриотического воспитания детей и юношества. Потешные команды создавались не только при школах и гарнизонах, но и при артиллерийских батареях, кораблях, даже при пожарных командах. Все расходы на обмундирование и обучение брала на себя казна, учителями становились офицеры. Небольшие сложности возникали лишь с финансированием школьных отрядов, где требовались дотации со стороны родителей или общественности.

В 1910 г. А. А. Луцкевич был приглашен в Царское Село для представления императору. В результате ознакомления Николая II с работой инспектора отряд «потешных» получил наименование «1-й народный класс военного строя и Гимнастики Его Императорского Высочества Государя Наследника Великого Князя Алексея Николаевича».

Работа с детьми и молодежью начала входить в моду. В целях поощрения нового движения император Николай II вместе с наследником престола цесаревичем Алексеем часто посещали школы и

воинские подразделения, при которых были организованы отряды потешных. Фотографии таких визитов помещались в журнале «Потешный», начавшем издаваться в 1910 г. в Москве.

Развивавшийся параллельно российский скаутинг имел свои отличительные особенности. Среди них – наличие рыцарского устава, в котором были сформулированы нравственные качества скаутов: бескорыстие, самопожертвование, честность, преданность, дисциплина и т.д. Основы скаутинга были изложены в книге Р. Баден-Пауэлла в виде простых и доступных бесед у костра. Возможно, именно поэтому скаутинг как система воспитания нашел больший отклик среди не только юношества, но и патриотически настроенных офицеров, которые в те годы тяжело переживали поражение в русско-японской войне.

Днем основания российского скаутинга считается 30 апреля 1909 г., когда молодой офицер О.И. Пантюхов собрал первый отряд русских скаутов. Его назвали «Бобры». В это же время император ознакомился с книгой генерала Р. Баден-Пауэлла, родоначальника и бессменного лидера скаутов, «Скаутинг для мальчиков» [3, 51].

Движение возникло в Великобритании после Англо-бурской войны, вскрывшей проблему слабого физического и нравственного развития молодежи. Участник войны полковник Р. Баден-Пауэлл разработал специальную методику, в основе которой была положена деятельность на природе и «воспитание на основе обещания» (осознание долга перед Богом, гражданского долга и долга перед самим собой). Скаутский метод вызвал глубокий интерес Николая II: государь повелел перевести книгу Баден-Пауэлла на русский язык и популяризировать скаутинг в молодежной среде [5, 67].

Во многом благодаря усилиям первых скаутмастеров, таких как штабс-капитан лейб-гвардейского батальона О.И. Пантюхов, штабс-ротмистр В.Г. Захарченко и др., определились направления деятельности российских скаутов:

- развитие духовно-нравственных, индивидуальных качеств (тренировка памяти, воли, органов чувств, воспитание характера);
- служение государству (навыки практической помощи армии, населению);
- религиозное воспитание;
- физическое воспитание (военный строй, походы, физические упражнения);
- трудовое воспитание (овладение различными специальностями)

и практическими навыками).

Поскольку, в начале XX в. еще не было, не массового спорта, ни туризма как таковых, то скаутские отряды и отряды потешных стали неким открытием в области воспитательной работы. Очевидно, что появление в России скаутинга и потешных стало результатом признания особой роли юношеского движения в реализации воспитательных задач, сформулированных государством. Основным же содержанием соответствующего социального заказа стали физическое воспитание и военная подготовка детей и молодежи. Руководители потешных и скаутов действовали схожим образом, но в их работе были и отличия. Так, если первые в основном проводили спортивные занятия и беседы с итоговыми показательными смотрами и парадами, то деятельность вторых оказалась шире и разнообразнее. В ней можно отметить ряд преимуществ: учет возрастных особенностей, системный подход в плановой работе, создание условий для самореализации юношей, воспитание скаутмастеров из числа самих скаутов.

Кроме того, парадная нацеленность потешных сослужила им плохую службу. Привыкшие к участию в парадах и смотрах, юноши так и остались не более чем исполнителями чужой воли. Непременность почтительного отношения к Богу роднит скаутов с другой молодежной организацией России – Российским Христианским Обществом Молодых Людей «Маяк». Общество было зарегистрировано в 1905 году в качестве отделения Международного Союза Молодых Христиан.

По инициативе американского гражданина Дж. Стокса в России работу Общества организовывал имперский чиновник барон П. Н. Николаи, что придавало Обществу серьезный общественный вес. Так же как и движения скаутов и соколов, Общество молодых студентов-христиан пользовалось широчайшей поддержкой народа, ведь, не имея государственных дотаций, оно, тем не менее, располагало значительными помещениями, солидным бюджетом и техническими возможностями.

Провозглашая целью своей работы, содействие молодежи «в достижении нравственного, умственного и физического развития», Общество всеми силами пропагандировало христианские ценности в светской жизни. В работе Общества в качестве попечителей принимали участие лучшие русские философы того времени.

Следует отметить, что Общество само, будучи обществен-

ным, по форме и христианским по культуре, было вне политики. Благотворительные вечера и просветительские лекции, общественно-познавательные занятия и социальные мероприятия, культурно-исторические вечера и научно-популярные чтения – всем этим занималось Общество. Всем, кроме политики. Руководители Общества часто говаривали про свою организацию, что она «представляет из себя для скучающих – клуб с полезными, приятными и нравственными средствами времяпрепровождения, для одиноких – домашний уют и товарищескую семью, для ищущих знаний – неисчерпаемый источник их, для слабых физически – место укрепления здоровья, для слабых духовно – источник бодрости и нравственного самосовершенствования» (из обращения Христианского Союза молодых людей к молодёжи Петрограда, 1917 г.) [6].

Общество первым в экономической истории новой России стало выполнять роль молодёжной биржи труда, организовывая в своих отделениях для молодежи «бюро для приискания занятий, определяющее и предлагающее места: конторщиков, корреспондентов, писцов, бухгалтеров и помощников их, артельщиков и приказчиков разных специальностей». Важно отметить, что работу предлагалось делать далеко не последнюю, не черную. Все поступления финансов в Обществе были индивидуально-добровольные, мероприятия же – всеобщие-бесплатные. Это вызывало особое уважение к рабочим сотрудникам Общества, число которых росло так же стремительно, как и число членов самого Общества (и подавляющая часть работников аппарата Общества, тем не менее, работала на общественных началах – бесплатно!) [7, 23].

Обществу принадлежала также идея агитационных поездов и пароходов, – именно на них проводились просветительские чтения и благотворительные вечера, благодарность за проведение которых молодым христианам высказывал сам Патриарх Тихон: «Христианским Союзом Молодых Людей предпринят ряд мероприятий и учреждений, поставивших своей целью вносить оздоровление в нравственную атмосферу русской жизни, проповедовать Слово Божие и, воздерживаясь от политики, содействовать культурно-просветительному и экономическому благо быту русских людей... В сочувствии всему, что может послужить на духовную и материальную помощь нашему русскому народу, мы преподаем совершителям сего благого дела свое молитвенное благословение, испрашивая им у Господа Его

помощи к успешному осуществлению его» [8, 14].

Первая мировая война стала серьезным испытанием для них и для всего детского движения. Это и понятно – подъем патриотического настроения не мог не передаться молодым: все соколы, потешные, скауты и молодые христиане развернули деятельность по созданию санитарных отрядов, госпитальных дружин, отделений международного Красного креста и много другого. И за такой работой, доказывая не на словах, а на деле верность Богу, Родине и Государю, молодежное движение России вошло в водоворот революционных событий.

С началом боевых действий первой мировой войны большинство офицеров, занимавшихся с детьми и юношами, были мобилизованы и ушли на фронт. Потешные, оставшись наедине со своими проблемами, не сумели взять инициативу в свои руки, и их дружины распались. Скауты же, напротив, проявили себя активными хранителями традиций.

Движение скаутов получило новый импульс развития. Отработка навыков разведчиков, доминировавшая в загородных походах, выдвигала скаутскую молодежь на первый план: военные ведомства были заинтересованы в дальнейшем развитии движения и, призывая скаутов, получали подготовленных к полевым условиям юношей. 27-30 декабря 1915 г. состоялся Первый Съезд по скаутингу в России, на котором были избраны ключевые должностные лица во главе с председателем – адмиралом в отставке И. Ф. Бостремом. Скаутство получало всестороннюю поддержку от государства и к концу 1916 г. в 143 городах России насчитывалось около 50000 скаутов.

Февральская революция не помешала росту скаутской организации и способствовала возобновлению деятельности «соколов». Однако, вскоре, после октябрьского переворота руководство Сокольства было арестовано с обвинением в контрреволюции. Тем не менее, арестованных выпустили, и вскоре было выбрано «Временное Правление», руководившее 30 обществами [4].

В 1918 г. общество «Русский Скаут» было признано «буржуазным» и не могло продолжать деятельность. Однако, опытный инструкторский кадровый состав, был использован при создании на втором съезде по Всеобщему военному обучению (Всевобуч) новой организации – юных коммунистов-скаутов, или «юков» (25 декабря 1918 г.). В ее основу был заложен скаутский метод, подвергнутый ряду изменений, в основном, идеологических. Революционная направленность движения приостановила нападки недоброжелателей скаутинга, но

ненадолго. В 1919 г. советские власти заподозрили, что под «юкками» скрываются «реакционные» русские скауты, и очень скоро Союз юных коммунистов, лишенный поддержки Всевобуча, Наркомпроса и Наркомздрава, распался. В 1921-1922 гг. в Москве, Петрограде и других крупных городах стихийно стали появляться новые скаутские группы, которые нашли государственных покровителей. Образовался ряд организаций: «Московская дружина скаутов при Всевобуче», «Опытно-показательный скаут-отряд» (при Главной Военной школе физического образования трудящихся), «Русская Организация Юных Разведчиков» и др. [3, 29].

3-8 апреля 1919 г. прошел Первый Всероссийский съезд по физической культуре спорту и допризывной подготовки, в котором принял участие и Союз Русского Сокольства с докладом о своей деятельности. Это стало последним выступлением русских соколов в России, после чего деятельность организации постепенно затухала и в 1923 г. по предложению Н. И. Бухарина и К. Б. Радека была запрещена.

Скаутское движение также было свернуто и заменено единой комсомольской (а с 1922 г. – и пионерской) организацией. Молодежь, не желавшая расставаться со скаутингом, подвергалась репрессиям.

Примечания:

1. Володин И. А. и др. Международный союз студентов / И. А. Володин, А. Н. Жариков, В. П. Мошняга; Предисл. М. Штепана. М.: Мол. гвардия, 1978. 176 с.

2. Полищук Е. Н. Организационно-правовое регулирование молодежного движения в дореволюционной России [Электронный ресурс] время доступа 18.06.2013 г. 22:34

http://lawinst-spb.ru/d/231564/d/polischuk_e.n..pdf

3. Жуков И. Н. Русский скаутизм: краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Петроград, 1916. 32 с.

4. Официальный сайт «Союз русских соколов» [Электронный ресурс] время доступа 16.06.2013 г. 19:14 <http://www.sokolrussia.ru/istor.htm>

5. Копылова Т. История детского движения: скауты и потешные // Воспитание школьников. 2008. №1 С. 50-52.

6. Сейку Е. Ю. Детские и юношеские организации в России в начале XX века. [Электронный ресурс] время доступа 18.06.2013 г. 23:34 <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/detskie-i-junosheskie-organizacii->

v-rossii-v-nachale-xx-veka-voenno-patrioticheskij-i.html

7. Акулинин В.П. Учебник для народных школ и потешных рот: «Юный воин»: в учеб. Помешены все сведения, знание которых желательно для молодого поколения: все сведения заимствованы из учеб. Для молодых солдат пехоты: «Наш русский солдат». Одесса: Тип. «Одес.новости», 1912. 160 с.

8. История общества «Маяк», или Комитета содействия молодым людям в нравственном и физическом развитии в Санк-Петербурге. М.: ИМКА России, 1999. 28 с.

9. Алексеева И. А. История всемирного христианского молодежного движения в России [Текст] / И. А. Алексеева; под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2007. 152с.

10. Тарасова О. А. Гуманистическая и демократическая направленность деятельности скаутской ассоциации Англии // Страницы истории педагогики. Вып.4. Пятигорск. 1995. С. 64-68.

В. И. ПОМАТОВ,
аспирант СКИФ РАНХ ИГС (г. Пятигорск)

СОВЕТСКАЯ ПЕРИОДИКА 1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА

В статье речь идет о специфике информационных материалов газет 1920-х годов. Материалы подбирались таким образом, чтобы отразить накал классовой борьбы и функционирование партийно-государственного аппарата. Особенностью газетных материалов 1920-х – начала 1930-х годов является то, что это были советско-партийные делопроизводственные документы. Но в отличие от делопроизводственных документов, они практически всегда доступны как для читателя, так и для профессионального исследователя.

Ключевые слова: газета, дискурс, периодическая печать, контент-анализ, историческое исследование, казачество.

Научный интерес к теме казачества обусловлен современными процессами, как в масштабах Российской Федерации, так и в масштабах северокавказской территории [1]. Чтобы понять сложности современных процессов возрождения казачества, следует пополнять и обновлять историческое знание о казачестве. Несмотря на обширную историографию, данная тема имеет немало проблем, требующих более глубокого изучения с позиций современной методологии. Одной из наиболее сложных является проблема состояния и трансформации общественного сознания казачества, которую можно представить в виде комплекса проблем: проблема взаимоотношений государства и казачества, проблема восприятия казачеством общественных изменений, проблема социальной интегрированности казачества [2].

Изучение темы общественного сознания в рамках исторического исследования требует значительного расширения комплекса источников и подбора методов работы с ними. Как правило, исследователи, в первую очередь, стремятся использовать в максимальном объеме

всё разнообразие архивных материалов – весь комплекс официальных документов, статистику, нормативные акты. Следующим по рейтингу частоты привлечения в рамках исторического исследования можно назвать источники личного происхождения – воспоминания, переписку, дневниковые записи. Намного реже используются тексты художественных произведений, авторами которых являются представители казачества, а также газетные материалы. В рамках данной статьи мы хотели бы заострить внимание на значимости этого вида источника для историографии казачества, отметив не только неоднозначность газетных текстов, но и трудности подбора и применения методов работы с ними.

Прежде всего, напомним о том, что такие средства массовой информации, как газеты всегда оставались ангажированными, вдобавок зажатými в тисках цензуры. В силу этого может показаться, что включать газеты в комплекс источников означает готовность транслировать официальную идеологию изучаемого исторического периода и, тем самым, способствовать аберрации современного знания. Конечно же, было бы заведомо непрофессионально замалчивать или закрывать глаза на зависимость информационной политики газеты. Наоборот, признание этого положения сразу позволит выявить дискурс того времени [3].

Понятие «дискурс», довольно распространенное и широко принимаемое, отражает все разнообразие ежедневных практик, в нашем случае – практики функционирования советских государственных органов. Создаваемый на газетных страницах дискурс сразу же превращается в самостоятельное смысловое поле и при правильном подборе методов его изучение приведет к корректным выводам и новому, более адекватному знанию [4, 670-671].

Трудность при изучении обусловлена тем, что через содержание дискурсов не происходит зеркального отражения действительности. Наоборот, она передается через систему символов, расшифровка или раскодирование которых требует соблюдения особых правил и предписаний. Кроме того, исследователю важно знать, что любой из дискурсов обязательно имеет последствия, а также может формировать новые общности, представители которых и в современных условиях будут отстаивать чистоту некогда сложившихся концепций и достоверность некоторых мифов [5, 19; 23].

Таким образом, у нас есть основания говорить о некой идентичности газетного материала любому из видов архивного источника:

так же как и любой архивный документ, газетная статья являет собой лишь одну из интерпретаций исторической реальности. Но наряду с этим, газета, как исторический источник, обладает уникальными качествами и чертами. Прежде всего, газету отличает оперативность и многообразие подачи материала. Другой весьма привлекательной чертой является периодичность подачи информации. Следовательно, советские газеты 1920-х годов обеспечивали доступ к информации, которая была основанием для деятельности, а в современных условиях – основой для реконструкции важных сюжетов исторической реальности. Газетная информация позволяет восстановить фактическую канву любого из событий прошлого. Вот как высказывался по этому поводу российский историк-эмигрант С.П. Мельгунов, который написал несколько своих работ на газетных материалах: «Я хотел бы, прежде всего, восстановить реальное изображение и прошлого, и настоящего, которое так искажается... в субъективной оценке современного практического политика» [6, 10].

Эта цитата подтверждает, что такой принцип как периодичность публикации информации, превратил газету в своеобразный хронограф или даже летопись, фиксирующую наиболее значимые и, наряду с ними, не столь влияющие на действительность, события. На страницах газет, как правило, публикуют издаваемые законодательные акты, здесь появляются сводки о проводимых мероприятиях и кампаниях, обязательны для публикации тексты от имени руководителей в виде выступлений, докладов. Помимо этого, любая газета оповестит о том, «кто», «что», «где» и «когда», т.е. даст информацию о происходившем или происходящем. Анализ этой информации в рамках исторического исследования позволяет выявить, каким образом государство оказывало влияние на читающего представителя общества.

Формируя комплекс источников для изучения истории терского казачества, мы включили в него региональные периодические издания территориальных органов советской власти. По сути дела, это всего две газеты, но так их названия постоянно менялись, то список кажется внушительным: это газета ставропольской территории – «Заря свободы», «Красная звезда», «Власть Советов», «Северо-Кавказский большевик», и газета донской территории – «Наше знамя», «Рабочая Правда», «Трудовой Дон», «Молот» [7].

Отметим, что газета «Северо-Кавказский большевик», являвшаяся печатным органом Ставропольского окружкома партии, в начале 1930-х годов, после реорганизации административной территории и

создания Орджоникидзевского края, была переименована в «Орджоникидзевскую правду». В последующем эта газета сохранила за собой название «Ставропольской правды». Таким образом, партийное руководство Ставрополя отдало предпочтение ленинской традиции, сохраняя термин «правда» в названии массовой газеты.

Донская газета возникла в 1917 под названием «Наше знамя». Затем некоторое время существовала как «Рабочая Правда» и была переименована в «Трудовой Дон». В 1924 году произошли административно-территориальные преобразования. В этот год сначала был создан Юго-Восточный край, который в этом же году был переустроен и в последующее десятилетие имел название Северо-Кавказский край. Таким образом, прежнее название, констатирующее «зону охвата» газетой населения, теперь не совпадало, что и делало название «Трудовой Дон» не актуальным. Считается, что автором нового названия газеты был Анастас Микоян, который предложил назвать газету «Молот», отметив, что это название – лучшая аллегория процесса создания новой жизни, новых структур, нового государственного режима: «Мы с вами куем новую жизнь». После появления такого названия легко был подобран логотип газеты, который до сих пор не претерпел изменений [8].

Специфика информационных материалов газет 1920-х годов заключалась в том, что они подбирались таким образом, чтобы отражать накал классовой борьбы. По газетным материалам второй половины 1920-х годов можно проследить, как вызревала сталинская модель социалистического строительства в сельском хозяйстве, реализация которой напрямую затрагивала интересы и положение казачества на Юге России. Окончательное вызревание модели совпало с завершением этого десятилетия. В целом можно говорить о том, что дискурс, созданный материалами периодики, отражал функционирование партийно-государственного аппарата, одной из задач которого было создание новой общности, что, в свою очередь, требовало разрушить прежние общности, среди которых было и казачество.

Особенностью газетных материалов 1920-х – начала 1930-х годов является то, что это были советско-партийные делопроизводственные документы. Но в отличие от делопроизводственных документов они практически всегда доступны как для читателя, так и для профессионального исследователя. Такая оперативность влечет за собой негативные последствия для профессионального историка: с одной стороны, для него определенная оторванность публикации от обще-

го документооборота требует дублирования данного текста с обращением к архивным материалам, а с другой – заставит искать наиболее оптимальные методы работы с таким видом источника.

Если рассуждать по поводу первого из названных последствий, то следует заметить, что для историка это вполне естественная ситуация: ни один из видов источников не выступает единственным для любого из исторических исследований. Историк-профессионал создает комплекс источников, формируя его не по принципу механической диверсификации, а именно на основе принципа критического прочтения источника и подтверждения его адекватности событию прошлого за счет совпадения основных положений, фактов, сведений, наличествующих в других источниках [9, 124-128].

Работая с газетными и журнальными документальными публикациями, историк постарается исчерпывающе точно доказать подлинность информации, что требует просмотреть, что именно было купировано и, кстати, подход и принципы отбора материала для купирования – это еще одна линия исследования, которая может вывести на самостоятельный сюжет. Анализируя делопроизводственные документы, отложившиеся в архиве и опубликованные в прессе, историк дает объяснение тому, что передавалось публичной огласке и почему.

Мы уже отмечали информационность материалов периодики: любой газетный материал, начиная от объявлений и заканчивая обзорами, содержит максимум новой или свежей информации. Специфика таких материалов требует особых методов, среди которых наиболее эффективным следует признать метод контент-анализ. Суть этого метода заключается в использовании определенных стандартизированных процедур. Они способны сначала формализовать, а затем осуществить измерение исследуемых признаков. Таким образом, историк получает возможность сделать количественные оценки, которые ложатся в основу профессионального заключения о характере и особенностях изучаемого объекта.

Итак, данный метод обеспечивает особую технику не только сбора информации, но ее систематизации и подсчета с последующим применением особых формул. Например, положение о том, что в течение 1920-х и в начале 1930 гг. в российском обществе продолжалось классовое противостояние можно подтвердить на основе анализа характеристик газетных текстов за этот период. Анализ обнаруживает особую процедуру, которая начинается с установления смысловых понятий, глаголов, используемых в текстах, которые мы определя-

ем как смысловые единицы. Для нас в данном случае таковыми выступают само понятие «классовая борьба», а также термин «разгром», глаголы «сокрушать», «громить», «выкорчевывать», «уничтожать». Таким образом, мы, используя приемы классификации, готовимся к проведению процентовки смысловых единиц.

По мнению современного теоретика В.И. Шалака, в контент-анализе «самыми бедными по содержанию и в то же время самыми фундаментальными являются простые оценки частот», что означает определение коэффициента частоты встречаемости того или иного термина, который рассчитывается «по формуле

$$f(ct),$$

где f – вычисляемый коэффициент частоты встречаемости;

c – смысловая единица (классовая борьба, разгром, сокрушать, выкорчевывать, уничтожать);

t – количество текстов» [10, 15].

В нашем случае мы можем рассчитать данный коэффициент на основе содержания отдельно взятой газеты за конкретное число, а затем сравнить в процентном соотношении с результатом, полученным на основе просмотра газет за несколько месяцев, но эффективнее – за несколько лет.

В.И. Шалак считает, что предложенная формула должна усложняться ради получения более высоких результатов. Поэтому он предложил следующий способ задания контекста: «Для характеристики (читай – смысловой единицы) w в качестве его контекста, мы можем взять все предложения, абзацы, статьи, книги (в нашем случае – выпуски или номера газет), в которых оно встречается. Вместо предложений мы можем считать контекстом по одному или более слов слева и справа от каждого вхождения в текст. Если текст рассматривать как множество слов, то контекст категории C в тексте t можно определить как

$$ctx(C,t) = \{s - \{w\} \mid w \in C, w \in s, s \in t\}$$
 [10, 20].

Основная идея контекстного анализа заключается в том, что анализу подвергается не весь текст, а лишь некоторая выборка из него, являющаяся контекстом употребления характеристики смысловой единицы. Напомним, что в нашем случае таковыми будут смысловые единицы, позволяющие приблизиться к пониманию уровня и состояния общественного сознания и социальной психологии. Наличие определенных методологических сложностей определяет необходимость сочетания традиционной методики анализа исторической фигуры с количественным анализом текстов периодических источников.

Несомненно, мы можем просто сослаться на то, что все тексты просмотренных газет пестрят заголовками типа «Сокрушить классового врага, взять у него хлеб», «Разгром кулацкого саботажа не означает ликвидацию или хотя бы ослабление классовой борьбы в деревне», «Сокрушить саботаж, сломить самотек», «Беспощадно сокрушать малейшие проявления вредительства и саботажа», и заявить о том, что подобные заголовки встречаются регулярно [11]. Но использование контент-анализа, при изучении источников данного типа, способно придать результатам исследования точность и соответствующую научную валидность.

Контент-анализ помогает не только подтвердить всю полноту информации о психологическом восприятии происходившего в обществе, но и дает возможность обнаружения и замера факторов, вызвавших это состояние и соответственное постижение так называемой внетекстовой реальности. Контент-анализ следует рассматривать как способ верификации и дополнения результатов традиционного исследования: на его основе возможно получение не только выяснение причин или условий, повлиявших на соответствующие особенности текстового сообщения, но и получение оценки эффекта воздействия сообщения на аудиторию, установление адресных точек такого воздействия [12, 25].

Методологическая привлекательность, а, следовательно, и предпочтительность метода контент-анализа обусловлена степенью надежности информации, получаемой в результате его применения. Занимаясь количественной обработкой текста, исследователь должен обосновать полноту объема выделяемых единиц. Это требование обеспечивается методом «снежного кома», т.е., первоначально выделив все смысловые единицы из первого анализируемого текста, исследователь обращает внимание на дополнительные, уточняющие или входящие в единое смысловое поле единицы. Таким образом, в нашем случае в этот список попадут слова «беспощадная борьба», «оппортунистическая недооценка», «кулацкий подпевала» и др.

Этот список следует перепроверить и пополнить за счет последующих документов. Когда после изучения очередных 3-5 текстов список уже будет невозможно пополнить ни одной новой единицей, ранее фиксированной в предыдущих документах, только тогда исследователь может полагать, что «поле» смысловых единиц из изучаемого массива исчерпано. Если же после просмотра текстов будут встречаться новые смысловые единицы, их следует включить в дополнительный, а не в основной анализ [12, 32].

Одной из сложных задач для исследователя является контроль над обоснованностью соответствия содержания смысловых единиц, их адекватностью поставленным задачам. Все спорные, вызывающие сомнения смысловые единицы должны быть подвергнуты специальному рассмотрению. Кроме того, важно подтвердить устойчивость полученных данных.

Современная компьютеризация позволяет исследователям расширить возможности контент-анализа за счет математических методов компьютерного контент-анализа текстов. На сегодня уже существует несколько программных версий, позволяющих сделать фоновсемантический анализ текста более полным и тонким [13, 6]. Но для историков возможность использовать эти программы осложнена трудностью сканирования газетных текстов того времени: плохое качество бумаги и типографской краски не позволяют получить добротные копии. Перепечатывание вручную такого количества газет можно назвать абсурдом, так как это будет означать воспроизведение издания периодики.

Но, несмотря на рутинность и сложность, метод контент-анализа предлагает новый методологический инструментарий, который позволяет выявить новые пласты знания по истории рассказывания казаков Северного Кавказа. В этом убеждают результаты пока еще робких и редких попыток использования метода контент-анализа в историческом исследовании. Неминуемая отдаленность объекта исследования во времени позволяет многим говорить о том, что историк субъективен в своих исследованиях и результатах, что он может оставаться бездоказательным. Особенно часто это произносится в ситуации изучения особенностей сознания или психологии.

Строя свое обвинение на основе аргумента «you can't put the person on a coach» («вы не можете уложить человека на кушетку»), и, следовательно, предъявить объективные доказательства прежнего состояния как общества в целом, так и отдельной социальной группы в результате тщательного осмотра, наши оппоненты выдвигают историческому исследовательскому сообществу претензии [14]. Контент-анализ во всех его вариантах – как «ручная», так и компьютерная версия, – вооружает историка методикой эмоционально-лексического анализа текстов, результатом которого является лингвистическая валентность, выраженная в цифрах, и научная валидность, обезоруживающая потенциальных оппонентов и противников истории как науки.

Примечания

1. См. Туаева Б.В. Жизненные стратегии терского казачества в период трансформаций российского государства в 1917-1920-х гг. // Известия СОИГСИ. Вып. 6 (45) 2011.
2. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990.
3. Йоргенсен, Марианне В., Филлипс, Луиза Дж. Дискурс-анализ. Терия и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр.: «Гуманитарный центр», 2008.
4. Гутнер Г.Б., Огурцов А.П. Дискурс // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 1.
5. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
6. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. М.: ТЕРРА-Политиздат, 1990.
7. Режим доступа: Официальный сайт газеты Ставропольская правда; <http://www.stpravda.ru/> Официальный сайт газеты Молот. <http://www.molotro.ru/>
8. Режим доступа: страница ru-Википедия. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Молот_\(газета\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Молот_(газета))
9. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Пер. с англ. М: «Весь Мир», 2000.
10. Шалак В.И. Современный контен-анализ. Приложение в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. М.: Омега-Л, 2009.
11. Газета Власть Советов 1924-1928; Северо-Кавказский большевик 1932, Рабочий Дон 1922-1923, Молот 1924-1928.
12. Манекин Р.В. Контент-анализ, как метод исторического исследования. Донецк: Информсервис, 1991.
13. Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложение в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии. М.: Омега-Л, 2009.
14. Рытов А. Опыт применения метода контент-анализа в психолого-биографическом исследовании цесаревича Александра. Режим доступа: <http://psych-portret.ru/collection/> Сайт Кабинет психологических портретов.

Д. И. КУЦЕВЛЯК,
аспирант СОГУ им. К. Л. Хетагурова

УСЛОВИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В 20-30-Е ГОДЫ XX В.

Автор прослеживает становление процесса индустриального развития, который включал в себя строительство и модернизацию предприятий, повышение количественных и качественных показателей промышленности Северной Осетии в первой половине XX в.

Ключевые слова: индустриализация, модернизация, рабочий класс, предприятие, качество жизни.

Актуальной задачей в исследовании индустриального развития Северной Осетии в 1920-1930-е годы является освещение взаимосвязи между развитием предприятий республики и условиями жизни рабочего класса.

Наряду с такими факторами, как наличие сырьевой базы, достаточный объём финансирования, степень грамотности и энергичности руководства предприятиями на количественные и качественные показатели индустрии в высокой степени влияло отношение к работе и к своим предприятиям представителей рабочего класса.

Бытовые условия на предприятии и в жилище рабочего, уровень его заработной платы, качество различных видов социального обслуживания являлись одними из основных факторов, определявших добросовестное отношение к труду, к развитию производства.

Условия жизни также в огромной степени влияли на стремление рабочих к образованию, своему всестороннему развитию, повышению культурного уровня.

Качество жизни и обстановки на производстве оказывали значительное влияние на формирование мировоззрения рабочих, их внутренний мир, отношение к существующей социальной системе.

Всё вышеперечисленное обуславливает необходимость всестороннего и многопланового изучения качественных условий жизни рабочего класса как одного из самых существенных факторов в индустриальном развитии 1920-1930-х годов.

Одной из самых острых проблем в социальном обеспечении рабочих в 1920-1930-е годы являлись трудности с жильём.

Жилья не хватало. Многим рабочим приходилось жить в неудовлетворительных условиях. Такое положение вещей крайне негативно влияло на производственную активность рабочего класса.

О существовавшем в те годы положении вещей можно судить по целому ряду примеров.

На 2-м областном слёте стахановцев и ударников промышленности и транспорта представитель артели «Металл» Рабинский в выступлении рассказывал о своей жизненной ситуации: «Был у меня такой случай. Я вынужден был занять, незаконно, конечно, жилплощадь, но почему? Да потому, что дети мои жили в подвале, там они заболели, и я вынужден был их оттуда каким-то образом удалить. Я занял это помещение, мне предложили освободить его. Тогда я обратился в Горсовет, но в Горсовете мне сказали – освободите помещение. Этим, товарищи, я хочу подчеркнуть, что не только внимательного отношения нет к живому человеку, но когда обращаешься в Горсовет за помощью, даже не хотят внимательно выслушать – почему ты сделал так, что тебя заставило, и т.д.».

В завершение своего выступления Рабинский спрашивал: «Могли ли я работать плодотворно после этого, если я должен заниматься тем, чтобы спасти свою семью, в то время, как меня обязаны обеспечить квартирой? Конечно, нет», а также прибавлял, что из сидящих в зале многие могут рассказать о таких случаях [1].

Показательно в этом примере то, что с тяжёлыми жилищными условиями сталкивались и стахановцы – то есть та категория рабочих, которую советская власть старалась всячески материально поощрить.

В примере также выявляется равнодушно-бюрократическое отношение некоторых представителей власти к проблемам людей.

Понятно, что такие условия жизни самым негативным образом сказывались на настроении рабочего, его отношении к производству, в конечном итоге резко снижали его трудоспособность.

Прежде всего, от тяжёлых условий страдали наиболее модернизационные, авангардные направления в работе предприятий – ста-

хановское движение, движение рационализаторов и изобретателей и.т.д., т.е. те направления деятельности, которые требовали наибольшего творческого подъёма, добросовестного отношения к производству со стороны рабочих.

Нормальные условия работы на промышленных предприятиях являются одним из главных факторов выполнения производственных программ, качественного развития производства, успешного освоения рабочими новой техники и технологий.

Об одном из положительных примеров в деле организации питания рабочих на предприятиях сообщалось в номере газеты «Власть труда» за 13 мая 1925 года (о заводе «Алагир»): «Для того, чтобы рабочие свой перерыв на заводе использовали, как полагается, и не глотали совместно с едой и пыль, здесь же возле станка, в каждом цехе устроена столовая, где имеется чистый стол и скамейки. В каждом цехе имеется умывальник. Рабочий, идя завтракать, может вымыть руки и обтереть их полотенцем, выданным дирекцией каждому рабочему» [2, 3].

В то же время условия труда и организации производственных процессов на многих предприятиях Северной Осетии в указанный период были далеки от идеальных.

Зачастую неудовлетворительная организация условий труда накладывалась на саму специфику тяжёлого производства, что в первую очередь относилось к металлургической отрасли республики.

С одной стороны – политика руководства разных уровней действительно была направлена на то, чтобы создать для рабочих не только нормальные условия трудовой деятельности, но и способствовать их всестороннему культурному развитию и цивилизованному отдыху. В то же время на пути полезных начинаний в данной сфере вставало множество препятствий.

Рабочий завода «Стеклотара» так характеризовал в своём письме в печать положение на предприятии: «Руководители завода до сего времени не научились заботиться о живом человеке. Возьмём, к примеру, кузницу. Когда с утра приступают к работе, то там всегда бывает полно дыму, нечем дышать, сернистый газ лезет в глаза. Помещение тесное, вентиляции нет» и далее: «Во время перерыва рабочие пищу принимают прямо в мастерской, большинство рабочих в столовую не ходит, так как в ней обеды очень дорогие и невкусные» [3, 3].

Одним из существенных факторов, определявших условия жизни рабочих и их отношение к производственной деятельности являлся уровень заработной платы.

Приоритетной задачей государства в период 1920-1930-х годов оставалось повышение уровня заработной платы в промышленности.

На протяжении периода наблюдалось постепенное повышение уровня заработной платы на производстве.

В исследуемый период имели место случаи несвоевременной выдачи зарплаты на предприятиях республики. Например, в июле 1935 года в газете «Пролетарий Осетии» сообщалось о том, что рабочие на Ардонском консервном заводе два с половиной месяца не получают зарплату, что объяснялось расходами на командировки и содержанием в г. Орджоникидзе своего представителя [4, 3].

Развитие общедоступной системы здравоохранения стало одной из главных целей, декларируемых советской властью.

Медицинское обслуживание рабочих включало в себя систему учреждений здравоохранения на предприятиях.

Данная система сталкивалась со многими проблемами в своей работе. 23 августа 1933 года в газете «Пролетарий Осетии» сообщалось о том, что Здравоотдел сократил врача, обслуживавшего амбулаторию на строительстве нового цинкового завода, и теперь рабочие ходят в амбулаторию старого завода, долгое время, проводя в очереди [5, 3].

Несмотря на все проблемы, существующие в медицинском обслуживании граждан, оно стало несравненно более доступным, чем в до-революционный период.

Этот факт служил достаточно весомым доказательством преимуществом новой системы социальных гарантий по сравнению со старой ситуацией.

Рабочие выдвигали свои предложения по улучшению качества жизни. В октябре 1936 года на собрании в литейном цехе Вагоноремонтного завода рабочие, заслушав доклад о работе Городского совета, интересовались различными вопросами в жизни города. Они спрашивали - почему плохо работает станция скорой помощи, будет ли расширен городской театр, усилят ли охрану окраин, почему не сделали площадок для посадки на трамвай, что Городской совет думает предпринять по расширению яслей и детских садов, когда начнётся строительство детской железной дороги и т.д.

По отчёту городского совета собранием была принята резолюция, в которой коллектив литейного и колёсного цехов, отметив удовлетворительную работу Городского совета, поставил ряд конкретных задач для дальнейшей работы. Городскому совету было предложено

«разобрать вопрос о снижении стоимости проезда на трамвае, организовать магазин для продажи детской обуви и одежды, заасфальтировать мостовую у вагоно-ремонтного завода, расширить площадь под индивидуальные огороды, радиофицировать город» [6, 3].

По итогам проведённой работы можно судить о степени влияния на производственные процессы в Северной Осетии социально-бытового положения рабочего класса.

Процесс индустриального развития включал в себя не только строительство и модернизацию предприятий и повышение количественных и качественных показателей промышленности.

Индустрию нельзя отделить от условий жизни общества и каждого конкретного человека.

Именно человеческий потенциал, стремление рабочего к эффективной и качественной работе являются решающими факторами развития промышленности.

Вряд ли можно говорить о каком-либо однозначном положении вещей в сфере условий бытового существования и трудовой деятельности рабочего класса Северной Осетии в 1920-1930-е годы.

Наряду с новыми условиями жизни и новыми стандартами работы на промышленных предприятиях в республике существовало множество проблем в данной сфере.

1920-1930-е годы стали периодом сложного и трудного положения в социальном обеспечении рабочего класса.

Во многом это было связано с тем, что индустриализация Советского Союза проходила в условиях жёсткой экономии средств, основные средства государство направляло на развитие промышленности, строительство новых и модернизацию уже существующих предприятий.

Условия повседневной жизни рабочего класса и условия трудовой деятельности на предприятиях оказали значительное влияние на проведение индустриальных преобразований 1920-1930-х годов.

Примечания

1. Центральный государственный архив РСО-Алания. Ф. Р-56. Оп.2. Д.115. Л.:84;85.
2. Власть труда. 1925. 13 мая.
3. Социалистическая Осетия. 1937. 22 мая.
4. Пролетарий Осетии. 1935. 8 июля.
5. Пролетарий Осетии. 1933. 23 августа.
6. Пролетарий Осетии. 1936. 18 октября.

**Л. Р. МАШЕЗОВА,
студентка КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)**

**РЕПРЕССИВНАЯ КАМПАНИЯ
ПРОТИВ ДЕЯТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В КАБАРДИНО-
БАЛКАРИИ В 30-Е ГОДЫ XX В.
(на примере Х. М. Камбиева, А. П. Булычева,
Х. Б. Хагурова, А. Г. Дымова, Н. А. Цагова)**

Особое внимание автор акцентирует на том, что в ходе жестоких репрессий пали многие известные люди, внесшие огромный вклад в становление и развитие образования республики. Практически исчезла вся талантливая плеяда первой творческой адыгской интеллигенции, являвшихся революционными демократами.

Ключевые слова: культурные деятели, революция, репрессии, террор, поэт, писатель

Апогеем большевистского террора считается 1937 год. Так было и в Кабардино-Балкарии. Трагически была решена судьба десятков писателей, поэтов, общественных и культурных деятелей того времени, которые были заключены в концентрационные лагеря, погибли в застенках НКВД.

Не зря говорят, что ничто не проходит бесследно и каждый человек оставляет след после себя. Неизгладимый след, как о глубоком, сильном и духовно богатом человеке, оставил Камбиев Хамшик Матгериевич.

Хамшик Матгериевич проводил большую работу по укреплению Советской власти в Кабардино-Балкарии [1, 85]. С марта 1925-го до конца 1929 г. заведовал отделом народного образования КБАО [2, 117].

В годы его руководства народным образованием свою деятельность активно развернул Ленинский учебный городок (далее ЛУГ),

стали функционировать научно-исследовательский институт, клубы, избы-читальни и другие научно-культурные учреждения.

По его поручению К. Блаев подготовил рукопись программы ГУСа (Государственный ученый совет при Наркомпросе СССР) [3, 113], Т. Шеретлоков перевел на кабардинский язык популярную детскую литературу и пионерскую литературу [3, 196]. Помог в издании книг «Опыт грамматики кабардинского языка», «Новый путь» Т. Борукаеву [2, 234].

При Камбиеве была открыта Горская еврейская школа. Он помог в издании букваря на татском языке [3, 62]. Будучи членом редакционно-издательского совета Северо-Кавказского крайнациздательства, он много делал по книгопечатанию в Кабардино-Балкарии.

Из протокола заседания национальной секции при ОНО от 29 декабря 1929 года: Выпущено учебников для Кабарды: 46 тыс. [3, 23], для Балкарии: 24тыс. [3, 24].

В 1935 году Камбиева выдвигают на пост руководителя Черкесской Автономной области, он избирается членом ВЦИК. Более двух лет трудился он на этом посту [1, 61]. В 1937 году Хамшика Матгериевича арестовали в возрасте 41 года. Был реабилитирован посмертно [4].

Много сил отдал делу просвещения Кабардино-Балкарии Александр Петрович Булычев. В марте 1925 года областной комитет партии направил А. П. Булычева на работу в ЛУГ директором [3, 108]. В течение нескольких месяцев с помощью обкома партии ему удалось устранить основные недостатки в деятельности городка [2, 105].

В августе 1925 года бюро Кабардино-Балкарского облисполкома ВКП (б) отмечало, что «в противовес прошлого неудовлетворительного состояния городка за последнее время в его работе имеются существенные достижения. Отнести их за счет работы т. Булычева» [5, 94].

В 1929 году утвержден заведом народного образования Кабардино-Балкарского облисполкома, одновременно оставив заведующим ЛУГом [6, 46].

А. П. Булычев принимал деятельное участие в культурной революции в Кабардино-Балкарии, отдавал все силы и знания осуществлению общенародных задач. Его заслугой было открытие второго педагогического техникума, носившим название Нальчикский.

В 1934 году Александр Петрович утверждается при закрытом (тайном) голосовании вторым секретарем обкома ВКП (б) и членом обкома ВКП (б) [6, 104].

А в 1938 году – первым заместителем председателя Совета Народных Комиссаров КБАССР. Но долго на этом посту не задержался, в ноябре этого же года, снят с должности, как разоблаченный враг народа, изъятый органами НКВД [3,6]. 26 февраля 1956 года восстановлен посмертно членом КПСС [6, 15].

«Одним из арестованных 14 ноября 1938 г. на закрытом пленуме обкома партии был мой отец Хагуров Халид Батокович, заместитель председателя Совнаркома, нарком просвещения, депутат Верховного Совета СССР и Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики первого созыва», – пишет Р. Хагурова в статье «Правду об отце я собирала по крупицам» [7, 3].

После учебы в ЛУГе Халид Батокович работал в педагогическом техникуме.

В 1937 году стал первым наркомом вновь организованного наркомата юстиции, где он проработал около года. В июле 1938 года Хагурова избрали депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР и депутатом Верховного Совета КБАССР. На состоявшейся 28 июля первой сессии Верховного Совета республики он был избран заместителем председателя Совнаркома и наркомом просвещения КБАССР [1, 117].

Освободив от должности заместителя Председателя Совнаркома КБАССР и Народного Комиссара Просвещения КБАССР, в ноябре 1938 года [3, 6] этот выдающийся государственный и общественный деятель превратился во «врага народа» и был арестован [8, 252]. Хагуров находился с первых дней ареста в Бутырской тюрьме. Отвергая всякие наветы о его принадлежности к какой-то контрреволюционной организации, Халид Батокович держался стойко, пока дело не передали сотруднику НКВД СССР Хвату. Он изощренными методами пытки сломил Хагурова и довел его до отчаяния.

Следствие длилось более года. Военная коллегия Верховного Суда СССР 9 марта 1940 года приговорила Халида Батоковича Хагурова к 10 годам лагерей. Не дожив до окончания срока наказания всего два месяца, Хагуров умер в лагере в Коми АССР. Видимо бесконечные пытки, истязания не прошли бесследно [9, 462].

Пламя жестоких репрессий обожгло не только руководителей народного образования, но и многих талантливых людей, внесших весомый вклад в его развитие. Среди них, безусловно, братья Карачай и Увжуко Блаевые, Адам Дымов, Нури Цагов, Махмуд Энеев.

В деле народного просвещения отдельного внимания заслуживают имена основателя первой национальной типографии, первого книгопечатника, издателя первой газеты на кабардинском языке Адама Гафаровича Дымова и одного из лидеров Баксанского просветительского центра, организатора-редактора газеты «Кабардинец», Нури Айтековича Цагова. Дымов и Цагов на свои средства открывали школы, обучали людей грамоте совершенно безвозмездно.

Адам Гафарович занимался внедрением национальной грамоты, созданием школ на родном языке, издавал газету «Адыгский голос» («Адыгэ макъ»), выпускал книги для медресе, пропагандировал благотворные экономические, нравственные, культурные идеи; был писателем, поэтом, педагогом [10, 22].

В 1913 г. Составил азбуку родного языка на арабской графической основе и издал ее в г. Темир-хан-Шуре в типографии Мухамедмирзы Мавраева. Оставаясь единственным преподавателем в своей школе, он успешно сочетает педагогическую работу с научной. Помимо учебников арифметики, естествознания, он переводит и различные исторические книги, сказания, предания разных народов – все, что на его взгляд, могло способствовать усвоению грамоты его соотечественниками [11, 154].

Осенью 1917 г. на средства отца и дяди он приобрел печатный станок и уже в собственной типографии печатал газету «Адыгэ макъ» (Адыгский голос), а 1918 г. издал свое первое, наиболее значительное литературное произведение – «Щэнгъасэ» (Воспитание характера) [12, 7]. Затем типография из Баксана была перевезена в Нальчик [6, 154]. Именно она положила начало книгоиздательству края [13, 3].

В издании газеты большое участие оказывал Нури Цагов. Газета Адама быстро завоевала признание, она собирала вокруг себя талантливых представителей народа, поставлявшие в газету свои корреспонденции.

Основание первого периодического органа печати на кабардинском языке, как и создание первой национальной книжной типографии, были большой заслугой Адама Дымова. Газета проводила также большую работу по сбору и публикации национального фольклора.

Как и многих, неугодных лидеру республики – Беталу Калмыкову – Адам Гафарович был арестован 31 октября 1937 г. В фондах прокуратуры Центрального госархива мы обнаружили доносы свидетелей на Адама Дымова, датированные еще 1928 годом.

«Дымов Адам всегда говорил среди народа, что советская власть хороша, но коммунистов надо разогнать, так как шариат и советская власть одно и то же, а коммунисты портят дело» [3, 187].

По ложному обвинению в участии в Баксанских волнениях в 1928 году он был арестован и сослан в Соловецкие лагеря. В 1931 году Дымов вернулся домой [14, 2]. В ночь с 30-го на 31 октября 1937 года, его вновь арестовали и в этот раз довели-таки до стенки [15].

Постановлением Тройки НКВД КБАССР 26 ноября 1937 г., обвинялся в контрреволюционной агитации, направленной на свержение существующего государственного строя, антисоветской агитации, направленной на дискредитацию советской торговли. Расстрелян 27 ноября 1937 г. Реабилитирован 19 декабря 1956 г. постановлением Верховного Суда КАСР за отсутствием состава преступления [9, 174].

Один из первых преподавателей в ЛУГе, соратник и верный друг Адама Дымова Нури Цагов не был подвергнут репрессиям, но погиб при странных обстоятельствах, спустя год после ареста сотрудника НКВД.

С именами Нури Цагова и Адама Дымова начинается страница своеобразного адыгского Ренессанса, рожденного в недрах смутного трагического времени, когда в стихии тотальных политических, социальных и культурных сдвигов была вызвана к жизни талантливая плеяда первой творческой адыгской интеллигенции [16, 146].

Цагов Н. А. преподавал естественные науки, кабардинский язык и адыгскую историю, собирал фольклор, писал книги для баксанского медресе – Гали [10, 23]. В 1919 году Цагов был приглашен в Нальчик редактором газеты «Адыге» («Кабардинец») на кабардинском языке. На русском языке эту газету редактировал Таусултан Шеретлоков. Вскоре Нури оставил газету и на его место был назначен Али Шогенцуков.

Он создает алфавит родного языка на арабской графической основе. С помощью этого алфавита он не только обучает детей грамоте, но и печатает «первые кабардинские школьные учебники по истории Кабарды. Позже создает свою собственную школу – «Цаговский университет», как окрестили это необыкновенное учебное заведение современники».

«Университет» Цагова оставил весьма заметный след в истории кабардинской культуры – он воспитал классика кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова, изгнанного из Баксанского

духовного училища одновременно с Нури Цаговым, самого активного его помощника в создании «свободного» университета и самого прилежного студента [17, 76].

С установлением Советской власти Нури Цагов развернул большую деятельность по распространению грамотности, составлению алфавита, изданию учебников. Он преподавал в ЛУТе, одновременно являлся научным сотрудником КБНИИ, вел методическую работу по линии народного образования. В начале 30-х гг. принимал активное участие в подготовке фундаментального издания – «Кабардинский фольклор» (М., 1936). Однако до выхода в свет книги он погиб при невыясненных обстоятельствах. Н. А. Цагов сыграл выдающуюся роль в становлении кабардинской литературы, книгопечатания и периодики на родном языке [18, 8].

Рано утром 6 февраля 1935 года в доме Цагова сотрудники НКВД произвели обыск, изъяли всю литературу и переписку. Его самого доставили в кабинет уполномоченного НКВД Шабанова и учинили изнурительный многочасовой допрос. Цагов подозревался в антисоветской деятельности [19, 74].

Поводом к аресту Нури Айтековича послужило убийство Таукана Молова, красного партизана, о котором накануне убийства была написана статья с Н. Цаговым [16, 147].

В течение более чем месяца чекисты сбились с ног, пытаясь подыскать криминальную подоплеку в поступках Цагова. Но эти попытки оказались тщетными [19, 76]. Уполномоченный особого отдела НКВД Озроков 13 марта 1935 года принял решение о прекращении дела в отношении Нури Цагова в связи с тем, что не удалось собрать доказательства подтверждающих подозрения. Незаконно содержался под стражей 15 дней [9, 486].

Вскоре после этого Цагова не стало. 31 декабря 1936 года во время поездки в Нальчик с учениками ЛУТа, около села Чегем-1 случилась авария. Есть предположения, что авария была устроена преднамеренно: автомобили тогда были редкостью и их случайное столкновение было практически невозможно [10, 23].

В ходе жестоких репрессий пали многие известные люди, внесшие огромный вклад в становление и развитие образования республики. Практически исчезла вся талантливая плеяда первой творческой адыгской интеллигенции, коих можно было смело назвать революционными демократами, учитывая тяжелейшую обстановку, в которой приходилось действовать.

Разгром Союза писателей Кабардино-Балкарии, учиненный более 75 лет назад, оказался непоправимым, когда был уничтожен цвет национальных писателей, поэтов, литературных работников: Дж. Налоев, Т. Борукаев, П. Шекихачев, А. Пшеноков, З. Максидов, М. Пшуноков, К. Батыров, К. Блаев, М. Битоков, Л. Лакунов, Х. Срухов., Е. Ростокин. Следом были расстреляны журналисты газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» Х. Маиров, Т. Шеретлоков, У. Блаев. М. Талпа, литературный сотрудник Кабалккнижиздата Х. Теммиев и основатель первого периодического органа печати на кабардинском языке А. Дымов. Через год страшная участь постигла и прозаика С. Кожеева. Мотивом для расправы явилась их приверженность развитию национальной культуры и литературы.

Братья-писатели Ахмадия и Ибрагим Мусаевичи Ульбашевы были осуждены соответственно на 5 и 20 лет лагерей. Почетный учитель, деятель народного образования И. Тлегуров и поэт, драматург, член Союза писателей КБАО, редактор кабардинского отдела газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» М. Афаунов – на 10 лет. Поэт, переводчик, зав. сектором истории КБНИИ, К. Сундеев 2 месяца беспричинно находился под арестом.

По неполным данным, за 1937 г. были уничтожены около 20 деятелей культуры. Большая группа писателей была осуждена к различным срокам наказания.

В жернова репрессий попали практически все руководители Кабардино-Балкарского облОНО довоенного периода: М. Энеев, Б. Хуранов, К. Максидов, И. Афаунов и выше упомянутые. Вместо того, чтобы поощрять и развивать их инициативу, за ними следили агенты ОГПУ, НКВД, и собирали досье. В конечном счете, их всех уничтожили.

Примечания

1. Шхагапсоев С. Х., Тохова С. М. Из истории просвещения Кабардино-Балкарской республики (1918-2012). Нальчик, 2012.

2. За власть советов в Кабарде и Балкарии. Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образования Кабардино-Балкарской Автономной области (1917-1922 гг.). Нальчик, 1957.

3. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее ЦГА КБР). Ф. Р-16. Оп.1. Д.43. Л. 113.

4. АП РФ. ОП.24. Д. 409, Л. 167. URL: <http://stalin.memo.ru/spiski/pg01164.htm> (3.05.13. 13.45.)

5. Ленинский учебный городок. Нальчик, 1964.
6. ЦДНИ КБР. Ф. 1. Оп.1. Д. 90, Л.46.
7. Хагурова Р.Х. Правду об отце я собирала по крупичкам // Кабар.-Балкар. правда. 2001. 23 августа.
8. Судьба узника из бутылки (о Халиде Хагурове) / Сарахов А. А. Остров ГУЛАГ. Документальная повесть. Майкоп: ГУРИПП. Адыгея, 2004.
9. Книга памяти жертв политических репрессий Кабардино-Балкарии (1920-1941 гг.) / Под ред. Лафишевой Н. И. Нальчик, 2009.
10. Налоев З.М. Диктатура и писатели // Бюллетень Кабардино-Балкарского Республиканского правозащитного центра: Политические репрессии в Кабардино-Балкарии в 1918-1930 гг.: (Статьи и документы) / Сост. Хатажуков В. Н. Нальчик. 2007. 11 мая.
11. Ошнокова Ф. Ш. Адам Дымов – педагог, переводчик и журналист (к 125-летию со дня рождения) // Литературная Кабардино-Балкария. 2003. Вып.6.
12. Дымов Адам Гафарович (Памятные даты) // Литературная Кабардино-Балкария. Вып. 3. 2008.
13. Ошнокова Ф. Ш. Основоположник национальной журналистики // Кабард.-Балкарск. правда. 2008. 5 августа. № 149.
14. Лекапшиев Т-Х. Адам Дымов. Жизнь и судьба // Баксан. 2007. 23 июля. № 71-72.
15. Дерико О. Адам Дымов и Асланби Ахохов. URL: <http://fond-adygi.ru/page/adam-i-aslanbi> (7.05.13. 18.19.).
16. Хакуашева М. А. Новые сведения к биографии Нури Цагова // Архивы и общество. 2011. Вып.1.
17. Налоев З.М. Кабардинская литература 30-х гг. (1930-1941 гг.) // В кн.: Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик, 1968.
18. Цагов Нури Айтекович (Памятные даты) // Литературная Кабардино-Балкария. Вып.3. 2008.
19. Борьба света и тьмы (о Нури Цагове) / Сарахов А. А. Остров ГУЛАГ. Документальная повесть. Майкоп, 2004.

А.А. ТАТАРОВ,
студент КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)

115 КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА (АВГУСТ-НОЯБРЬ 1942 Г.)

Статья посвящена Великой Отечественной войне, участию в ней 115 Кавалерийской Дивизии, созданной в Кабардино-Балкарской Республике из добровольцев. Автор прослеживает процесс оснащения дивизии необходимым снаряжением и ее неоценимой помощи в Сталинградской битве, исходя из авторитетных исторических источников.

Ключевые слова: кавалерия, дивизия, война, Сталинградская битва, победа.

Самым напряженным и значимым эпизодом Великой Отечественной войны была битва за Сталинград. Колоссальное напряжение сил, успешно осуществленное и воплощенное в победу на рубеже 1942-1943 гг. позволило СССР переломить ход ожесточенной войны и перейти к широкому наступлению. Параллельно с боями на Волге, на Кавказе решалась судьба фашистских планов по захвату нефтяных месторождений и создании государств-сателлитов среди горских народов. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии К. Цетцлер отмечал, что в 1942 г. Гитлер намеревался, прежде всего, захватить Сталинград и Кавказ, а это позволило бы перерезать «основную русскую коммуникационную линию, идущую с севера на юг» [1].

Внимание Германии усиливалось к Кавказскому краю, так как затяжная война требовала все больше ресурсов. Юг СССР (Грозненское и Бакинское месторождения) давал стране около 87 процентов всей нефти и нефтепродуктов [2, 7]. Поэтому можно с уверенностью утверждать, борьба за Волгу, как стратегическую артерию СССР, имела исключительное значение для обеих воюющих сторон. На рубеже 1941-1942 годов в рамках очередной мобилизации военных ресурсов

Красной Армии, нуждавшейся в пополнении, развернулось создание национальных дивизий на Северном Кавказе. Согласно приказу временного командующего войсками Северо-Кавказским Военным округом от 25 ноября 1941 г., предполагалось создание кавалерийских дивизий – 110-й и 111-й в Калмыцкой АССР, 114-й в Чечено-Ингушской АССР и 115-й в Кабардино-Балкарской АССР [3].

Ответственность за обеспечение 115 кавалерийской дивизии (далее кавдивизия) лежала на первых секретарях райкомов ВКП (б) республики. Предприятия и колхозы готовили для бойцов все необходимое снаряжение – шашки, бурки, шапки, сапоги, кожаные пояса, седла, а также скребницы и щетки для коней [4, 4]. Анализ документов по формированию дивизии показывает, что руководство Кабардино-Балкарии с ответственностью подошло к боевому оснащению кавалеристов.

В 1975 г. первый секретарь обкома ВКП (б) З. Д. Кумехов в годы войны вспоминал: «Было принято за правило формировать дивизию преимущественно из добровольцев... Обком ВКП (б) направил на должности комиссаров полков лучших секретарей райкомов ВКП (б) товарищей Ширитова, Галачиева, Бозиева. Начальником политотдела дивизии был утвержден секретарь обкома партии товарищ Махти Селяев. Кроме указанных товарищей из аппарата обкома добровольно ушли на политработу товарищи Шукаев, Шидов, Каширгов и другие» [5].

После прохождения военного обучения, дивизия была сдана Министерству обороны СССР на оценку «хорошо» [6, 2]. 11 июля 1942 года дивизия, вошедшая в состав 51 армии, расположилась в районе Мечетинской, к юго-востоку от Ростова-на-Дону. Состав дивизии, возглавляемой Антоном Филипповичем Скороходом, включал 278, 297 и 316 кавалерийские полки; а также 104 конноартиллерийский дивизион, 115 эскадрон химзащиты и др. Общая численность – 4612 человек и 4768 лошадей [7].

30 июля 1942 г. Ставкой Верховного Главнокомандования было решено включить 51-ю армию Северо-Кавказского фронта в состав Сталинградского фронта. Сложно судить о потерях 115 кавдивизии на этот момент. В докладе штабу 51 армии командир 115 кавдивизии А. Ф. Скороход сообщал: «Предшествующие Ново-Николаевской бои дивизии нанесли нам значительные потери... Мы имели всего лишь 10 орудий, 9 минометов, 8 противотанковых ружей. Артдивизион во время этого боя не мог оказать поддержки частям вследствие того,

что имел большие потери, кроме того при переходе на новые позиции подвергался неоднократным сильным налетам авиации противника и нападению танков» [8, 10-11].

Если опираться на данные штаба дивизии в Цаган-Нуре от 24 августа 1942 г., вырисовывается следующая картина: только в период 28-30 июля 297 кавполк потерял убитыми и ранеными 40% рядового и младшего начальствующего состава, 70% среднего комполитсостава, включая командира полка майора Севастьянова (в полку осталось 2 орудия и 2 станковых пулемета); 278 кавполк потерял 143 человека; 316 кавполк лишился 25% личного состава (в том числе 104 конноартиллерийский дивизион) [9, 4-6.].

1 августа 1942 г. у хутора Ново-Николаевский произошло боевое крещение 115 кавдивизии на Сталинградском фронте. Вражеские войска, пытаясь захватить этот населенный пункт, планировали прорваться к железной дороге, идущей на Сталинград. Противник окружил и почти полностью уничтожил 316-й и 278-й полки дивизии. Исключительное мужество проявил майор И. В. Захаров, взявший общее командование над полками – он погиб, подрывая гранатой вражеский танк [10, 51]. Выйти из окружения удалось лишь отдельным группам. Немцы, заняв хутор, бросили тела убитых в силосную яму. Спустя более 20 лет на этом месте побывал спецкор «Советской молодежи» М. Кауфов из Кабардино-Балкарии. Вот, что он писал: «Первая же лопата зацепляет истлевшие голенища сапог, затем показываются пожелтевшие кости. Осторожно откапывают их, бережно очищают от земли. Но что такое? Перед нами скелеты лошадей. Снова расспрашиваем жителей. Оказывается, немцы заполнили силосную яму сначала телами людей, затем туда же бросили трупы лошадей» [11, 27-28].

Надо сказать, что применению кавалерии местность в районе Сталинграда не благоприятствовала. Крупные лесные массивы, в которых обычно укрывались конники, отсутствовали. Напротив, открытая местность позволяла противнику уничтожать кавалерийские подразделения авиацией [12]. Несмотря на значительные потери 115 кавдивизии в Сальских степях (август 1942 г.), противнику был нанесен ощутимый урон. Судя по докладу военсовету 51 армии, дивизия и приданные ей части с начала августа (битва за Ново-Николаевскую) по 24 августа 1942 г. ликвидировали 27 танков и количество врага равное 2 полкам и 1 роте пехоты [13, 12].

Небольшой населенный пункт к востоку от озера Сарпа, Цаган-Нур, с 22 августа 1942 г. был штабом 115 кавдивизии. Отсюда выслались разведывательные группы, а также отряды для борьбы с бандитами и сообщниками фашистов. Среди последних, особо следует отметить отряд капитана Хайранова (17 человек), вернувшего совхозу № 4 и колхозу им. Буденного, украденный коллаборационистами скот – 16000 голов овец, 4500 крупного рогатого скота и 750 лошадей.

В сентябре все более редущая 115 кавдивизия, почти не получавшая пополнение, участвовала в составе сводных подразделений, в сражениях у Омн-Керюльчи, Деде-Ламин, а также в известной операции у Садовой, успех которой вынудил немцев и их союзников перебросить часть сил со Сталинградского направления против 51 армии. Но уже в октябре 1942 г. 115 кавдивизия потерявшая почти весь личный состав и вооружение была расформирована. Оставшиеся в живых бойцы 115 кавдивизии вошли в состав 4 противотанкового истребительного дивизиона, который являлся одним из подразделений 4 кавалерийского корпуса во главе с генерал-лейтенантом Т.Т. Шапкиным, действовавшего к югу от Сталинграда. В боях у Абганерова дивизион захватил 150 автомашин, 7 танков, взяв в плен свыше 500 человек [14, 233]. После первого собрания коммунистов 4 противотанкового истребительного дивизиона, М.Х. Наурузов, в свое время заместитель начальника политического отдела 115 кавдивизии, погибший на подступах Берлина за 16 дней до конца войны записал в дневнике 2 ноября 1942 г.: «Того, кто храбро и мужественно будет сражаться за родной Сталинград, не забудет наша необъятная родина, наш героический советский народ. Я счастлив, что мне тоже выпала доля этой чести. Защищая Сталинград, мы защищаем родной Кавказ» [15, 2-3].

4 ноября 1942 г. приказом Верховного Главнокомандующего личному составу дивизии была объявлена благодарность за участие в боях под Сталинградом. Итак, 115 Кавалерийская Дивизия, выполнила свой долг перед Родиной и внесла лепту в общее дело – в победу над фашизмом у великого города на Волге.

Примечания

1. Цит. по: Самсонов А.М. Сталинградская битва. М, 1989 // URL. <http://militera.lib.ru/h/samsonov1/index.html> (Время доступа 14.12.2012 г.).

2. Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 7.
3. Письмо Нальчикского комитета обороны командованию Северо-Кавказского военного округа о снабжении 115 национальной кавалерийской дивизии // Архивы и Общество. Выпуск №13. 2011 // URL. <http://archivesjournal.ru/?p=2510> (Время доступа 16.12.2012 г.).
4. УЦДНИИ АС КБР Ф. 1. Оп. 1. Д. 439. Л. 3.
5. Из воспоминаний бывшего первого секретаря обкома ВКП (б) З. Д. Кумехова о формировании 115-й национальной кавалерийской дивизии // Архивы и Общество. Выпуск №13, 2011. // URL. <http://archivesjournal.ru/?p=2510> (Время доступа 16.12.2012 г.).
6. УЦДНИИ АС КБР Ф. 1. Оп. 2. Д. 811. Л. 2.
7. Краткая боевая характеристика 115 кавалерийской дивизии по состоянию на 10.7.42 // Архивы и Общество. Выпуск №22, 2012. // URL. <http://archivesjournal.ru/?p=5060> (Время доступа 17.12.2012 г.).
8. УЦДНИИ АС КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 323. Л. 10-11.
9. УЦДНИИ АС КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 323. Л. 4-6.
10. Хатукаев А. Т. Боевой путь 115 кавалерийской дивизии. Нальчик, 1965. С. 51.
11. УЦДНИИ АС КБР Ф. 972. Оп. 3. Д. 658. Л. 27-28.
12. Исаев А. В. Антисуворов: Десять мифов Второй мировой. М., 2006 // URL. <http://www.bibliotekar.ru/antisuvorov/48.htm> (Время доступа 19.12.2012 г.).
13. УЦДНИИ АС КБР Ф. 972. Оп. 3. Д. 323. Л. 12.
14. Хакуашев Е. Т. КБАССР в годы Великой отечественной войны. Нальчик, 1978. С. 233.
15. УЦДНИИ АС КБР. Ф. 972. Оп. 3. Д. 109. Л. 2-3.

**Б.А. СИНАНОВ,
кин, снс СОИГСИ**

**ПОЛИТИКА ПРОЛЕТАРИЗАЦИИ ВУЗОВ
КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-Х ГГ.
(на материалах Северной Осетии)**

С первых дней прихода к власти лидеры партии большевиков провозгласили открытый доступ к среднему и высшему образованию. Так, в статье 17 первой советской Конституции, принятой 10 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов, декларировалось: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [1, 305]. Из этой статьи, как, впрочем, и из всего Основного закона страны, четко видно, что в основу образовательной политики советского государства был положен классовый принцип и партийные идеологические требования.

Развивая положения Конституции, 2 августа 1918 г. Совнарком принял декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» и подготовленное В.И. Лениным постановление «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства». Декрет снимал все ограничения на поступление в вузы (не требовалось даже диплома о среднем образовании), отменялись вступительные экзамены и плата за обучение. Но ошибочно воспринимать эти, на первый взгляд, либеральные меры большевиков как попытку новой власти осуществить реальную свободу доступа к высшему образованию для всех категорий молодежи. В.И. Ленин недвусмысленно писал в проекте этого декрета, что «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» [2, 34]. Именно

для этих групп молодого поколения и отменялись все препоны, мешавшие им получить высшее образование в прошлом.

Трудно не согласиться с Ш. Фицпатрик, придающей большое значение классовой принадлежности человека в советском обществе: «Классовая принадлежность и социальное происхождение были аргументами при решении многих практических вопросов: поступления в вуз, распределение пайков, получение жилья» [3].

В исследуемый период вся социальная структура советского общества, социальная идентичность людей переживали глубокий кризис. Определить реальную классовую структуру транзитивного общества, коим являлся советский социум 1920-х гг., чрезвычайно сложно. Помимо официально признаваемых большевиками классов пролетариев, крестьян (делившихся в свою очередь на «бедняков», «середняков» и «кулаков») и нарождающейся прослойки советской интеллигенции («советских служащих»), существовали и неофициальные социальные группы – так называемые «социально чуждые» («бывшие люди», лишенцы, нэпманы и др.).

Новые социальные группы, не замеченные властью, появились сразу после события октября 1917 года. В результате радикальной ломки социальной структуры и всех социальных отношений еще недавно преуспевающие граждане Российской Империи, представители имущих в прошлом слоев, в одночасье оказались выброшены из привычной общественной ниши, стали «бывшими людьми». Занимая, некогда высокие посты в государственном аппарате, армии, деловом мире, или церковной иерархии, видные чиновники, офицеры, предприниматели, священнослужители, после переворота начисто лишаются всех позиций, как в политике и экономике, так и в обществе целом.

Т.М. Смирнова, говоря о «бывших людях» и отношении к ним властей, обращает внимание на интересную деталь: «Символично, что на протяжении 1920–1930-х гг. для обозначения представителей данной социальной группы употреблялись преимущественно понятия, обозначающие неодушевленные предметы, такие, как «элементы» («чуждый», «мелкобуржуазный», «враждебный» и т.д.), «остатки» («остатки эксплуататорских классов» и др.), «осколки» («осколки старого мира») и т.п.» [4].

Кроме того, первая советская Конституция провозглашала политическое неравенство, закрепляя на своих страницах перечень лиц лишенных избирательных прав, в число которых попадали «лица,

прибегающие к наемному труду..., лица живущие на нетрудовые доходы..., частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, монахи и духовные служители церкви, служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также царствовавшего дома в России...» [1, 315]. Но, очень часто, они лишались не только права голоса, но и жилплощади, медицинского обслуживания, продовольственных карточек, подвергались конфискации имущества. «Лишенцы» также попадали в категорию «классово-чуждых». В границы социального пространства «чуждых» следует отнести и представителей «новой буржуазии» – нэпманов.

Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что вплоть до конца 20-х годов взрослые дети «социально чуждых», несмотря на проводимую по отношению к ним дискриминационную социальную политику, довольно успешно преодолевали возникавшие на их пути препятствия. Благодаря знаниям, умению говорить и «владеть аудиторией», а также прочим преимуществам, которые давало им хорошее воспитание, они не только лучше учились, но и нередко становились профсоюзными и комсомольскими лидерами [5, 36]. Гораздо труднее им пришлось в годы «великого перелома» (1928–1929 гг.) и кампании по исключению из комсомола (1930-е годы), когда под угрозой лишения комсомольского билета детям приходилось отказываться от родителей.

С 1921 года началась последовательная работа по регулированию «классовой чистоты» обучаемых в высшей школе, отвечающая идеологическим требованиям партии. В исторической литературе этот процесс именуется как «пролетаризация» или «оробочивание» вузов.

Самым радикальным из всех направлений пролетаризации высшей школы являлась репрессивная политика так называемых «чисток» студенческих рядов от «чуждых элементов».

С 1922 г. началась серия регулярных «чисток» студентов, официально именуемая «перерегистрацией». В прессе сообщалось, что, поскольку вузы переполнены и средств нет, необходимо освободиться от неуспевающих студентов. На деле же «вычищали» как раз наиболее подготовленных, но имеющих несчастье родиться в семье интеллигента, предпринимателя, священника, нередко с последнего курса, за 2–3 экзамена до получения диплома [6, 70].

Что же касается профессорско-преподавательского состава вузов, который в 1920-е годы в основном, естественно, состоял из представителей «бывших людей», то власть даже не пыталась скрывать

своего отношения к ним. Так, в 1928 г. на пленуме Владикавказского окружного комитета ВКП(б) в докладе «Борьба за новую культуру», провозглашалось, что вопрос о кадрах, является одним из главных вопросов культурной работы: «Наше отношение к старым культурным кадрам – интеллигенции – остается старым: организовать и использовать ее богатый практический опыт при достаточном контроле и руководстве с нашей стороны». Старых специалистов именовали не иначе как «ненужным балластом». По мнению представителей власти, педагогический состав вузов пора было пересмотреть и обновить, заменив этот «балласт» «молодыми, окончившими наши вузы и институты, силами» [7].

Многочисленные акции протеста преподавателей вузов, а также резкое снижение качества образования способствовали тому, что уже в 1923/24 учебном году доля выходцев из непролетарских слоев населения в целом по стране составила 62,2% (рабочие и их дети составили лишь 15,3%, выходцы из крестьян 22,5%) [8, 259]; по Владикавказу процент «чуждых» был еще выше и составлял 75% от общего количества студентов города [9]. Особенно велика доля выходцев «чуждых слоев» была среди студентов художественных и педагогических вузов.

В 1924 г. по учебным заведениям пронеслась очередная волна «чисток». В центральном печатном издании города Владикавказа – газете «Горская правда» – сообщалось, что «цель пересмотра состава студентов – освободить вузы от непролетарского элемента, тормозящего как академическую, так и общественную работу» [10]. Для проведения новой «чистки» образовывалась специальная комиссия, куда входили представители Обкома партии, наркомата просвещения, «бюро пролетаризации студенчества» и д.р. На посвященном чистке собрании студентов-стипендиатов Горского сельско-хозяйственного института (далее – ГСХИ) была принята резолюция о «своевременности и необходимости пересмотра состава студентов в деле пролетаризации вузов».

Местным партийным лидерам было о чем беспокоиться. В 1924 г. в Горском педагогическом институте (далее – ГПИ) из 203 студентов рабочими являлись только 37, крестьянами – 73 студента, а «служащих» было 72 чел., «прочих» – 21 чел. [11, 16]. Именно под последними двумя категориями, чаще всего, значилась молодежь из «бывших людей», лишенцев и нэпманов.

Как правило, инициатором «чисток» провозглашалась сама молодежь – студенты вузов. Лишь затем подобная инициатива «снизу»

находила одобрение у власти. Как ни странно, на многочисленных собраниях, посвященных «пересмотру социального состава вузов», большую активность проявляли именно студенты из «чуждых», которые «пытались загладить свое прошлое весьма революционными выступлениями» [10].

Как отмечалось выше, отмена вступительных экзаменов в вузы способствовала их крайней перегруженности. Эта перегрузка стала важной (но далеко не единственной) причиной проведенной в 1924 г. массовой проверки студенчества с целью сокращения его численности. Вот, что об этом писала владикавказская пресса: «Академическая чистка вузов диктуется, во-первых, необходимостью освободить их от чрезмерной перегруженности путем удаления тех студентов, которые не справляются с учебными требованиями и являются балластом для учебного заведения, и, во-вторых, необходимостью приведения контингента учащихся в вузах в соответствие с требованиями и возможностями народного хозяйства и государственного строительства» [12]. Действительно, северо-осетинские вузы 1920-х гг. находились в исключительно бедственном положении: не хватало средств на выплату зарплаты преподавателям и стипендии студентам; занятия проводились в не отапливаемых, часто полуразрушенных и нуждающихся в капитальном ремонте помещениях; профессора были крайне недовольны низким уровнем подготовки студентов, наряду с неуспеваемостью падала и дисциплина; не хватало учебных пособий и оборудования для практических занятий и т.п. Все это сказывалось и на квалификации выпускников, в то время как государство нуждалось в высококвалифицированных специалистах.

Тем не менее, находясь в тени официально провозглашенных причин «чистки», освобождение вузов от непролетарского элемента не теряло своей актуальности. Проверке подлежали «все студенты без исключения». Непременным атрибутом такой «проверки» являлось выяснение «социально-классового положения студентов». Особо оговаривалось, что подход к выходцам из разных социальных слоев должен быть дифференцированным: «От студентов не из среды пролетариата и трудового крестьянства, материально обеспеченных, требуется полная академическая успеваемость. Что же касается студентов из среды пролетариата и трудового крестьянства, то по отношению к ним проявляется со стороны комиссии особая осторожность и возможная снисходительность» [12].

По итогам «чистки» 1924 г. народный комиссариат просвещения сообщил о 18 тысячах студентов, отчисленных из вузов [6, 73]. Характерно, что нормы отчисляемых планировались заранее – в среднем 20-30% от числа слушателей. Например, с этим планом прекрасно справился ГСХИ, где было исключено как раз 20% от общего числа студентов, как «чуждый и вредный элемент» [12].

И все же «чистка студенчества» 1924 г. также не внесла радикальных изменений в социальный состав учащихся вузов. Более того, к середине 1920-х гг. наблюдается заметный рост численности выходцев из «чуждых классов» среди студентов и аспирантов. Социальный состав студентов Горского пединститута, по результатам чисток выражался в следующих цифрах:

Социальный состав студентов ГПИ [13, 40 об.]

Учебный год	Рабочие и дети рабочих	Хлеборобы и дети хлеборобов	Служащие и дети служащих (интеллигенция, учителя, проч.)	Другие элементы (ремесленники, нетрудовой)
1925/26	67 – 17,3%	130 – 33,9%	183 – 47,8%	3 – 0,8%
1926/27	70 – 17,3%	162 – 40%	156 – 38,5%	17 – 4,2%

Всего по РСФСР в 1926/27 учебном году выходцы из непролетарских слоев составили 49,4% (25,3% – рабочие и их дети, столько же крестьян и их детей) [8, 261].

Результаты чистки 1924 г. обсуждались на пленуме Владикавказского окружного комитета РКП(б) в 1925 г. заведующий Агитпропа окружного комитета партии Медведев сетовал: «В наших вузах еще остается старое наследство, как в области методов преподавания, так и в социальном составе вузов... Практиковать чистку вузов, удаляя из них чуждый элемент – это одна из задач партийного комитета. Другие задачи – усиление пролетарской части студенчества и использование их влияния на шатающиеся элементы, осторожный подход к преподавательскому составу» [14].

Конец 1920-х гг. характеризуется ужесточением классовой политики (сказывалась сталинская установка на обострение классовой борьбы и проводившееся ужесточение режима) с вытекающим отсюда значительным ухудшением положения как взрослых представителей «социально чуждых», так и их детей. «Плохое» социальное происхождение не только препятствовало дальнейшей карьере, но и грозило потерей всего, уже достигнутого за годы советской власти.

В эти годы атмосфера благодушия по отношению к «бывшим привилегированным» резко сменяется в худшую сторону. Об этом свидетельствует и тон публикаций в прессе, где их именуют, не иначе как, «осколками самодержавного строя», «вредителями» и, наконец «бывшими и настоящими нашими врагами» [15].

Очередная кампания «чисток» 1928-1929 гг. приобрела чрезвычайно широкие масштабы. Помимо вузов и техникумов «чистке» подверглись партия, комсомол, соваппарат, РККА и даже биржи труда [16].

Какие же цели преследовала власть, проводя столь масштабные акции? Прекрасной иллюстрацией целей и задач начавшейся в 1928 г. «чистки» студенчества может служить заголовок одной из газетных статей того времени: «Укомплектование вузов рабочими и крестьянами – боевая задача нынешнего года» [17]. Подобное «укомплектование» проводилось, естественно, за счет «вычищения» молодежи «социально чуждых элементов», о чем было заявлено на проходившей в 1929 г. V Владикавказской партконференции: «Из вузов надо убрать чуждый нам элемент, который учится на наши деньги, чтобы потом работать против нас же. (Микаэлян)» [18].

В 1928-1929 гг. молодые выходцы из бывших привилегированных слоев общества в полном объеме ощутили на себе ужесточение классовой политики и курс на «орбочивание» советских учебных заведений. Со страниц центральной и местной прессы постоянно слышались призывы: «Регулировать социальный состав студентов!» и «Строже проводить классовый отбор!».

Вся кампания по «чистке» была представлена, как инициатива широких масс трудящихся, комсомольцев, коммунистов и самих студентов. Люди с ярко выраженным «классовым чутьем» принялись активно бороться за очищение учебных заведений от «пролезших туда чуждых элементов». Страну охватила истерия доноительства. В бюро жалоб, редакции газет, органы Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и другие инстанции потоком хлынули письма, разоблачающие представителей «не нашего элемента», «скрывших свое социальное происхождение». В результате комиссии по «чисткам» оказались завалены различными заявлениями, начиная от анонимных и ужасно безграмотных, и заканчивая идеально оформленными и полными идеологических штампов классовой борьбы. Ярким примером подобных заявлений является письмо московского коммуниста Г. Ватаева в Агитпроп обкома ВКП(б) Северо-Осетинской АО.

Автор обращает внимание местных партийцев, что «...при приеме в учебные заведения очень слабо проводится классовая линия..., в результате чего в учебных заведениях учатся многие из чуждого лагеря... сыновья и дочери кулаков, зажиточных, офицерства и попов, лишенных избирательных прав..., что недопустимо ни в какой мере в условиях диктатуры пролетариата и упорной борьбы с классовым врагом за построение социализма... Я вижу определенную помощь своему классовому врагу в том, что в учебных заведениях обучаем людей чуждого лагеря... Прошу социально опасный элемент для социалистического строительства, т.е. сыновей и дочерей священников, кулаков, зажиточных и т. п... лишить стипендии и обязать их платить за право учения» [19, 83]. Другие авторы заявлений, пожелавшие остаться неизвестными, были более радикальны в своих требованиях. Они сопровождали свои письма списком конкретных студентов «чуждого» происхождения и требовали «указанных граждан вычистить из учебных заведений и дать дорогу пролетарским детям» [19, 53].

Самой распространенной формулировкой сопровождавшей снятие с учебы являлось «сокрытие социального происхождения». Другой распространенной причиной была «связь с чуждым элементом», т.е. с родителями, а иногда и просто с родственниками. Так, например, согласно одному заявлению, направленному в комиссию по «чистке», предлагалось удалить из Оспедтехникума А. Золоеву, по причине того, что она является женой сына «кулака-спекулянта» [19, 81]. Таким образом, «чуждое происхождение» или, так называемая «связь с чуждым элементом», грозили молодым людям, в лучшем случае, лишиться стипендии, а в худшем, быть вовсе исключенными из учебных заведений.

Однако, «вычищение» «социально чуждых» было не единственной и далеко не всегда главной задачей данных акций. В частности, основной целью «чисток» учебных заведений официально считалось их «оздоровление», т.е. борьба с неуспеваемостью, хулиганством, пьянством, «пассивностью в общественной жизни» и т. д. Тем не менее, выяснение социального происхождения того или иного учащегося входило в обязательную программу работы всех комиссий по «чисткам». Так, в Центральном государственном архиве РСФСР-А отложилось большое количество направляемых в «комиссии по проверке социального состава студенчества Осетии» списков студентов, обучающихся в вузах Владикавказа и всего СССР. Обязательным атри-

бутом данных списков являлась графа «социальное происхождение» [19, 61–66]. В случаях, когда социальное прошлое или социальные связи того или иного лица вызывали сомнения и требовали дополнительной проверки, прибегали к помощи органов ОГПУ [19, 49].

В 1928-1929 гг. местная пресса активно публиковала на своих страницах статьи, посвященные социальному составу студентов вузов. В частности, в августе 1928 г. отмечалось, что «социальный состав подавших заявление в сельскохозяйственный и педагогический институты показывает преобладающий процент служащих и прочих и совсем незначительный процент рабочих». Однако, с точки зрения политики «пролетаризации» вузов, ситуация в 1928/1929 учебном году была лучше, чем в предыдущем – 1927/1928, об этом свидетельствует статистика [20].

Социальный состав студентов ГСХИ

учебный год	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие
1927/1928	13,7%	30,1%	46,6%	9,6%
1928/1929	30%	35,7%	34,3%	–

Социальный состав студентов ГПИ

учебный год	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Прочие
1927/1928	9%	19,6%	69,6%	1,8%
1928/1929	19,5%	33,4%	26,4%	1,1%

Бросается в глаза резкое снижение численности служащих в ГПИ за 1928/1929 учебный год – с 69,6% до 26,4%. Остается неизвестной причина столь резкого снижения: является ли это банальной опечаткой, или же намеренной попыткой приукрасить результаты «чистки». Однако, на основе этих данных делались выводы, что «директива ЦК о 65% приеме в вузы рабочих и крестьян по ГСХИ выполнено приблизительно 85-90%», что еще считалось недостаточным и требовало исправления в следующем году. «Что же касается пединститута ГПИ, то здесь, не смотря на значительные улучшения социального состава принятых, по сравнению с прошлым годом, директивы ЦК в большей своей части не выполнены» [18].

Итак, в 1920-е гг. при активной роли партии большевиков, Наркомпроса, комсомола, студенчества и ОГПУ прошли масштабные кампании «чисток» советских учебных заведений. Столь глобальное явление стало неотъемлемой частью повседневной жизни советской

молодежи, и не только «социально-чуждой». Как показало исследование, жертвой очередной масштабной «чистки» могли стать и молодые люди с вполне пролетарским происхождением, но имевшими несчастье, либо иметь дружеские связи с лицами не рабоче-крестьянского происхождения, либо же попасть в прицел очередного «доброжелателя», пытающегося путем соответствующего доноса в РКИ свести личные счеты.

Примечания

1. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002.
2. Ленин В.И. О приеме в высшие учебные заведения РСФСР: Проект постановления Совета народных комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 37.
3. Фицпатрик Ш. Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов // Вопросы истории, 1990. №8. С. 16; ее же. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Россия и современный мир, 2003. №2. С. 133–151.
4. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. 2003. С. 45. См. также: Ее же: «Бывшие». Штрихи к социальной политике советской власти // Отечественная история, 2000. №2. С. 37–48; Ее же: «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально-чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история, 2003. №4, С. 28–43; Иванов В. «Бывшие люди» // Родина, 1999. №4, С. 70–73; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб. 1999; Чуйкина С.А. Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920–1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2000.
5. Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально-чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история, 2003. №4, С. 28–43.
6. Рожков А. Студент как зеркало Октябрьской революции // Родина, 1999. №3. С. 68–74.
7. Власть труда, 1928, 25 июля.
8. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. 2003.

9. Горская правда, 1924, 15 июня.
10. Горская правда, 1924, 22 февр.
11. Центральный государственный архив РСО-А (Далее – ЦГА РСО-А) ФР. 123. Оп. 1. Д. 69.
12. Горская правда, 1924, 4 июня.
13. ЦГА РСО-А. ФР. 128. Оп. 1. Д. 76.
14. Власть труда, 1925, 28 янв.
15. Власть труда, 1929, 2 фев. и др.
16. Власть труда, 1929, 7 февр. См. также: Синанов Б.А. «Чистки» как инструмент пролетаризации советских учебных заведений (1928–1929 гг.) // Методика и практика научного исследования. Материалы II Всероссийской летней историко-филологической школы-семинара молодых ученых, 2008. С. 140-147; Царикаев А.Т. Репрессивная политика советской власти в Северной Осетии. 1920–1930: Сборник документов и материалов. Владикавказ, 2009.
17. Власть труда, 1928, 4 авг.
18. Власть труда, 1929, 20 янв.
19. ЦГА РСО-А. Ф.124. Оп.1. Д.51.
20. Власть труда, 1929, 20 янв.

II. ЭТНОЛОГИЯ

**Т.Т. ДАУЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ФОРМЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ, ВЫЗВАННЫХ ТЯЖКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛАХ ОСЕТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

В данной статье рассматриваются некоторые формы примирения в традиционном осетинском обществе – материальная компенсация потерпевшей стороне, самопосвящение и усыновление убийцы матерью убитого. Выявляется миротворческий потенциал института третейских судей.

Ключевые слова: адаты, посредничество, миротворческая практика, самопосвящение, выкупные платежи.

В нормах обычного права осетин предусмотрены способы разрешения конфликтов, направленных на сохранение стабильной жизне-

деятельности социума. Большинство из них связано с урегулированием вопросов, связанных с убийствами. Обязательным институтом, рассматривающим конфликт, было посредничество народного суда. Судебное дело начиналось по просьбе обиженного. Но по таким преступлениям или правонарушениям, в которых истцом являлось не одно лицо, а целое общество, например, при поджогах построек или лесов, порче дорог и т.д., иск предъявлялся старшиной [13, с.219]. Потерпевший приходил к старшине и объявлял, что он подает жалобу в суд на такого-то человека за определенные поступки или совершенное против него деяние. После получения старшиной обоюдного согласия сторон рассматривать дело в сельском суде, он предупреждал об этом членов суда. Состав и полномочия суда не были постоянными. Они выбирались в каждом отдельном случае только самими сторонами: «тяжущиеся стороны выбирали каждая своих посредников в неравном числе – обиженная сторона имела всегда одним посредником больше против обидевшей, ответчик – одним меньше против истца» [4, с.216]. Количество судей могло быть от трех до девяти, но в большинстве случаев суд состоял из 5-7 человек. Но это число «в случае тяжбы целых фамилий увеличивалось до значительной цифры» [8, с.127]. Судьи заручались согласием спорящих сторон и приступали к разбору дела. В статьях, посвященных судопроизводству, сказано, что выбранные в судьи старики до начала рассмотрения дела спрашивают у тяжущихся: «останутся ли они довольны тем разбирательством и решением дела, какое ими будет сделано» [8, с.130]. Срок полномочия третейского суда продолжался до окончания разбираемого дела. После этого суд механически распадался.

Как указано выше, третейский суд посредников создавался самими спорящими сторонами. Каждая сторона называла своих кандидатов в члены суда. Если сторона не была согласна с кандидатами другой стороны, то об этом ставила в известность противоположную сторону. Иногда процесс избрания длился долго, пока стороны окончательно не выбирали и утверждали будущих членов суда. В качестве судей *тархоны лагта* выбирали лиц из родовых старейшин или из числа рядовых общинников, хороших знатоков обычного права и зарекомендовавших себя своей честностью и правдивостью. До избрания суда дело проходило сложный этап предварительной подготовки. Каждая сторона выбирала из посторонних людей посредников *минавар лагта*, в количестве от одного до пяти, смотря по важности дела. В обязанность посредников входило вести переговоры между

сторонами, передавать предложения истца ответчику или наоборот [7, с.248]. Освещая обычно- правовые отношения и практику судопроизводства у осетин В. Пфаф характеризовал *тархоны лагта* следующим образом: «...осетинские судьи вникают во все подробности дела. Выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений» [13, с.219].

Суд прежде всего торжественным обещанием обязывал обе стороны подчиняться его приговору, для чего с каждой стороны должны были быть представлены по 3 поручителя. Потом член суда вбивал в землю шест – символический знак соблюдения договора и при этом произносил проклятие над тем, кто уклонялся [10, д.109, л. 35].

Таким образом, основной функцией осетинского суда было третейское разбирательство дел, посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровников, установление размера и форм компенсации за причиненный ущерб и т.д. Судебная практика осетин предусматривала и систему контроля за исполнением решения суда. Оно гарантировалось избранием поручителей от обеих сторон, которые должны были нести ответственность за выполнение приговора суда. Эта функция, в случае ее успешного проведения, предполагала материальное вознаграждение от заинтересованной стороны [3, с.75].

В традиционном осетинском обществе преступным признавалось действие, влекущее ущерб личности или имуществу. Поэтому несчастный случай, например, ничем не отличался от умышленного преступления, как не отличалось от него преступление, совершенное по неосторожности, непредумышленно, в состоянии аффекта или в порядке самообороны. Не ставился вопрос и о вменяемости виновного. Такого рода действия также требовали наказания, предусмотренного соответствующими случаю традиционными обычно-правовыми нормами [4, с.145]. Яркими примерами этого служат статьи из «Описания вредных обычаев 1859 года»: «Если во время скачки, кто по неосторожности, или нечаянно при полном разгоне лошади, задавит или сшибет кого-либо, и тот от сего случая умрет, то родственники умершего считают преступником ездока, которого в удобном случае стараются убить, как умышленного убийцу; по народному же разбирательству налагают на него полную кровную плату, который во избежание кровной мести, обязан безотлагательно платить присужденное... Если вор, найденный на преступлении, будет убит

хозяином, чье имущество намеревался воровать, то родственники вора, преследуют убийцу, и стараются отомстить кровь убитого; по народному же обычаю получают от убийцы полную кровную плату... При ссоре двух человек если кто из них ухватит у кого-либо из присутствующих оружие, и им убьет своего противника, то хозяин оружия подвергается также мщению; а во время требований кровной платы, должен уплатить родственникам убитого часть по определению медиаторов... Если кто – либо делая с женщиною или девицею насильственное прелюбодеяние, и она предохраняя себя от этого, ранит или убьет насильователя, то родственники убитого или раненого, имеют кровную месть к родителям, родственникам или мужу этой женщины и сии последние по обычаю платят родным полную кровную плату» [12, с.14-15].

Побег убийцы позволял мстителю забрать все его имение и семейство, кроме жены: дети до 12 лет не подвергались мщению за кровь. Были случаи, когда за убийство животным взыскивалось за кровь с того, кому принадлежало животное. Нечаянное убийство, убийство при защите, при поимке вора, подлежало кровомщению, но цена крови в этих случаях была определена меньше [2, с.360-361]. Сверх платежа того выкупа, который за отдельные виды преступных действий требовался с обидчика, происходило взыскание со всей его семьи или фамилии, так называемого *бонгана* или подарка, состоящего из нескольких коров или баранов. При бегстве убийцы, платеж бонгана все же имел место. Двор бежавшего платил причитающуюся с преступника плату за кровь с той целью, чтобы не лишиться имения, которое вместе с семейством бежавшего, вправе был забрать обиженный [6, с.5-7]. «В случае побега убийцы, мститель, если желает, имеет право забрать все имущество и членов семьи, исключая жены» [6, с.4, ст.11].

Право осуществления наказания принадлежало обиженному и его родственникам. Община могла играть роль посредника и содействовать примирению двух фамилий, но не имела права наказывать. Цель наказания в обычно-правовой практике у осетин была аналогична таковой в правовых системах других северо – кавказских народов – возмещение нанесенного вреда [13, с.146].

При примирении враждующих фамилий общей характеристикой для описания процедуры служит то, что все они требуют производства виновным компенсаций в пользу самого обиженного или его родственников. Размеры этих компенсаций зависели от преступле-

ния; наибольший размер вноса достигал при убийстве, наименьший при оскорблениях. Платеж производился скотом, рабами, землею, оружием, медною посудой и деньгами [4, с.219]. Размер выкупа зависел от характера преступления и сословия к которому принадлежали виновный и потерпевший.

Размер платы за кровь свободного человека был приблизительно 18 раз 18 коров, то есть 324 коровы. Что касается высшего сословия, то в Дигорском обществе бадеята требовали за кровь 15 душ рабов или рабынь [6, с.64. ст.1], в общей сложности суммой в 3900 рублей; в Тагаурском обществе за кровь алдара платилось 240 быков или имуществом – скотом, землею, оружием общей стоимостью в 2400 рублей; в Алагирском участке – 324 коровы или 1620 рублей [6, с.65. ст.19]. Исходя из сборников адатов единицей измерения платы в Тагаурском обществе являлся бык, в Дигорском – раб, а в других осетинских обществах – корова.

Убийство холопа не вело к плате за кровь, а только к возвращению его стоимости. За убийство кого-либо холопом нес ответственность его хозяин. «За убийство холопом алдара владелец первого платит родственникам убитого полную кровную плату» [6, с.65. ст.25].

Помимо сословия убийцы и убитого важную роль играл пол последнего. Если убитая – женщина, то плата за кровь падала на половину «...за убийство женщины определяется плата в половину против мужчины» [6, с.4. ст.10]. Если убийца и убитая были муж и жена, то плата за кровь была на половину меньше. Плата за кровь в этом случае уплачивалась родственникам жены. Возраст убитого не играл роли в определении стоимости крови. По обычаю кровной мести детей моложе 12 лет не убивали, но за убийство ребенком взыскивалась плата за кровь [12, с.15].

Касание груди матери убитого это способ урегулирования кровной мести с помощью установления искусственного родства между конфликтующими сторонами. Форма примирения, при которой убийца, касаясь губами груди матери убитого разрешал конфликт, имела два вида: один из них – если вооруженный убийца после совершения преступления бежал к матери убитого и принуждал подать ему грудь. Во время этого насильственного требования родственники требовали кровной мести. Однако после касание груди виновный нарекался ее сыном. В данной процедуре мать играла важную роль, говоря, что потеряет этим убийством второго сына [15, д.3. л. 8-9]. Второй способ – после полной уплаты за кровь, виновная фамилия

должна была сделать угощение, во время которого обычно и происходило примирение. Данную процедуру контролировали третейские судьи, которые выносили приговор и следили за полной уплатой цены крови. После процедуры примирения убийцы с представителями нескольких старших человек виновной фамилии оставались здесь со своими бывшими кровниками и другим народом, а все остальные с половиной судей отправлялись в дом убитого, для примирения с женщинами. Судья произносил речь, в которой просил мать и сестер убитого простить убийцу также, как его простили мужчины. С этими словами судья подводил убийцу к матери. Прежде чем пожать ему руку, мать говорила, что вынуждена простить ему, уступая многочисленным просьбам народа, и с сегодняшнего дня он будет ее сыном вместо убитого. В доказательство того, что она говорила, мать давала прикоснуться губами к своей груди [10, д.109, л.188-189].

По верованиям осетин, посвященный покойнику человек в загробном мире, должен был служить покойнику конем, и в этом заключалась позорная для всей фамилии и унижительная для убийцы сторона этого акта. Такой приговор выносился в редких случаях, когда совершенное убийство рассматривалось, как особо тяжкое преступление. При определении цены крови медиаторский суд за убийства при самообороне не мог вынести решение, предусматривающее посвящение убийцы покойнику [3, с.79]. Такой суровый и унижительный приговор суд мог вынести только за некоторые случаи умышленного убийства.

Обвиняемый в убийстве должен был с лошадей явиться к могиле убитого. Имя «фалдыста» закреплялось за ним и его фамилией надолго. Обряд посвящения происходил на могиле убитого в присутствии большого скопления народа, и совершал его один из стариков, который держа правою рукою нож, а левою ухо убийцы, а если не было в живых родного брата [1, с.12], произносил «Слово» посвящения. Речь была примерно следующая: «рукою этого человека была пролита кровь нашего родственника, и в отпущение за это мы берем его тело и душу на служение в действительном мире нашему родственнику, а также принадлежащее ему движимое и недвижимое имущество и поминки. Отныне и до века, ты, убийца, принадлежи ему, и да владеет он тобою так точно, как ты до сих пор владел приведенной тобой лошадью... Когда же ты перейдешь в действительный мир, то с тобою вместе да принадлежат ему и поминки, которые по тебе будут справляемы твоими родственниками» [7, с.257]. Убийца выслушивал его

на коленях у могилы убитого, без оружия и пояса. После заклинания, кровомститель острием ножа касался уха убийцы и пускал несколько капель крови на могилу убитого. По окончании посвящения вся процессия возвращалась в дом убитого. Убийцы в окружении членов суда, которые как бы охраняли его шел впереди процессии. Дойдя до ворот убитого, он с завязанными глазами и в низко надвинутой на глаза папахе, все расстояние от ворот до конца комнаты, где мать убитого, сидя на возвышенном месте в окружении родственников и родственниц, поджидает убийцу, – последний с громким плачем, ударяя себя кулаками в лоб и грудь, проходил на коленях. Завязыванием глаз и закрыванием их папачой убийца как бы подчеркивал перед собравшимися родственниками убитого угрызение совести, раскаяние в совершенном им преступлении и то, что он предоставлял себя в полное распоряжение родственников убитого, шел в их среду обезоруженный, с закрытыми глазами и они могли делать с ним все, что им угодно. Подойдя к матери убитого, убийца обращался к ней: «Простите меня, я виноват перед вами и Богом!». Мать обычно отвечала: «Я прощаю тебя, но пусть и Бог тебя простит как на этом, так и на том свете» [1, с.13].

Самопосвящение *хифалдисын* избавляло преступника и его родственников от кровной мести, но он принимал по отношению к ним и покойнику известные обязательства, в числе которых было совершение поминок [4, с.51].

Акт самопосвящения покойнику у осетин считался весьма тяжелым даже позорным наказанием, посвятивший себя покойнику, на том свете должен был служить ему конем [11, д.282. л.19]. В Куртатинском обществе между двумя фамилиями Г. и Д. произошло вооруженное столкновение, в результате которого Г.убили двух человек из фамилии Д. Ныхас вынес решение, чтобы Г. заплатили Д. полную цену крови, а сверх того, требовала фалдыст от фамилии Г. Первое условие – уплатить Д. цену крови – Г. согласились, а от второго условия отказались. Причина отказа в том, что посвящение человека покойнику, считалось несмываемым позором и унижением человеческого достоинства, на что такая влиятельная среди осетин фамилия, как фамилия Г., пойти не могла [5, с.51].

В целом для традиционного осетинского общества была характерна относительно единая система примирений, целью которых было мирное регулирование отношений в обществе.

Примечания

1. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1876. Вып. IX.
2. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. С-Пб., 1871. Т.1. 650 с.
3. Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992. 115 с.
4. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. М., 1886. Т.2. 410 с. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, Алания, 1995; Гутнов Ф.Х. Адаты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. Вып. 10(49) 2013.
5. Кокиев Г. А. Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С.51-54.
6. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. 317 с.
7. Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. 364 с.
8. Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1982. Кн.2. С.122-137.
9. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф.2. Оп. 1.
10. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1.
11. НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1.
12. Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. 25 с.
13. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (ССК). Тифлис, 1871. Т. 1. С. 177-220.
14. Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К. Л. Полн. Собр.соч.в 5 т. Владикавказ, 2000. С. 313-374.
15. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1871 год. // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1.

**И. А. БЕДОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ХМЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ И ОБЫЧАЯХ ОСЕТИН

В статье рассматриваются основные этапы свадебной обрядности осетин, в которых значительное внимание уделяется месту и роли хмельных напитков, а также их символической, знаковой, коммуникативной и ритуальной роли. Отдельно говорится о свадебном застолье, обязательным атрибутом которого являются хмельные напитки.

Ключевые слова: хмельные напитки, ритуальная чаша, обряд, обычай, свадьба, сватовство, застолье, молитва.

Традиционная осетинская свадьба состояла из целого комплекса обрядов и обычаев и включала в себя три основные группы: предсвадебную, свадебную и послесвадебную.

Предсвадебная. Сватовство обычно происходило в доме невесты за торжественным застольем. Кроме трёх ритуальных пирогов, жертвенного мяса на стол выставлялись основные ритуальные напитки – пиво, арака и брага.

Во время ритуального молитвословия, старший держа в правой руке чашу с пивом или рог араки, произносил молитву Богу для благословления дела, ради которого все собрались, а сидящие за столом хором восклицали: «Оммен Хуыцау!». Как только старший произносил молитву, давал самому младшему отведать кусок пирога и отпить немного пива или араки. После этого все присутствующие принимались за еду и напитки [1, 7]. Во время такого застолья пиво и арака играли ритуальную и коммуникативную роль, в частности, являлись посредником между Богом и людьми и настраивали участников сватовства к диалогу.

Хмельные напитки играли важную роль и в обряде обручения. Хозяин дома наливал в чашу пиво, а в рога араку, затем передавал их

каждому из сватов, а те в свою очередь, произносили молитвословия за здоровье и счастливую жизнь жениха и невесты [2, 103-104]. Чаша с пивом или рог с аракой подносились в знак благодарности также хозяйкам и танцующей молодёжи. Подношение хмельных напитков молодёжи считалось большим уважением.

В день тайного визита зятя («сусæгцыд»), старший после очередного молитвословия, передавал ему чашу с пивом со словами: «Отныне твоя совесть перед народом чиста и отныне просим тебя приезжать к нам «открыто!». Затем мать невесты брала в руки большую чашу с пивом и передавала её своему будущему зятю, он немного отпивал и передавал её своим друзьям [3, 19].

Хмельные напитки были обязательным элементом и во время первого визита несовершеннолетнего жениха в дом невесты. К. Л. Хетагуров описал этот обычай так: «Сопровождают его обыкновенно несколько сверстников-друзей или кто-нибудь из неблизких родственников; идёт он не с пустыми руками, а с бурдюком араки, бараном, с шестью пшеничными хлебами...» [4, 409-410].

Свадебная. На осетинской свадьбе пиво, арака и брага всегда были в изобилии, они готовились заранее перед свадьбой в доме невесты и жениха, а гости в день свадьбы приносили их наряду с различными приношениями [5, 239].

В доме невесты всех гостей радушно встречали, приглашали за стол, приносили им закуску, пироги, пиво, араку и брагу. «Столы устанавливаются кругом, – писал Дж. Шанаев, – срединная площадь бывает занята кушаньями и напитками, предназначенными для угощения гостей, дружков и других присутствующих. Центр площади занимают большие кадки пива, махсимы и большие кадки араки... До начала пиршества старший из всех присутствующих, предварительно обнажив голову и встав со своего почётного места, с чаркою махсимы (браги или пива) ... обращается громко, во всё услышанье ко всем присутствующим...» [6, 18-19].

Молитвословия старшего с чашей пива, браги или рогом араки произносились в определенном порядке. Первый тост поднимался за Бога, второй за – Уастырджи, третий – за жениха и невесту, последующие тосты за – родителей жениха и невесты, за двух породнившихся фамилий и т.д.

Как только старший поднимал бокал, молодые люди, хлопая в ладоши, запевали застольную песню «Айс æй, аназ æй, ахуыпп æй кæн!» («Выпей, выпей, сделай глоток!») до тех пор, пока напиток не выпи-

вали до дна. Другой вариант этой песни «Айс æй, аназ æй, акъул æй кæн!» («Выпей, выпей, опрокинь!») обычно пели, когда шла большая круговая попойка. Пели её до тех пор, пока очередной не выпивал чашу с пивом или рог араки [7, 36].

Почётные бокалы, наполненные различными хмельными напитками в различных уголках Северной Осетии, подавались по-разному. Например, в Туальском ущелье, во время застолья по просьбе старшего гостя из свиты невесты («хистæр чындзхæссæг») приносили три отварных ребра жертвенного быка, он разделял их и раскладывал на трёх тарелках. Кроме того на тарелку ставили по три бокала. Мужчинам из числа поезжан поручалось раздать тарелки с подношениями.

Первая тарелка предназначалась женщинам, первый бокал – хозяйкам дома («æфсинтæ»), второй – гостям, третий – старшей женщине в доме.

Вторая тарелка передавалась сидящим за столом соседям и односельчанам. Один бокал принимал старший, возглавляющий застолье («фынджы хистæр»), второй – старший из присутствующих соседей, третий бокал с мясом получал младший, сидящий за столом.

Третью тарелку передавали танцующей молодёжи. Первый бокал преподносили старшему из них. Другой предназначался девушкам, его вручали одной из них, при этом, не выпив из него, она передавала свой почётный бокал («нузæн») молодому гостю. Поблагодарив её за оказанную честь, юноша осушал свой бокал и ставил его обратно на тарелку. Третий же бокал вместе с ребром доставался самому младшему [8].

Обязательным свадебным ритуалом у южных осетин, например, было подношение молодёжью старшим «кастæйрæгтæ» (почётных бокалов от молодёжи) – 7-9 больших турьих рогов с пивом и маленьких рогов с аракой. Рога принимались из рук только тогда, когда напитки выпивались до последней капли [9, 28].

Хмельные напитки особое место занимали и во время свадебной джигитовки. Всадники, показывая своё умение владеть конём и оружием, удостоивались особой похвалы, когда им удавалось прорваться на середину площади, где танцевала молодёжь. Джигиту в таком случае «за смелость и ловкость полагалось традиционное подношение («хуын»): кувшин араки, а также три пирога с сыром и кусок отварного мяса» [10, 237-240].

Отправление невесты также сопровождалось использованием хмельных напитков. Прежде чем увести её в дом жениха, шаферу вме-

сте с кумом приходилось пройти немало испытаний. Заперев невесту в комнате, подружки не открывали дверь до тех пор, пока шафер не платил за неё выкуп. Когда открывалась дверь, девушки подносили ему рог с аракой и он произносил «тост за счастье молодых и объявлял невесту своей сестрой» [11, 74-75].

Осетинам был известен ещё один шуточный ритуал, связанный с хмельными напитками. Приехавшим за невестой преграждали выход со двора требуя выкуп, состоящий из небольшой суммы денег, трёх пирогов с курицей и бокала с пивом. Заплатив выкуп за невесту, гости получали разрешение увести её [12, 33].

Хмельные напитки играли особую ритуальную роль в обряде прощания невесты с родительским очагом. Смысл этого обряда состоял в том, что она трижды обойдя очаг, касалась надочажной цепи, а старший с чашей пива в руках в это время, произносил молитву божеству домашнего очага – Сафе, чтобы он благословил её в счастливый путь.

Перед тем как начать путь от надочажной цепи, молодые люди входили в помещение, где находилась старшая хозяйка дома («æфсин»), ей выносили три пирога и пиво в большой чаше, присутствующие просили её произнести молитву и благословить их в путь. После её молитвы, шафер давал попробовать невесте «кувæггаг» (бокал с ритуальным напитком) и заводил песню [13, 54-55].

Завершив ритуал прощания, благословив невесту в дорогу, шафер выводил её из дома.

Помимо ритуальной, символической и знаковой роли, хмельные напитки на осетинской свадьбе были также обязательной частью различных даров и всевозможных подношений.

Перед уходом невесты в дом жениха готовились пироги, три правых ребра жертвенного животного, ритуальный напиток (пиво, арака и брага), флажок, ритуальная чаша с мёдом [13, 114].

Если по пути к дому жениха имелось святилище, из дома невесты также брали специально приготовленные для этого места ритуальные пироги, шашлыки и напитки. Здесь невеста с подругами возносила молитву святому. Если в святилище имелось ритуальное пиво, она должна была им причаститься [14, 13-14].

По прибытии к дому жениха первый прибывший всадник получал в награду три пирога и графин араки и, не слезая с лошади, выезжал обратно во двор, а полученное угощение преподносил старшим, они же в ответ благодарили его и высказывали ему различные пожелания [15, 250].

В доме жениха невеста также приближалась к очагу, трижды совершала поклон божеству Сафе, дотрагивалась губами или рукой цепи, чтобы он взял её под своё покровительство. Однако этот обряд не имел смысла без участия ритуальных хмельных напитков. Старший во время данного действия должен был произнести молитву с чашей пива в руках [16, 362].

По завершении этого обряда невеста в сопровождении шафера («къухылхаецаег») и кума («аемдзуарджын») выходила из дома («хадзара»), отступая назад медленным шагом, затем её вводили в приготовленную для неё комнату («чындыуат»). Сюда же приносили три пирога с бокалом пива, и шафер возносил молитву, чтобы невеста была счастлива в новом доме [16, 363].

Послесвадебная. Спустя неделю молодую навещала из родительского дома группа молодых женщин и девушек, которых сопровождали два-три молодых человека. Они привозили с собой приношение («хуын»), состоящее обязательно из пива, араки, а также пирогов, баранины, кур и т.д. Этот визит повышал авторитет невестки [15, 255-256].

При наступлении первого народного праздника после свадьбы отец и мать посылали своей дочери праздничную долю («бæрæгбоны хай») с хмельным напитком. А в день начала сенокоса зятю посылались подарки – «хосдзауы хуын». Мать девушки заранее шила своему зятю черкеску, ноговицы, сафьяновые чуваки, белую войлочную шляпу и т.д. Вместе с этими подарками и угощениями (пироги, индейки, напитки и пр.) мать снаряжала группу юношей и девушек и отправляла их в дом зятя. Здесь устраивали торжественный прием.

Для того чтобы невестка не пряталась от членов семьи и соседей, свекровь собирала соседских женщин и устраивала для них угощение. В их присутствии шафер и кум приводили невестку в «хадзар» (саклю). В этот же день вскрывали сундук с подарками, которые привозила невеста в день свадьбы. Этот обычай назывался «чынды чырын гом кæнын» (вскрытие сундука невесты). Чтобы совершить этот обряд, стол накрывали традиционными пирогами, блюдами, напитками и произносили тосты за благополучие невестки и свекрови [15, 256].

Первый выход невесты в село носил праздничный характер и был связан с тем, что ее вели к реке за водой.

У реки освещались молитвой ритуальные пироги и напитки. По возвращении домой водой, которую принесла новая невестка, а так-

же ритуальными напитками после произнесения молитв причащались все, особенно старшие и дети. С этого дня она уже свободно исполняла свои обязанности по хозяйству [17, 265].

Молодой муж после свадьбы должен был скрываться от старших членов своей семьи и не посещать общественные мероприятия от шести месяцев до года или до рождения ребенка. Для того чтобы снова стать полноправным членом своей семьи ему устраивали особый ритуал – «дзесхо». В честь этого его семья и семья шафера варили пиво, готовили араку, приносили в жертву барана.

Молодёжь из дома шафера официально сопровождала его песнями. Переступив порог своего дома, участники застолья вставляли и благословляли его, а также освещали молитвой пироги, напитки и шашлык. После этого он мог открыто появляться везде [18, 75].

Важно отметить, что хмельные напитки в свадебной обрядности являлись не только важным компонентом, но также играли символическую, знаковую, коммуникативную и ритуальную роль особенно во время свадебного застолья.

Примечания

1. НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д.109. Л.7.
2. Статья анонимного автора «Вашкирки» // ППКОО, кн. 1. Цхинвали, 1981.
3. НА СОИГСИ. Ф. 4, оп.1, д.109. Л.19.
4. Хетагуров К.Л. Особа / Хетагуров К.Л. Избранное. Орджоникидзе: Ир, 1989.
5. Ванеев З.Н. О некоторых процессах изменений в семье и в семейном быту Юго-Осетинской колхозной деревни // Известия ЮОНИИ. Вып. 7. Сталинир, 1955. С. 182-253.
6. Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870.
7. Кануков И. Сочинения. Очерки, статьи, заметки. Подготовка текста и примечания З.Н. Суменовой. Орджоникидзе, 1963.
8. Рæстдзинад. 9 ноября. 1944.
9. Гаглойты З.Д. Очерки по этнографии осетин. Т. 1. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974.
10. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Кн.1. Владикавказ, 2007.

11. Ванеев З. Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии, Тбилиси, 1955.
12. Цаллаев Х. К. Традиции и обычаи осетин. Владикавказ, 1993. 60 с.
13. Газданова В. С. Традиционная осетинская свадьба: миф, ритуалы и символы / СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания. Владикавказ: Иристон, 2003. 152 с.
14. Калоев Б. А. Осетины Восточной Осетии и районов Грузии. Историко-этнографические очерки. Владикавказ: Ир, 2012. 160 с.
15. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Изд. 2-ое. Орджоникидзе: Ир, 2011. 432 с.
16. Каргиев Б. Как справляется свадьба в доме невесты и в доме жениха / Памятники народного творчества осетин // Сост. Т. А. Хамцаева. Т.1. Трудовая и обрядовая поэзия. Владикавказ: Ир, 1992. 440 с.
17. Хозиты Ф. Уæлладжыры комыл – Туалтæм. Дзæуджыхъæу: Ир, 1999.
18. Каргиев Б. М. Осетинские обычаи / Ирон æгъдæуттæ. На осет. яз. Владикавказ, 1991.

**С. Г. БИДЕЕВА,
аспирант СОИГСИ**

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ
(На примере г. Владикавказ)**

В данной статье рассмотрен процесс формирования экологической культуры города на основе традиционных знаний в сфере природопользования.

Ключевые слова: традиционная религия, культ дерева, охотничий регламент, народная экология, экологическая политика, урбанизация.

В ходе адаптации к природной среде обитания традиционные общества вырабатывали многовековой экологический опыт поддержки и сохранения окружающей природы, который включает не только совокупность экологических знаний, но и традиции, несущие регулирующую функцию в системе природопользования.

Традиционная религия осетин долгое время служила гарантом защиты окружающей природы от истребления. В процессе жизнедеятельности осетинских обществ была создана предельно адаптированная к горным условиям система природопользования, сложились экологические нормы, основанные на философии общения горцев с природой и направленные на поддержание ландшафтно-хозяйственного равновесия.

Практически у всех народов мира с незапамятных времён существовали природные объекты, имеющие заповедный статус – горы, рощи, пещеры, родники, озёра, отдельные деревья, камни.

Култ дерева у осетин занимал особое место в духовой культуре. На территории республики до наших дней сохранилось множество священных рощ, кустов, а также одиноко растущих деревьев, которые служили местом поклонения и паломничества в определенные

праздники. Рубка деревьев без особой нужды воспринималась как крайне безнравственное явление. Даже в тех случаях, когда дерево рубили для жизненно необходимых целей, считали обязательным повиниться перед духом дерева, совершив обряд жертвоприношения. Совершенно очевидна связь культа дерева у осетин с культом предков; существовало поверье, что души умерших родных находят приют в деревьях [1, 97-98].

В хозяйственной жизни осетин огромное значение отводилось охоте, поскольку она наравне с земледелием и скотоводством служила источником питания. «Рагæй æрæгмæ адæмæй иутæ цуан кодтой сæ фырхъалæй, иннæтæ та – сæ фыр магуырæй» (издревле некоторые охотились для забавы, а другие, чтобы не умереть с голода) [2, 8]. В Осетии сложился культ охоты, основанный на мифологии и верованиях, который включал в себя строгий охотничий регламент, магические действия, молитвословия и даже особую охотничью лексику.

Обожествляемыми объектами природы являлись и водные источники. Осетины считали, что вода имеет свойство не только физического, но и духовного очищения. С водой были связаны многие праздничные и обрядовые действия. Наиболее распространенным был праздник «доныскъафан» (осетинский вариант православного Крещения, календарная дата относится к 19 января), главным действием которого было черпание «святой» воды из рек и родников [3, 46].

В конце XVIII- начале XIX веков в условиях городской среды эта гармония была подвержена многим внешним факторам.

Капитализация пореформенной экономики привела к резкому увеличению использования природных ресурсов, охотничьих и рыбных промыслов, добыче полезных ископаемых [4, 67-68]. Народная экология столкнулась с новым, потребительским отношением к природе. Столкновение интересов цивилизации с традиционной культурой не привело к глубокому кризису благодаря исходному экологическому опыту, адаптивным механизмам, новым способам маркирования жизненного пространства и социальной активности людей.

Особого внимания заслуживает экологическая политика властных структур. Администрация Терской области не оставляла без внимания беспокойство общественности по поводу пагубного воздействия на природу. Издавались отдельные законы по охране природы, поощрялось развитие ряда важных отраслей промышленности, разведение новых, ценных пород скота, разных видов растениеводства. Устраивались всевозможные выставки, где награждались

лучшие производители сельскохозяйственной продукции, которые грамотно вели свое хозяйство. Для обучения населения назначались специальные инструкторы.

Терское областное начальство было озабочено проблемой искусственного лесоразведения и восстановления загубленных лесных массивов. В 1889 году были разработаны «Правила о порядке пользования лесом кабардинцами и сопредельными с ними пятью горскими обществами». Были строго оговорены условия на рубку леса в казенных лесных дачах Терской области, согласно которым указывались сроки валки (вырубка была запрещена в период с 1 мая по 1 сентября) и конкретные деревья. За порчу остальных деревьев взимался штраф [5].

Мощным разрушителем этнической культуры, в особенности ее экологической составляющей, считается город, урбанизация образа жизни всего городского социума. Владикавказ как центр экономического развития Северного Кавказа, где активно развивалась промышленность, конечно, нарушал экологические традиции.

Жители Владикавказа в большинстве были выходцами из аграрных районов, горожанами первого поколения, которые пытались в городских условиях не терять традиционных способов жизнеобеспечения. Под полевые посевы, огороды и сады горожане арендовали землю у городской управы. В 1905 году количество арендованной земли составляло 1.369 десятин [6, 100-101]. Горожане-осетины занимались огородничеством, садоводством, пчеловодством, частично и хлебопашеством. Администрация продавала жителям сенокосные участки на восточном и западном выгонах [7].

Осетины просили городскую управу расширить площадь для своих пастбищ, брали в аренду новые участки земли, активно торговали сельскохозяйственной продукцией [8]. Персы арендовали сады и выращивали фрукты на продажу (большие сады были у братьев Муратовых в районе улицы Шмулевича) [1, 100]. Грузины выращивали фрукты, зелень, торговали домашней птицей и продуктами скотоводства. В декабре 1915 года они даже ставили вопрос об открытии сельскохозяйственного общества, обращались с ходатайством о созыве собрания учредителей и организаторов общества к правительственному агроному Терской области А. Каменецкому [9]. Немцы выращивали на продажу цветы, оформляя их в оригинальные букеты круглой формы. Большие скотоводческие хозяйства были у татар. Горожанин Якубов разводил кабардинских скакунов (содержалось около 100 кобылиц). Он организовал производство кумыса [1, 100].

Город создавал условия для усовершенствования сельскохозяйственных занятий. «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» знакомило «с лучшими и наиболее удобными и применимыми сельскохозяйственными орудиями и машинами, а особенно с новейшими усовершенствованными плугами». В 1884 году общество провело ряд экспериментов по использованию сельскохозяйственных машин на городской земле. В результате многие горожане обрели плуги и умение обращаться с ними. В 1894 году во Владикавказе было образовано «Терское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности» с целью усовершенствования всех отраслей сельскохозяйственной и кустарной промышленности.

Во Владикавказе активно действовало общество птицеводов А. Б. Ленартовича [10]. Оно часто устраивало выставки на Александровском проспекте. Как правило, они состояли из нескольких отделов: домашней птицы и кроликов, продуктов птицеводства, принадлежностей птицеводческого хозяйства, а также различных птиц – декоративных, певчих, голубей [11].

При Владикавказской паровой лесопильне был образован склад земледельческих машин, где продавали косилки, жатки, молотилки, мельницы, локомобили, куплеотборники [12].

Состоятельные горожане в начале XX века имели возможность сделать заказы по каталогу Берлинскому заводу сельскохозяйственных машин и орудий Карла Беермана, который предлагал патентованные сеялки, конные грабли, одно- и многолемешные плуги, конные приводы, веялки, соломорезки, молотилки [13]. Известная фирма Гулье-Бландшард предлагала косилки, легкие жатки, сноповязалки, дробилки, давилки [14]. Ростовский склад фирмы Генрих Лапц на льготных условиях предлагал соломорезки, корнерезки, дробилки и пр. [15]. Контора «Перкунъ» через своего единственного в Терской области представителя А. Б. Текстера в городе Екатеринограде предлагала нефтяные, керосиновые и спиртовые двигатели и локомотивы, пожарные и колодезные насосы, кузнечные и слесарные инструменты [16]. Владикавказский склад машин и орудий Терского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности реализовывал оригинальные плуги Р. Сакка и других заводов, бороны, крюмеры, жатвенные и сноповязальные машины, манильский шпагат, плодосушилки, зернодробилки, сепараторы «корона», садовые инструменты, пульверизаторы, маслобойки гольштинские и

лефельдовские, брезенты, мешки, ремни и др. [17]. Английский магазин Копфшталь закупал за границей овощные и цветочные семена, луковицы [18].

С момента основания городская дума придавала большое значение вопросам охраны природы Владикавказа. Площадь зеленых насаждений общего пользования – сады, скверы, бульвары – составляла 22,4 га. Городской сад постановлением городской думы был передан в ведение Владикавказского общественного собрания, которое взяло на себя следующие обязательства: «1) содержать сад в надлежащей чистоте и исправности; 2) улучшать и поддерживать растительность сада, заменяя сгнившие и высохшие деревья новыми; 3) поставить на аллеях достаточное число скамеек; 4) освещать главные аллеи сада 60 фонарями до часу ночи; 5) при улучшении средств собрания устроить экипажную дорогу от Александровского проспекта вдоль стены почтовой станции и вывести ее к задним воротам сада». Все эти обязательства были выполнены.

Ежегодно проводилась весенняя посадка деревьев в городских садах, бульварах и парках. Так, согласно сведениям городского садовника Н. Красникова за 1909-1912 гг., было высажено 9332 шт. различных пород деревьев, адаптированных к условиям города [19, 283].

В сфере городского землепользования были и нарушения. Например, земля, отчуждаемая какому-либо лицу под огороды, застраивалась усадьбой и т.п. В таких случаях городская дума строго наказывала нарушителя.

В июне 1891 года городские власти решили установить новый порядок управления городскими лесными дачами, пригласить для решения этой задачи специалиста и поручить ему «как общий надзор за лесом под контролем думы, так и в особенности выработку плана будущей эксплуатации леса и для выработки условий сдачи леса ученому лесничему». Городские власти проявляли также заботу об охране зеленых насаждений, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Так, 23 февраля 1871 года Владикавказское городское общественное управление обратилось к начальнику Терской области со следующей просьбой: «В городе Владикавказе устроено 6 бульваров и 1 набережная с посадкой на них деревьев. Кроме этого, в настоящем году предложено около второго моста через р. Терек набережную усадить деревьями в виде роши, и как за засаженными деревьями, так и вновь предлагаемыми к посадке необходимо иметь наблюдение. Городское управление ввиду соблюдения интересов города

по содержанию в надлежащем виде деревьев на бульварах признает необходимым нанять 1 человека, опытного в садоводстве, с жалованьем в год по 120 рублей из городских сумм [1, 101].

Важным вопросом было устройство мельниц в городе. Однако, ходатайства Городской думы о постройке новых и ремонте существовавших мельниц, расположенных по р. Терек, было отклонено областным начальством. В архивных фондах сохранилась резолюция начальника Терской области, в которой содержится обоснования отказа на ходатайство гласных городской думы: «...Я вполне присоединяюсь к взгляду на необходимость развития всякого рода промышленности, в том числе и мукомольной, но не могу допустить, чтобы промышленные заведения строились вопреки указаниям закона и, притом, во вред здоровью населения. Что мельницы вредны, я убедился личным осмотром их в прошлом году, при чем видел, что канавы содержатся грязно, и что содержать их чище трудно, так как отбросы не уносятся водой канавы; быстрота же Терека тут не при чем, так как не по Тереку устроены мельницы, а на канавах, ...переустройство и расширение их, равно как и возведение новых – я не допущу, пока закон будет представлять мне на то право, так как мельницы могут строиться ниже города по течению Терека, и там не загрязнять воды в городе» [1, 101].

В числе горожан было немало, предпочитавших проводить свой досуг в окрестностях города за охотой. Они были организованы в «Общество любителей правильной охоты», которое ежегодно проводило свои праздники, состязания в стрельбе на призы по тарелочкам и мишеням. Наиболее популярным видом охоты у владикавказцев был «вальдшнеп» – спортивная охота за лесным куликом, сезон которой начинался в марте и октябре [20].

На современном этапе развития городов, первостепенное значение приобретают экономические интересы. Урбанизация и концентрация в городах промышленности создают значительные экологические проблемы, нередко приводящие к кризису. Так как, очистительные сооружения и средства обезвреживания опасных, для нормальной жизнедеятельности населения, продуктов производства – дорогостоящие, то возникает конфликт между экономическими выгодами и экологичностью процессов производства. Другим немаловажным фактором является недостаточность зеленых насаждений, которые несут не только эстетическую нагрузку, а являются средством защиты.

Масштабность данных процессов просматривается в городах с максимальной концентрацией людей.

Решением экологических проблем современного Владикавказа может стать системно-междисциплинарный подход, в основе которого будет лежать веками накопленные и традиционно сложившиеся экологические знания осетин, в совокупности с современными средствами и техническими возможностями. Таким образом, можно добиться естественного баланса системы «человек – природа».

Примечания

1. Канукова З.В. Экологическая культура осетин: традиции и инновации // Устойчивое развитие горных территорий. Международный научный журнал. Владикавказ. СКГМИ, 2009. №1. С. 97-102.

2. Хъесаты В. Ирон цуанæтты æгъдæуттæ æмæ æвзаг. Дзæуджыхъæу, 1998. 148 ф.

3. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика / Сост. В. А. Цагараев, Е.М. Кочиева. Владикавказ, 2007. 551 с.

4. Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование: монография; СОИГСИ им. В.И. Абаева. Изд. 3-е. Владикавказ, 2008. С. 67-68.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 168. Оп. 1. Д. 3347.

6. Терский календарь. 1905. Вып. 14. С. 100-102.

7. ТВ. 1906. №154.

8. ТВ. 1906. №208.

9. ТВ. 1915. №267.

10. ТВ. 1909. №76.

11. ТВ. 1909. №115.

12. ТВ. 1884. №47.

13. ТВ. 1900. №33.

14. ТВ. 1889. №43.

15. ТВ. 1909. №16.

16. ТВ. 1908. №176.

17. ТВ. 1902. №21.

18. ТВ. 1884. №13.

19. История Владикавказа (1781-1990 гг.) Сборник документов и материалов. Владикавказ. 1991. С. 283.

20. ТВ. 1896. №133.

**Э. П. ДЗАГОЕВА,
аспирант СОИГСИ**

ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ. ВЫШИВАЛЬЩИЦЫ ОСЕТИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В данной статье исследуется золотное шитье как вид прикладного искусства. Рассматривается орнамент, представленный эскизами вышивальщиц, использовавших золотное шитье в украшении праздничной одежды и мелких предметов быта. Особое место уделяется исследованию происхождения данного вида украшения одежды на территории Осетии. Предпринята попытка изучения распространения золотного шитья в Осетии.

Ключевые слова: *прикладное искусство, вышивальщицы, традиционный осетинский орнамент, золотная нить, вышивка, аппликация.*

Зариндагхуыд («золотное шитье») – традиционный вид прикладного искусства, известный в Осетии со средневековья. Как и на всем Кавказе, вышиванием занимались исключительно женщины. В раннем средневековье золотную нить изготавливали из расплавленного золота, протаскивая его через отверстие размером в несколько миллиметров. Позднее чистое золото встречалось реже, его начали заменять золоченым серебром, а затем металлическая нить была вытеснена хлопчатобумажной, менее дорогой и легкой в обращении. Техника вышивания золотыми и серебряными нитками в прикреп называлась *хардгахуыд*, шитье гладью *уалафтаухуыд*, шитье в одну нить длинными стежками из золотых и серебряных ниток *хардганы-вафтыд*, этот шов применялся для дополнения основного рисунка *хардгахуыд* [1, 22]. Стилистическое оформление одежды золотными нитками выполнялось с использованием мотивов осетинского орнамента. У золотошвеек горной части Северной Осетии в орнаментальных композициях прослеживались преимущественно звериный, геометрический и растительные мотивы.

Существовали гендерные предпочтения в украшении вещей золотной вышивкой. Мужские вещи вышивали преимущественно ге-

ометрическим орнаментом – переходным вариантом от звериного мотива. Известный исследователь быта осетин С. В. Кокиев писал: «Осетин питает полнейшее пренебрежение ко всякого рода украшениям считая их детской забавой, не достойною мужчины» [2, 91]. Однако он подчеркнул, что в прошлом «черкески, бешметы, чувяки, ноговицы, седла и даже бурки обшивались кругом серебряным или золотым галуном» [2, 91]. Украшение женской одежды заключало в себе все многообразие вариантов орнамента и вышивки. Особое предпочтение отдавалось растительным мотивам. Наиболее распространенной орнаментальной композицией в одежде женщин были астральные мотивы *Священного Дерева Жизни* и *Вихревой розетки*. Также усложненные растительные мотивы звериного орнамента рогов барана чаще всего символизирующего *фарн* – благодать. Все варианты орнамента встречались в свадебном наряде. Орнаментальным мотивом *Священного Дерева* украшали подвесные рукава и само платье. Иногда его заменяли животным или просто растительным орнаментом.

Орнамент, представленный в ассортименте вышивальщиц горной части Северной Осетии, состоял из животных мотивов. Плоскостная часть Северной Осетии использовала преимущественно растительные мотивы в золотном шитье. Орнаментальные композиции переходили от старшего поколения женщин к младшему, благодаря этому долгое время сохранялись архаичные композиции. Смещение орнаментальных мотивов происходило благодаря переселению части населения из горной Осетии на плоскость.

К. А. Берладина отмечала, что первоначально золотная вышивка получила распространение в Осетии в среде высшего сословия [3, д.144, л. 22]. Публицист И. Д. Кануков писал, что девушки высшего сословия в Северной Осетии посвящали все свое свободное время вышивке изысканных изделий. «Девушки – узденки ... занимаются шитьем, считая... для себя позором заниматься черною работою» [4, 273]. Свидетельство спроса на золотную нитку среди осетинок в начале XIX века встречается у В. Пассека: «Когда мы останавливались на отдых, то женщины приносили к нам кур, гусей, масло, сыр, пшеничный и просяной хлеб и другие запасы... Они выменивали эти вещи на канитель, которую называют *зериндаге*... Для нас было выгоднее меняться на канитель, потому, что за два клубка, стоящие не более пяти копеек... нам давали хорошую курицу, и другие вещи в этой же ценности» [3, д. 70, л. 166].

По архивному материалу можно выявить, что золотное шитье имело широкое распространение в горной части Северной Осетии в XVIII-XIX вв. [3, д. 144]. Например, в селении Кобань Канукова Тереза владела вышивкой как золотной ниткой, так и аппликационной техникой украшения обуви и одежды. Вышивальщицы Дигорского ущелья использовали наравне с золотными нитками другие виды украшения, такие как, вышивку шелковыми или шерстяными нитками. В селении Чикола Ирафского района вышивальщица Орзадзаева Гуара выращивала шелкопряд для прядения платков, которые она расшивала шелковыми нитками такого же цвета. В селении Дур-Дур вышивальщица Кодзасова Хабида так же вышивала наравне с золотными нитками и шелковыми, сама плела платки из шелка. Атаева Сара из селения Дигора так же использовала шелковые нитки для вышивания платков. Вышивальщицы из других селений как горных, так и равнинных не использовали шелковые нитки для украшения. Вероятно, мода на вышитые шелковые платки была распространена только в Дигорском обществе.

Подобной особенностью характеризуется высокогорная вышивка Южной Осетии. «В селении Кемульты вышивальщицы знают только вышивку – аппликацией, не употребляя в шитье ни шелка, ни золотной нитки» [3, д. 144. л. 1]. Возможное отсутствие золотной вышивки в Южной Осетии свидетельствует о распространении золотошвейного искусства только на территории Северной Осетии. К. Л. Хетагуров в своем этнографическом очерке «Особа», посвященной жизни Нарской котловины, описывал бытование украшения только праздничной одежды шелком и серебром [5, 330]. Между селением Нар и Южной Осетией, как пояснил К. Л. Хетагуров, существовал торговый обмен [5, 330]. О торговых связях между Северной Осетией и Южной Осетии писал И. Бларамберг: «Они обменивают своих овец на дорогие шелковые ткани, на холст, хлопковые ткани, на золотые и серебряные нитки, сосуды и изделия из железа у грузин и имеретин» [6, 244]. В Южной Осетии в связи с торговым обменом с селениями Северной Осетии, возможно, знали украшения шелком, золотными и серебряными нитями.

Во второй половине XIX века многие осетины переезжали в город Владикавказ для трудоустройства. Среди таких людей была вышивальщица Метиева Аминат. Она вышивала на заказ застёжки для бурок из цветного сафьяна обшитого золотными нитками. Готовую продукцию она сдавала в лавку «Кавказские изделия» на Красноряд-

ской улице старого Владикавказа. За маленькие застёжки она получала 2 копейки, за большие – 5 копеек [3, д. 144, л. 18]. Также она изготавливала на заказ чувяки и платки, стоимостью от 1 до 3 рублей за штуку. Алборова Нина из селения Ольгинское также шила на заказ в лавке на Краснорядской улице, хозяин которой снабжал ее золотыми нитками и тканью. Он заказывал один типовой предмет, который вышивался одним и тем же орнаментом. Также она изготавливала застёжки на бурки по цене 3 копейки за маленькую и 5 копеек – за большую [3, д. 144, л. 16].

На Краснорядской улице (ныне улица Гаппо Баева во Владикавказе) располагались различные магазины и лавки. Мануфактурные магазины Г. Асланова, С. Киракозова, Г. Симонова. Галантерейным магазином владел А. Газалов. Мелочными лавками владели: З. Созиев, Н. Цаликов, Г. Тер-Погосов и другие. В газете «Терские ведомости» за 1883 год встречается объявление о курсах обучения кройки и шитья на улице Лебедевская старого Владикавказа [7].

Вышивальщицы, для которых золотное шитье не стало профессиональным видом деятельности, помогали родственницам в подготовке к свадьбе, вышивая некоторые элементы из свадебного комплекта. Вышивальщица Кувалова Зегде, уроженка селения Эльхотово, вышивала на заказ невестам подвесные рукава, чувяки, шапочки. Оплату получала натуральными продуктами – сыром, хлебом, домашней живностью. Салбиева Дзга из селения Эльхотово вышивала на заказ вещи свадебного комплекта. Оплату за свой труд она получала натуральными продуктами, реже деньгами. Марзоева Аминат из города Алагир изготавливала на заказ различные настенные вещицы. Атаева Сара из селения Дигора, портниха, шила на заказ свадебный комплект, мужские ноговицы, детские шапочки и женские чувяки. Появление вышивальщиц изготавливающих свадебные комплекты в начале XX века, свидетельствовало о спросе на готовые изделия к свадьбе.

В газете «Терские ведомости» в рубрике реклама, преобладали объявления о магазинах с готовой одеждой. Это магазины на Александровском проспекте С. М. Киракозова и Б. Г. Оганова [8]. На улице Краснорядской платье и одежду продавали С. Атаров, С. Акопов, Ц. Мамулов, А. Туаев, К. Нариманов и др. Золотная нитка приобреталась вышивальщицами в лавках города Владикавказа, селении Иристон (ныне г. Беслан), селении Эльхотово, в селении Дигора (ныне город) и селении Чикола или у разносчиков.

После Октябрьской революции закрылись торговые лавки и магазины, в которых продавалась золотная нитка. В 20-е годы XX века пропало и само золотное шитье. По причине нехватки золотной нитки женщины перестали вышивать *зариндагхуыд*. Многие из девушек – вышивальщиц прекращали вышивать после замужества из-за нехватки времени, а также по состоянию здоровья, слабости зрения. По причине отсутствия золотной нитки, искусство золотного шитья не переходило последующему поколению девушек.

Подводя итоги, можно предположить что, золотное шитье в Осетии известное со средневековья, широко распространилось в Северной Осетии к концу XVIII – началу XIX века. В пользу раннего проникновения золотного искусства в среду осетин говорит факт наличия самоназваний золотной вышивки *зариндагхуыд* и золотной нити *зариндаге*. Вероятно, золотошвейная мода проникает в Осетию из Кабарды, так как в этот период вышитые золотной нитью предметы были широко распространены на этой территории. Золотное шитье появилось в среде высшего сословия, а позже распространилось повсеместно, что связано с распространением моды на вышитые золотной нитью вещи и снижением стоимости нити. Золотное украшение использовалось на всей территории Северной Осетии. Исследователи золотного искусства в Осетии отмечали, что золотная вышивка отсутствует в Южной Осетии. Это, вероятно, было связано с влиянием грузинской моды и дороговизной материала. Однако отказ от применения золотной нити в украшении одежды и предметов быта не может указывать на полное отсутствие золотной вышивки в Южной Осетии.

С исчезновением золотной нитки после Октябрьской революции, исчезает и само золотное искусство. В Осетии золотошвейное дело не приобрело профессионального ремесленного направления, и осталось индивидуальным домашним производством.

Примечания

1. Андиев Б., Андиева Р. Осетинский орнамент. Орджоникидзе, 1960.
2. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. I. М., 1885. – С. 67-112.
3. Научный архив Северо-осетинского института гуманитарных и

социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 4. Оп.1.

4. Кануков И. Д. В осетинском ауле: рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985.

5. Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Хетагуров К. Л. Полн. собр. соч. в 5-ти томах. Владикавказ, 2000. Т. IV.

6. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010.

7. Терские ведомости. 1883. №17.

8. Терские ведомости. 1884. №20.

9. Канукова З. В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. Владикавказ, 2008.

10. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М., 1989.

Э. И. ТАВАСИЕВА,
стажер-исследователь СОИГСИ

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВДОВЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматривается правовой статус как установленное нормами обычного права (адата) положение субъекта права.

Вдова в традиционном осетинском обществе не имела никаких имущественных прав. Однако при детальном рассмотрении выяснилось, что причиной этого являлись интересы всей большой патриархальной семьи. Несмотря на отсутствие официальных прав на собственность, вдова никогда не оставалась без помощи и заботы со стороны своих детей или семьи мужа. Таким образом, адаты не только регулировали права и обязанности каждого члена общества, но и защищали наиболее слабых его членов. Данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: адат, патриархат, гендер, традиционное общество, правовой статус, обряд, обычное право

Отечественные исследователи в своем большинстве сходятся на определении гендера как комплексного переплетения отношений и процессов, как фундаментального составления социальных отношений. Одним из таких составляющих в традиционном осетинском обществе является обычное право – адат.

Целью данной работы является исследование правового статуса вдовы у осетин в традиционном обществе. Рассмотрение данного вопроса является необходимым в исследовании гендерной проблематики, поскольку исследования в данном направлении до сих пор не проводились.

Правовой статус – это установленное нормами обычного права (адата) положение субъекта права, то есть, рассматриваемой нами вдовы в традиционном осетинском обществе.

Материалы по обычному праву кавказских горцев, и в частности осетин, лимитируются сравнительно небольшим кругом изданных источников. Основными из них являются сборники адатов, состав-

ленные в 40-60-х гг. XIX в. по заданию российской администрации на Кавказе [1, 4]. В отечественной историографии нет специальных работ, посвященных проблеме правового статуса осетинской вдовы, однако отдельные вопросы, связанные с положением женщины, нашли отражение как в дореволюционной, так и в советской историографии.

В данную статью вошли сведения о правовом положении вдовы известного исследователя и юриста XIX века Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев» в главах «Наследственное право», «Раздел имений», «Древние обряды Дигорского общества 1844 года», «Обряд духовных завещаний и поминовения», «Адаты по разделу и наследству» [2]. Работы М.М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» [3] и «Закон и обычаи на Кавказе» [4] представляют особую ценность, т.к. рассматривают нормы обычного права, регулирующие различные стороны общественного быта, а так же имущественно-правовые отношения осетин. Большой вклад в исследование адатов осетин внес известный ученый Ф.Х. Гутнов. В сборнике «Обычное право осетин» им рассмотрены адаты Тагаурского общества середины XIX века [1].

Сословная принадлежность осетинской женщины, и в частности вдовы, являлась одной из основополагающих ее статуса в обществе. Однако на право наследования имуществом сословная принадлежность не влияла. Как и у большинства народов Северного Кавказа, право на наследство имели только агнатые, т.е. сыновья, братья, племянники. Подтверждением этого служат данные М.М. Ковалевского, который считал, что причина этого явления состоит в родовом имуществе, которое принадлежит только членам рода и «не может быть никому другому уступимо» [Цит. по: 5, 189]. Сыновья, прежде чем дележ дойдет до братьев умершего, получали всё, т.к. они являлись прямыми наследниками. По данным Ф.И. Леонтовича, имущество разделялось следующим образом: лучшая часть домовладений оставалась во владении старшего сына, вторую долю имущества получал младший. Все остальное (скот, утварь и т.д.) распределялось поровну между сыновьями. Вдова должна была жить у своего младшего сына с дочерьми, а когда последние выходили замуж, то получаемый за нее калым разделялся поровну между братьями [2, 74]. В обязанности младшего сына входило также обеспечение матери (вдовы покойного) и сестер.

В традиционном осетинском обществе рождение мальчика было очень значимым событием в жизни семьи, свидетельством этого являются адаты осетин, которые защищали имущественные права ребенка-мальчика. Т.е., даже если у умершего оставалась беременная вдова, то после достижения совершеннолетия рожденный мальчик получал полностью свою долю, долю покойного отца. А.Х. Магомедов упоминает о том, что после смерти отца семейства вдова и дочери имели право выбора, у кого из братьев (сыновей) жить. Остальные же братья выдавали из своего имущества некоторые части для прокормления своих сестер и матери [5, 189]. Подтверждением служат и данные Ф.И. Леонтовича. Вдова и сестра могли выбрать сами, у кого из братьев жить: «если у разделяющихся между собой братьев жива мать их, то по обычаю она должна жить на попечении и в доме младшего сына, а в случае, если она этого не пожелает, ей предоставляется жить с кем угодно» [2, 75]. Если же вдова была бездетной или имела только дочерей, родственники мужа оставляли ей имение на год для проведения поминок покойного. Затем оно отдавалось родственникам, у которых она могла жить. Если же вдова этого не желала, то родственники эти брали ее незамужних дочерей к себе жить, а ей выделяли какую-нибудь «неважную» часть имения [2, 6]. Если вдова покойного уходила к родным и не была в состоянии выйти замуж по старости лет, то она получала из имущества все необходимое для поминок и похорон, «смотря по состоянию» [2, 75]. Более того, если вдова уходила к родным после смерти мужа, то ее родственники возвращали третью часть калыма братьям покойного мужа. Это наблюдалось в Тагауро-куртатинском обществе, а также в Алагиро-наро-мамисонском обществе [2, 69]. Самостоятельное право вдовы на наследование вместе с детьми существовало в Древнем Риме, где по законам двенадцати таблиц вдова получала наравне с детьми часть из наследства имущества, т.к. вместе с ним при жизни главы семейства состояла под его властью. В позднейшем Римском праве, где наследование определялось родством по крови, вдова вступала в свои наследственные права лишь после самых дальних родственников; но вдова, нуждающаяся и не получившая при замужестве приданого, получала из имущества зажиточного мужа одну четверть, а при наличии троих и более детей участвовала в дележе имущества наравне с детьми [6].

Похожее имущественное право наблюдалось и у народов Северного Кавказа, исповедовавших ислам. По шариату вдове полагается

выделить одну четвертую часть имущества, если она бездетна, и одну восьмую, если имеет детей [7, 165-166]. Однако у осетин обычное право преобладало над шариатом в имущественных вопросах, т.е., практика дележа наследства по шариату у них не наблюдалась. Во всех случаях при разделе имущества они поступали согласно адату. М. М. Ковалевский писал: «Общественным приговором новейшего времени введено право завещательного распоряжения и открыта, таким образом, возможность наследования для женщин. Надо сказать, однако, что этой возможностью осетины доселе почти не пользовались, так прочно держится в их среде начало неотчуждаемости семейного имущества чужеродцу» [4, 324]. Он писал о том, что отсутствие практики завещания не препятствовало им раздавать «на смертном одре» имущество тем или иным родственникам по усмотрению, а также оговаривать, сколько должно быть затрачено на их похороны и на подарки муллам и нищим [4, 323]. Но эти предсмертные распоряжения никогда не касались недвижимого имущества, т.к. оно было достоянием не частного лица, а целого двора [4, 323]. Ф. И. Леонтович объяснял отсутствие завещательной практики, разрешившей «притесненное положение вдов привычкой старым обычаям и незнанием самой процедуры составления законных завещаний» [2, 75].

Население Осетии в середине XIX века делилось на четыре категории. Как правило, в исторической науке эти категории называются сословиями. К первой категории относились привилегированные фамилии, занимавшие в различных обществах господствующее положение. Ко второй категории относились фарсаглагы или адамихаты у дигорцев. Эта категория состояла из лиц лично свободных. А к третьей категории относились кавдасарды – лично зависимые крестьяне. Потомки плененных или купленных в прошлом составляли во всех осетинских обществах низшее сословие. Правовое положение вдовы определялось и ее принадлежностью к той или иной категории. Так, в «Обычном праве осетин» Тагаурского общества зафиксировано: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием» [1, 117]. М. А. Текуева упоминает о похожем положении вдовы у кабардинцев: «...получив дворянское звание при замужестве, вдова сохраняет свои сословные права даже в повторном браке» [8, 88]. У осетин встречались случаи двоеженства. Вторую жену – *номыл ус* брали в жены из низшего сословия. Однако адат преобладал в имущественных вопросах над шариатом и россий-

ским законодательством, поэтому вдове, как и ее сыновьям, ничего не оставалось в наследство.

Как и у осетин, обычное право других народов Северного Кавказа не учитывало в вопросах наследования имущества интересов женщин даже из аристократических семей. Адыгская вдова, также как и осетинская, не принимала участия в дележе имущества. Однако при вступлении в брак адыгской девушки, выплачиваемый калым включал в себя *уасэ* – *Иыхъэ*, т. е. «часть цены», которая оставалась в семье мужа. Эта часть не включалась в опись имущества при его разделе как принадлежащая вдове. По мнению М. М. Ковалевского, этот платеж «жених скорее гарантирует, нежели выдает невесте» [8, 86]. Если в первой половине XIX века размер *уасэ* – *Иыхъэ* не был определенным, то во второй половине XIX в. 1/2 или даже 1/3 часть калыма поступала в пользу жены [9, 136]. А с усилением влияния ислама положение адыгской вдовы значительно улучшилось. Так, например, под влиянием шариата в первой половине XIX века кабардинцы включали пункт о выплате *уасэ* – *Иыхъэ* своим женам даже в том случае, если они на тот момент были в разводе [9, 136]. Осетинские вдовы также имели право на 1/3 часть калыма при разводе или вдовстве, однако разводы были крайне редки, а в случае смерти мужа вдова часто оставалась жить в семье мужа или выходила замуж по обычаю левирата. Для семьи мужа левиратный брак был наиболее выгодным способом сохранения рабочих рук в лице вдовы, а также способом не отчуждать полагающуюся часть от общего имущества. При малолетних детях этот обычай был наиболее приемлемым для самой вдовы, так как в случае ухода из семьи покойного мужа её дети всегда оставались в семье. При взрослых детях, возможно, «доля вдовы» отходила младшему сыну для дальнейшего содержания матери [10, 31-56].

Подводя итоги, можно сказать о том, что на первый взгляд, вдова в традиционном осетинском обществе не имела никаких имущественных прав. Однако при тщательном рассмотрении выяснилось, что причиной этого являлись интересы всей большой патриархальной семьи. Несмотря на отсутствие официальных прав на собственность, вдова никогда не оставалась без помощи и заботы со стороны своих детей или семьи мужа. Таким образом, адаты не только регулировали права и обязанности каждого члена общества, но и защищали наиболее слабых его членов, так как отношение общества и семьи к вдове было сострадающим и уважительным.

Примечания

1. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Ч.1. Адаы Тагаурского общества (список Норденстренга 1844 г.). Владикавказ, 2012.
2. Леонтович Ф.И. Адаы Кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. II. М., 1886.
4. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.
5. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
6. Вдова. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Вдова>. Дата обращения – 14.06.2013 г.
7. Торнау Б. Мусульманское право. Вып. I. СПб., 1866.
8. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2006.
9. Сабанчиева Л.Х. Гендерный фактор в традиционной культуре кабардинцев. Вторая половина XVI – 60-е годы XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2005.
10. Гутнов Ф.Х. Адаы осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. Вып. 10(49) 2013.

**З. Т. ЗАЛЕЕВА,
аспирант СОИГСИ**

СВЯТИЛИЩЕ «НОГ ДЗУАР» В КУЛЬТУРЕ ГОРОДСКИХ ОСЕТИН

В данной статье рассмотрен механизм адаптации городских осетин к городу и способ сохранения религиозной традиции на примере святилища «Ног дзуар».

Ключевые слова: святилище, культ, обряд, традиционная культура, предания, молитва, сказания.

Известно, что город считается элементом цивилизации, разрушающим традиционную культуру. Действительно, городская среда подвергает мощным трансформациям традиционный образ жизни горожан «первого поколения», но в процессе адаптации к новому инокультурному окружению, они пытаются сохранить свою этничность, важной составляющей которой является религия.

В настоящей статье мы попытаемся проследить механизм адаптации городских осетин к городу и способ сохранения религиозной традиции на примере святилища «Ног дзуар».

В разработке проекта устройства дачного городка в 1914 году, городская управа Владикавказа, как более подходящую территорию под дачные участки, рассматривала так называемую «Молельную поляну осетин». Территория эта располагалась в двух километрах от юго-западной оконечности Осетинской слободки, на правобережной возвышенности реки Терек. Узнав об этом, осетины обратились в управу с коллективной просьбой о том, чтобы «Молельная поляна» общий размер которой составлял 3 десятины, с лесом на ней, осталась неприкосновенною, а так же чтобы за осетинами было признано право на беспрепятственное пользование ею для религиозных целей [2]. Священное для городских осетин место и часовня на нем были

известны городской управе, однако историческое происхождение этой святыни и воспоминания, которые осетины с ней связывали, оставались Управе не известны.

Во второй половине августа, ежегодно, городскими осетинами на возвышенной равнине, среди лесной поляны с громадным развесистым деревом отмечался праздник, посвященный «*Ног дзуар*». В периодической печати начала XX века, в частности, в газете «Терские ведомости» сохранилась информация о том, как проходил этот праздник у осетин. «Местные осетины празднуют обычный годовой праздник, у часовни воздвигнутой на горе около завода Сараджева на месте, освященном для всех осетин и с которым связаны разные народные предания. На праздник прибывали жители соседних селений. Вечером, состоялись многолюдные национальные танцы. Действительно, со святилищем было связано множество преданий, одни утверждали, что оно посвящено чудотворной иконе Иверской Богоматери, подаренной аланам царицей Тамар в начале XIII века. Часть осетин, переселившихся с гор во Владикавказ, связывая благодарственные воспоминания со своей древней святыней, посвятили это место имени Божией Матери или *Ног дзуара*, для всенародных молитвенных собраний в честь ее. Другие считают, что этот праздник установлен в память выхода осетин из тесных горных ущелий на плоскость [2].

Существует также легенда, что 1892 году во Владикавказе на Осетинской слободке вспыхнула эпидемия чумы- «*рын*» и только благодаря горожанину Пипо Гурциеву, мор был остановлен. Гурциеву однажды приснился сон, согласно которому, принеся себя в жертву, он смог бы избавить соотечественников от гибели. Для этого нужно было найти серого быка и пойти за ним. На месте, где серый бык ляжет, осетины должны были построить святилище. Согласно древней традиции, на собранные подворно деньги «*мысайнагтæ*», был куплен жертвенный бык серого цвета и проведена жертвенная трапеза. В этот день, исполнив обряд, Пипо скончался, а мор в Осетии прекратился.

Праздник в честь *Ног дзуар* являлся национальным и существовал в культуре осетин задолго до их переселения на равнину. *Ног дзуар* — дословно означает «новая святыня», этот праздник отмечался в предпоследний понедельник августа в честь патрона чумы, у которого просили защиты от эпидемий и эпизоотии. Спустя три-четыре дня празднований, жители тех мест, где особенно было распространено

верование в *Ног дзуар*, резали быка, заранее на этот случай хорошо откормленного, и устраивали пир. Этот пир назывался «*Ног Дзуары æрвитæн бон*» – день проводов *Ног Дзуар*, после него наступала пора осенних работ.

Известный просветитель и бытописатель осетин И. Г. Тхостов писал: «*Ног дзуар*, по мнению осетин, так строг, что не позволяет без особенного благословения подходить к своему жертвеннику и даже запрещается говорить громко...» [3]. Осетин, желающий угодить *Ног дзуар*, должен был предназначенную ему жертву поднимать на довольно высокую гору, не иначе как на спине или плечах, притом в жаркий августовский день и с непокрытой головой. Последнее обстоятельство, то есть обнажение головы, столь редкое у всех кавказских горцев, яснее всего показывает, каким уважением пользовался этот святой.

Осетинский этнограф и историк В. С. Уарзиати высказал предположение о связи *Ног дзуара* с божеством *Рыны бардуаг* – «повелителем повальных болезней» [4,101]. В историко-этимологическом словаре В. И. Абаева под *Рыны бардуаг* подразумевается божество властное над поверьями, хотя термин «*рын*» в более широком смысле включает в себя и повальные болезни, и эпидемию, и эпизоотию крупного рогатого скота и т.д. [5, 444]. В буквальном смысле *Рыны бардуаг* по-осетински означает: ангел-«*дауаг*», имеющий власть- «*бар*», над повальными болезнями – «*рын*» [6, 377].

Начиная с середины XIV века и вплоть до XIX столетия, осетины не раз переживали эпидемии чумы, по этой причине на территории Осетии возводились святилища в честь *Рыны бардуаг*. В XIX веке, испытав еще одно грозное заболевание – холеру, осетины продолжали строить новые и реконструировать старые святилища в честь *Рыны бардуаг*. Отсюда могло появиться и второе название святого – *Ног дзуар* [7,101].

Существует версия о происхождении культа *Ног-дзуар* в селении Кани, изложенная В. Ф. Миллером, связана со смертью в течение короткого времени всей фамилии Куговых. И в ней пробивается сюжет с эпидемией. Появление *Ног дзуара* связывали со следующим чудом: «*Дзуары лаг* – (служитель культа, жрец) из фамилии Пуховых видел однажды *Ног дзуара*, сидевшего на олене и ехавшего по направлению к нему. В правой руке он держал плеть, увешанную бубенчиками, и удары ее звучали, как раскаты грома. Подъехав к *дзуар лагу*, он сказал: «Ступай и скажи, чтоб аул (Кани) принес мне жертву и праздновал

этот день, а Куговым скажи, что все они в непродолжительном времени пропадут!» Не прошло и одного года, как все Куговы перевелись, так сильно был разгневан *Ног дзуар* этой фамилией [8, 376]. Таким образом, связь между *Ног-Дзуар* и божеством массовых эпидемий *Рыны бардуаг* очевидна.

Зарождение культа *Рыны бардуаг* у осетин относят к периоду монгольского нашествия и оттеснения алан-осетин в горы. Согласно народным приданиям, «в этот период Осетия была охвачена какими-то страшными болезнями, от которых вымирали целые селения» [3, 255]. Это подтверждает и то, что жители Даргавса, произнося молитву *Рыны бардуаг*, просят уберечь их от времен, случившихся прежде «*иу хатты заман мауал скæна*».

Легенда «История Дагома» записанная А. Скачковым, воссоздает одну из многочисленных трагедий, связанных с чумной эпидемией в Осетии в конце XVIII – начале XIX вв., когда осетинский народ находился на грани вымирания. Эта история о братьях Дагиевых, обнаруживших сундук, наглухо окованный железом. Вообразив, что в нем хранятся сокровища, братья привезли его домой, но вскрыв сундук, обнаружили в нем труп ребенка, умершего от чумы. Эпидемия стала распространяться, а дагомцы, узнав причину появления болезни, решили принести очистительную жертву перед *Рыны бардуагом*. Семейство Дагиевых, вместе со своим скотом были подожены. Но *Рыны бардуаг* не принял жертвы, напротив эпидемия усилилась. В результате трагедии, вымерло три четверти жителей Дагома [9, 221]. Для умилоствления *Рыны бардуага* у осетин существовал определенный обряд. Узнав, что в таком-то ауле появилась эпидемия или падеж скота, жители одного из соседних аулов собирались на «*ныхас*» и призвав вещего старика, предлагали ему бросить жребий, кому из молодых людей участвовать в хоре. Вынув жребий, молодые люди составляли хор и с трещотками в руках отправлялись по аулам, распевая песни духовные и светские. Приближаясь к аулу, они останавливались, становились в кружок и пели протяжно песнь *Рыны бардуагу*: «Ой, *Рыны бардуаг*! От тебя наши болезни и здоровье. Сохрани этот аул от твоего гнева, старые и молодые – твои гости». Затем призывались все святые, причем имена их произносились во множественном числе. Жители аула встречали певчих, приглашали их на площадь и щедро угощали. Подвижный хор в каждом ауле делал ночевку, не переставая петь день и ночь. Жители за это дарили им быков, коров, баранов и прочее. Из набранного скота лучшие животные, по воз-

вращении в аул, приносились в жертву *Рыны бардуагу*, остальные же делились подворно, и затем каждый хозяин откармливал «нывонда» ко дню *Рыны бардуага* [10].

Память о том, к чему может привести эпидемии чумы или холеры, не покидала переселившихся с гор на равнину осетин. Почитание *Ног дзуар* городскими осетинами прошлого, естественна, особенно учитывая случившуюся эпидемию 1892 года, когда на Осетинской слободке свирепствовала холера. Владикавказские осетины на свои средства возвели святилище, которое посвятили *Ног дзуар*. Дни и ночи, одетые в рубища и с босыми ногами, многие проводили в коленопреклонной молитве у *Ног-дзуара*. Все осетины Владикавказа ежегодно в августе месяце собирались сюда для молитвы. Согласно устных преданий, лишь благодаря жертвоприношениям и массовым молениям не раз спасали себя от несчастий.

Каждый год в день празднования, у святилища на «молельной поляне осетин» собиралось все Владикавказское общество. Проводились состязания в традиционных видах спорта: борьбе, толкании камня, скачках, проводились и слушания сказителей, которые, повествовали о героических предках осетинского народа, провозглашались имена самых лучших, самых ловких и благородных юношей Владикавказа, а также состоялись негласные смотрины самых красивых и благородных девушек округа.

Святилище, построенное в 1892 году, сохранилось до 90-х годов XX столетия. Оно значительно обветшало, и жители Осетинской слободки построили новое святилище, посвятив его *Хуыцауы дзуару*. Возле этого святилища ежегодно в последнее воскресенье августа отмечается праздник покровителя Осетинской слободки.

Таким образом, пространство городской культуры, в частности Осетинской слободки с православным храмом Пресвятой Богородицы в центре, сохраняло и традиционную духовную культуру, а городские власти создавали для этого условия.

Примечания

1. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начала XX вв.)//Известия СОИГСИ. Вып.10 (49) 2013.
2. Б. И. Ног Дзуар // Терская жизнь.1914. № 90.
3. Тхостов И. Верования осетин // Терские ведомости. 1987. №12.
4. Калоев Б. А. Осетины // Народы Кавказа. Серия «Народы мира».

Т. I, М., 1960.

5. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.

6. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.

7. Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Кн.1 Владикавказ. 2007. 551 с.

8. Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1998.

9. Легенды и предания осетин записанные А. Скачковым // ПП-КОО. Кн.6.

10. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. IX. Тифлис. 1876.

И. В. БОЦОЕВА,
аспирант СОГУ им. К.Л. Хетагурова

ХЕТАГ. МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В данной статье обосновывается идея историчности Хетага и его роли в генезисе родов средневекового Туалгома. Что, в свою очередь требует уточнения вопросов о происхождении Хетага, времени и местах проживания, связанных с ним реальных событий, по достоверности генеалогии ряда родов Осетии. Актуальность исследования определяется возросшим интересом общественности к своим корням и значением культового объекта, переход святыни на общенациональный уровень, представлением о герое как личности в истории средневековой Осетии.

Ключевые слова: роща Хетага, род, фамилия, предание, легенда, культ

Далеко за пределами Осетии известна роща Уастырджи Хетага как культовый и природный объект национального наследия. Множество преданий и легенд связано с этим удивительным местом и именем героя Хетага, почитаемого во всех уголках Осетии как родоначальника десятков фамилий Юга и Севера.

Роща Уастырджи Хетага, с давних пор почитаемая осетинами как святое место, расположена в Алагирском районе, в междуречье Ардона и Фиагдона, в 800 м от трассы Владикавказ-Алагир, в 30 км к северо-западу от столицы РСО-Алания, на высоте 600 м над уровнем моря и представляет собой островной реликтовый лес, площадью 13 га.

Летом 1989 года, когда в СССР резко ухудшилась внутривнутриполитическая обстановка и многие народы старались организовать перед лицом надвигавшегося хаоса, представители осетинской молодежи выступили инициаторами проведения схода своего народа и общенационального культового мероприятия в роще Уастырджи Хетага. Если до этих событий роща считалась местом поклонения жителей только близлежащих сел, то отныне здесь ежегодно стали собираться

со всех уголков Осетии в дни поклонения божеству, и святое место стало святыней всего народа. Возросшая популярность рощи дала определенный толчок тому, что резко усилился интерес и к личности Хетага, его роли в истории средневекового Туалгома.

Чрезвычайно актуализировался вопрос о реальности существования этого героя, его корнях, этапах жизни, связанных с ним событий, истории прямых потомков. Обозначенная проблема требует внимательного и серьезного анализа существующей научной литературы, обобщения результатов всех исследований на данный период времени.

Целью нашего исследования, исходя из выше отмеченного, мы считаем выяснение историчности Хетага и его роли в генезисе родов средневекового Туалгома. Это, в свою очередь требует уточнения вопросов о происхождении Хетага, времени и местах проживания, связанных с ним реальных событий, по достоверности генеалогии ряда родов Осетии.

Актуальность исследования определяется возросшим интересом общественности к своим корням и значением культового объекта, переход святилища на общенациональный уровень, представлением о герое как личности в истории средневековой Осетии.

О происхождении Хетага имеются различные версии легенд и преданий. Согласно основной версии, Хетаг является младшим сыном кабардинского князя Инала. У него было три сына: Хетаг, Биаслан и Тасолтан. Хетаг принял христианство и тем самым вызвал всеобщее недовольство родни. От него потребовали отказаться от христианской веры, и когда он не согласился, родственники решили его убить. Один близкий товарищ предупредил Хетага, и тот сел на коня и стал спасаться бегством. Узнав об этом, братья бросились в погоню и гнали за ним до Эльхотовских ворот. В конечном счете, Хетагу удалось добраться до местности Суадаг. Здесь он услышал крик из лесу: «Хетаг! В лес! В лес!» Однако до леса было еще далеко, и Хетаг, видя, что не сможет добраться до него, попросил лес выйти к нему навстречу криком: «Не Хетаг к лесу, а лес к Хетагу! («Хетæгæн йæ бон хъæдмæ нал у, фæлæ хъæд – Хетæгмæ!»). И вдруг огромный участок леса из окрестности над Бирагъзангом отделился и сел вокруг Хетага. Враги в страхе бежали, а Хетаг избавился таким чудесным образом и прожил в лесу около года [1,638-639].

Эту версию мы находим у К. Л. Хетагурова в его этнографическом очерке «Особа». Старший брат Хетага Биаслан стал родона-

чальником кабардинских князей, а второй, Асламбек был бездетным [2,9].

Впервые это предание было записано академиком Шёгренем в 40-х годах 19 века [3,48-49] и с небольшими расхождениями мы находим его у Б. А. Калоева [4,281] и А. Хетагурова [5,183-184].

Собственно говоря, А. Л. Хетагуров приводит две версии. В первом случае, Хетаг был младшим сыном кабардинского князя Инала и, пребывая в молодости в качестве заложника на юге России, принял христианство. По второй версии, он был послан отцом в Крым на учебу и там принял христианство.

Одним словом, все авторы, которые говорят о кабардинском происхождении Хетага, отмечают причиной бегства его из отцовского дома именно принятие христианской веры. В данном случае размолвка по вопросу религии ведёт к конфликту и родня готова даже лишить его жизни. При этом, по поэме Коста, Хетага предупреждает возлюбленная, а по народному преданию – некий доброжелатель. По всем версиям кабардинский княжич бежит в Осетию, и в местности Суадаг происходит его чудесное спасение. На помощь ему приходит сам покровитель мужчин – Уастырджи.

Кроме отмеченного, существуют другие версии происхождения Хетага. Так, например, для К. Л. Хетагурова это просто знаменитый разбойник-осетин. Судя по тексту «Особа», Коста откровенно сомневается в кабардинском происхождении своего предка и более чем ясно указывает на причины изобретения подобной родословной. Производя себя от переселившегося из-за Кубани княжича, нарцы Хетагуровы как бы увеличивали свои шансы, добиваясь дворянства, ссылаясь на соответствующие грамоты грузинских царей, дарованные за военные услуги задолго до присоединения Грузии к Осетии [2, 9].

Согласно Ю. С. Гаглойти был совершенно другой Хетаг, который жил в период правления грузинской царицы Тамары. В то время дагестанцы напали на мохевцев (осетины Дарьяла) и по просьбе Тамары, герой со своим нарским отрядом приходит им на помощь. После этих событий царица подарила Хетагу ряд сёл и закрепила за ним право облагать данью мохевцев [6, 20].

Таким образом, существуют три версии по происхождению Хетага: Хетаг-сын кабардинского князя, Хетаг-знаменитый разбойник и Хетаг-знаменитый герой, который по просьбе царицы Тамары спасает мохевцев от дагестанских грабителей.

Отсюда возникает необходимость уточнения времени жизни Хетага. К. Л. Хетагуров называет следующую родословную: Хетаг-Гео́ргия – Ма́ми-Го́ци-Зи́да-Амра́н-Аса́-Ели́збар-Лева́н-Ко́ста [2,9-10].

Подобную генеалогию для Андукапара приводит Ф.Х. Хозиев: Хетаг-Га́джи-Га́джибиси-Би́цо-Лева́н-Гу́ба-Га́ба-Хо́сро-Леуа́н-Андукапа́р [7,83].

Если взять за срок жизни одного человека от рождения до рождения у него сына, то получается для десяти поколений около 300 лет и время жизни Хетага следует отнести к концу 16 – началу 17 вв.

Сторонники кабардинского происхождения Хетага прочерчивают путь его появления и поселения на Нарском утесе. По одной версии, как об этом пишет К. Л. Хетагуров, он прибыл в Нарскую котловину через Стырхохский перевал по Куртатинскому ущелью, так как другой путь по Алагирско-Касарскому ущелью был менее доступен и по природным, и по искусственным преградам. На это, по мнению поэта, указывает и то, что осетины Куртатинского ущелья особенно свято чтут память Хетага [2,10; 4,56].

Совершенно по-другому описывает появление Хетага в Туалгоме А. Л. Хетагуров. Наш герой какой-то период пожил в местечке Суадаг, близ рощи. Живя здесь, он делал набеги на Кабарду, угоняя скот и похищая иногда даже детей. Вероятно эти подвиги заставили организовать охоту на Хетага, и он вынужден был перебраться выше по течению реки Ардон в местечко, называемое Бирагъзанг. Вскоре обстоятельства в виде нового нажима со стороны врагов заставили его покинуть Бирагъзанг и углубиться в Алагирское ущелье до селения Цми, где он прожил тоже некоторое время, а потом перебрался в селение Нар и окончательно устроился на скалистом мысе, образуемый сливающимися здесь двумя реками [5,185].

Как бы то ни было, но Хетаг оказался в районе Зарамага – Цми. Здесь он сдружился с жителем Зарамага Бигула. Через несколько лет тот выдал за Хетага свою дочь и выделил им земли для поселения в районе Тара [1,6].

Здесь он обосновался первоначально в Сласе. В дальнейшем, во время охоты Хетаг убил на Нарском утесе оленя и воспринял это как знамение, которое послужило поводом для строительства дома на этом месте [2,10;7,83]

Там у него родились дети, внуки и правнуки. Его огромное потомство заселило Большой Нар, Гуркумское, Фаллагкомское и Джинатское ущелья.

Заслуживает уточнения и сфера деятельности Хетага в годы жизни в Осетии. Только по информации Н. Дж. Гиеова, поселившийся в Наре Хетаг запахал землю и вырастил хороший урожай зерна. Это убедило его окончательно осесть в Наре [1,169].

По основной версии, будучи по происхождению кабардинским княжичем, он не стал утруждать себя занятием сельским хозяйством или каким-то ремеслом, а просто стал промышлять разбоем. При этом, по А. Хетагурову, мы узнаем, что он похищал детей и продавал их в Тбилиси. На это же указывает К. Л. Хетагуров и сообщает знаменитое предание о полученном совете от старика за трех невольников [2,10]. По тексту, рассказанному Джанаевым Коста, Хетаг получил три совета за одного невольника: 1. Если в пути тебя застигнет ночь и тебя пригласят в дом на ночлег, то не отказывайся; 2. Если тебя спросят о том, кто лучше-женщина или мужчина, то не ошибись и не похвали вперёд мужчины женщину; 3. Если в гневе ты схватишься за кинжал и захочешь кого-либо убить, то удержи своей левой рукой правую [1,640].

По К. Л. Хетагурову, именно благодаря последнему совету Хетаг не убил собственного сына. На то, что Хетаг-княжич был работорговцем и грабителем, указывают и другие авторы.

Совершенно другим видится Хетаг-герой, который жил в 12-13 вв. во времена правления царицы Тамары. О сфере его трудовой деятельности ничего не известно, но по тексту можно предполагать, что он был обычным горцем Туалгома и занимался, как и все, скотоводством и земледелием. После разгрома дагестанских разбойников он мог жить на получаемую дань от подчиненного ему населения.

Таким образом, подводя итог предварительные итоги, можно отметить существование трех основных версий происхождения рассматриваемого образа, согласно которым Хетаг – княжич, Хетаг-разбойник и Хетаг-герой. Причиной появления Хетага-княжича является принятие им христианства и угроза убийства его родственниками-мусульманами. В районе местности Суадаг беглеца чудесным образом спасает Уастырджи. В дальнейшем Хетаг, поменяв несколько раз место проживания, в конце концов оседает в Наре и промышляет разбоем и работорговлей.

Что касается Хетага-героя, то он был изначально нарцем и вёл мирный образ жизни. После успешной боевой операции по просьбе царицы Тамары, ему передают в подчинении значительное количество сел.

Разница между временем жизни Хетага-княжича и Хетага-героя получается не менее 400 лет, что позволяет говорить о совершенно разных личностях.

РОД ХЕТАГА. Поселившись на Нарском утёсе, Хетаг прожил несколько лет со своей супругой, но у них не было детей. Дочь Бигула вскоре умерла и согласно текстам преданий Хетаг женился на дочери грузинского царя. Она родила ему сына Георгия [1,639].

По К. Л. Хетагурову у Хетага было два сына: Георгий и Гаджи. От них произошли две линии рода Хетага со множеством разветвлений каждая. Коста занимает место в линии Георгия и по прадеду своему он Хетагуров-Асаев. Сам Андукпар происходит от Хетага по линии Гаджи и по прадеду члены этой ветви Хетагуровы-Губаевы [5,184].

К. Л. Хетагуров по генеалогии является потомком правнука Хетага прославленного героя-единоборца Гоци, возглавившего в своё время (в нач.18 в.) войско Туалгома, ушедшее на помощь Грузии [2,9].

Подвиги его описаны в книге Давида Хетагурова «Гоци». Герой был небольшого роста. Он сразил в единоборстве персидского великана и получил от грузинского царя с соответствующей надписью и грамотой серебряную чашу [2,10]

Потомство Хетага расселялось вокруг Нарского утёса и к 1900 году уже заселило небольшие сёла вокруг Нара и в Гуркумском, Джинатском, Фаллагкомском и Цмийском ущельях. Таких сёл в общей сложности было 33 села [7,83]

Так, например, часть поляны Пота, Слас и Засых, да ещё Джинатское ущелье, а позднее и Цми, населяли потомки Гаджи, Цуци и Гуыба. В дальнейшем они переселились в Ставрополье, в Южную Осетию и Грузию [9,12]. Согласно А. Л. Хетагурову и Ф. Х. Хозиеву Гаджи был младшим сыном Хетага и у него был только один брат-Георгий. Это подтверждается и генеалогической таблицей Т. Бурнацева. Однако это не единственное несоответствие в тех узлах родства, которые называют разные авторы. Согласно документу опубликованному в газете «Иверия» за 1980 о селении Кульбити, место этого селения было пожаловано Давидом Строителем предком фамилии Окропиридзе-Чочишвилиевых, которые переселились из Осетии [10,161]. Чочиевы являются юго-осетинской веткой фамилии Цуциевых [9,14].

Принимая во внимание время правления Давида Строителя (1089-1123), выдавшего давно обосновавшимся на Юге Цуциевым-Чочиевым разрешение на создание нового села. Рождение их

предка Хетага надобно отнести, по меньшей мере, к 9-10 векам.

Несколько иную генеалогию даёт Коста Джанаев для потомства Хетага. Он называет только одного сына Хетага-Георгия, а у него родился сын Мами, имевший пять сыновей: Дзанай, Гоцџи, Джо, Бырнац и Гаджи [1,641]

То есть Гаджи оказывается правнуком, а не сыном Хетага, и вместе с Гоци участвует в грузинском походе начала 18 века.

Особого рассмотрения заслуживает родовая группа Джоевых, численность которых в несколько десятков тысяч человек за три века представляется невозможной. Ведь Джо был правнуком Хетага и следовательно, жил в начале 18 века. Если речь идет о сыне кабардинского князя Инала. Ведь в родовую группу входят: Джоевы, Гоевы, Дзоевы, Хубуловы, Гассиевы, Кокоевы, Магкоевы, Битиевы, Бабатаевы, Карсановы и Остаевы. И это при учете событий первой половины 19 века, когда большая часть населения Осетии погибла в борьбе за свободу, от голода и болезней, была продана в рабство в Персию и Турцию.

Несоответствие выявляется и по фамилии Тотиевых, ведущих своё происхождение от ещё одного правнука Хетага [9,12]. Однако Тотиевы считаются Царазоновыми и выходцами из Нузала [7,106] и поселились в с. Засых Зругского ущелья. Список подобных несоответствий можно продолжить.

Таким образом, исходя из анализа основных текстов по Хетагу, можно отметить наличие явных противоречий в биографии княжича и его потомства.

Существование ряда фамилий задолго до появления сына Инала в Осетии не может вызывать сомнений. Очевидно они просто объединены на легендарной основе с Хетаговскими родами.

С другой стороны реальным представляется существование другого Хетага, от которого и могли произойти целый ряд фамилий, причисленных уже позднее к потомству кабардинца.

Особого внимания заслуживают роды Гуркумского ущелья: Зидахановы, Дзапаровы, Еналдиевы, Цабиевы, Дзанаевы, Бурнацевы, Отаровы и др. Из грамот грузинских царей, уцелевших в фамилии Хетагуровых, самая ранняя-пожалованная царём карталинским Арчилом (1730-1736) Зидахану сыну Гоци. Ещё несколько грамот были в дальнейшем получены сынами и внуками Зидахана. Александр же, внук царя Вахтанга, пожаловал грамоту «нарскому князю Махамату Зидаханову [2,11]

Очевидно, что все эти документы могут говорить достаточно ясно о явной необходимости изобретения для хетаговских фамилий особых корней происхождения. Кроме того, как это нам предсказывается, нельзя исключать употребление в группе родов Хетаговых в разные периоды своего существования одного и того же имени по отношению к своим представителям.

Подводя итог проведённому исследованию сведений о Хетаге можно отметить мифологические основы не только по поводу чудесного спасения, но и его кабардинских корней. Миф-предание в трёх советах и, возможно, женитьба на грузинской принцессе.

К сожалению, мы пока не располагаем достаточным количеством информации по данной тематике, но уже сегодня можно обозначить большую реальность и историчность Хетага, жившего во времена царицы Тамары и осетина по происхождению

По вопросу происхождения от того или иного Хетага почти полсотни фамилий Туалгома не может быть однозначного ответа. По всей видимости, как это нам представляется, часть этих фамилий просто приписано к основной хетаговской группе родственных фамилий.

К легенде же о Хетаге-княжиче правильнее будет всё таки относиться как к мифу, созданному определёнными кругами населения Туалгома. Лучше всего об этом пишет сам К.Л. Хетагуров в своём «Особа». Предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь, в Наре, создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т.д. [2,9].

Нельзя не отметить и конкретного несоответствия во времени рождения и последовательности конкретных представителей потомков Хетага. Это заставляет предполагать существование нескольких Хетагов, из них наиболее реальными представляются представители Хетагуровых по грузинским документам.

Таким образом, нам известны Хетаг легендарный и исторический. Народная фантазия тесно переплела сведения о них. Но есть реальная история родов, интересы которых требовали связать их прошлое и настоящее через легенды и предания.

Примечания

1. Ирон адæмы сфæлдыстад. Дзæуджыхъæу, 2007. Т.1.
2. Хетагуров К. Л. Особа. Этнографический очерк. Владикавказ, 2012.
3. Шёгрэн А. М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998.
4. Калоев Б. А. Осетины. М., 1971.
5. Хетагуров А. Л. Воспоминания о Коста. М., 1941.
6. Гаглойти Ю. С. Из истории Восточной Осетии. Арвыком. Тырсы. Гудыком / Отчий край. Владикавказ, 2008.
7. Хозиев Ф. Х. Через Алагирское ущелье в Туалетию. Орджоникидзе, 1990.
8. Ванеев З. Н. Исторические известия об аланах-осах. Сталинир, 1941.
9. Наниев В. Н. К заселению долин Мамисондона, Зругдона и верховьев рек Джоджора и Большая Лиахва. Орджоникидзе, 1987.
10. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Владикавказ, 2007.

**А.Э. АЙЛАРОВ,
аспирант СОИГСИ**

АССИРИЙЦЫ В ОСЕТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается малоизвестная этническая группа ассирийцев в Осетии, история их появления на российской территории, процессы адаптации к новому, поликультурному окружению, деятельность культурно – благотворительного общества «Ниневия», его цели и задачи по сохранению ассирийской культуры.

Ключевые слова: ассирийцы, айсоры, культурно-благотворительное общество, обычаи, традиции, сохранность и возрождение

Ассирийцы – (айсоры, самоназвание – атурая), народ на Ближнем Востоке, живут в Иране, Ираке, Турции, Сирии, Иордании, Ливане, США. Общая численность 350 тысяч человек (1992), в том числе в Ираке (120 тыс.), Иране (100 тыс.), Турции (70 тыс.), США (46 тыс., 1998), Сирии (30 тыс.), в Российской Федерации (13,6 тыс., 2002). Основным местом проживания является Краснодарский край. Современный ассирийский (новосирийский) язык относится к семито-хамитской семье языков. Верующие ассирийцы – христиане, в основном несторианского толка.

20 мая 2000 года во Владикавказском «Доме дружбы» состоялась учредительное собрание ассирийского культурно-благотворительного общества «Ниневия», на котором были приняты Устав и Программа новой общественной организации, избран Совет и его председатель. Им стал владикавказец, ветеран Вооруженных Сил, воин-интернационалист Г.В. Павлов. Менее чем через месяц, 16 июня, «Ниневия» было официально зарегистрирована Управлении Минюста РФ по РСО – Алания. Учредители общества с самого начала сосредоточили свою деятельность на конкретных планах по возрождению во Владикавказе культурной жизни ассирийцев. Они прекрасно понимали, что зачастую современная молодежь из

национальных меньшинств России забывает о традициях своих народов, легкомысленно пренебрегая опытом старших поколений. Остро стоит проблема сохранения языка, знания истории, культуры и обычаев своих предков [1].

На фоне этих трудностей Межнациональное движение «Наша Осетия», объединившее национальные культурные центры, стало для «Ниневии» главным ориентиром в предстоящей работе. Для такой малочисленной диаспоры, как ассирийская, поддержка остальных национальных общественных организаций была жизненно важной.

Одной из главных задач общества «Ниневия» является изучение своих исторических корней. Ведь сегодня далеко не каждому среднестатистическому россиянину известно, кто такие ассирийцы и где их корни. Многие считают этот библейский народ давно исчезнувшим с лица земли. К счастью это не так. Чтобы хотя бы в общих чертах познакомиться с народом, имеющим более чем 6000-летнюю историю, необходимо заглянуть сквозь туман тысячелетий в далекое прошлое.

Еще из курса школьной истории древнего мира известно, что некогда на территории Двуречья (по-гречески Месопотамия, по-ассирийски Бит-Нахриин) существовал один из древнейших очагов человеческой цивилизации – Ассиро-вавилонская культура. Кто не слышал о «вавилонском столпотворении» или об одном из семи чудес света – «висячих садах Семирамиды» (Шаммурапат). Более осведомленные вспомнят о знаменитом своде законов вавилонского царя Хаммурапи (в переводе – «Благословение народов»), правившего во 2-м тысячелетии до н.э., и об огромной, по тем временам, державе – Ассирии, подчинившей своему политическому и культурному влиянию чуть ли не половину древнего мира. Опираясь на победоносную армию, Ассирия безраздельно доминировала на Ближнем Востоке, становясь носителем просвещения и прогресса во многих отраслях человеческой деятельности.

Сегодня, родина ассирийцев – Междуречье, равнина, образованная двумя великими реками, берущими начало с южных склонов Малого Кавказа, Евфратом и Тигром, – это безжизненная пустыня, где лишь иногда попадаются небольшие оазисы.

Особое внимание в древней ассирийской архитектуре уделялось воротам городов и дворцов, они были настоящими шедеврами зодчества. Таковы, например, были ворота богини Шитар в Вавилоне, украшенные разноцветными изразцами, ворота дворцов ассирийских царей в городах Ашшуре, Кальку, Ниневии. Они были украшены

монументальными изваяниями крылатых человеко-быков, добрых гениев, охранявших вход. Стены дворцов и храмов Ассирии всегда украшали великолепные рельефы, поражающие наших современников мастерством исполнения. Художники Ассирии первые попробовали отойти от линейного построения композиции, что по существу явилось революцией в изобразительном искусстве.

На основе ассирийского клиновидного письма, в Финикии, бывшей одной из провинций Ассирии, в городе Угарите, был создан первый в истории человеческой цивилизации буквенный алфавит. Финикийцы, будучи прекрасными мореплавателями, основывали колонии по всему Средиземному морю. Геродот в своей «Истории» пишет, что финикиец Кади основав колонию на острове Фера, раньше называвшемся Каллисто, встретил там спартанцев под предводительством Лакедемона познакомил их с алфавитом. Так буквенное письмо попало в Элладу. В Италию алфавит попал, скорее всего, через остров Сицилия, где на месте города Палермо была финикийская колония.

Само слово «алфавит» состоит из названий двух начальных букв латинского алфавита – «альфа» и «бета», не имеющих смыслового значения ни в итальянском, ни в другом европейском языке. Почти также звучат начальные буквы современного ассирийского языка, но они имеют в переводе с ассииро-арамейского конкретное значение: «алап» – бык, «бит» – дом, «гамал» – верблюд.

Интересен тот факт, что языком Иисуса Христа и его учеников многие исследователи считают западный диалект ассииро-арамейского языка. Некоторые даже склонны считать Христа ассирийцем. Например, у М. Булгакова в «Мастере и Маргарите» он называется сирийцем [2].

На этом языке была написана часть Библии и первоначальные Евангелия. Влияние и значение ассииро-арамейского алфавита было столь велико, что он лег в основу многих алфавитов мира.

Время царствования Ашшурбанипала было «золотым веком» Ассирии. Страна достигла наивысшего расцвета в политическом и культурном аспекте, тем не менее, всего через 20 лет после его смерти Ассирия утратила политическую независимость. В 612 г. до н.э. в результате предательства ассирийского наместника в Вавилоне Набупаласара, столица страны Ниневия была захвачена и разрушена. Последний ассирийский царь Синшарашкун поджег дворец своих предков и, не пожелав живым или мертвым попасть в руки врагов, бросился в пламя.

Но потеря государственности не привела к исчезновению ассирийцев, как народа. Они продолжали хранить свои традиции, язык и письменность. Особое значение имело принятие ими христианства, оно сделало невозможной ассимиляцию с окружающим, преимущественно мусульманским населением.

Со времен первых крестовых походов, крестоносцы были удивлены, найдя по пути в Святую Землю города христиан – маронитов, последователей монаха – аскета Мар-Марона, жившего на стыке 4-5-вв. В переводе со средневекового ассирийского языка, Марон означает «мой господин», позднее к нему добавили «Мар» – святой. Последующие патриархи ставили это имя перед своим собственным. В 7 веке н.э. им стал Мар-Марон Юханнан. В 11 в. ассирийцы марониты заключили союз (унию) с Римом, получив поддержку всего католического мира. Знаменитый король Франции Людовик XIV в 1649 г. выдал им грамоты, гарантировавшие его покровительство и дававшие политические, религиозные привилегии на территории всего Ливана. С тех пор Франция не изменяла своему слову, и когда в 1943 году эмигрантское французское правительство Шарля де Голля объявило о независимости Ливана, то президентами в этой стране могли быть только ассирийцы – марониты. В Ливане теперь действуют две наиболее влиятельные партии маронитов: «Аль-Катаиб» и «Национал-либеральная», более известная как «Анн-Нумур» («Тигры») и входящая в так называемые правохристианские политические группировки [3, 219]. Такова судьба западных ассирийцев.

Более трагичная история ожидала их восточных собратьев, живших в Турции и Иране. Персидские шах приобрели славу гонителей христиан, самым безжалостным из них был шах Шапур II, который замучил и убил тысячи христиан во главе с патриархом Мар-Шимуном (Святым Симоном) Бар-Саббазом в 341 году.

Гонения на ассирийцев на Ближнем Востоке не прекращались никогда, а во время 1-ой Мировой войны православные ассирийцы, поддерживавшие русскую армию, как и их армянские собратья по вере, подверглись османскому геноциду. Мужественное противостояние огромной турецкой армии возглавил духовный лидер народа Мар – Шимун Беньямин. Но силы были неравны, и тогда погибло более 500 тысяч человек. Покинув свою историческую родину, ассирийцы рассеялись по всему миру. Часть их осела в Закавказье, другие пришли на Кубань, основав селение Урмия. Некоторые в 1918-20 гг. поселились во Владикавказе, преимущественно на Курской Слободке, где до 1937 года функционировала ассирийская школа.

В годы Великой Отечественной Войны из 24 тысяч ассирийцев, живших в СССР, две тысячи ушли на фронт. Трое стали Героями Советского Союза. Один из них, Ладо Шириншаевич Давыдов, коренной владикавказец. Рискую жизнью он в одиночку спас от фашистской расправы белорусское село Шарипино, а затем добыл документы, оказавшиеся ключевыми при прорыве всей фашистской обороны на Западной Двине.

В мирное время ассирийцы заявляли о себе, как известные деятели науки, культуры, политики. Прославленная во всем мире королева биоэнергетики, Джуна Давиташвили, президент Ассоциации ассирийцев Москвы, жила некоторое время во Владикавказе (тогдашнем Орджоникидзе). Долгое время Полномочным Представителем Президента России в Осетии и Ингушетии по вопросам урегулирования осетино-ингушского конфликта 1992 года был Владимир Каламанов, первый президент Ассирийского Конгресса.

Сегодня культурно-благотворительное общество «Ниневия», которое возглавляет Раззо Георгиевич Саумов, все еще на пути становления и много проблем предстоит решить для реализации намеченных планов. В первую очередь это приобретение учебной ассирийской литературы для обучения языку и создания для этого класса. Большое значение для ассирийцев имеет актуализация исторической памяти, трагических страниц истории геноцида ассирийского народа. Вместе с ассирийскими общинами Москвы и других российских городов они принимали участие в акциях памяти жертв геноцида [4,70].

Но трудности не пугают людей. Несмотря на свою малочисленность, члены ассирийской общины полны желания жить полноценной жизнью, быть полезными обществу, вместе с другими братскими народами Северной Осетии стремятся к миру и добру.

Примечания

1. Полевой материал автора, 2013.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита. М., 1984.
3. Канукова З.В., Федосова Е.В. Этнокультурное пространство Северной Осетии: историко-социологический анализ. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
4. Туаева Б.В. Национально-культурная автономия на Северном Кавказе: исторический опыт и современные проблемы // Известия СОИГСИ. Вып.3(42) 2009.

III. ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКЕ, ФОЛЬКЛОРЕ, МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ф. О. АБАЕВА,
соискатель СОИГСИ

ПОСЛЕСВАДЕБНЫЙ ЦИКЛ ОСЕТИН: ОБРЯДОВЫЙ ТЕКСТ ТЁЩИ (УСЫ МАДЫ АГЪДАУ)

*В послесвадебном цикле осетин персонаж чындзы мад мать невесты преобразуется в новый персонаж, приобретая ещё одну номинацию усы мад тёща, прочтению обрядового текста которой мы посвятили данное сообщение. Термин персонажного кода послесвадебного обрядового текста осетин **усы** мад относится к тексту жениха, который со дня свадьбы по отношению к ней именуется зятем **сияхс**.*

Ключевые слова: обрядовый текст, персонажный код, обрядовая лексика.

Наименование обряда акционального кода послесвадебного этапа **сияхсы хуынд**, в котором мы попытаемся определить функции

и роль персонажей, в нём участвующих, следует рассматривать в оппозиции с предсвадебным термином акционального кода **сиахсы цыд**. Мотивирующими основами перечисленных терминов являются **хонын**, букв. звать и **цауын**, букв. идти, которые переходят в существительные **хуынд**, букв. приглашение и **цыд**, букв. визит (приход) в составе словосочетаний, образующих наименования обрядов.

Лексическое значение, на наш взгляд, в полной мере отражает специфику ритуалов и роль его участников: в первом случае, жених **мойаг** выступает инициатором встречи с матерью и родными невесты, а во втором – **усы мад**, уже **тёща**, специально приглашает мужа дочери **сиахс** в дом родителей его жены.

Обряд приглашения зятя **сиахсы хуынд** в дом родителей его жены имеет целью, по нашему мнению, довершить свадебный мотив «соединение/объединение». Обряд приглашения зятя – это визит-знакомство, в процессе которого происходило приобщение мужа дочери к семье жены, что в полной мере указывает на матернитет, бывший широко распространённым в древности.

Обрядовый текст тёщи отмечен присутствием в нём подарка матери жены **усы мадаен лавæр** (в прошлом – это были отрезки дорогих тканей на платья, шёлковые платки, в настоящее время – золотое кольцо **заерин кбухдарæн**), что относится к его предметному коду. Кроме этого, тёща должна была преподнести бокал с пивом, специально сваренным для этого случая. Зять, в свою очередь, опустошал такой бокал и, производя вотивное приношение деньгами, возвращал его тёще. В таком двустороннем акте нами прочитывается семантика платы за молоко матери зятем тёще, где напиток, сваренный матерью жены, являлся символом материнского молока, а деньги, вложенные в пустой бокал – символ платы.

Рассмотрение символического значения предметного кода, сопровождающего обрядовый текст тёщи, очень важно. По авторитетному мнению Ш. Ф. Джикаева, кольцо **кбухдарæн**, букв. «то, что носят на руке», «имеет связь с индоевропейскими корнями осетин» [1, 86] и является **«аламает дзаума»** (предмет чуда. – Ф. А.) [1, 86]. Подарив тёще кольцо, зять тем самым принимал родных своей жены во главе с её матерью в свой род, в свой «круг». Символика кольца-подарка как предмета послесвадебного обрядового текста осетин соотносится с образом замкнутого круга, олицетворяя продолжительность и целостность.

В обрядовом тексте тёщи мы не можем обойти вниманием и ритуал сбора ею своего зятя во время первой косьбы *хосгæрдæн афон* в течение первого года после свадьбы. Согласно обычаю, тёща готовила ему необходимую еду и одежду, которые затем в качестве подношения передавала для него. Термин, обозначающий такой подарок-отправление, обозначается *подарок косарю хосдзауы хуын*. В предметный код такого подарка-отправления входят следующие реалии: белая войлочная шляпа *урс нымæтхуд*, черкеска *цухъхъа*, кожаные ноговицы *сæрак зæнгæйттæ*, кожаные чуваки *сæрак дзабыртæ*, сыр *цыхт*, ячменный или кукурузный хлеб *кæрдзын*.

Рассмотрим номинацию *хосдзауы хуын*. Данное словосочетание состоит из лексем *хосдзау* «косарь» и *хуын* «приношение/дар», т.е. термин дословно переводится как «приношение/подношение косарю». Ритуал своеобразного подношения матерью жены своему зятю *хосдзауы хуын* нами прочитывается опять-таки как семантика приобщения молодого мужа к семье его жены. Известно, что посвятельные акты в свадебной обрядности наиболее присущи его конечному (послесвадебному) циклу. В прошлом такой обряд, помимо бытового значения, несомненно, имел магический смысл. Участие *матери жены усы мад* в нём указывает на символику плодородия, а сам *подарок-подношение зятю по случаю сенокоса хосдзауы хуын* должен был обеспечить молодым плодородную и счастливую жизнь. Помимо этого, он [обряд] маркировал фактическое приобщение зятя к семье его молодой жены.

Наиболее ярким и значительным в послесвадебных церемониях, на наш взгляд, был обряд *хъайла æмæ хæбизджын*, букв. яичница и пирог с сыром, который заключался в том, что соседские девушки от имени тёщи приготавливали *яичницу для зятя сияхсы хъайла*, которую он должен был выкупить и съесть со своими друзьями. Ритуал совершался во время послесвадебного визита зятя *сияхсы цыд/сияхсы цыд йæ каистæм* в дом родителей его жены.

Вместе с яичницей зятю подавался *пирог с начинкой из сыра хæбизджын*, большего размера, чем обычные пироги, который тёща готовила специально по такому случаю. По словам наших информаторов, окружающие наблюдали, каким способом *зять сияхс* начнёт есть приготовленную для него *яичницу хъайла*, поскольку это могло «сказать» о том, была ли целомудренна невеста во время первой брачной ночи (локально). Информаторы также заметили, что зять

выкупал такую яичницу только в том случае, если невеста оказалось «честной», т.е. девственницей.

Как видим, в таком обрядовом акте тёща выступает в роли той, кому демонстрируют, была ли девственной её дочь или нет, поскольку ответственность за честность *девушки, выходящей замуж усаг*, она разделяла наравне со своим сыном – *родным братом невесты мады-зæнаг æфсымæр*. Нередко в случае нецеломудренности девушки, её с позором отправляли в *родительский дом цæгат*.

Свадебный обрядовый текст тёщи отмечен также такими терминами, как *кæрдзыны хæрд* и *каисты хуынд*.

Термин *кæрдзыны хæрд* означает послесвадебный ритуал приглашения в гости родителями зятя мать и отца их новой снохи, а обрядовая номинация *каисты хуынд* – это ответное приглашение родными новой невестки родителей зятя. Интересным нам видится термин *кæрдзыны хæрд*, поскольку его буквальное значение – «поедание хлеба» (подразумевается, совместное поедание хлеба двумя сторонами). В этом ритуале нами усматривается плодородная и сближающая соединительная символика хлеба. Хлеб здесь также маркирует ритуальный «переход». Замечено, что обрядовый свадебный хлеб часто бывает большого размера с обильными начинками, в данном обряде приготавливали именно такой.

Символически обряд *каисты хуынд* (где в термине мотивирующим словом является *хуынд*, букв. приглашение, и довершающая его [термин] лексема *каистæ*, букв. родственники жены, стоящая во множественном числе родительного (притяжательного) падежа), на наш взгляд, довершает знакомство и приобщение двух фамилий друг к другу.

По завершению этих обрядов обе стороны могли беспрепятственно посещать друг друга, близко общаться.

Участие тёщи замечено нами и в обряде по случаю рождения первого ребёнка их замужней дочерью. Мы относим такой обряд к послесвадебным актам, хотя многое указывает на его отношение к начальному этапу родинного обрядового текста осетин. Речь идёт об обрядовом комплексе приготовлений по случаю праздника в честь рождения мальчика *кæхи*, букв. чаша, а также приготовлений по случаю рождения девочки – *авдæнбæттæн*, букв. привязывание к колыбели.

К обряду *кæхи* относятся термины *кæхицæнаен*, букв. приготовление чаши (блюда), который обозначает указанный обряд, и термин

кæхицугуæг, букв. испрашивающая чашу (блюдо). Участие тёщи в обрядах *кæхи* и *авдæнбæттæн* заключалось в том, что именно она делала основные приготовления для ритуалов. *Усы мад* отправляла для новорожденного жертвенного быка или барана, одежду и остальные принадлежности для ребёнка.

Термином *кæхицугуæг* же обозначается персонаж молодой невестки, которая отправлялась в отчий дом родить первенца и соблюсти все обряды, связанные с этим (в прошлом). В более позднее время и в настоящем (локально) *кæхицугуæг* – это невестка, которая принимает подарки, необходимые продукты (*муку ссад*, *сыр цыхт*, *соль цаехх*), жертвенное животное *фыр* (самец обцы) и всё необходимое для совершения обрядов *кæхи* и *авдæнбæттæн* от своих родителей, в частности, от матери.

Интересно рассмотреть описательный термин *усы мад тёщи*. Самостоятельное название для персонажа «тёща» нами не обнаружено. Вариант *усы мад*, букв. мать жены, как видно, табуирован. С чем это может быть связано? Возможно, такое название имеет отношение к обычаю избегания зятем родных своей жены, мы усматриваем также в данном термине родства апотропейную семантику. Известно, что у осетин принято давать подобные названия и даже имена, чтобы избежать сглаза и пагубного влияния нечистой силы. Е.Б. Бесоловой замечено, что «со второй половины XIX в. система родства осетин считалась из за структурного принципа терминов родства описательной» [2, 58-68].

Подводя итог, мы можем сказать, что *обрядовый текст тёщи усы мады æгъдау*, её роль и функции в нём довольно широки и разносторонни. Участие тёщи в свадебных обрядах сосредоточенно в основном в послесвадебном цикле, поскольку в силу предельно строгого соблюдения осетинского *æгъдау* и сложившихся веками семейных укладов, она не могла до определённого момента вступить в обряд.

Мать невесты чындзы мад, а затем уже *мать жены усы мад* также проходила этапы инициации, как и её дочь, «умирающая» в процессе свадьбы и возрождающаяся в конце обряда. Переходность персонажа обуславливает участие – неучастие его в том или ином свадебном этапе.

Тёща как мать жены со стороны зятя находит глубокое почитание и уважение. Комплекс обрядов, связанных с этим, служит тому подтверждением.

Обоснованная связь матери с дочерью также играет роль в важности такого персонажа, как *тёща усы мад*, в обрядовом свадебном текст осетин.

Примечания:

1. Джыккайты Шамил. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2010 аз. 264 ф. / Джикаев Ш. Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2010. 264 с.

2. Бесолова Е.Б. Макроконцепт родства и свойства (тугхæстæгдзинад æмæ хионты амонæг макроконцепт) в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48).

**Е. Б. ДЗАПАРОВА,
кфн, нс СОИГСИ**

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПАРЕМИЙ В ПРОЦЕССЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Статья посвящена особенностям передачи в художественном переводе пословиц и поговорок осетинского языка. На материале некоторых прозаических произведений осетинской литературы и их русскоязычных переводов рассмотрены основные способы передачи паремиологических единиц оригинала, прослеживается эквивалентная/неэквивалентная передача экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенности исходных единиц. В статье автор попытался найти идентичные русские поговорки/пословицы осетинским паремиям, а там, где это невозможно, подобрать эквиваленты со схожим логическим содержанием.

Ключевые слова: художественный перевод, паремия, эквивалентность, исходный язык, исходный текст, переводящий язык, переводной текст.

Не секрет, что в поговорках и пословицах отражена мудрость и дух народа, его характер и образ мыслей; они отражают национально-культурные особенности народов, сходства и различия в их менталитете. Имея в основе обобщено-переносное значение, они всегда труднопереводимы с одного языка на другой. Трудность их перевода определяется и тем, что паремии обладают ярко коннотативным, образным значением.

Активное использование данных устойчивых речевых конструкций в художественных произведениях придают текстам красочность, особую стилистическую и эмоциональную окраску, которая непременно должна быть воспроизведена в переводном тексте. Переводчик художественного текста должен уметь находить их, раскрывать смысл и передавать с той же экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенностью, что и их аналоги в оригинале. По своей структуре паремии близко стоят к фразеологизмам, но все же имеют свои лингвистические особенности. «От остальных устойчивых единиц пословицы отличаются 1) своей синтаксической структурой: по-

словица – всегда четко оформленное предложение, и 2) тем, что единицы пословичного типа выражают суждение, обобщенную мысль, мораль (нравоучение) и т.д. в отличие от остальных ФЕ, обозначающих обычно понятие или предмет» [1, 179].

Переводчик художественного текста, сталкиваясь с проблемой перевода паремий, должен также стремиться сохранить их краткость, законченность, дидактическое содержание. «В любой культуре как пословицы, так и устойчивые выражения отражают «существующую действительность», социальную реальность, экстраполируя ее в устойчивой образной форме, принимаемой и распознаваемой всеми членами языкового сообщества, а язык перевода выкраивает эту социальную реальность с помощью своих средств, своего кода, и дает, таким образом, свой «оригинальный» вариант» [2, 282].

Способов передачи паремий исходного текста несколько. Прежде чем приступить к их переводу, переводчик для себя решает, какой способ передачи считает приоритетным. А.С. Киндеркнехт определяет, что в процессе переводческой деятельности существует множество противоречивых ситуаций, которые влияют на выбор переводчика: наличие/отсутствие контекста; однозначность/многозначность пословицы; наличие/отсутствие культурных реалий в пословице; различные цели перевода пословицы [3, 9].

На материале некоторых прозаических произведений осетинской литературы и их русскоязычных переводов рассмотрим основные способы передачи паремиологических единиц оригинала. В статье мы также попытаемся найти идентичные русские поговорки/пословицы осетинским паремиям [4], а там, где это невозможно, подобрать эквиваленты со схожим логическим содержанием.

1. Оптимальным способом передачи паремий исходного текста является нахождение в словаре переводящего языка готового соответствия. Эти поговорки/пословицы двух сопоставимых языков совпадают по смыслу и построены на основе идентичных образов. В так называемых полных эквивалентах совпадают образность и семантика составных компонентов паремий.

Примером идеального перевода может послужить передача в повести Нафи «Адæймаджы мæлæт» [5] – «Возвращение Урузмага» (пер. Н.Г. Джусойты) [6] следующих пословиц и поговорок: «Æдылы лæг фыдæбонай дарддæр цы кæны йæхицæн» – «Глупая голова и себе и другим покоя не дает» (рус. «Дурная (непутевая) голова ногам покоя не дает»), «Раджы бадаг æвæсмоны зарæг кæнаг» – «Кто рано встает,

добро находит» (рус. «Кто рано встает, тому Бог подает») [7], «Кæрцæй хæдон – хæстæгдæр» – «Рубаха к телу ближе, чем шуба» (рус. «Рубаха кафтана к телу ближе», «Своя рубашка к телу ближе», «Своя кожа рубахи дороже»).

Джусойты, как видим, находит в переводящем языке семантические эквиваленты паремиям переводимого текста с близкой образностью, русскоязычные варианты соответствуют осетинским.

Переводчик рассказа М. Цагараева «Мады зарæг» [8] – «Материнская песня» [9, 10] Б. Рунин также находил подходящие эквиваленты и использовал в переводе поговорки/пословицы русского языка. Например: «Ног цъылын мæрзаг у» – «Новая метла хорошо метет», «Бæлас йæ гыццылæй куынæ ’ртасын кæнай, уæд...» – «Дерево можно согнуть пока оно молодое».

Адекватная передача поговорок/пословиц повести А. Коцоева «Джанаспи» [11, 12] позволили переводчику В. Шкловскому сохранить в переводе семантику и образность исходных единиц: «Хорз ма ракæн æмæ фыд ма ссарай» – «Не делай добра, чтобы не получить зла», «Æнæ зынгæй фæздæг нæ ваййы» – «Бывает ли дым без огня», «Чи нæ кусы, уый хъуамæ хæргæ дæр ма кæна» – «Тот, кто не работает, тот не ест!».

Как видим, передача исходных паремий не составила труда для переводчиков, так как они используют поговорки и пословицы, действительно имеющиеся в переводящем языке. Передача исходных паремий с помощью равнозначных единиц помогает сохранить благозвучный эффект поговорки/пословицы, максимально воссоздать ее форму.

2. Наиболее распространенный способ передачи паремий оригинала в переводной текст – дословный перевод. К нему прибегает переводчик, когда не находит в языке перевода полного, частичного эквивалента или аналога. Этот способ перевода чреват потерей образности исходной единицы, но в то же время помогает передать ее национальную специфику. Обычно дословный перевод паремии требует определенного пояснения. Для этого автор перевода нередко «сопровождает» ее комментарием.

Сложность для переводчика повести «Возвращение Урузмага» Н. Г. Джусойты [13, 75], вызвал перевод поговорок и пословиц, не имеющих близких образных параллелей. В этом случае самопереводчик использует дословный перевод. В переводном тексте сохраняет лексическое значение слов, составляющих исходную паремию: «Куыдзы кой ракæн æмæ лæдзæг дæ къухмæ райс» – «Помянул собаку – возьми палку в руку» (рус. аналоги: «Легок на помине», «О вол-

ке помолвка, а волк и тут», «Говорили про волка, а волк у порога», «Про волка речь, а он навстречь», «Его помяни только, а он и тут»), «Зæронд бирæгъ дыгæйтта хæссы» – «Старый волк в одной пасти двух овец тащит» (рус. «Старый конь борозды не портит», «И стар, да удал – за двоих стал»), «Цард мыды къус куы уа, уæддæр дзы лæг сфæлмæцид» – «Попробуй три дня подряд мед есть – солому жевать согласишься» (рус. «Сладок мед, да не по две ложки в рот»), «Хорзæн бын ма скаен, æвзæрæн бын ма ныууадз» – «Дурному сыну не оставляй наследство» (рус. «Глупому сыну не в помощь наследство»), «Хойы зæрдæ æфсымæрма, æфсымæры зæрдæ та хъæдмæ» – «Сестрино сердце к брату стремится, а братино – в лес норовит» (рус. «Родительское сердце в детках, а детское в камешках», «Матернее сердце в детках, а детское в камне»), «Карды комыл оффытæй нал у» – «Под ножом кровника мольба – не спасение» (рус. «Чему быть, того не миновать», «Некуда оглядываться, когда смерть за плечами»).

Буквально переводит и следующие паремии: «Хæдзараразæг лæгæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзытты, дам, мæ куы авæра синаджы 'фсон» – «Человека, который дом себе строит, даже гадюка боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?» (рус. «Расчетливый хозяин найдет место каждому гвоздю»), «Æрæджиауы хорз ныхас афоныл æвзæр ныхасæй æвзæрдæр у...» – «Даже обычное слово, вовремя сказанное, лучше, чем запоздалая мудрость» (рус. «Все хорошо в свое время», «Всему свое время», «Всякой вещи свое время», «Во время поры точи топоры, а пройдет пора – не надо и топора», «Правда хороша вовремя»), «Нæдæр уæхст басыгъд, нæдæр физонæг» – «И шашлык не обуглился, и вертел не сгорел» (рус. «И волки сыты, и овцы целы»).

Для передачи пословицы оригинала «Мæгуырыл, дам, дур хæрдмæ тулы» в автопереводе повести «Мæ урс дадалитæ» [14] – «Мои седые кудри» [15] Т. Джатиев также использовал дословный перевод: «На бедного, говорят, и падающий камень вверх катится» (рус. «На бедняка и кадило чадит», «На бедного везде каплет»).

Для сохранения национального колорита исходных паремий переводчик повести М. Цагараева «Сау хохы фиййау» [16] – «Пастух Черной горы» [17] М. Блинкова прибегает к дословному их переводу: «Кæд ды рувас дæ, уæд æз та – дæ къæдзил» – «Будто ты лиса, а я ее хвост» (рус. «Хитрость на хитрость наталкивается»), «Сæ мыды къæм бахауд» – «Волосок попал в мед их дружбы» (рус. «Ложка дегтя в бочке меда», «Бочка меду, да ложка дегтю все испортит»), «Калм, дам, битъынайæ тарст æмæ йæ хъуынкъыл æрзад» – «Змея мяты боялась,

мѣта у еѣ норы выросла» (рус. «Где беде быть, там ее не миновать», «Как ни беречься, не миновать обжечься», «Бойся не бойся, а что будет, того не миновать», «Чему быть, того не миновать») и т.д.

Для передачи большинства паремий повести А. Коцюева «Джанаспи» переводчик В. Шкловский также выбрал дословный перевод, обеспечивающий сохранение национальной специфики оригинала. Примеры: «Иумæ дзыккайæ хицæн сир хуыздæр у» – «Своя мамалыга лучше общей дзыкки» (рус. «Свои сухари лучше чужих пирогов»), «Зонд кæстæрæй хистæры сæрыл нæу» – «Разум от возраста не зависит» (рус. «Ум бороды не ждет (не спрашивает)», «Стар годами, да молод умом», «Мудрость в голове, а не в бороде», «Ум не в летах, а в голове», «До седых волос дожил, а ума не нажил»), «Гæбæр бæх гæбæр бæхимæ хизы» – «Паршивая лошадь о паршивую чешется» (рус. «Рыбак рыбака видит издалека», «Знай сорока сороку, ворона ворону», «Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком», «Черт дьяволу родимый», «Свой своего знает (видит) издалека»), «Сæггъы мехъхъ бирæггъæн худæг...» – «Крик козы для волка потеха» (в значении: что хорошо одному, другому плохо [18:260-261]; рус. «Кошке игрушки, а мышке слезы»), «Саст кæрдзын ныхæсгæ нал кæны» – «Разломленный надвое чурек не соединишь» (рус. «Сделанного не воротишь», «Один пирог два раза не съешь», «Разлитую воду не соберешь», «Из отрезанных кусков каравая не сложишь»).

Аналогичная схема перевода наблюдается и в случае со следующими паремиологическими единицами рассказа М. Цагараева «Мады зарæг» – «Материнская песня»: «Цард цъайы дон нæу. Иу ран нæ лæууы» – «Жизнь – не вода в колоде, на месте не стоит» (рус. «Жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит»), «Æнæбары бæх дыгæйттæ хæссы» – «Подневольный конь двойную поклажу тянет» (рус. «Кто везет, того и нагружают (погоняют)», «Кто везет, на того и накладывают»).

Как показали рассмотренные нами примеры переводов паремий, переводчики старались передать исходные языковые элементы с помощью лексических эквивалентов или эквивалентных по семантике свободных сочетаний слов. Дословный перевод позволил переводчикам сохранить национально-культурное своеобразие переводимых единиц.

3. При передаче поговорок/пословиц оригинала некоторые переводчики прибегают к замене исходных паремий паремиологическими аналогами, наиболее подходящими по контексту. Замена исходной паремии другой, наиболее подходящей по смыслу, но имеющей в своей основе другой образ, чревата подменой местного колорита.

Эти поговорки/пословицы, как правило, отражают различный социальный уклад и быт двух народов. Так, осетинская паремия «Халон халон цæст нæ къахы», встречающаяся в повести А. Коцоева «Джанаспи» в значении «люди, связанные какими-либо общими интересами, не предадут друг друга, действуют заодно», заменена в переводе пословицей с такой же семантикой «Виновный виновного не выдаст». Хотя переводчик мог применить в тексте дословный перевод исходной паремии «Ворон ворону глаз не выклюет», существующей в паремиологическом фонде русского языка [19,49]. В русскоязычной пословице присутствует образ виновных, а в осетинской – образ ворона и его глаза (рус. аналоги: «Блоха блоху не ест», «Волк волка не съест»).

Паремию исходного текста «Хъавæггæй æхсæг фæраздæр уыдзæн» при переводе романа М. Цагараева «Сау хохы фиййау» – «Пастух Черной горы» М. Блинкова заменяет другой близкой по значению – «Приступивший к делу всегда опередит того, кто еще только руками размахивает». Здесь паремия в переводе построена на основе другого образа, но осетинский и русский варианты передают схожие смысловые ситуации.

Равнозначный семантический эквивалент найден переводчиком романа М. Булкаты «Нарты Сослана æвдæм балц» [20; 21] И. Булкаты при передаче паремии «Фидары мад нæ куыдта» (букв. «Мать сильного не рыдала») – «Береженного бог бережет». Здесь, как представляется, переводчиком используется ситуационный перевод. И. Булкаты заменяет исходную единицу готовым эквивалентом. Возможность замены исходной паремии эквивалентом переводящего языка необходима для разъяснения смысла пословицы/поговорки реципиентам принимающей культуры.

В отдельных случаях труднопереводимость паремий вынуждает переводчиков отказаться от них в переводном тексте. Так, переводчиком Н. Джусойты не представлены в повести «Возвращение Урузмага» следующие паремиологические единицы оригинала: «Зынгæгъынагъ ком нæ судзы» (рус. «Сколько не говори халва, во рту слаще не станет»), «Лæджы цæст фæллоуæ кæд æфсæст» (рус. «Глаз не накормишь», «Сытых глаз на свете нет», «Глаза шире брюха», «Весь сыт, а глаза все голодны»), «Алкамаен йæ лауыз – йæ мæрдтæн» (рус. «Каждому – свое», «Всяк сам себе дороже», «Всякому свое дороже»), «Хæрзæбонь йæ афоныл куына бацæуай, уæд мæлæт дæума æнхъæлмæ кæм кæсдзæни» (рус. «Торопись на доброе дело, а худое само при-

спеет»), «Царда́й ма́лаэты 'хса́н цыбы́р фа́ндаг ис» (рус. «От жизни до смерти – шаток» [22, 295]), «Ца́ст ка́й на́ уына, уый́ за́рда́йæ да́р рох у» (рус. «С глаз долой – из сердца вон»).

Не находя в переводящем языке взаимозаменяемых паремий оригинала, Т. Джатиев в автопереводе повести «Мои седые кудри» просто опускал их. В переводе отсутствуют аналоги следующих паремиологических единиц: «Тагъд дон фурды не 'ййафы» (букв. «Быстрая река не изливается в море»; рус. «Поспешишь – людей рассмешишь», «Быстрая вошка первая попадает на гребешок», «Быстрая лошадь скорее станет»), «Æргом дзырды къæм на́й» (букв. «В откровенности нет порока»; рус. «Правдивое слово – сила», «Правое слово велико», «Слово толковое стоит целкового»), «Ма́сыг хи ду́ра́й ха́лы» (букв. «Башню рушит собственный камень», «Башню разрушают ее же собственным камнем»; рус. «Клин клином вышибают (выбивают)», «Клин клином выживается, вор вором губится»), «Бас, дам, ка́й басудзы, уый́ доны́л да́р фу ка́ны» (рус. «Обжегшись на молоке, дует на простоквашу», «Кто обжегся на молоке, тот дует на воду»).

Не переданы в переводе романа М. Булкаты «Седьмой поход Со-слана Нарты» осетинские паремии «Ада́м, дам, фа́дисма́, куыйта́ та – къа́бизма́» (букв. «Люди в погоню, а собаки в кладовую»; рус. «Люди за дело, а дурак за безделье», «Люди жать, а мы под межою лежать», «Люди – горох молотить, а воры – замки колотить»), «Бы́ндз къу́ымæлы куы́ нымма́ла, уа́д дзы́ фа́нды ба́ра́й ныххауа́д, фа́нды а́наба́ры» (букв. «Если муха помрет в квасе, то уже не имеет значение, как она туда попала»; рус. «То, что случилось – не вернуть», «Что прошло, того уж не вернуть», «Поздним раскаянием сделанного не исправишь»).

Как правило, найти аналог пословице или поговорке исходного языка в переводящем довольно сложно. Переводчик неизбежно сталкивается с необходимостью передать культурные особенности, заключенные в паремиях. С подобной трудностью столкнулся И. Булкаты при передаче осетинской паремии «Ра́стаг ца́уы а́ма́ фарн йема́ ха́ссы». Исходная языковая единица не находит эквивалента в паремиологической системе переводящего языка – «Время работает на вас». Как нам кажется, переводчик не совсем верно донес формальные и семантические особенности переводимой единицы. В этом случае И. Булкаты мог найти в словаре переводящего языка подходящий аналог и использовать в переводном тексте единицу адекватную переводимой – «Утро вечера мудренее» или «Время лечит», «Время все излечит», «Время – лучший лекарь» [23, 67].

Переводчик рассказа М. Цагараева «Мады зарæг» Б. Рунин при передаче паремии «*Кæд цафæй нæ маелыс, уæд та дын рæхуыст*» (в значении: когда какой-то вещи недостаточно – требуется добавка [14,309]) отказывается от формального соответствия исходной паремии и дает развернутое пояснение ее значения, которое адекватно по содержанию, а не по форме – «*Если уж суждено человеку быть убитым, то для смерти безразлично – кинжалом его проткнут или дубинкой огреют*».

Бывают случаи, когда переводчик для придания тексту большей образности, выразительности специально насыщает его поговорками/пословицами. Чтобы передать смысл той или иной переводимой единицы использует готовую паремию, наиболее подходящую по контексту. Так, Н.Г. Джусойты в автопереводе повести «Возвращение Урузмага» единицу оригинала переводит поговоркой или пословицей: «*Нæ йын хъуыди дзурын*» – «Сказанное слово – что лавина в горах» (рус. «Слово не воробей, вылетит, не поймаешь», «Сказано – сделано», «Сказанное слово – пущенная стрела», «Выстрелив, пулю не схватишь, а слово сказав, не поймаешь», «Выговоренное слово уже нельзя проглотить», «Сказанное слово не может вернуться», «Рис рассыплешь – собрать можно, слово скажешь – назад не вернешь»), «*Уæлæмæ стгæ, æзронд хебро, афон у!*» – «Кто с зарей встает, того удача ждет!» (рус. «Раньше вставай да сам наживай!», «Наживать, так раньше вставать», «Кто пораньше встает, тот грибки себе берет, а сонливый да ленивый идет в поле за крапивой»), «*Нал ивын ма бынат*» – «От добра добро искать» (рус. «От добра добра не ищут»), «*Ныры дуджы бæхæн ницыуал аргъ ис*» – «Нынче коню, даже дареному, в зубы смотрят» (рус. «Дареному коню в зубы не смотрят»). Или вообще насыщал переводной текст следующими осетинскими поговорками и пословицами: «*И ворона свое гнездо за царский дом принимает*» (рус. «Всякая птица свое гнездо любит (хвалит)»), «*Старый вол воды попьет, а бычок лед полижет*» (рус. «Старик, да лучше семерых молодых», «Старый волк знает толк»), «*Чтобы плетень перейти, выбирай, где пониже*» (рус. «Нельзя перескочить, так можно подлезть», «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше»), «*Мужчина без хозяйки, как дом без крыши*» (рус. «Без жены мужчина, что вода без плотин», «Муж без жены – что гусь без воды», «Мез жены – что конь без узды»).

Иногда для передачи смысла подлинника переводчик повести «Мои седые кудри» Т. Джатиев использовал русские пословицы, старался приблизить перевод к принимающей культуре: «*Голь на выдумки горазда*», «*На людской роток не накинешь платок*», «*Куда иголка, туда и нитка*».

Таким образом, проблема передачи паремий оригинала одна из наисложнейших в переводоведении. Несмотря на сложность адекватного перевода паремий, переводчики осетиноязычных текстов в отдельных случаях находят в переводящем языке готовые паремиологические единицы. А там, где это невозможно, – близкие параллели с образно-семантическим соответствием или используют дословный перевод, способный передать национальную специфику исходного текста.

Примечания

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
2. Privat M. Ю. *Propos de la tradition des proverbs* // *Revista de Filologia Romanica*. №15, 1998. Р. 281-289. Цит. по ст.: Киндеркнехт А.С. К вопросу о переводе пословиц // *Вестник Пермского государственного технического университета*. Вып. 10 (16). Пермь, 2007.
3. Киндеркнехт А.С. К вопросу о переводе пословиц // *Вестник Пермского государственного технического университета*. Вып. 10 (16). Пермь, 2007.
4. Тменова Дз.Г. Осетинские пословицы, поговорки и загадки. Владикавказ: Ир, 2005. 104 с.; Осетинские (дигорские) народные пословицы и поговорки. Издание 2-ое перераб. и исправ / Отв. ред. Ф.М. Таказов. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2011. 214 с.
5. Нафи. Адæймаджы мæлæт. Уацау // Нафи. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976.
6. Джусойты Н.Г. Возвращение Урузмага. Повесть // Джусойты Н.Г. Реки вспять не текут. Повести. С осетинского перевел автор. М.: Советский писатель, 1981.
7. Фидарова Р.Я. Общее и особенное в осетинской повести 70-х годов XX века // *Известия СОИГСИ*. Вып.5 (44). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. С.69-82.
8. Цагараты М. Мады зарæг // Цæгæраты М. Равзæрст уацмыстæ. 2 т. 2-аг том. Орджоникидзе: Ир, 1976.
9. Цагараев М. Материнская песня. В кн. Цагараев М. Наследница. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1983.
10. Дзапарова Е.Б. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения (на материале перевода рассказа М. Цагараева «Мады зарæг» – «Материнская песня») // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. Вып.5. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.

11. Коцойты А. Джанаспи. Повесть // Коцойты А. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991.
12. Коцоев А. Джанаспи. Повесть. Пер. с осет. В. Шкловского // Коцоев А. Избранные рассказы. Перевод с осетинского. М.: Художественная литература, 1952.
13. Дзапарова Е.Б. Проблема передачи идиом и безэквивалентной лексики в авторском художественном переводе // Известия СОИГСИ. Вып. 6 (45). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011.
14. Дзадтиаты Т. Мæ урс дадалитæ. Назираеты радзырдтæ. Орджоникидзе, 1965.
15. Джатиев Т.И. Мои седые кудри. Повесть. Перевод автора // Джатиев Т. Мои седые кудри. Повести. Перевод с осетинского. М.: Советский писатель, 1972.
16. Цæгæраты М. Сау хохи фиййау. Повесть // Цæгæраты М. Равзæрст уацмыстæ. Дыууæ томæй. 1 т. Орджоникидзе: Ир, 1975. Ф. 213-318.
17. Цагараев М. Пастух Черной горы. Перевод М. Блинковой // Цагараев М. Осетинская быль. Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1965.
18. Осетинские (дигорские) народные изречения. На осетинском (дигорском) и русском языках [текст] / Из собрания Г.А. Дзагурова; 2-е изд., испр.; СОИГСИ, Сев.-Осет. респ. общ. организация любителей книги «Книга-Центр», ГУ Художественный музей им. М. Туганова. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2011. 376 с.
19. Русские пословицы и поговорки. Под редакцией В.П. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов; Б. Кирдан; В. Аникин. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
20. Булкаты М. Нарты Сосланы æвдæм балц. Роман. Цхинвал: Ирыстон, 1988. 279 с.
21. Булкаты М. Седьмой поход Сослана Нарты. Роман. Пер. с осет. М.: Советский писатель, 1989. 280 с.
22. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: в университетской типографии, 1862. 1159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/430153/> (дата обращения: 21.07.2013).
23. Русские пословицы и поговорки/Сост. Берсеньева К.Г. М.: Центрполиграф, 2009. 383 с.

**О. В. СЕЛИНА,
мнс ИЯЛИ ДНЦ РАН (г. Махачкала)**

ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Статья посвящена исследованию песенной традиции русского населения в Дагестане. Автор прослеживает в текстах русско-этническое взаимодействие, рассматривает идейно-тематическое разнообразие лирических песен. В статье также рассмотрены два основных цикла песен: бытовые и социальные. Большое внимание в статье отводится песенной символике, а также средствам характеристики героев – эпитетам.

Ключевые слова: фольклор, песня, этнография, национальная культура

Республика Дагестан – уникальное явление в мировой культуре. В Дагестане проживают более 30 коренных народов, в изобилии представлена народная культура – фольклор, хореография, этнография, художественные ремесла.

В Дагестане более 100 языков, из них около 30 коренных, удивительное многоцветье красок и орнаментов национальных костюмов, мелодика песен, чарующие звуки музыки и разнообразие народных инструментов. И все это на небольшой территории в 50 тыс. кв. км! [1].

Одним из коренных народов республики является русское население.

Первыми русскими, посетившими Дагестан еще в VII-VIII веках, были торговые люди, вывозившие на рынки Кавказа и Ближнего Востока меха, янтарь, воск и другие товары. Поселения казаков начали появляться еще в XVI веке, они принесли свою культуру, обычаи, традиции и, конечно, песни, которые стали взаимно обогащаться

благодаря тесному соседству русских и горцев; казаки и русские переселенцы селились в основном на незанятых горцами землях, а потому повода для конфликтов у них не было.

В 1588-1589 годы в устье реки Терек, на одном из ее притоков – Тюменке – была построена крепость Терки (Терский город), на территории которой обосновалось первое русское население в Дагестане. Они расселились по холмам и предгорьям вдоль реки Терек. Это были вольные люди, впоследствии получившие имя терских (по названию реки) и гребенских (в значении «горные») казаков, которые прибывали в край из разных уголков России: Дона, Волги, Рязани и т.д. В состав терских казаков вливались и представители северокавказских, в том числе и дагестанских народов.

В настоящее время русские – одним из крупнейших народов Дагестана, насчитывающий 150,1 тысяч человек, составляющих 7,9% населения республики [2, 4-5]. Живя в непосредственном соседстве с коренным населением края, переселенцы оказались в иноэтнической среде, что не могло не отразиться на укладе семейной жизни, на бытовой культуре, внешнем облике и характере русских переселенцев [3, 84].

Межкультурные взаимодействия способствуют обогащению, развитию региональных этнических культур. Вместе с тем следует отметить, что в традиционных этнических культурах народов данного региона присутствуют устойчивые компоненты, например, традиции, обычаи, обряды.

Русский песенный фольклор в Дагестане – один из ценнейших элементов русской национальной культуры; его носители – терские казаки и казачки – внесли свой вклад в сохранение культурного богатства нашей страны.

Культура русского населения Дагестана – явление самобытное, неординарное и своеобразное, она развивалась и продолжает развиваться по собственным канонам. Крупные русские поселения, располагающиеся в северной части Дагестана [4], издавна отличались своей оригинальной культурой.

Русский народ, веками соприкасавшийся с соседями-кавказцами, не только обогащал материальную и духовную культуру Дагестана, но и охотно многое у них перенимал.

Песни русского населения Дагестана составляют одну из важных частей русского быта. Собиратели песен не раз отмечали, что в песнях старые русские традиции сочетаются с кавказскими элемента-

ми, часто казачья песня исполняется под лезгинку и сопровождается соответствующими выкриками, а многие песни исполняются на двух языках [5, 93-95].

Многие песни русских переселенцев, пришедших на Терек из других областей России, подвергались изменениям. Вместо общерусской «шапки» появляется «кабардиночка», вместо «шубы» – «черная бурка». Эти слова прочно вошли в лексикон казаков. Характерной в этом отношении является песня «Полно вам, снежочки, на талой земле лежать».

Полно вам, снежочки, на талой земле лежать, Полно вам, казаченьки, горе горевать. Есть у нас, ребята, крупа и мука, Кашицы наварим, мягких хлебов напечем, Сложимся по денежке, пошлем за винцом. Выпьем мы по рюмочке, позавтракаем, Выпьем по другой, разговоры заведем. Выпьем мы по третьей, с горя песни запоем. Мы поем, поем про казачье житье,	Казачье житье право лучше всего. Ходя поедим, стоя выпьемся, Встанем поутру, росой умоемся. У казака домик – <i>черна бурочка</i> , Жена молодая – винтовочка. Вздумаю про женку – на винтовку погляжу, Чтoб она была чисто смазанная, Мелким порошочком заряженная, Нашему начальничку показанная [6, 90].
--	--

Большое распространение в казачьей песне получили такие слова, как *берданочка*, *черкесочка*, *якшаться*, *уздени*, *наиб*, *баста*, *арчак*, *шашка-атага*, *чумбур*, *хашал* и т.д. Сейчас трудно установить, в каких текстах они появились впервые. В устах русского человека некоторые из них могли видоизменяться, учитывая особенности говора терских казаков.

В текстах песен русско-этническое взаимодействие проявляется преимущественно в элементах местного пейзажа, бытовых этнографических деталях, в музыкальном сопровождении, заимствовании припевов горских песен и танцев, исполняемых во время свадебного торжества [5, 93-95].

Первые записи и публикации фольклора терских казаков и русских переселенцев появились во второй половине XIX в. – в газетах «Терские ведомости» и «Кавказ», но вершиной этой работы – «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) [7, 6].

Следующая волна интереса к песням русского населения в Дагестана поднялась в конце XIX – начале XX вв. В эти десятилетия, когда

под воздействием капитализма круто менялась жизнь на Тереке, собирателям удалось зафиксировать значительную часть классического песенного репертуара [6, 5-6].

Богат и разнообразен песенный репертуар притеречных станиц, в которых живут талантливые исполнители русской народной песни. Песни составляют очень важную, неотъемлемую часть казачьего быта. Песня неразрывно связана с жизнью казака, выражает его думы и чаяния, помогает в труде, сопровождает важнейшие события общественной и личной жизни. Для исполнителей народных песен поэзия и действительность слиты воедино, они как бы составляют две неразрывные стороны их бытия. «Даром-то не складут», – говорит о песне Наталья Георгиевна Бадина [6, 13-14]. Ведь не зря Б. Н. Путилов отмечал, что казакам присуще остроэмоциональное восприятие песни, способность тонко чувствовать ее содержание и связывать ее непосредственно с собственным настроением.

Основу песенного фольклора русского населения Дагестана, как и прежде, составляет лирическая поэзия. В репертуаре жителей станиц сотни самых разнообразных в идейно-тематическом, поэтическом и музыкальном отношении лирических песен. Они связаны крепкими нитями с повседневной жизнью станичников, помогают им в труде, незаменимы при отдыхе. Праздничные гулянья, семейные события и встречи, вечеринки молодежи, любой кратковременный досуг – все это сопровождается в народе самыми различными песнями: хороводными, плясовыми, протяжными, грустными, веселыми – в зависимости от потребностей, настроения, характера труда и отдыха.

Народные лирические песни разнообразны по тематике и изображению в них человеческих переживаний. По идейному содержанию традиционная лирика делится на два основных цикла: песни бытовые и песни с социальной тематикой. В военно-бытовых лирических песнях воссозданы реалистичные картины борьбы России с внешними врагами в различные исторические эпохи. Созданные в связи с этими историческими событиями песни выразили патриотизм народа, его отрицательное отношение к врагам русской земли.

Из песен бытового цикла наибольшим распространением и популярностью пользуются любовные песни. В них во всем многообразии отразилась свободная и счастливая пора жизни станичной молодежи, связанная с весельем, гуляньем, мечтами, еще не омраченными «домостроевским» укладом жизни в патриархальной семье.

Продолжением темы личной судьбы девушки и молодца в не-

обрядовой народной лирике являются семейные песни, главными действующими лицами которых выступают муж и жена. Среди них преобладают песни грустные, песни, в которых супруг или супругу сетуют на свою горькую, несчастную судьбину. Девушка, привыкшая к родительской ласке, попадает в чужую большую семью, чувствует себя одиноко, постоянно грустит о родном доме. Молодая женщина изображается *«пташкой в клетке»*, которая *«сизы крылушки приронила»*, *«острый носик притупила»*. Она постоянно вспоминает о былом житье-бытье, о вольной волюшке. Прежняя счастливая жизнь сопоставляется с горькой, несчастной жизнью в клетке. Пташка оплакивает свой *«голосочек соловейный»*, который она потеряла, *«по чужим садам летаючи, горьку ягоду ключи»*.

Вьется птичка, сидя в клетке,
Жаль ей воли дорогой,
Лучше быть мне на зеленой ветке,
Чем мне в клетке сидеть золотой.
Клетка золотом горела,
Птичка прыгала по ней,
В ней пшеничка даже с водичкой
Все нетронуто стоит.

Вот летит другая птичка,
С удивленьем говорит:
«Что ж ты, милый друг мой, приуныла,
Что ж ты песню не поешь?»
«Уж я пела да распевала,
Пела летом и весной,
А теперь же я в клеточку попала,
Потеряла свой покой» [6, 123-124].

К семейным песням шутового характера по тематике примыкают народные шуточные и плясовые песни. В них ярко выражен народный оптимизм. Они вносили в народную жизнь освежающую струю бодрости и воодушевления.

Оженился комарь, оженился,
Взял себе жинку невмываху:
Не шье, не пряде, не белится,
Не в чому комарику приходиться.
Полетив же комарь в чисто поле,
Та й сив же комрь на дубочку,
Спустив свои бели ножки
в сториночку.
Где ни взялась шуря-буря,

Комарики с дуба сдула.
Стукатит, грюкатит – комарь с дуба летит.
Ой упал же комарь на помосте,
Разбив, разломав свои кости.
Наихали паны та й все генералы,
Виону тому диву дивовались:
«Ой шо це лежит за покойник,
Чи пан, чи князь, чи полковник?»
Ни пан, ни князь, ни полковник,
Старой мухи полюбовник [7, 154].

В репертуаре терских станиц много песен о несчастной семейной жизни, но нет ни одной о счастливой, радостной и беззаботной семейной жизни. Из этого вовсе не следует, что браки в казачьей среде всегда бывали несчастливыми. Просто счастливый брак, по-видимому, в песнях не поэтизировался, о нем не пели вовсе или пели очень редко.

Помимо перечисленных выше тематических циклов, терская лирическая песня разработала и сохранила много других мотивов. Наиболее мощное звучание среди них получила так называемая пейзажная лирика. Любовное описание «буйного Терека», «матушки Волги», «долины-долинушки, «гор Кавказских» не случайно. Этими песнями народ выражал свою безграничную любовь к родной природе, к Родине вообще. Некоторые из них возникли в процессе «самоопределения» зачинов, которыми так славится терская казачья песня.

Между серыми камнями,
По ущелью, среди скал
Серебристыми волнами
Буйный Терек протекал.

И впоенный ледяною,
Чистой теречной водой,
Казак сердцем и душою
Любит Терек свой родной.

Начинаясь у Казбека,
Наверху среди снегов,
Он четыре с лишним века,
Поит терских казаков.

Заповедали нам деды
Сберегать славу и честь,
Ради славы и победы
Своей жизни не жалеть [7, 142].

Большое распространение получила в поэтическом творчестве терского казачества песенная символика. Наиболее распространенными символами для молодой девушки или невесты были «голубка», «яблонька», «грушенька», «ивушка»; для молодого казака – «сокол», «сизокрылый орел», «сизый голубь»; для жениха с невестой – «голубь с голубкой», «виноград с ягодкой» и т.д. Символами молодости, счастья, радости выступают «зеленый сад», «зеленая роща», цветы; символами горечи и печали – «засохший сад», «бел-горюч камень»; смерти и безысходного горя – «черный ворон», «ракитов куст» и др.

Огромную роль в песнях играют эпитеты, которые отличаются особой меткостью и поэтичностью. Эпитеты в песнях являются средством характеристики героев («красна девица», «разуздалый, brave молодец», «сердечный друг»), их красоты («русы кудри», «ясны очи»), душевных переживаний («ретивое сердечушко», «горючая слеза»). Бесподобны по своей поэтичности двойные названия в терских песнях – «травушка-муравушка», «бел-горюч камень» и т.др. В песнях довольно часто инверсия: «снега глубокие», «долюшка моя», «речка быстрая».

Наряду с эпитетами, типическим средством поэтической выразительности в лирических песнях были слова с уменьшительными и ласкательными суффиксами – «травушка», «реченька» и др.

Большое значение для стиля лирических песен имели и различные другие поэтические средства: повторения и обращения («*зазноба, зазнобушка, зазноба моя*»), повторения целых строк, частицы и междометия. Повторения в обращениях сразу выделяли основной образ, заостряя на нем внимание. Повторение целых строк придавало песням особую музыкальность, способствовало их запоминанию. Поэтической особенностью лирических песен являются припевы. Особенности художественного стиля традиционных лирических песен свидетельствуют о его самобытности и огромным поэтическом богатстве [6, 28-31].

В процессе формирования русского населения в Дагестане складывались его новые культура и фольклор, в которых синтезировались традиционные элементы культур различных этнических групп, возникали и развивались новые черты. Как считает Н. А. Криничная, «осознание значимости своей традиции в иноязычном окружении – признак живучести данной этнической группы, и чем больше опасность нивелировки, исчезновения этнокультурной традиции, тем заметнее тенденция, связанная с ее сохранением» [8, 33].

Примечания

1. Материал взят с сайта www.odnocelchane.ru
2. Алиева В. Ф. Русское население Дагестана. Махачкала, 1996.
3. Ризаханова М. Ш. Дагестанские русские XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2001.
4. Подробно о формировании русского населения см.: Ибрагимов М.-Р. Русские в Дагестане // Эхо Кавказа. 1996. № 1 (10) и др.
5. Атаева Л. Н. Региональные черты русского песенного фольклора в Дагестане // Материалы международной научной конференции «Типология, взаимосвязи и национальная специфика фольклора народов Дагестана и Северного Кавказа», посвященной 70-летию проф. А. М. Аджиева. 19-21 октября 2010 г.
6. Агаджанов А. Г. Песни Терека // Предис. и вступ. статья. Путилова Б. Н. Грозный, 1974.
7. Кирюхин В. С. Русская песня в Дагестане. Махачкала, 1975.
8. Криничная Н. А. О взаимодействии этнокультурных традиций: к методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорной традиции: сборник. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995.

**А. Р. БЯЗРОВА,
кфн, доцент ЮОНИИ (г. Цхинвал)**

ИУ БЫЦДЖУАГ ФАРСТЫ ТЫХХÆЙ КОЧЫСАТЫ РОЗÆЙЫ ПЬЕСÆ «МÆ УАРЗОНДЗИНАД ÆВИ МÆ ФЫДЫ НЫХАС?» – Ы

Уацы автор иртасы Кочысаты Розæйы пьесæ «Мæ уарзондзинад æви мæ фыды ныхас» – ы сæйраг проблематикæ. Йæ развæдгæнджыты хъауджыд уацмысы уыны æггъдауы конфликты ног фæзилаен, бæтты йæ тугхæццæйы (инцесты) мотивимæ.

Бынавæрдон дзырдтæ: Кочысаты Розæ, пьесæ, проблематикæ, сæйраг конфликт, мастисын, уарзты коллизи, тугхæццæйы фарст

12 майы 125 азы æххæст кæны фыццаг ирон сылгоймаг – фыссæг Кочысаты Розæйы райгуырдыл. Æвæдза диссаг у цард – алы адæймаг дæр райгуыры цæрынæн, рæсугъд хъуыддæгтæ аразынæн, фæлæ дзы иуæй-иутæн хъысмæт сæ царды фæндаг ныггæлиртæ кæны, галиуы 'рдæм æй аздахы, кæнæ та йын йæ фæндаг цæхгæр ныллыг кæны. Афтæ рауад Розæйы хъысмæт дæр: уый райгуырд цæрынæн, фæлди-сынæн, фæлæ йын хъысмæт æвиппайды, æгъатырæй аскъуыдта йæ цард. 22 азы... Адæймаг йæ тæккæ тыхы уæд райдайы цæуын, фæлæ хъысмæтæй æрыгон курдиатджын чызгæн æндæр рæстæг нæ уыд ны-вгонд. Уыцы чысыл рæстæгмæ Розæйæн бирæ бантыст: 3 пьесæйы, 2 чысыл æмдзæвгæйы æмæ къорд публицистон уацы.

Розæйæн йæ ном дидинаг амон, йæхæдæг дæр æгасæй ди-динаджы хуызæн уыд. Иртасæг Тедеты Георги Розæйы фæлгонц бары хæххон дидинагимæ: «Йе 'рвон бæллицнывæст рæсугъд æрд-зон конд цæмæйдæр зæрдыл лæууын кодта хæххон дидинаг. Афтæ кæсы адæймагмæ, цыма айнагrynдзыл æрзайгæ дидинаг, æнаен-тыст макуы фæуа, афонæй раздæр фæзынд æмæ Иры дзыхъхъы йе 'лутон уддзæфæй цард фæфидауцджындæр кодта... Дун-дунейы

хорзæхæй адæймаджы сбазырджын кодта æмæ йæм æрцыд мæргъ-тимæ тæхын... Ахæм рафæлдыст адæймаджы хъуыдыйы уыгардæй нæ равзæрдзæн... Уый æрдзы хорзæхы фæдзæхст у... Йæ конд æмæ йæ уддзæф адæймаг не снывæнддзæн... Адæймаджы бон у æрмæст йæ фидауц æмæ йæ узæлдмæ æнæбафсæдгæйæ кæсын» [1, 28]. Хæх-хон дидинаг рæсугъд вæййы, фæлæ тызмæг уавæрты кæй цæры, уазал ыл йæ комытæф æгæр раджы кæй баулафы, уымæ гæстæ йæ цард дæр вæййы цыбыр. Афтæ рауад Розæ-дидинагджы цард дæр. Нæ фыс-сæг æддаг бакастæй куыд аивтæ конд уыд, афтæ рæсугъд æмæ хъæз-дыг уыд миддунейæ дæр. Цард йæ дуджы проблемæтæй, йæхи сæ нæ аууон кодта, фæлæ сыл дзырдта карз æмæ æргомай. Сфæлдыстадон фæрæзтæй сыл кæй дзырдта, уымæй та сын тыхджындæр кодта сæ хъомыс.

Ирон адæмы царды æппæрццагæй цы уыд – ирæд, тугисын, фидис кæнын, – уыдоныл нæ фысджытæ дзырдтой æмæ сæ æфхæрдтой сæ уацмысты. Къорд ахæм проблемæйы разæмæ кодта йе сфæлдыстады Розæ дæр: æфхæрд райсын, ирæд исын æмæ æрдхорддзинадыл гæдз-рахатæй цæуын. Ныртæккæ дзы мах æрдзурдзыстæм, маст исын-иу хатт цавæр цæхгæр фæзилаентæ расайдта ууыл.

Ирон адæм рагæй дæр сæрыстыр адæм сты, æфхæрд нæ барынц нæдæр æддагонæн, нæдæр хионæн. Уый мах уынæм зæронд Зауырбеджы фæлгонцæй (пьесæ «Мæ уарзондзинад æви мæ фыды ныхас?»). Ирон литературæйы æфхæрд райсынаг ис традицион схемæ: мад куры æмæ, æгæрыстæмай, домæ йæ фыртæй, цæмæй йæ фыды æфхæрд ма ныббара, йæ туг ын райса (Къубалты А. «Æфхæрдты Хæсанæ», Брытъяты Е. «Æвзонг хохаджы мастисæн»). Розæйы пьесæйы туг исыны проблемæ нæй. Ам Зауырбег домæ йæ фыртæй, цæмæй райса йе 'фхæрд, йæ мады йын чи аскъæфта, уыцы Курдиаты Естъайæ. Мæлæт æмæ туг райсынаг хъауджыдæр нæ уыд ацы æфхæрд Зауырбегæн. Стыр худинаг бавзарын кодта Естъа Зауырбегæн, æмæ йæ азымы дарæн нæй, йе' фхæрд райсын æй кæй фæнды, уый тыххæй. Иртасджытæ уацмысы сæйраг проблемæйыл нымайынц, зæронд фыдæлтыккон æгъдæуттæй иуæй-иутæ æрыгон фæсивæды зондахастыл æвзæрырдæм кæй æндавынц, уый. Йæ фыды фæндон æххæст кæнгæйæ, Хъамболат ссардта Естъайы чызг Меретханы. Кæрæдзи нæма базыдтой, афтæмæй се 'хсæн ссыгъдис уарзонддзинады цæхæр, банымæг уæвын нал уыд. Хъуыддаг куы раргом, уæд Хъамболат нал ссардта æндæр хуыздæр фæрæз æмæ амардта чызджы æмæ йæхи дæр.

Афтæмæй, уацмыс æвзарæг критиктæ уацмысы проблемæ æмбарын кæнынц уыцы иухуызон: фыдæлты æгъдау ма куыд тыхджын у, уый. Мæнæ куыд зæгъы критик Ардасенты Х.: «Розæ ацы цыбыр æртæнывон пьесæйы æвдисы ирон æгъдæутты уæз, куыд арф ахъардтой фæсивæдæй иуæй-иуты (Хъамболаты хуызæтты) æмæ сæ уацайрагтæ куыд скодтой сæхицæн, уый. Хъамболат йæхæдæг дæр æмæ Меретхан дæр байсæфтысты уыцы æгъдæутты азарæй. Фидар хæццд Хъамболат ирон зианхæссæг æгъдæуттыл, æмæ уый тыххæй амардта йæхи дæр æмæ бынтон æнæаххос Мерийы дæр» [2, 26]. Профессор Æлборты Барысби дæр зæгъы: «Автор йæ пьесæ «Мæ уарзондзинад æви мæ фыды ныхас?» – ы тох кæны зæронд æгъдæутты ныхмæ» [3, 7]. Бæлвырд нæу иу хъуыддаг: цы хонынц иртасджытæ «зæронд æгъдæуттæ»: маст райсын æви фыды фæндон сæххæст кæнын? Естъа Залийы аскъæфгæйæ, æрмæст Зауырбеджы нæ бафхæрдта, фæлæ ма йын ис мадæй сидзæрæй æмæ æвæгæсæгæй ныууагъта йæ чысыл хъæбул Хъамболаты дæр. Уый къаддæр æфхæрд нæ уыд Хъамболатæн дæр, æмæ куыд ирон лæг, афтæ, хъуыддаджы æцæгдзинад базонгæйæ, фидарæй ныллæууыд йæ фыды фæндыл. Æндæрхуызон куыд хъуамæ дардтаид йæхи уæды дуджы намысы домæнтыл хæст ирон нæлгоймаг? Уæды дугæн миниуæгджын уыд ахæм хъуыдыкæнынад, уымæ гæсгæ Хъамболатын йæ фыды фæдзæхсты сæр цæмæн хъуыдаид маст райсынæн? Хъуыддаг афтæ рауад, æмæ Хъамболат æвæндонæй, æнæзонгæйæ, бауарзта мадæй иу чи уыдис, фыдæй хицæн, йæ уыцы хойы. Æмæ та ам дæр критиктæ фарст æвæрынц ахæм хуызы, цыма Хъамболаты æвзарын бахъуыд йæ фыды фæндон сæххæст кæнын æмæ йæ уарзондзинады 'хсæн. Мæ хъуыдымæ гæсгæ, Хъамболат æмбæрста, Меретханымæ йын йæ цард баиу кæныны фадат кæй нæй, йæ хо кæй у, уымæ гæсгæ, – уарзгæ та йæ тынг бакодта. Уый фыццаг æмæ сæйраг аххосаг у, ахæм тæрхон кæй рахаста йæхицæн æмæ йæ хойæн. Дыккаджы та уый, æмæ йын йæ фыды дзырд фæсайын дæр зын у. Хо æмæ æфсымæр кæй разындысты, уый Хъамболатæн аскъуыдта æппæт йæ бæллицтæ æмæ йæ фæндтæ. Фыссæг æмæ иртасæг Скифирон афтæ æмбарын кæны ацы проблемæ: «Ныр ын йæ чызджы кæй бауарзта (Естъайæн), уый тыххæй уыцы джауырæй нал у йæ бон йæ фыды маст райсын, нал у йæ бон йæ уарзон чызджы æнæгъдау хуызы бафхæрын дæр. Фæлæ йæ уарзондзинад равзарын дæр нæу йæ бон – уæд цы цæсгомæй хъуамæ бацæуа йæ фыды цурмæ, ома мæрдтыбæстæм?!» [4, 47]. Ам æвзæры фарст: Хъамболатæн йæ фыд маст райсын куы нæ ныффæдзæхстаид, уæд ын ницы цæлхдур уыдаид йæ

хоимæ баиу кæнынаен? Кæй зæгъын æй хъæуы, сæйраг ныхдур тутхæстæг кæй бавæййынц, уый у, йæ фыды ныхас нæ, фæлæ. Хъамболат раздæр куы базыдтаид Меретхан ын цы бавæййы уый, уæд йæхицæн уыцы бар нæ радтаид æмæ йæ нæ бауарзтаид. Афтамæй, æнæ-реализацигонд уарзты проблемæ уацмысы рахизы фыццаг планмæ. Фыды фæдзæхст та у йæхи фæндон дæр æмæ, уæды этикетмæ гæсгæ, йæ хæс дæр. Ардыгæй саразæн ис ахæм хатдзæг: Хъамболат хорз æмбары, йæ уарзтæн фидæн кæй нæй, сæйраджыдæр, тутхæстæгдзинад кæй ис се 'хсæн, уый тыххæй. гъе, уымæ гæсгæ равзары мæлæт йæхицæн æмæ чызгæн дæр. Æмæ уый у раст тæрхон, йæ уарзты цæхæрæй йæхи ратоньн кæй нæу æмæ йæхицæн йæ хоимæ баиу кæныны бар кæй нæ дæтты, уымæ гæсгæ. Афтамæй нæй сразы уæвæн Скифироны хъуыдыймæ: «Уый канд нæ «ныззæгæл» йæ фыды ныхасыл, фæлæ дзы уыцы ныхас сæрæй къæхтæм ахъардта, йæ хъылма радиацийы амæттаг æй фæкодта... Хъамболаты хъустæ æндæр ницыуал хъусынц – æрмæст сæ зæлланг кæны аргъуаны дзæнгæрæгау йæ фыды фæдзæхст... Ам ма афтæ зæгъæн дæр ис, æмæ йын йæ фыды ныхас афтæ бацахста йæ зонд, йæ зæрдæ æмæ дзы уарзондзинадæн фаг бынат дæр нал разындис...» [4, 50]. Цæй уарзондзинадыл хъуамæ цæуа ам дзырд хо æмæ æфсымæры 'хсæн? Уæлдæр ма куыд загътон, афтæмæй æппæт æнамонддзинæдтæ дæр ам равзæргæ сты сæ уарзондзинадæн, йæ сæрты ахизæн кæмæн нæй, ахæм цæлхдур – тутхæстæгдзинад кæй ис, уый тыххæй. Хъайтар бахауд къуырццæвæны æмæ дзы рахизын нал зоны. Уый та у йæ лæмæгъдзинады аххос æмæ мæлæтæй хуыздæр фæрæз уымæн нæ ары. Ацы хъуыддаджы Хъамболатæн сраст гæнæн нæй: искæй цард байсыны бартæ йын ничи радта.

Уацмысæн гæнæн уыдис æндæр кæрон саразæн дæр, зæгъæм, ахицæн уыдаиккой, фæлæ цæргæйæ базадаиккой, æмæ уæд уацмысæн йæ конфликт æмæ йæ пафос æндæр уыдаид – уарзондзинады æгæрон тых афтæ ирдæй æвдыст не 'рцыдаид. Æндæр хъуыддаг у, йæхи куы амардтаид æмæ чызджы та удæгасæй куы ныуагътаид, уæд. Фæлæ хъуыддагмæ бакæсæн ис æндæр фарсæрдыгæй дæр: Хъауырбег худинагыл банымадта хо æмæ æфсымæр кæрæдзи кæй бауарзтой – нæ йæ бары йæхицæн дæр æмæ йæ хойæн дæр – ахæм карз тæрхон уымæн скæны сæ дыууæйæн дæр.

Скифирон цы фарсты фæдыл дзуры, уымæ сразыгæнæн уыдаид, дзырд æрмæст йæ фыды фæдзæхст æмæ йæ уарзондзинадыл куы цыдаид, фæлæ ма ам разамæ вæййы, тутхæстæгдзинады фарст, уымæй уацмысы конфликт фæвазыгджындæр ис. Иугæр афтæ у, уæд ма цæй

уарзондзинадыл хъуамæ цыдаид ныхас дæр, æмæ ссардта уыцы дугæн æмбæлон фæрæз – мæлæт. Куры хатыр йæ фыдæй дæр йæ рæды – иуæй, йæ хойы кæй бауарзта æмæ, иннæмæй та, йæ фæндон ын кæй нæ сæххæст кодта, уый тыххæй.

Дарддæр Скифирон фысы: «Пьесæйы проблемæтыл дзургæйæ, Хæдарцаты Азæ нæ кæны, дыууæ æвзонг уды хо æмæ æфсымæр кæй сты, уый кой. Уый, хыгъд Нафи кæны ацы фарсты кой, фæлæ дзы ницы хатдзæгтæ аразы. Фактон æгъдауæй та дыууæ иртасæджы дæр ацы темæйы иувæрсты хизынц, æмæ уый диссаг дæр нæу: уацмысæн йæхи мидаг дæр уый тыххæй ницы ис... Кæрæдзийæн исты бавæйы-ынц, уый тыххæй иунаг дзырд дæр нæй уацмысы тексты. Бæрæг нæу, Розæ цы хъуыды кодта ацы фарсты тыххæй. Чи зоны ныййарджытæй иуæрдыгæй хицæнтæ кæй уыдысты, уый сын сæ амонд баиукæнгæйæ, тугхæстæгдзинадмæ нæ иста. Чи зоны, уарзондзинадыл дзургæйæ тугхæстæгдзинад дæр нымæдта æнæсарфат ныхдурыл, мæнгуырнындзинадыл... Æз фыссын «чи зоны», фæлæ уый гипотезæ дæр нæу...» [4, 47] Критик йæ хъуыдытæ гипотезæйыл кæй нæ нымайы, уый раст у, уымæн æмæ, *чи зоны*, Розæ йе пьесæмæ кастис бынтон æндæр цæстæй: уæлдæр æй куыд загътам, афтæ. Инцестæн куыд цардуагон институтæн Розæйы рæстæджы æмæ уымæй бирæ раздæр дæр бынат нал уыд. Уымæ гæстæ зын бауырнæн у, Розæ йæ ныхдурыл ма нымæдтаид, уый. Æндæр хъуыддаг уый у, ацы фарст райхалын ын цас бæрцæй бантыст. Дыккаджы та уый, æмæ хо æмæ æфсымæр кæй сты, ууыл дызæрдыгæнæн нæй, уымæн æмæ комкоммæ амынд цæуы тексты: «Дæ мадæн райгуырд чызг; уый дæр кæйдæр къухы æмбæхстæй хъомыл кæны, йæ ном Меретхан» [3, 14]. Меретхан Зали æмæ Естъайæн иумæйаг куы нæ уыдаид, уæд сæ уарзтæн Хъамболатимæ ныхдур дæр нæ уыдаид æмæ уæд ахæм рæстæджы дзурæн уыдаид, критиктæ цы проблемæ размæ кæнынц уацмысы, ома фыды фæдзæхст æви уарзондзинад, ууыл. Иугæр хо æмæ æфсымæр разындысты, уæд та ма цæй уарзондзинадыл ис дзурæн? Скифирон фæстæдæр сразы ваййы, хо æмæ æфсымæр кæй сты, ууыл. Дзуры сæ мад Зæлийы æппæрццаг фæлгонцыл – ныууагъта дыууæ æнахъом сабийы, иуы хæдзары (Хъамболаты), иннæйы та кæмæдæр радта хъомыл кæнынмæ (Меретханы), Зауырбеджы фыдæхæй æмбæхсгæйæ, æрмæст йæхи чысыл удыл мæт кæнгæйæ. Уый раст хъуыды у, æмæ æз дæр разы дæн йемæ. Фæлæ та ам дæр критик ссардта æнахуыр фæзилæн: «Мады æвзæр туг кæй рахастой, йæ лæппу æмæ чызг æвиппайды дæр кæрæдзийыл уымæн андæгъдысты»... [4, 48] Æвзæрæн, дам, цы райгуыры, уый хорзæн

нае вайы, – зæгъы ирон æмбисонд. Æвзæр мад æмæ фыдæн арæх райгуыры хорз сывæллæттæ, æмæ Хъамболат æмæ Меретхан ницы азымджын сты, сæ мад ахæм æлгъаг сылгоймаг кæй разынд, уым. Хъамболат æппæрццаг адæймаг куы уайд, уæд æппæтыл дæр йæ къух ауыгътаид æмæ бацардаид йæ удæй фылдæр кæй бауарзта, уыцы чызгимæ – налдæр йæ фыды фæдзæхстыл ахъуыды кодтаид, нал дæр тугхæстæгдзинадыл. Уый рæдыд уыдаид, фæлæ йæ Хъауырбег не ’руагъта.

Уацмысы конфликтмæ иууыл æввахсдæр бацыд фыссæг Уанеты Владимир йæ уацы «Розæйы трагеди «Мæ уарзондзинад æви мæ фыды ныхас» – ы иу цымыдисаг хабары тыххæй». Иртасæг дзуры ирон литературæйы хо æмæ æфсымæры оригиналон хуызы ахастытыл – Нарты кадджыты Уырымæг æмæ Сатанайы (хо æмæ æфсымæры) æмкъайад æмæ Секъайы радзырд «Хо æмæ æфсымæр» – ы иу мады зæнæг чысыл ма бахъæуа æмкъайадмæ кæм æрцыдаиккой, уый тыххæй. Уырымæг æмæ Сатанайы мах уынæм ус æмæ лæджы ахастыты, фæлæ Секъайы радзырды хъуыддаг уый онг не ’рцыд, куыд Розæйы пьесæйы куыд не рцыд, афтæ. Ам хынцын хъæуы таурæгъты сæвзæрды æхсæн рæстæджы дæрддзæг. Уырымæг æмæ Сатанайы таурæгъ сæвзæрд иттæг раджы, ирон æхсæнады тугхæстæгдзинадæн бынат куы уыд, къордтæй ма куы цардысты, уæды дуджы. Иннæ уацмысты сæвзæрды рæстæджы та инцæстæн бынат нал уыд, хо æмæ æфсымæры интимон иудзинад сæ уымæн нæ уынæм.

Розæйы уацмысы хо æмæ æфсымæры интимон уарзондзинадыл дзургæйæ, Уанеты Владимир афтæ зæгъы: «Ацы чысыл эпизоды зыны, пьесæйы сюжет иумиагæй легендæйы бындурыл нывæст кæй у æмæ легендæ та йæхæдæг тынг рагон, ирон адæмты историйы незаманты рæстæгмæ кæй хауы. Уыцы дард заманы та бинонтæн фылдæр агуырдытой тугæй хæстæг сылыстæг, бинонтæ-иу арæзтой æгæри-стæмæй хойæ дæр. Розæ легендæ йæхирдыгонау рацарæзта, йæ дуджы комулæфт дзы иттæг дæсныйæ равдыста, фæлæ йæ сæйраг апп чи у, уымæ нæ бавнæлдта, афтæмæй йæ ныууагъта» [7, 69-70]. Йæхи дуджы комулæфт Розæ чысыл фылдæр бæрцæй куы равдыстаид, ирддæрæй куы фенын кодтаид æнæреализацигонд уарзты æнамонддзинад (сæйраг апп), уæд пьесæ уый бæрц быцæутæ нæ расайдтаид.

Æмæ ма кæронбæттæны уацмысы сæры тыххæй: фыццаг бакастæй афтæ зыны, цыма проблемæйы мидис бæлвырд у уацмысæн йæ сæрæй дæр, цыма сæйраг хъайтар дывæнд кæны – йæ фыды ныхас сæххæст кæна æви йæ уарзондзинад равзара. Фæлæ æцæгдзинадæй

та йæ бон равзарын нæу сæ иу дæр: уарзондзинад – йæ хо кæй разынд, йæ фыды ныхас æмæ йæхи хæс та – уарзгæ кæй бакодта, уый тыххæй. Сæ иу сæххæст кæнын дæр йæ бон куы нæ бавæййы, уæд та мæлæтæй хуыздæр амал нал ссары. Чызджы дæр йæ фыды фæндон сæххæст кæныны тыххæй нæ маары (уæд ма йæхи та цæмæн мардта?), фæлæ сæ уарзтæн фидæн кæй нæй, уый тыххæй. Афтамæй уацмысы сæйраг проблемæ фыдæлты æгъдæутты равдыст нæу, фæлæ у æнамонд уарзты кадæг.

Спайдагонд литература

1. Тедеты Георги. Сагъæстæ уардийыл // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.
2. Ардасенты Х. Кочысаты Розæ // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.
3. Æлборты Б. Рухсмæ бæлгæйæ. // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.
4. Скифирон. Кочысаты Розæйы 17 персонажы // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.
5. Уанеты Владимир. Розæйы трагеди «Мæ уарзондзинад æви мæ мæ фыды ныхас» – ы иу цымыдисаг хабары тыххæй // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.
6. Алборов Б. А. Жизнь и творчество Розы Кочисовой // Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ, 2005.
7. Кочысаты Розæ. Мæ уарзондзинад æви мæ фыды ныхас // Уанеты Владимир. Иры номдзыд чызг. Цхинвал, 1990.

**К. П. ГУЧМАЗОВА,
студентка СОГПИ**

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ЖИВОТНЫХ Г. ТЕДЕЕВА

*В работе раскрываются концептуальные основы произведений Георгия Тедеева. Для этого автором дается понятие концепта с нескольких точек зрения, проводится анализ рассказов о животных осетинского писателя, в ходе которого определяется их общая проблематика – взаимоотношения человека и природы. **Ключевые слова:** рассказ, природа, художественный мир, нарративная структура, символ, концепт.*

В настоящее время термин «концепт» широко используется во многих гуманитарных науках: литературоведении, философии, лингвистике, психологии, культурологии.

Пытаясь определить сущность концепта как литературоведческой категории, имеет смысл обратиться к трактовкам этого явления, существующим в современном научном дискурсе.

В качестве определения концепта как литературоведческой категории можно предложить следующую формулировку: концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой.

Одно из первых определений концепта в отечественной науке (1928 г.) принадлежит философу С. А. Аскольдову: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, 269]. Названные Аскольдовым признаки – принадлежность к сфере созна-

ния и способность к обобщению – сохраняются как обязательные характеристики концепта и в дальнейшем.

Само слово «концепт» в переводе с латинского (*conceptus*) означает «понятие». В качестве научного (в данном случае литературоведческого) понятия концепт – это абстракция, некая идеальная сущность. В самом художественном творчестве эта идеальная сущность наполняется конкретным содержанием. Концепт в литературе всегда реализован в образах, но не всякий образ участвует в создании концепта. Он должен обладать инвариантным смыслом и нести в себе отсвет ментальности народа, носить «имя», иметь устойчивый, повторяющийся характер (образ может быть единичным) и манифестировать знаковые явления в культуре. В литературном концепте, в отличие от образа, доминирующим оказывается именно инвариантный смысл, который получает в каждом конкретном случае индивидуально-творческую реализацию.

В создании литературного концепта всегда участвует не только писатель, но и читатель, ибо концепт обладает диалогической, коммуникативной природой. Он рассчитан на знания, память и воображение читателя. Спектр смыслов, который присутствует в текстовом поле концепта, по-своему воспринимается и интерпретируется реципиентом. Сохраняя в своем сознании внутреннюю форму, смысловое ядро концепта, читатель достраивает, реконструирует его благодаря собственному когнитивному опыту, собственным ассоциативным связям. Как пишет С.С. Неретина, подчеркивая коммуникативную природу этого явления, концепт «содержит смыслы, существование которых выявляется не в тексте, а в контексте, на границах высказываний, которые, в отличие от предложений, всегда предельны, обращены к другому» [2, 23].

Понятие концепта в литературе, безусловно, корреспондирует с понятием концепции, которую можно рассматривать как «систему представлений, идей, пронизанную личностным началом, субъективным видением мира» [3, 104]. Авторы современного исследования о методах изучения литературы соотносят также понятие концепта с «художественным миром»: «...можно говорить о «художественном мире» как системе «концептов» в творчестве данного автора (или данной эпохи)... Для терминов «концептосфера» и «художественный мир» общей является и семантика «круга», смыслового охвата...» [4, 180].

В рассказах о животных Г. Тедеева ярко прослеживается концепт «человек и природа».

В рассказе «Медведь» Г. Тедеев поднимает вечную тему конфликта человека и природы, доводя экологическую проблему до уровня этической. Образ медведя в рассказе многомерен. Автор очеловечивает его, создавая тем самым фантастический мотив.

Повествование в рассказе ведется от третьего лица, в нем доминируют авторская точка зрения и авторская речь. Нарративная структура произведения характеризуется фокализацией, подразумевающей направленность на точку зрения центрального персонажа, который выступает как воспринимающий субъект и участник действия. Таким образом, авторская речь в анализируемом рассказе характеризуется открытой субъективностью, одновременно взаимодействуя с точкой зрения персонажа.

Архитектоника текста рассказа «Медведь» проста: в нем нет членения на главы, а каждый абзац раскрывает определенную микротему.

Языковые средства являются не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой художественных образов. В рассказе преобладают наглядно-чувственные образы – визуальные, звуковые, одоративные – применяемые для создания художественной реальности.

Действия происходят нелинейно, с нарушением хронологии, в разных временных плоскостях, поэтому художественное время многомерно и обратимо. В композиционной структуре текста наблюдается чередование ретроспекции и проекции. Автором показано объективное время, которое может возвращаться в прошлое, обращаться в будущее.

В структуре повествования рассказа «Медведь» выделяются две основные пространственные точки зрения – повествователя и медведя.

Авторская модальность находит отражение через семантические доминанты текста. Семантическое поле текста формируется ключевыми словами: голод, боль, страх, смерть, убивать.

Рассказ «Угрюмый» Г. Тедеева описывает безразличие к природе, особенно со стороны взрослых. Произведение, пронизанное любовью автора к своему персонажу, привлекает внимание к проблеме защиты животных.

Композиция рассказа строится на принципе контраста образов. Автор дает подробные описания главных героев, позволяющие противопоставить их внешне и по внутренним характери-

кам. Так, Дамка – небольшая сажево-черная собачонка маленького роста с очень подвижными ушами, стройными ножками, с беспечным нравом и отсутствием всякой гордости; Угрюмый – крупный, очень хмурый пес, сохранивший от предков медлительность, неприхотливость и спокойное равнодушие.

Заглавие рассказа – кличка главного героя – служит смысловым ключом к образу. Семантическое поле образа собаки формирует опорное слово «старый»; его характер описывают синонимические ряды – хмурый, угрюмый, мрачный, степенный, спокойный, гордый, а его друга – жизнерадостный, дружелюбный, глуповатый, легкомысленный, беспечный. Для образного строя характерен контраст и повтор.

Внешняя композиция рассказа характеризуется отсутствием глав.

В рассказе «В небе и на земле» писатель привлекает внимание читателей к проблемам сохранения животного мира. Основу сюжета составляет судьба главного персонажа – орла, добывающего пищу своему семейству и погибающему в схватке с волком.

Рассказ сочетает сказочные и реалистические элементы. В произведении превалирует речь повествователя, которая взаимодействует с точкой зрения главного героя.

Художественное время в рассказе «В небе и на земле» многомерно и нелинейно. Календарное время не указано, а событийное – укладывается в три дня.

Художественное пространство тесно связано с художественным временем. Замедление времени сопровождается расширением пространства.

Архитектоника рассказа основана на повторах различных элементов текста. Пейзаж в рассказе играет немалую роль. Он выступает не только фоном, но и является средством отражения внутреннего мира героя.

Заглавие, как это характерно для автора, многозначно и символично. С одной стороны, повторы опорных слов «в небе» и «на земле» в тексте рассказа создают его ритмическую основу, с другой – говорят о безысходном положении птицы, которая не чувствует себя в безопасности ни в небе, ни на земле.

Рассказ «Милосердие» посвящен реальному случаю, когда автора удивила находчивость сороки, старающейся помочь селезню, попавшему в беду. Рассказ погружает читателя в удивительный

мир природы. По форме он близок к очерку. Повествование ведется от первого лица. Рассказчик одновременно является действующим лицом произведения, наряду с другими он выступает одной из центральных фигур изображаемого мира. Интрига держит читателя в напряжении.

Главный герой – сорока – символизирует частицу разумной природы. Система образов рассказа строится за счет экспрессивной функции синтаксиса, лексических повторов, перифразы (рыжая злодейка, болтушка и др.), звукоподражаний («Кче-кче-кче!»), олицетворения времен года: «Лето, несмотря на календарь, еще не ушло. А осень уже исподволь накладывала свои жаркие краски, исправляя то, что успело нарисовать за три месяца лето, предпочитавшее всем остальным краскам зеленую в великом разнообразии оттенков. И казалось, что сначала она работала обычной белильной кистью – жесткой и ровно обрезанной. Окунув ее в рубиновую краску, осень прошла ею по кустам калины, обозначив на них алеющие розетки ягод одним лишь прикосновением колючего пучка щетинок. Справившись с этим, она – теперь уже тонкой рисовальной кистью, экономно бравшей с палитры дорогой кармин, – испятнала не очень урожайный в этом году куст шиповника, не забыв пометить возле него остатками все той же полыхающей краски и волчьи ягоды среди листьев ядовито зеленой лесной жимолости. А там пошли в ход и другие краски...» [5, 331].

Временная организация рассказа, представляющая последовательно соотносимые разные временные планы, неразрывно связана с его пространственной организацией.

Рассказ «Милосердие» обнаруживает связи с рассказом «Медведь», а использование в нем известного изречения Цицерона: «О времена, о нравы!», возводит проблему нравственности в произведении до общечеловеческого уровня и делает ее актуальной.

Таким образом, во всех проанализированных рассказах Г. Тедеева прослеживается концепт «человек и природа». В своих произведениях писатель раскрывает тесную взаимосвязь людей и окружающего мира, проблемы их взаимодействия, носящее носит как положительный (рассказ «Милосердие»), так и отрицательный потребительский характер («рассказы «Медведь», «Угрюмый»). Провозгласив себя царем среди всех живых существ, человек забыл, что сам является частью природы, венцом ее творения.

Примечания

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: антология. М., 1997.
2. Неретина С. С. Тропы и концепты. М., 1999.
3. Дымарский М. Я. Фрагмент характеристики смысловой структуры текста// Стереотип и творчество в тексте. Пермь, 2002.
4. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход. М., 2002.
5. Тедеев Г. А. Черная жемчужина: Повести и рассказы. Владикавказ, 1997.

О.М. ПЕЛИЕВА, А.В. СМОЛЬКОВА
СОГПИ

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ОСЕТИНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

В работе затронуты некоторые наиболее актуальные проблемы, связанные с происхождением и употреблением личных имен в русском, английском и осетинском языках, сделана попытка проведения сравнительного анализа личных имен в английском, осетинском и русском языках. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на исторически, религиозные и языковые различия, социально-бытовую и ментальную самобытность и географическую удаленность, у трех народов есть много общего.

Ключевые слова: личные имена, традиция, сопоставительный анализ, исследование, антропонимы, религия, эпические традиции.

Одним из основных направлений современного языкознания является сопоставительное изучение языков. В последнее время увеличивается число конкретных исследований, посвященных разным аспектам этой проблемы.

Наша работа посвящена одному из важных элементов человеческой культуры – личным именам, которые занимают особое место в любом языке. Учение о личных именах возникло в глубокой древности, и известно оно практически у всех народов, населяющих земной шар. Наше исследование посвящено сопоставлению личных имен в английском, осетинском и русском языках.

В связи с ростом, с одной стороны, международных отношений, когда изучение английского языка становится необходимым, и ростом национального самосознания и интереса к родному языку, с другой стороны, данная проблема приобретает большую практическую значимость. Совершенно очевидно, что без знания определённых

ного набора личных имен и особенностей их функционирования в речи невозможно полноценное общение на изучаемом языке. Нет сомнения, что человек, претендующий на знание английского языка, должен иметь хотя бы общие представления о носителях английских имён, уметь правильно писать и произносить их. Это же касается и осетинских имен, если учесть, что, по мнению осетиноведов, осетины как нация могут первыми прекратить свое существование на Кавказе, так как первым может умереть осетинский язык [1].

Цель нашей работы – рассмотрение сходств и различий между английскими, осетинскими и русскими личными именами. Для достижения данной цели нами был проведен сопоставительный анализ личных имен не только теоретического, но и исследовательского характера.

Согласно данным английских словарей и других исследований, на долю имен собственных приходится только 3-4% от общего числа словоупотреблений в текстах художественной литературы, при этом 2,5-3,0% составляют антропонимы, то есть имена людей.

Однако это не означает, что количество самих личных имен ограничено, они отличаются поразительной многочисленностью, о чём свидетельствуют данные специальных словарей. Словарь английских личных имён содержит 3 тыс. единиц, а словарь английских фамилий – около 23 тыс. единиц [2].

Согласно сборнику имен восточно-иранских народов (от киммерийцев до осетин) М. А Цагараева [3], собрано около двух тысяч имен иранского корня, зафиксированных в письменной и эпической традиции.

Словарь русских личных имен А.Н. Тихонова, Л.З. Бояриновой, А.Г. Рыжковой [4] содержит перечень наиболее распространенных русских имен, а также их уменьшительно – ласкательные варианты. Наиболее употребительным среди русских имен оказывается Мария, от которого образовано 186 производных имен. Анастасия – 139 вариантов, Александра – 130, Александр – 126, Анна – 124 и т.д.

Современная английская антропонимическая система сложилась под воздействием многих исторических факторов, повлиявших на систему имен. В настоящее время английские личные имена состоят из незначительного кельтского, значительного германского слоя при огромном влиянии франко – норманнского слоя.

Кельтские и древнеанглийские личные имена и теперь имеют популярность: Angus (м.) – др.ирл. через шотл. Aengus «один выбор»;

Barry (м.) – из ирл. «копье»; Brian (м.) – от кельт. «сила»; Gwen «белый» – очень популярный у кельтов: Gwendolen, Gwyn.

Германские имена появились в V в. и с трудом отличаются от прозвищ, так как именная система этих племен состояла только из личных имен, иногда к нему присовокуплялось прозвище. Brun (коричневый), Wulf (волк), Aelfe (эльф), Berne (ребенок), Cyne (король), Fredi (мир), Hilde (война), Saxi (нож), Tidi (время), Aldi (острый), Dunne (темный), Godi (хороший), Hwite (белый), Leofe (любимый), Lange (длинный), Brunning (сын Бруна). По данным К. В. Зайцевой, в настоящее время в английской антропонимике лишь 8% приходится на древнеанглийские имена [5].

Франко – норманнские имена пришли на Британские острова после норманнского завоевания, и древнеанглийские имена почти полностью исчезают. В списке из 800 имен присяжных графства Кент в 1313-1314 гг. было лишь 5 носителей древнеанглийских имен. Древнеанглийские имена полностью исчезают за два-три поколения, а среди знати – раньше. Те древнеанглийские имена, которые выжили, были именами популярных святых (Edward, Edmund, Hilda, Mildred), либо королей (Alfred, Edgar).

Самыми популярными именами в XVIII веке в Англии были следующие мужские имена John, William и Thomas и женские имена Mary, Elizabeth и Anna. В XIX веке популярны мужские английские имена John, William и James и женские английские имена Mary, Helen и Anna. В XX веке английские и американские имена радикально изменялись каждые десятилетия. В XXI веке популярны мужские имена Jacob, Mason и William и женские Sophia, Isabella и Emma [5].

Осетинские личные имена можно отнести к трем категориям. В первую входят имеющие исконно национальное происхождение. В них есть элементы, указывающие на принадлежность к современному осетинскому языку, к примеру, Заретэ – «пойте», Саукыдзэ – «черная собака». Есть имена, отражающие древнейшие тотемические верования народа, их убежденность в магическом значении названий племен, местностей проживания. В большей части имен, имеющих исконно национальное происхождение, определить значение с позиций современного языка представляется невозможным – например, Габо, Асэх. Постепенно старые имена становятся менее употребительными, уступая место новым. К примеру, благодаря тому, что осетинские диалекты отличаются друг от друга, некоторые имена существуют в нескольких вариантах (Киабехан, Чабе-

хан). Ряд женских осетинских имен связан по смыслу с названиями металлов, драгоценных камней.

Вторая категория связана с принятием христианства, причем такие имена могли иметь русскую и грузинскую форму – это связано с деятельностью на осетинских землях русских и грузинских миссионеров. Имена Васо, Нино, Вано, к примеру, утвердились именно в такой форме. Заимствованиями из русского языка стали такие имена, как, например, Ирэ, Геор, Алыксандыр. Особенно этот процесс был характерен для Южной Осетии.

Часть северных осетин в XIV-XV вв. оказалась под влиянием мусульманской религии и заимствовала большое количество соответствующих имен. Многие из них имели арабское происхождение и превратились в традиционные осетинские имена (Мурат, Алихан, Илас, Амина, Муслим). Есть имена с персидскими корнями (Рустам, Иран, Зиба) тюркскими и монгольскими (Узбек, Абай, Денгиз). Шло активное взаимодействие с именинниками соседских народов – черкесского, чеченского, ингушского, причем в заимствованных отсюда именах присутствуют элементы, свидетельствующие об их настоящем происхождении.

Осетинские имена имеют уменьшительно-ласкательные формы. Ими обычно награждали своих ребятишек мамы, и в связи с этим такие варианты имен назывались материнскими («мады ном»). Чаще всего они представляли собой сокращенные произвольным образом официальные имена. Например, одного Ибрагима могли называть Бри, другого – Ибри, а третьего вообще Баеги. В ряде случаев уменьшительные и полные официальные имена никак не связаны между собой, а для первых могут использоваться нарицательные слова – к примеру, свойственные речи детей. Для образования ласкательно-уменьшительных имен в настоящее время задействуются соответствующие русские суффиксы – « – очка», « – ка» и проч.

Особенностью осетинского именослова является нечеткая граница между мужскими и женскими именами; существует достаточно большой пласт имен, которые дают младенцам обоего пола. Принадлежность к той или иной категории может определяться по смыслу. Так, Залинае и Аши считают женскими, Алмахшит и Шаукуыдз – мужскими. По модели, существующей в русском языке, в осетинском происходит образование женских имен от мужских с использованием окончания « – а» или « – ае» (Ким – Кимае, Алан – Аланае) [6].

До введения на Руси христианства личные имена были ничем иным, как прозваниями, данными по тому, или иному поводу. В древности люди воспринимали имена материально, как неотъемлемую часть человека. Они скрывали свои имена от врагов, считая, что одного знания имени достаточно для того, чтобы навредить кому-нибудь.

Древнерусские имена-прозвания представляют собой огромный интерес. Они раскрывают богатство русского народного языка. Древнерусские имена-прозвания, были разнообразны. Например: Первак-Первой, Второй, Вторак, Третьяк (это имя было одним из самых распространенных), Третий, и т.д. Мы встречаем прямых потомков этих имен – фамилии: Первов, Третьяк или Третьяков и т.д. Или, например, такие имена, как Черныш, Беляк, Белой и другие, данные по цвету волос, кожи.

Имена присваивались и по другим внешним признакам – росту, особенностям телосложения, характеру, по времени рождения.

Множество прозваний давалось по отдельным поводам и случаям. Среди древнерусских имен были такие, которые дошли до наших дней – Вадим, Всеволод, Горазд, Добрыня, Ждан, Любава.

После введения христианства на Руси вошли в практику именования так называемые календарные имена. Они стали составной частью русского языка, частью истории русского народа. Календарными мы их сейчас называем условно, так как в течение всего времени своего существования они давались людям по церковным календарям. Официальное насаждение христианства на Руси началось с X века. В княжение Владимира Святославича христианство стало государственной религией. Киевский князь Владимир, искавший себе сильного союзника, заключил союз с Византией. Одним из условий этого союза было принятие Русью христианской религии. В 988 году Владимир крестился сам и стал вводить новую религию на Руси. Христианизация населения Руси и обязательный при этом обряд крещения предполагал наречение людей новыми христианскими именами. Принятие новых имен русским населением шло медленно.

При крещении князю Владимиру Святославовичу было дано имя Василий, Ольге – Елена (957 год). Сыновья Владимира Святославовича – Борис и Глеб – соответственно получили имена – Роман и Давид. Князь Всеволод – Гавриил. Правнук Владимира Мономаха – Мстислав Ростиславович – получил имя Георгий.

Однако в истории сохранились и дохристианские имена, которые бытуют у нас и поныне. Они попали в русский язык в начале II тысячелетия через проповедников христианской религии, большинство которых были южными славянами: у них христианство появилось гораздо раньше, чем на Руси.

В первые годы после Октябрьской революции основной массе рождавшихся давали старые имена. После окончания гражданской войны произошли перемены – реже стали устраивать церковные свадьбы, осуществляли положенную гражданскую регистрацию новорожденных.

В настоящее время очень часто встречаются сокращенные формы имен. Сокращенные формы употребляются в самых различных ситуациях, за исключением официальных, в ласкательной форме – Мария (Марья) – Марьюшка, Машенька; Любовь – Любонька, Любаша, Любочка. Сокращенные имена столь коротки, что нередко оказываются созвучными нескольким полным именам, и наоборот, одному полному имени может соответствовать несколько сокращенных. Например: Аграфена – Агаша, Гаша, Граня, Груня, Груша, Феня. Александр (а) – Ара, Аря, Аля, Алик, Ксана, Ксая, Алексаня, Алекса, Алексаша, Саша, Сашура, Шура, Саня, Санюра, Нюра, Санюша, Нюша, Сандра, Анастасия – Настасья, Натя, Ася, Стася, Тася.

Мы рассмотрели черты сходства и различия между русскими, английскими и осетинскими личными именами.

К сходным чертам, бесспорно, относятся следующие:

1. Наличие в трех системах ярко выраженной оппозиции «имя личное» (first name, Christian name, given name) – имя фамильное (last name, surname). При этом в трех языках на речевом уровне имя личное, как правило, предшествует фамилии, а на языковом уровне (в статьях энциклопедического словаря) на первое место выносится фамильное имя, а личное имя следует за ним.

2. Теснейшая связь подавляющего большинства личных имен с христианской традицией и религиозными текстами. При этом в становлении российской антропонимической системы решающую роль сыграла православная церковь, а англоязычной – англиканская церковь и другие направления протестантизма, в меньшей степени – католическая церковь. Обращенность обеих систем к христианской традиции объясняет многочисленные (хотя и не всегда бросающиеся в глаза) параллели между личными именами в двух языках *John* – Иван, *James* – Яков, *Joseph* – Иосиф, *George* – Георгий, *Thomas* – Фома,

Marry – Мария, Ann/Ann (e) – Анна, Catherine/Catharine/Katharine/Katherine – Екатерина, Elizabeth/Elisabeth – Елизавета и так далее [4].

Осетины имели свои собственные библейские имена, причем такие имена могли иметь русскую и грузинскую форму – как было отмечено выше, это связано с деятельностью на осетинских землях русских и грузинских миссионеров.

Христианские и библейские:

Мелхисидек (Мелхи Сыгъдаг-Мелхи Праведный), Кириаг (Кериаг-Христовый-первый Иерусалимский Епископ), Базей (Базилевс, Василий – «Царь», «Монарх»), Эристай или Еристай (Эристави-Князь, наследственный правитель крупной области) Никала, Бадила, Вано, Саулего, Миныхкаæ, Соныхкаæ.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на следующие черты различия между двумя системами.

1. Наличие нескольких личных имен при одной фамилии в англоязычной антропонимической системе. Чаще всего встречаются 2 имени (при этом второе имя называется middle name «промежуточное имя») Williams Makepeace Thackeray, Herbert George Wells, George Wells George Bernard Shaw, William Somerset Maugham, Francis Scott Fitzgerald и.т.д. Иногда в обиходной речи «промежуточное имя» становится основным, наиболее известным, о чем свидетельствует три последних примера [7].

В русском и осетинском языке отсутствует традиция давать человеку 2 (3 или даже 4) имени, хотя осетины при рождении ребенку давали два имени детское – «домашнее» (Габыла, Баппу, Дзиба, Бабо и др.) для внутреннего пользования (зачастую давалось женщинами) и настоящее – «социальное». Мальчику давал имя исключительно мужчина, девочке – женщина. Человек, наделявший именем, считался у осетин родственником, опекуном и покровителем на всю жизнь. Вплоть до XVIII века осетины, держали в секрете «домашнее» имя, данное ребенку, тем самым пытаясь обмануть злых духов, болезни и напасти.

Несмотря на указанное различие в английской, осетинской и русской традициях, следует заметить, что «промежуточное имя» в английском языке и отчество в русском и осетинском языке могут служить одной и той же практической цели – различению однофамильцев, имеющих к тому же одинаковые личные имена.

2. Отсутствие у подавляющего большинства английских фамилий окончаний – формантов, служащих для их построения (исключение

составляют фамилии, имеющие формант -son или довольно редко употребляющееся с этой целью формант -s). Это предполагает такую специфическую черту англоязычной антропонимической системы (особенно характерную для американского варианта английского языка), как возможность взаимообмена между личными и фамильными именами: Henry GEORGE (экономист), George WASHINGTON (политический деятель) – Washington IRVING (писатель) – Irving STONE (писатель) [7]. В русском языке имеется немало число формантов, образующих фамилии: ов (а), ев (а), – ин (а), иногда – ский – (ская – цкий – (цкая) и позволяющих без труда идентифицировать фамилии в потоке связной речи. Кроме того, в русском языке наблюдается противопоставление мужских и женских фамилий, что совершенно нехарактерно для английского языка. Осетинские фамилии больше всего похожи на оригинал, переписываются по-русски с окончаниями -ты/ти; однако есть старая традиция придавать им в русских текстах русские фамильные окончания (-ов/ев).

3. Возможность в английском языке именовать жену через личное имя и фамилию мужа: Mrs. John Smith, Mrs. William Brown, Mrs. Frank Algernon Cowperwood, Mrs. Soames Forsyte и т.д.

В русском и осетинском языке на жену распространяется только фамилия супруга (причем с окончанием женского рода), но не его личное имя.

Нами был проведен сравнительный анализ личных имен в словарях, в ходе которого мы выяснили, какие личные имена являются общими и наиболее употребительными в трех исследуемых языках.

Словарь английских личных имен содержит 4000 имен, из них самых популярных – 200 [2]. В словаре осетинских личных имен насчитано около 4000 мужских имен, из которых пользуются популярностью 138 имен [8]. В словаре русских личных имен насчитано около 1000 имен, из них наиболее популярны – 100 [9].

В нашей работе затронуты лишь некоторые наиболее актуальные проблемы, связанные с происхождением и употреблением личных имен в русском, английском и осетинском языках.

Нами сделана попытка проведения сравнительного анализа личных имен в английском, осетинском и русском языках.

Мы выяснили, что личные имена – это важный источник информации, от умелого пользования которым зависит глубина нашего проникновения в сокровищницу изучаемого языка. Результаты проведенного исследования доказывают, что, несмотря на исторически,

религиозные и языковые различия, социально-бытовую и ментальную самобытность и географическую удаленность, у трех народов есть много общего.

Английские	Осетинские	Русские
Agnes	Агнессæ	Агнесса
Alvina	Альбинаæ	Альбина
Bella	Беллаæ	Белла
Anatoly	Анатоли	Анатолий
Anthony	Антъон	Антон
Arsen	Арсен	Арсен
Arthur	Артур	Артур
Irene	Ирæ	Ирина
Valentine	Валентин	Валентин
Victor	Виктор	Виктор
Emma	Эммæ	Эмма
David	Дауит	Давид
Diana	Дианæ	Диана
George	Георги	Георгий
Janet	Ѓаннаæ	Ѓанна
Maria	Мариа	Мария
Michael	Михал	Михаил
Nickolas	Никъала	Николай
Rosa	Розæ	Роза

Словарь английских личных имен содержит 4000 имен, из них самых популярных – 200 [2]. В словаре осетинских личных имен насчитано около 4000 мужских имен, из которых пользуются популярностью 138 имен [8]. В словаре русских личных имен насчитано около 1000 имен, из них наиболее популярны – 100 [9].

В нашей работе затронуты лишь некоторые наиболее актуальные проблемы, связанные с происхождением и употреблением личных имен в русском, английском и осетинском языках.

Нами сделана попытка проведения сравнительного анализа личных имен в английском, осетинском русском языках.

Мы выяснили, что личные имена – это важный источник информации, от умелого пользования которым зависит глубина нашего

проникновения в сокровищницу изучаемого языка. Результаты проведенного исследования доказывают, что, несмотря на исторически, религиозные и языковые различия, социально-бытовую и ментальную самобытность и географическую удаленность, у трех народов есть много общего.

Примечания

1. Камболов Т. Т. Стратегия образования в Осетии: полилингвальность и поликультурность // Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества: Материалы международной конференции. Владикавказ, 2006. – С. 19-24.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. М., 1973.
3. Цагараев М. А. Славных предков имена. Сборник имен восточно-иранских народов (от киммерийцев до осетин). Цымыти, 2009.
4. Формановская Н. И., Шевцова С. В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия. М., 1990.
5. Зайцева К. Б. Английская антропонимия. Одесса, 1979.
6. Ссылка на online-статью. Тема: Имена по происхождению. Происхождение и значение осетинских имен. <http://www.sonnik-online.net/> – 2012-2013 г.
7. Джоунз Д. Словарь английского произношения. М., 1964.
8. Цогоев В. Г. Словарь осетинских личных имен. Орджоникидзе, 1990.
9. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-Пресс, 1995.

IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. ЦОПАНОВА
к.псх.н., нс СОИГСИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

Автор дает обобщенную характеристику исследования психологических последствий терроризма, как факторов влияющих на формирование отношения к этому явлению, стереотипов восприятия терроризма и причин его возникновения.

Данные исследования несут, помимо теоретической, еще и практическую ценность.

Ключевые слова: политика, терроризм, нестабильная обстановка, психологические последствия, заложник, террористический акт.

Терроризм есть борьба нелегитимной власти против легитимной, с помощью средств и методов давления на психическое состояние противника. Цель терроризма «психолого-политическая дестабилизация общества через «заражение» противников психолого-политической нестабильностью, которой он страдает сам» [1].

Политический терроризм подразумевает преступные действия, совершаемые по политическим мотивам. Политический терроризм есть политико-криминологический феномен, включающий в себя совокупность насильственных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых субъектами политики.

В целом политический терроризм, как крайне опасное социально-политическое явление внутренними истоками которого являются затяжной социально-экономический кризис, неравномерное распределение доходов, рост безработицы и обострение конкуренции на рынке труда, рост преступности, разжигание этнофобии и пропаганда расизма, насилия, коррупция.

Политический терроризм не ставит своей основной целью убийства. Необходима широкая информация о совершаемых террористических актах. Но в этом случае и сама информация террористам не нужна. Главное – это ее воздействие и эффект, которого они добиваются. А в результате основной ущерб террористы наносят, не уничтожая или повреждая материальные ценности, а порождая атмосферу страха, неуверенности в завтрашнем дне, подрывая чувство безопасности личности, фрустрируя, по сути, одну из базовых потребностей.

Психологические последствия терроризма являются наиболее эффективным инструментом террористов, с помощью которого ими достигается привлечение наибольшего внимания общества к себе и своей деятельности. Психологические последствия являются основанием для формирования и укрепления в обществе определенных стереотипов восприятия терроризма, понимания причин его возникновения. Имеющиеся стереотипы восприятия терроризма могут быть как положительными, так и отрицательными. И соответственно могут проявляться, с одной стороны, как в пассивном одобрении и сочувствии делу террористов, в осознанном желании индивида, группы присоединиться к уже существующей террористической организации или перенять ее опыт для достижения своих собственных целей, в том числе противозаконного и антисоциального характера. А с другой стороны в чувстве страха и потребности идентификации источника угрозы. Кроме того, психологические последствия – это потенциальная информационная база для людей, обладающих определенным складом личности и склонных к совершению насильственных действий, в том числе и террористических актов.

Давно установлен один из феноменов СМИ – у созданной с их помощью славы нет знака «плюс» или «минус». Информационные со-

общения стирают и без того размытые границы между «плохим» и «хорошим». А отсюда следует, что террористы становятся такими же телевизионными героями, как и спортсмены или звезды шоу-бизнеса. А героям принято подражать и восхищаться ими. В книге «Манипуляция сознанием» С. Кара-Мурза приводит в пример женщину, работавшую на завалах ВТЦ в Нью-Йорке, которая в интервью выражала восхищение, как внешностью Бен-Ладена, так и его личностными качествами [2].

Эпидемии подражательного поведения, охватывает общество почти сразу же после резонансных событий, широко освещаемых СМИ. Хорошо известен феномен Вертера – после публикации в СМИ рассказа о самоубийстве известной личности число совершаемых самоубийств резко увеличивается в тех географических районах, где данный случай получил широкую огласку.

Таким образом, исследования психологических последствий терроризма, как факторов влияющих на формирование отношения к этому явлению, стереотипов восприятия терроризма и причин его возникновения представляют для нас интерес не только и не столько в теоретическом плане, сколько несут в себе практическую значимость.

Что мы имеем в виду, когда говорим о психологических последствиях терактов? В первую очередь – это страх, ужас, паника, агрессия и апатия. Именно в такой последовательности рассматривал их Д. В. Ольшанский.

Само понятие террор значит ужас. Ввел его Аристотель для обозначения особого типа ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре. Ужас – это крайняя степень страха, а страх – это одна из самых первых реакций, которая наблюдается после террористического акта. Нет страха – нет терроризма, а есть просто некое, пусть и жестокое, тяжкое, но все же привычное, «обычное» уголовное преступление, которое в силу своей привычности не вызывает у людей опасения массовой угрозы [3, 61].

Людей пугает не столько сама возможность террористического акта, сколько непредсказуемость и неизвестность места и времени его совершения. Именно подобные механизмы и приводят к тому, что число психологических жертв террористического акта всегда во много раз превышает число физических жертв. В обществе активируется цепная реакция на происшедшее в виде паники и страха смерти. Если мы говорим об обществе, переживающем каки-

е-либо сложности в межэтнической сфере (а таковым и является северокавказский регион), находящимся в переходном периоде, то здесь особое внимание привлекает возрастание межэтнической напряженности, укрепление уже существующих негативных гетеростереотипов и рост этноцентризма. И в этом случае терроризм может выступать в качестве средства манипуляции в разжигании межэтнических и межконфессиональных конфликтов [4].

При описании психологических последствий терроризма, очевидным является упоминание такого экзистенциального понятия, как «страх смерти» [5]. Предполагается, что страхи в целом и в частности страх смерти присущи всем людям. Инстинкт самосохранения позволяет нам в рамках человеческой биологии защищаться от смертельной угрозы и личного физического повреждения в ситуации неожиданности. Так убивая, насилая, калеча, террористы «берут» в руки одно из самых действенных орудий для запуска реакции в виде страха. Выбирая в качестве жертв не кого-то конкретно (как это происходит в случае мотивированного убийства), а случайного человека или массу людей, они с помощью СМИ позволяют каждому человеку «представить» себя в роли жертвы. Таким образом, возникает ощущение, что он может стать одним из той самой массы. Основной расчет террористов и заказчиков теракта строится именно на этом. К примеру, после событий, произошедших в США 11 сентября, резко снизилось количество пассажироперевозок среди американских авиалиний. Это объяснялось тем, что люди боялись попасть в повторные теракты.

Д. В. Ольшанский обращает внимание на то, что территория распространения страха не ограничилась США. По данным опроса российских жителей Фондом «Общественное мнение» (опрос, проведен в конце сентября) следует:

- 21% респондентов испытали в результате террористических актов комплекс отрицательных эмоций, таких как «тревога, страх, ужас».
- 70% респондентов указали на то, что боятся стать жертвами следующего террористического акта.

Такие показатели частично отражают общие тенденции, характерные для посттеррористического состояния общества. Это массовый страх, формированию которого подвержена большая часть населения. Как и любое массовое явление, оно сложноуправляемо

и делает общество уязвимым. Все это становится причиной множества конфликтов на бытовой, этнической, конфессиональной и проч. почве.

Повторяющиеся пугающие события, в частности, в условиях, когда теракты становятся систематическими, у людей появляется своего рода привыкание (адаптация) к информации на эту тему, наступает апатия, как механизм психологической защиты, характеризующаяся эмоциональной пассивностью, безразличием, упрощением чувств. Но следствием повторяющихся событий так же может стать и чувство ужаса. Т.е. то, что не вызвало сильного страха первоначально, может вызвать его случившись позже.

Ужас случайных свидетелей, то есть людей, непосредственно не являвшихся жертвами террористического акта, а наблюдавшими его последствия или узнавшими о нем в СМИ, может значительно превышать ужас тех, кто являлся непосредственными жертвами террористического акта [6]. У прямых жертв ужас все время связан с повторными переживаниями того, как они вырываются из угрожающей жизни ситуации. У тех же, кто оказался свидетелем, нет таких конкретных переживаний. Состояние ужаса у них появляется, как правило, вследствие отсутствия информации и неспособности реагировать адекватно ситуации. Террористические атаки против США осенью 2001 года вызвали массовое состояние ужаса по всей стране, что проявилось в тенденции по снижению количества авиапассажиров (на 20-25% упало число авиапассажиров) [3].

Ужас представляет собой крайнюю степень страха. Это своего рода констатации неизбежности бедствия, в то время как страх есть сигнал о вероятности бедствия.

В обществе, в котором периодически возникает угроза, и совершаются террористические акты характеризуется тем, что люди в нем живут в постоянном напряжении, неосознаваемом страхе смерти. Так ситуация заложничества являясь психологически травмирующей, обладает большим агрессологическим потенциалом (теоретически возможным). Именно в этой ситуации реальность смерти максимально выражена. Фрустрированна потребность в самосохранении, источник фрустрации – террорист-захватчик.

В силу большого энергетического потенциала пережитые страх и ужас, требуют поведенческого выхода. Так на их основе,

как правило, развивается паника. Это своего рода промежуточное психическое состояние человека между этими сильными отрицательными эмоциями и последующими поведенческими действиями, обуславливаемыми данными эмоциями.

«Паника – один из наиболее заметных типов поведения толпы, массы и одновременно это особое эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо ее чрезмерного избытка, и проявляющееся в стихийных импульсивных действиях» [3]. В общепринятом смысле, под паникой понимается массовое паническое поведение, обусловленное ужасом. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий может резко возрастать в периоды особенного обострения текущей ситуации. В частности, когда люди ожидают каких-то нерадостных событий. В таких случаях они становятся особо восприимчивыми к различным видам пугающей информации. Такого рода ожидание вполне может быть и проявлением упомянутого выше «отсроченного» страха. Несмотря на то, что подобная точка зрения была сформулирована Н. Н. Пуховским в результате работы с пострадавшими после аварии на Чернобыльской атомной электростанции, к ней можно отнести и ситуации с последствиями террористического акта. Возникновение и развитие паники связано с развитием стимула, сразу отличающегося чем-то заведомо необычным. Частым поводом для паники являются и пугающие слухи. Панические настроения в массах усиливаются и закрепляются после того, как стимул, приведший к панике, повторяется или становится более интенсивным. Американский социальный психолог Cl. McCauley [7], рассматривая причины терроризма и особенности восприятия и реагирования на него со стороны общества, выделяет следующие этапы:

Первый этап – испуг, ощущение неожиданности, потрясение, шок. Ситуация воспринимается как безвыходная и угрожающая.

Второй этап – это замешательство и потрясение. На этом этапе человек пытается как-то понять все, что произошло. Сохраняется чувство страха, угрозы.

Третий этап – усиление интенсивности страха через механизмы «циркулярной реакции» и «эмоционального кружения». Когда страх одних, передается другим, а это, в свою очередь, усиливает страх первых. Усиливающийся страх стремительно снижает

уверенность в способности противостоять критической ситуации и создает у большинства тревожное ощущение обреченности. Завершается этот этап неадекватными действиями, которые ошибочно представляются людям как спасительные и правильные. На каждом из этих этапов под угрозу поставлены основополагающие ценности человека – свобода и уверенность в завтрашнем дне. Возникает необходимость в направлении энергии страха и беспомощности, в идентификации «врагов» и в опознании того с кем «мы» будем бороться. И кто такие «они»? В таких случаях характерно агрессивное поведение в отношении других групп людей, отличных от общей массы своими национальными, религиозными взглядами. А в рамках «Теории управления ужасом» [8] (англ. «Terror management theory» – TMT) американские исследователи Goldenberg J. L., Pyszczynski T. Greenberg, J., Solomon. S. помимо национальной и религиозной нетерпимости в результате терактов, выделяют еще нетерпимость и агрессивное поведение в отношении других социальных слоев и, даже, представителей нетрадиционной сексуальной ориентации.

Авторы TMT в качестве основания своей теории предполагают наличие страха смерти у каждого человека. Этот страх активируется вследствие переживания драматических событий, включая и простое упоминание о них в средствах массовой информации. Страх смерти в качестве дистрессора нарушает нормальное течение жизни человека, напоминая ему о том, что смерть неизбежна и каждый человек может стать жертвой в случае смертельной опасности.

В рамках Terror management theory большое внимание уделяется изучению способов и механизмов, с помощью которых люди могут контролировать переживания, связанные со страхом и подавлять в себе мысли о ее неизбежности. По мнению американских психологов, основными средствами контроля и защиты выступает чувство собственного достоинства «self-esteem» и картина мира человека, т.е. культурное мировоззрение. Чувство собственного достоинства понимается авторами теории как осознание своей ценности и неповторимости. Картина мира включает в себя систему ценностей, правил, установок, и норм поведения, которые составляют основы его мировоззрения.

Особенно актуальным в периоды переживания тревоги, беспокойства и страха становится мировоззренческая позиция. Ав-

торы Terror management theory средствами экспериментов устанавливают взаимосвязь между чувством достоинства и мировоззрением человека и уровнем тревоги и беспокойства. Чем выше уровень переживания тревоги и беспокойства, тем больше человек нуждается в утверждении своего статуса, своих идей, ценностей, норм, установок [8].

Размышления о смерти и ее неизбежности, наблюдение того как умирают другие, даже на экранах телевизоров являет почвой для появления негативных мыслей. Мировоззренческая позиция человека выступает защитным механизмом, позволяющим подавить негативные эмоции. Логичным, по мнению авторов, является потребность в поиске единомышленников, тех, кто думает, живет и понимает так же как он. Любая другая мировоззренческая позиция несет угрозу для человека и его образа жизни, ценностей.

Террористические акты порождают не менее заметную чем паника, стихийную агрессию. Это своего рода отсроченная форма реакции на террористический акт. Пережив страх, люди пытаются найти способы противодействия терроризму, выбирая в качестве объектов менее похожих на себя (а это как правило, меньшинства – национальные, религиозные, сексуальные и проч.)

Апатия

Апатия или смирение – третий вид массовых реакций на террор. Апатия наступает тогда, когда двигательная и психическая активность человека падают вследствие панических или агрессивных реакций. Исследования показывают, что апатия может развиваться в двух формах:

- как непосредственная реакция на террор,
- как отсроченная реакция, представляющая собой завершение сложной цепи психологических реакций на тот же террор.

Итак, терроризм есть, по сути, действие, направленное в первую очередь на устрашение. Очевидно, что в сознании людей между понятиями «терроризм» и «страх» существует устойчивая связь. Именно чувство страха является тем самым эффективным инструментом в руках террористов, который позволяет увеличить количество жертв террористического акта во много раз. Это происходит за счет увеличения жертв с психологическими травмами, а благодаря развитию СМИ количество этих жертв не ограничивается ни географическими, ни временными рамками. Осознание того, что любой человек может завтра или после зав-

тра оказаться в вагоне метро, который подвергнется атаке, все-
ляет в человека, в обывателя чувство страха и чувство неуверен-
ности в будущем.

Примечания

1. Юрьев А. И. Политическая психология терроризма / А. И. Юрьев
Сборник статей под ред. проф. М. М. Решетникова Психология и
психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора.,
СПб., 2004. С. 64-86.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза, М.:
Алгоритм, 2001. 528 с.
3. Ольшанский Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский.
СПб.: Питер, 2002. 288 с.
4. Гусейнов В. М. Дуга нестабильности в средиземноморско-ка-
спийском регионе: самопровозглашенные территории между Росси-
ей и Европой / В. М. Гусейнов // Вестник аналитики. 2004. № 3 (17).
С. 156.
5. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел. В 3 кн.: 3-е
изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. Новосибирск: Сиб. унив.
изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. 992 с.
6. Тарабрина Н. В. «Психологические последствия террористиче-
ских актов» [Электронный ресурс] // Всемирный антикриминаль-
ный и антитеррористический форум – [Электронный ресурс] – URL:
http://www.waaf.ru/index_ru.php?section=6¶graph=38&article=75
7. McCauley, Cl. Terrorism Research and Public Policy. London: Frank
Cass., 1991.
8. Terror Management Theory // Encyclopedia of Death and Dying –
[Электронный ресурс] – URL: [http://www.deathreference.com/Sy-Vi/
Terror-Management-Theory.html](http://www.deathreference.com/Sy-Vi/Terror-Management-Theory.html)

**Г. Ф. ГЕБЕКОВ,
кин, мнс ИИАЭ ДНЦ РАН
(г. Махачкала)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ СВЕТСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

В статье автор приводит результаты социологического опроса по наиболее острым проблемам соотношения светских и религиозных факторов в государственной образовательной системе; анализируются различные аспекты вопроса по введению нового учебного курса по основам религиозных культур и светской этики. Исследуются причины, приводящие к потенциальным конфликтам по поводу ношения мусульманской одежды, права на совершение намаза в учебное время, преподавания материалистической теории эволюции Дарвина, и по иным причинам мировоззренческого характера.

Ключевые слова: религия, конфликт, светская система образования, клерикализация, политика, духовность, нравственность, культура.

Клерикализация общественно-политической и духовной жизни в целом по стране актуализирует проблему сохранения светскости государственного образования, понимаемой нами, прежде всего, как секуляризированное образование. Так, «в конце осени 2007 г. парламент России упразднил региональный компонент среднего образования, который можно было использовать для внедрения в школы «Основ православной культуры» (ОПК). Однако не прошло и месяца, как духовенству пообещали целый блок в федеральном компоненте образования – духовно-нравственную культуру – и преподавание ОПК в ее рамках» [1].

С 2012 г. на территории Российской Федерации началось повсеместное внедрение преподавания основ духовно-нравственной культуры. Ученики и их родители могут выбирать предметы по основам православной, мусульманской, иудейской, буддийской культуры, а также общий курс по истории религий или по основам светской этики.

Помимо проблем, связанных с принципами преподавания основ религиозных учений в государственных учебных заведениях России актуализируются проблемы, имеющие отношение к мусульманским нормам поведения, ритуалам, а также требованиям к внешним атрибутам, касающимся одежды верующих. Причем нормы ислама в условиях России в какой-то степени чаще приходят в столкновение со светскими принципами общеобразовательной и профессиональной школы в сравнении с христианскими, иудейскими и буддийскими нормами. Связано это с большей религиозностью, традиционностью и патриархальностью, присущей народам РФ, исповедующих ислам.

23 декабря 2010 г. РИА «Новости» информировало о том, что Ученый совет Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ), одного из крупнейших вузов Северного Кавказа, запретил студентам и преподавателям входить в здания учебного заведения в хиджабе, с пирсингом или оголенными животами. Об этом сообщил ректор вуза Александр Горбунов. «Ученый совет университета в своем постановлении очень четко обговорил по элементам религиозной одежды, в том числе по хиджабам. И мы дадим сейчас поручение охране университета не допускать в наш вуз студентов и преподавателей с крайностями – с босыми ногами, с голыми животами, с пирсингом и с агрессивными религиозными элементами», – сказал Горбунов на встрече студентов вуза с руководителем УВД города. Он отметил, что ПГЛУ – это светское учебное заведение, в котором необходимо придерживаться делового светского стиля» [2].

В сентябре – декабре 2012 г. в городах и районах Дагестана был проведен социологический опрос. Опрошено 1300 респондентов. Из них годными к анализу оказались 1249 анкет. Учитывая специфику исследуемых проблем, мы сочли возможным ограничиться кластерной выборкой, которая в меньшей степени нацелена на репрезентативность. В городах Дагестана опрошено 742 респондентов. Из них: в Махачкале – 274, в Дербенте – 240, в остальных городах – 228. В сельских районах опрошено 507 респондентов. Из них: в районах с преимущественно аварским населением – 218, в Левашинском районе – 143, в остальных районах – 146.

Наиболее актуальными для страны, в целом, были два вопроса: первый – «В 2012 г. намечается введение (уже вводится) в программу школ учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». При этом учащиеся и их родители смогут (могут) выбирать для изучения один из предметов курса по желанию: «Основы христи-

анской (православной) культуры», «Основы исламской (мусульманской) культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской (не религиозной) этики». Как вы к этому относитесь?»; второй вопрос – «В 2012 г. вводится учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики». Какой предмет вы бы выбрали для себя или для своих детей?».

Ответы на первый вопрос показывают, что большинство респондентов практически во всех исследуемых социальных группах положительно относятся к введению учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». Наибольшую поддержку введению нового учебного курса выразили школьники (здесь и далее, учащиеся одиннадцатых классов), из которых 85, 2% отметили вариант ответа «положительно».

Ответы респондентов на второй вопрос показывают уже различные предпочтения представителей разных социальных групп населения. Так, с одной стороны, школьники (80,5%), студенты вузов (59,0%), а также их родители (53,1%) отдают предпочтение учебному курсу по основам исламской (мусульманской) культуры. В то же время субъекты, непосредственно осуществляющие обучение в общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях, отмечали вариант ответа «Основы исламской (мусульманской) культуры» уже не столь часто: преподаватели вузов – 30,4%; учителя школ – 31,6%.

На втором месте по степени предпочтительности для респондентов оказался предмет «Основы мировых религиозных культур», наибольшую поддержку которому выразили, в первую очередь, преподаватели вузов (41,4%) и, во вторую очередь, учителя школ (39,1%). Для сравнения: школьники – 13,7%, родители – 16,6%, студенты – 17,9%.

Вариант ответа «Основы светской (не религиозной) этики» был на третьей позиции среди респондентов различных социальных групп: преподаватели вузов – 24,3%, учителя – 21,9%, родители 15,7%, студенты – 15,4%, школьники – 1,3%.

В силу того, что подавляющее большинство населения республики исповедует исламскую религию (конечно же, с различным уровнем религиозности, а также с различным уровнем соблюдения религиозной обрядности) варианты ответов «Основы христианской (православной) культуры», «Основы иудейской культуры», а также

«Основы буддийской культуры» отмечались респондентами значительно реже или же вообще не отмечались.

Если, в целом, в масштабах всей страны, одними из наиболее актуальных проблем в государственных учебных заведениях являются те, которые имеют отношение к введению нового учебного курса по основам религиозных культур и светской этике, то в региональном масштабе, применительно к Республике Дагестан, особенно злободневны вопросы, приводящие к реальным конфликтам, судебным разбирательствам, вплоть до совершения противоправных действий. Конфликты возникают из-за споров по поводу ношения мусульманской одежды, права на совершение намаза в учебное время, преподавания материалистической теории эволюции Дарвина, а также по иным причинам мировоззренческого характера, связанных с местом религии в светской системе образования. Поэтому перед респондентами были поставлены вопросы по наиболее острым проблемам соотношения светских и религиозных факторов в государственной образовательной системе.

Вопрос по ношению религиозной одежды в государственных учебных заведениях был намеренно разбит на два самостоятельных вопроса, в каждом из которых указаны различные субъекты образовательного процесса: первый вопрос касался ношения религиозной одежды учащимися, а второй – преподавателями и руководителями государственных учебных заведений.

В целом, мнение различных социальных групп населения по вопросам ношения религиозной одежды оказалось значительно более расколотым в сравнении с другими вопросами, которые были затронуты в ходе анкетирования. Так, если 62,9% преподавателей вузов и 61,4% учителей школ отрицательно относятся к тому, что некоторые учащиеся государственных образовательных учреждений посещают учебные занятия в мусульманской одежде, то в среде самих учащихся общеобразовательных учебных заведений относятся к этому отрицательно лишь 5,9% опрошенных, а среди студентов 14,7%. Разница достаточно существенная. Кроме того, если, с одной стороны, положительно относятся к ношению религиозной одежды 78,6% школьников, 60,3% студентов и 47,7% родителей, то, с другой стороны, только 1/5 учителей школ и преподавателей вузов относятся к «моде на ношение хиджабов» положительно.

В процессе разработки анкеты мы предполагали, что будут получены ответы, свидетельствующие о более толерантном отношении к

учащимся в мусульманской одежде, в сравнении с преподавателями. При этом исходили из гипотезы, что в общественном сознании жителей республики «фигура» преподавателя все же больше ассоциируется со светской направленностью государственного образования, а учащиеся, которые таковыми являются временно, имеют, согласно общественному мнению больше прав на ношение религиозной одежды в сравнении с теми, кто их обучает. Однако результаты ответов респондентов во всех социальных группах не подтвердили наше предположение. Ответы опрошенных свидетельствуют о том, что существенных расхождений во мнениях всех исследуемых социальных групп, обусловленного указанием на конкретных субъектов образовательного процесса (преподавателей или учащихся), не обнаруживается.

На вопрос об отношении к тому, чтобы «официально разрешить учащимся и преподавателям государственных учебных заведений (школ, училищ, университетов и т. д.) совершать намаз (молитву) в учебное время» были получены ответы, свидетельствующие о том, что большинство жителей республики положительно отнеслось бы к подобной инициативе государственной власти. В целом, к этой идее положительно относятся 59, 1% опрошенных респондентов. В том числе, положительные ответы дали следующие социальные группы: школьники – 84, 6%, студенты – 70, 5%, родители – 52, 1%. Из обследованных групп разделенными примерно на две равные половины оказались преподаватели вузов и учителя школ, в среде которых инициатива по намазу не нашла поддержки большинства опрошенных субъектов, непосредственно осуществляющих преподавательскую деятельность. Так, 41, 4% преподавателей высших учебных заведений республики отметили вариант ответа «*положительно*», а 42, 4% – «*отрицательно*». Учителя школ: 47, 0% – «*положительно*», 39, 8% – «*отрицательно*».

Также перед респондентами был поставлен следующий вопрос: «На протяжении последних 20 лет в некоторых государственных образовательных учреждениях (школах, училищах, университетах и т. д.) периодически проходят нравственные и познавательные беседы, лекции и семинары религиозных деятелей (имамов, мулл, священников и т. д.) с учащимися. Как вы к этому относитесь?». Ответы респондентов на данный вопрос оказались самыми религиозно-ориентированными в сравнении с ответами на другие вопросы. Так, 73, 1% от общего числа опрошенных положительно относятся к духов-

но-просветительским мероприятиям с участием служителей культа. Более того большинство респондентов во всех исследуемых стратах положительно настроены по отношению к подобным мероприятиям: школьники – 89,7%, студенты – 79,5%, родители – 69,3%, учителя – 65,7%, преподаватели – 61,4%.

Причины, по которым респонденты значительно чаще отдавали предпочтение варианту ответа «*положительно*» в сравнении с другими вопросами, состоят в том, что в подобного рода нравственно-познавательных беседах они видят один из способов предупреждения распространения радикальных религиозных идей. Кроме того, подобные беседы, кажутся им относительно безобидными мероприятиями в сравнении с другими проявлениями или инициативами церкви в отношении государственной системы образования.

Результаты социологических опросов, проведенных в конце 1990-х гг. в России показывают, что 45,2% опрошенных россиян поддержали идею введения религиозного образования в школах (вне общей программы), не одобрили эту идею 33,3% и еще 21,5% респондентов затруднились занять определенную позицию [1].

Мнение жителей Дагестана по данной проблеме в целом существенно не отличалось от мнения россиян. В 2008 г. был проведен социологический опрос в Республике Дагестан. Опрошено 850 респондентов. Из них годными к анализу оказались 792 анкет. Учитывая специфику исследуемых проблем, мы, также как и в опросе 2012 г., сочли возможным ограничиться кластерной выборкой, которая в меньшей степени нацелена на репрезентативность. В городах Дагестана опрошено 400 респондентов. Из них: в Махачкале – 98, в Дербенте – 99, Буйнакске – 99, Кизляре – 94, в остальных городах – 10. В сельских районах опрошено 392 респондентов. Из них: в Гумбетовском районе – 131, в Буйнакском – 98, в Сулейман-Стальском – 47, в Дербентском – 47, в Рутульском – 26, в остальных районах – 43). Так, на вопрос «Как вы относитесь к стремлению церкви (духовных управлений) ввести богословие (учение об аллахе, боге) в учебные программы государственных образовательных учреждений (школ, училищ, институтов и т. д.)?» родители школьников и студентов вузов ответили следующим образом: «положительно» – 45,2%, «отрицательно» – 33,7%, «затрудняюсь ответить» – 11,4%, «мне все равно» – 9,2% [3, 265].

По мнению некоторых исследователей, в том числе, С. Н. Родионова, «активная позиция религиозных организаций и сторонников

религиозного образования в школах вызвана, прежде всего, ожиданиями наших соотечественников. Опрос, проведенный ФОМом в 2004 г., и дискуссионные фокус-группы 2004 г., прошедшие в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге, впервые позволили детально и глубоко выявить предпочтения и мотивацию россиян относительно введения в школьную программу предметов на религиозную тематику. Результаты исследования свидетельствуют, что немногие россияне, преимущественно имеющие высшее образование, видят в курсе «Основы православной культуры» сугубо светский учебный предмет, призванный расширить кругозор учащихся, повысить культурный уровень» [4, 140].

Такая же ситуация сложилась и в Дагестане. В целом, в общественном мнении населения республики нет четкого разделения между богословием, с одной стороны, как религиозной, конфессиональной учебной дисциплиной, и «Основами религиозных культур и светской этики», с другой стороны, как предполагаемо религиоведческим, не конфессиональным учебным предмете. Так, если сравнить результаты опроса жителей Дагестана в 2012 г. по двум похожим для большинства респондентов вопросам (первый вопрос: «Как вы относитесь к стремлению церкви (духовных управлений) ввести богословие (учение об Аллахе, Боге) в учебные программы государственных образовательных учреждений (школ, училищ, институтов и т. д.)?»; второй вопрос: «В 2012 г. намечается введение (уже вводится) в программу школ учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». При этом учащиеся и их родители смогут (могут) выбирать для изучения один из предметов курса по желанию: «Основы христианской (православной) культуры», «Основы исламской (мусульманской) культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской (не религиозной) этики». Как вы к этому относитесь?»), которые были им предложены, то существенной разницы в ответах респондентов не прослеживается. К примеру, положительно к богословию относятся 62,0% родителей школьников и студентов вузов, а к введению основ религиозных культур и светской этики – 68,6%. Разница не существенная.

В феврале 2007 г. на базе кафедры «Социологии и социальной работы» при Северо-Кавказском государственном техническом университете было проведено пилотажное исследование по выявлению мнений учителей начальных классов общеобразовательных учрежде-

ний г. Ставрополя, имеющих высшее образование, относительно введения в школах курсов: «Основы православной культуры» и «История мировых религий» (ИМР). Ответы респондентов на вопрос: «Как вы считаете, следует ли преподавать в школе «Основы православной культуры», «Историю мировых религий»? Какая из перечисленных позиций вам ближе?» свидетельствуют, что большая часть их положительно относится к идее преподавания в школе указанных предметов. Против введения как ОПК, так и ИМР высказались только 16,7% преподавателей, из общего числа опрошенных, а 38,9% респондентов полагают, что следует преподавать обе дисциплины. Причем из тех, кто отдал предпочтение какой-то одной дисциплине, в пользу преподавания ИМР высказались 23,6%, а ОПК – 16,7%.

Ответы на уточняющий вопрос «Как вы относитесь к идее ввести в школьную программу ОПК и ИМР?» показали, что 69,4% респондентов склонны к введению в школьные программы ИМР. Такую же позицию относительно ОПК заняли 63,9% опрошенных преподавателей. Однако респондентов, отрицательно относящихся к идее преподавания ОПК, почти вдвое больше, чем противников введения ИМР. Респонденты, которым безразличны оба педагогических проекта, составили соответственно 4,2% [5,107.].

Если сравнить ответы учителей начальных классов г. Ставрополя, имеющих высшее образование, с мнением городских учителей общеобразовательных школ Дагестана в 2012 г., перед которыми был поставлен похожий по содержанию и по вариантам ответов вопрос («В 2012 г. намечается введение (уже вводится) в программу школ учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики». При этом учащиеся и их родители смогут (могут) выбирать для изучения один из предметов курса по желанию: «Основы христианской (православной) культуры», «Основы исламской (мусульманской) культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской (не религиозной) этики». Как вы к этому относитесь?»), то можно сделать вывод, что существенных отличий нет. Так, вариант ответа «положительно» отметили 63,4% городских учителей, «отрицательно» – 19,6%, «мне все равно» – 7,1%, «затрудняюсь ответить» – 9,8%.

Продолжающаяся в настоящее время клерикализация общественного сознания создает благоприятные условия не только для дальнейшего отхода от светских принципов функционирования государ-

ственной образовательной системы, но и в целом создает опасность для светских устоев государства. Кроме того, властные структуры, как на общенациональном уровне, так и на региональном, не только упускают возможность использования светского образования для профилактики религиозно-политического экстремизма, но и, наоборот, усиливают позиции церкви в государственных учебных заведениях.

Примечания

1. Мчедлов М. П. Образование и духовность // НГ-религии. 2008. № 11.
2. Рудковский С. В пятигорском университете запретили носить хиджаб. [Http://ria.ru/society/20101223/312517152.html](http://ria.ru/society/20101223/312517152.html). [Http://ria.ru/](http://ria.ru/) – официальный сайт РИА «Новости». Дата обращения: 6.08.11.
3. Гебеков Г. Ф. Мировоззренческие конфликты в современной государственной системе образования (на примере Республики Дагестан). Махачкала, 2011.
4. Родионов С. Н. Религиозный дискурс в светском образовании // Социологические исследования. 2008. № 11.
5. Родионов С. Н., Шевцов Р. П. О религиозной тематике в школьном образовании // Социологические исследования. 2008. № 3.

Е.Д. ФЕДОСОВА,
аспирант Южного федерального университета
(г. Ростов-на-Дону)

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В ПРИНИМАЮЩИЕ СООБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме миграции. Процессы миграции населения, под воздействием разных неблагоприятных политических, экономических и социальных факторов обусловили проблему адаптации, с включением в жизнь региона представителей других сообществ, а так же развитие атмосферы межкультурных связей, осознание ценностей, объединяющих людей, и потребностей в сотрудничестве и солидарности.

Ключевые слова: миграция, мигранты, население, адаптация, общество, геополитические изменения.

В последнее время, крупные геополитические изменения, военно-политические столкновения, социально-экономические кризисы, этнические конфликты привели к значительному росту мигрантов во многих регионах мира [1,5], и Россия также не стала исключением. В сложном и противоречивом переплетении этих процессов общественное сознание России, а также ее регионов, оказалось совершенно неподготовленным к мощной волне социального, политического и психологического неприятия прибывающего потока мигрантов, несущего в себе сложившиеся национальные и культурные отличия от коренного населения. Мощный миграционный поток на территорию регионов страны, привел к ряду проблем связанных с их трудоустройством, жильем, акклиматизацией, а также социально-психологической адаптацией мигрантов в новую и во многом, непривычную для них социальную среду. Поэтому, на сегодняшний день – проблема адаптации мигрантов, является весьма актуальной и требует серьезного теоретического осмысления и практического решения данной проблемы.

Впервые понятие «миграция», а также разработка классификации миграционных процессов, было положено в трудах Э. Равенштейна в конце XIX в. В работе ученого «Законы миграции», он рассматривает миграцию как «постоянное или временное местожительства человека», «как непрерывный процесс», обусловленный взаимодействием

4х групп факторов:

- факторы начального места (страны) жительства мигранта;
- факторы стадии перемещения мигранта;
- факторы места (страны) въезда мигранта;
- факторы личного характера, т.е. прежде всего система предпочтений личности, совокупность ее демографических характеристик и т.д. [2,197]

Существенную роль в развитии «миграционного направления» в науке внес российский ученый Л. Л. Рыбаковский, он разделил определения миграции на четыре группы [3,18]:

Первая группа определений смешивает два таких различных явления, как миграционный процесс и миграционный результат.

Во вторую группу, Л. Л. Рыбаковский относит определения, которые не разделяют такие разные понятия, как «перемещение» и «мобильность», он подчеркивает, что под миграцией населения следует понимать территориальное перемещение, а под мобильностью – способность к миграции, т. е. потенциальную миграционную активность.

В третьей группе, по мнению ученого, в определениях миграции происходит смешение различных видов движения, в частности миграционного и социального.

Четвертая группа, которой придерживается большинство ученых, это группа определений, где миграцию рассматривают как территориальные перемещения населения. Но стоит отметить, что территориальные передвижения могут быть как внутренними, так и внешними, при этом только первые из них можно отнести к миграциям. Территориальные перемещения весьма разнообразны и различаются в зависимости от расстояния передвижения, статуса объектов, между которыми происходит перемещения, сроков и целей перемещения [4,5].

Отдельно стоит выделить подход российского конфликтолога А. В. Дмитриева, который в своем подходе отмечает то, что «конфликт, связанный с миграцией, рассматривается как взаимодействие двух основных участников: постоянных жителей и мигрантов. В данный конфликт зачастую вмешивается власть, как третий участник. Суть

конфликта – в восприятии участниками поведения друг друга, как ущемления своих материальных и духовных устремлений» [5,176].

Юдина Т. Н. в своем научный подход к процессу миграции, понятие «миграции» рассматривает как «особый» социальный процесс, через то «общее», что свойственно социальным процессам [6, 9], т.е. совокупность статистически устойчивых актов взаимодействия людей, выражающих определенную тенденцию изменения общественного положения или образа жизни больших социальных групп людей, условий воспроизводства и развития каждого человека как личности [6, 9]. Процесс миграции, ученый относит к спонтанному социальному процессу, поэтому, данный процесс предполагает фиксацию его первоначального состояния, социологическими методами, включающими сбор информации об истоках его возникновения; изучение изменения в обществе или в общностях и группах в ходе протекания миграционного процесса и т.д.

Так же, Юдина Т. Н. дает свое определение «мигранта», в ее понимание это социальные группы людей, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности [6].

Петров В. Н. в своем научном подходе к миграционному процессу [7,48], предлагает выделять такие его компоненты, как: субъект процесса, потребности, объективные условия и субъективные факторы, стимулы. Но, центральное место в миграционном процессе, по мнению ученого, принадлежит его субъекту, т.е. мигранту. Под определением понятия «мигрант», Петров В. Н. рассматривает социальную группу людей, совершающую территориальное передвижение, т.е. миграцию со сменой постоянного места жительства и работы навсегда или на определенный срок (от 1 дня до нескольких лет).

Анализ российского законодательства позволил ряду ученых, вывести следующие определение понятия мигрант: «под мигрантами следует понимать не всех лиц, совершающих территориальное перемещение, а лишь тех, правовой статус которых изменяется в результате такого перемещения. Соответственно мигрантом является лицо, осуществившие территориальное перемещение, в результате которого его правовой статус определяется категориями «иностранец», «лицо без гражданства», «беженец», «вынужденный переселенец» и другие» [8, 38].

Процессы миграции населения, под воздействием разных неблагоприятных политических, экономических и социальных факто-

ров обусловили проблему адаптации, с включением в жизнь региона представителей других сообществ, а так же развитие атмосферы межкультурных связей, осознание ценностей, объединяющих людей, и потребностей в сотрудничестве и солидарности.

На сегодняшний день, при анализе научной литературы, четкой теоретической концепции к определению «адаптация» не существует. В демографической науке социальная адаптация предстает как вид приспособления личности или социальной группы к окружающей социальной среде. Здесь важнейшим компонентом адаптации выступает согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды, включающие также тенденции развития среды и субъектов [9, 10]. В демографии адаптация изучается применительно ко всему народонаселению, семье, категории мигрантов и т.д.

По мнению Назаровой Е. А., процесс адаптации, нужно рассматривать как процесс двух взаимосвязанных уровней – институциональный и личностный одновременно [10,10]. Исследование адаптации на институциональном и личностном уровне не совпадает по своему содержанию, однако, относительно личности имеет не только различие, но и единство, считает Назарова Е. А. «На личностном уровне, социальная адаптация человека отражает как генетическую связь с общебиологическими, так и с социально-психологическими процессами, формирующимися в процессе жизнедеятельности людей. Что касается институционального уровня, то здесь адаптация отражает моменты, связанные с государственной потребностью в самосохранении, жизнедеятельности, развитии индивида и общества» [10].

В.В. Степанов и А.А. Сусоколов были одними из первых социологов, которые пытались дать научно-обоснованные решения проблемы приживаемости мигрантов в местное сообщество. Они разработали весьма оригинальную методику социальной экспертизы возможных вариантов расселения закавказских старожилов в регионах России [11,17]. В основе предложенной методики этими авторами, лежит многофакторный отбор территорий, наиболее подходящих для скорейшей адаптации мигрантов на новом месте.

Еще один российский социолог М. А. Шабанова рассматривала процесс адаптации, как результат взаимодействия индивида с социальной средой, в следствие которого постепенно согласуются требования и ожидания обеих сторон, т.е. индивид получает возможность развиваться, а социальная среда – воспроизведения и всту-

пления в иную стадию. Для лучшего понимания данного процесса, Шабанова разделила его на несколько категорий – вынужденную и добровольную. Добровольная адаптация, по ее мнению, происходит, когда принципы и нормы социального бытия «вписываются» в систему самых значимых интересов и потребностей индивида или даже создают более благоприятные условия для их реализации. Следующим критерием добровольной адаптации, являются ценностные ориентации, которые раньше были присущи индивиду, но изменяются в новых условиях без особых сложностей и конфликтности со стороны индивида. И наконец, последним критерием добровольной адаптации, являются провозглашаемые идеи, которые, несмотря на активное или пассивное массовое неприятие индивидами, в той или иной степени корректируются, приближаясь к ценностным ориентациям и намерениям тех или иных социальных групп [12, 35].

Вынужденная адаптация, также происходит по нескольким сценариям. Когда индивид не хочет принимать ничего нового и пытается изменить социальные ценности и поведенческие модели, вводимые той средой, в которой он оказался, но эти попытки оказываются безуспешными, отчего приходится подчиниться новым правилам социальной среды. Другой сценарий вынужденной адаптации, происходит, когда индивид сопротивляется новому, но исходя из своего прошлого жизненного опыта, социального положения, возможностей и других обстоятельств, вынужден подчиниться, не пытаясь что-либо изменить; и наконец, когда новые способы социального действия, даже не противоречащие ценностным ориентациям индивида, соответствуют его объективным качествам, однако он вынужден использовать их ради выживания [12, 35].

Американский социолог и представитель интеракционистского направления социальной психологии Т. Шибутани, отмечал, что каждый индивид определяется комбинацией приемов или реакций, которые позволяют ему справляться с трудностями, и эти приемы или реакции могут рассматриваться как формы адаптации. По мнению ученого, адаптация это четко организованный способ справляться с трудностями, и этот способ складывается путем последовательного ряда приспособлений, которые играют восстановительную роль между средой и индивидом. Эти приемы или же реакции, по мнению Шибутани, происходят на всех уровнях, как на индивидуальном, групповом, так и на бессознательном, откуда и происходит активное участие индивида в освоение среды [13, 90-95]. Поэтому,

процесс адаптации, ученый видел в ряде способностей индивида решать трудности, возникающие у него в социальной среде.

Н. А. Свиридов, рассматривает адаптацию, как систему взаимодействия всех элементов, которые и составляют сам процесс адаптации и его результаты. Механизм адаптации включает в себя: формы и варианты адаптации, ее этапы, стадии, уровни; предпосылки, источники, стимулы и т.д. [14, 92]. Но главным в данном механизме, являются способы и средства воздействия на процесс и результаты адаптации, используемые как взаимодействующими сторонами, т.е. ее субъектами, так и социальными институтами общества.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод, что процесс адаптации может протекать как в активной, так и в пассивной форме, но чаще всего в той и другой одновременно.

Активная форма адаптации, прежде всего, характеризуется тем, что субъект, воздействуя на социальную среду, стремится ее изменить, т.е. подогнать под уже сложившиеся у него представления о нормах и правилах социального поведения. Зачастую, в полной мере сделать это не удастся потому, что сложившаяся социальная среда также стремится сохранить стабильность социальных норм и правил поведения, и, кроме того, она состоит из индивидов, которые эти нормы уже приняли и не собираются их коренным образом изменять.

Пассивная форма адаптации, выражается в пассивном принятии всех норм и правил поведения той социальной группы, в которой индивид оказался. Для этого нужно полностью пересмотреть свои взгляды и убеждения, что довольно сложно, и начать жить по нормам и правилам, установленным в данном обществе [14, 92].

Существует различные мнения о классификации адаптации мигрантов. Например, Шабанова выделяет в процессе адаптации 3 основных типа [14, 93]:

1. Прогрессивные адаптанты, т.е. это мигранты, которые сумели в новых условиях и новой среде приобрести более или менее надежные способы решения их жизненных проблем, и эти способы в свою очередь, улучшают их возможности, жить наиболее подходящим для них образом.

2. Регрессивные адаптанты, т.е. мигранты, которые более или менее справляются со своими проблемами, но те способы, которые они используют для решения своих жизненных проблем, позволяют им освоиться с новыми условиями лишь регрессивно.

3. Регрессивные неадаптанты – у мигрантов этого типа, в насто-

ящее время нет надежных способов преодоления своих жизненных проблем и трудностей, они не знают как им жить в новой среде и новых условиях в которых они оказались.

Стадии, которые проходит мигрант в процессе социализации на новом месте, усложняются и модифицируют уровень адаптации мигранта. Поэтому первоначальная цель миграции может измениться в зависимости от имеющегося у индивида уровня адаптации к данному социуму. Тогда кратковременная миграция может перейти в среднесрочную или в долгосрочную и наоборот. Все зависит от уровня адаптации мигранта, и на сколько ему комфортно в новой среде [15].

Не смотря на то, что проблемой миграции и последствиями миграционных процессов, занимается весьма значительное количество учёных, но выработать единый подход к формулированию понятия миграции, им пока так и не удалось. Именно этим объясняется наличие множества различных определений миграции, которые, по сути, зачастую противоречат друг другу. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что процесс адаптации мигрантов является важной проблемой современной социологической науки, позволяющей выявить теоретические аспекты актуального научного направления в социологии – социальной адаптации мигрантов, а так же выработать конкретные практические рекомендации по урегулированию этого сложного социального процесса.

Примечания

1. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Институт психологии РАН, 2002.
2. Ravenstain E. G. The Laws of migration // Journal of the statistical society. Vol. 48.
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 2009.
4. Федорака Л.И. Миграция населения: понятия, причины, последствия. Журнал международного права и международных отношений. №4. 2012.
5. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2007.
6. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов. СОЦИС № 10. 2002.
7. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология. СОЦИС № 10. 2009.

8. Федоров Ю. Н., Шатуев Н. В., Бахлаев А. В., Миграционные отношения в Российской Федерации: анализ эффективности реформирования. Улан-Удэ, 2008.

9. Татевасов Р. В. Адаптация / Народонаселение: Энциклопедический словарь. БЭС. М., 1994.

10. Назарова Е. А. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев в контексте современной миграционной политики России: социологический анализ. М., 2000.

11. Степанов В. В., Сусоколов А. А. Русские ближнего зарубежья. Проблемы адаптации в российской деревне/ Российский этнограф. Вып. 9. М., 1993.

12. Шабанова М. А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социологические исследования. № 9. 2000.

13. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д, 2000.

14. Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация) / Н. А. Свиридов // Социологические исследования. 2002. № 1.

15. Воронина М. А. Уровни адаптации мигрантов в социальном пространстве еврейской автономной области. //Региональные проблемы №12. 2009.

**Р. К. КЕЛЕХСАЕВ,
соискатель СОГУ**

ПРАВОСЛАВИЕ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассматривается место православия в социально-политической и духовной жизни республики, определяются основные вехи развития и современные тенденции развития православных институтов и отношения к ним населения республики.

Ключевые слова: государственная политика, власть, православие, возрождение, храм, крещение, монастырь, благочиние, воцерковление.

На рубеже XX – XXI веков в России произошла беспрецедентная трансформация общественного сознания – увеличилось число верующих, построены новые и восстановлены старые храмы, кардинально изменились государственно-церковные отношения. Все это привело к усилению роли религиозного фактора в государстве и общественной жизни.

Православие – традиционная религия для осетин, русскоязычного населения, грузин и греков, проживающих в республике. Исторически сложилось, что православие имеет наиболее сильные позиции в республике и наибольшее число своих последователей. Кроме того, после присоединения Северного Кавказа к Российской империи и возрождения здесь христианства православие получило дополнительный импульс для своего развития. Владикавказ являлся кафедральным городом, центром Владикавказско-Моздокской епархии, включавшей в себя Терскую и Дагестанскую области. До 1917 г. государство традиционно активно обращается к Православной Церкви за помощью в реализации многих своих решений и такую помощь получает.

После 1917 г. Церковь в Осетии, как и в других частях России, подверглась гонениям. На территории Терской области властями был инспирирован обновленческий раскол, направленный на уничтожение Церкви. Тогда епархия стала центром обновленческого движения на Северном Кавказе, а ее глава епископ Макарий – обновленческим епископом Пятигорским. После победы «тихоновского», канонического направления в православии, местными общинами руководил протоиерей Александр Малиновский.

Состоявшаяся конфискация церковных ценностей, а затем участие большей части местного духовенства в желаемом властями обновленческом движении не остановили гонений. В 1924 г. во Владикавказе было учреждено Общество друзей газеты «Безбожник», призванное распространять материалистические воззрения среди населения. «Безбожная пятилетка» (1929-1934 гг.) выразилась в Осетии массовым закрытием и последующим разрушением храмов. Достаточно упомянуть, что во Владикавказе из трех десятков православных соборов, церквей и часовен уцелела только одна – Осетинская Рождественская – церковь и одна Ильинская часовня, позже ставшая храмом. Был открыт антирелигиозный музей [1,8].

При этом нужно отметить, что антирелигиозная работа велась плохо – население исторически толерантно относилось к проявлениям веры. На заседании Северо-Осетинского бюро Обкома ВКП (б) 28 июля 1938 г. отмечалось, что «антирелигиозная работа в республике является наиболее запущенным участком» [2,5]. 4 февраля 1940 г. на заседании того же Обкома говорилось, что «постановление бюро Обкома ВКП (б) от 27/VI-39 г. не выполнено. Несмотря на некоторые улучшения в постановке антирелигиозных лекций, проводимых силами лекторов Республиканского совета СВБ [Союза воинствующих безбожников], Наркомпросом и Обкомом ВЛКСМ все антирелигиозная пропаганда в республике поставлена крайне неудовлетворительно» [3,13].

В военные годы благочинным церквей Северной Осетии протоиереем Григорием Гончаровым проводилась большая патриотическая работа среди паствы и из собранных прихожанами г. Грозного и г. Орджоникидзе средств он внес на постройку танковой колонны им. Димитрия Донского 50 тыс. рублей, а также в фонд обороны Родины – 300 тыс. рублей. Им были организованы сбор теплой одежды сиротам Донбасса и шефство над двумя палатами раненых воинов.

Протоиерей был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [4,28]

В течение XX в. и вплоть до настоящего времени, несмотря на преследования, Церковь занимала патриотическую, государственническую позицию, что было отмечено даже богоборческой властью.

В настоящее время руководство республики, администрации местного самоуправления воспринимают Православную Церковь не только «одной из многих конфессий», «религией большинства», но и оказывают поддержку, видя в ней своего рода ресурс для влияния на ситуацию в республике. Построены новые храмы во Владикавказе, Алагире, Моздоке, Беслане, горных селах и станицах. В их числе Собор Святого великомученика Георгия Победоносца. В январе 2000 года в приходе великомученицы Варвары в Беслане был заложен фундамент будущей обители, на церемонию прибыли послушники из Рыльска. Возникновение мужского монастыря в Северной Осетии связано со Свято-Николаевским мужским монастырем г. Рыльска Курской области, где архимандрит Ипполит с охотой принимал послушников со всей России, в том числе и из Северной Осетии. В том же году Святейший синод утвердил существование Аланского Свято-Успенского мужского монастыря, затем в Алагире открылся женский скит. Всего было зарегистрировано 15 организаций православного толка [5, 60]

Динамику развития Северо-Осетинского благочиния можно проиллюстрировать статистикой совершенных в республиканских приходах крещений.

Таблица 1

Совершение обряда крещения в приходах РСО-А (2000-2004)

годы/ при- ходы	Вла- дикав- каз	Ар- хон- ская	Бес- лан	Ардон	Ала- гир	Диги- ра	Змей- ская	Моз- док	всего
2000	2585	59	111	201	273	-	9	421	3659
2001	2984	44	137	292	435	-	20	520	4432
2002	3307	58	188	307	714	-	7	487	5068
2003	3235	78	129	257	568	23	24	517	4807
2004	3263	53	167	274	535	190	48	549	5079

Как видно из приведенной таблицы, несмотря на отрицательные демографические показатели, в республике увеличивается количество людей, принимающих таинство крещения. В 2005 г. только за

два дня пребывания епископа Ставропольского и Владикавказского Феофана в республике (в сентябре) таинство приняли более тысячи человек [6,54].

Отсюда можно констатировать численное увеличение в республике людей, идентифицирующих себя с христианской традицией. Однако социальная активность их невелика. В качестве примера можно назвать ст. Павлодольскую, населенную православными русскими, почти половина опрошенных в которой заявили, что вера занимает незначительное место в их жизни [7].

Православные не позиционируют себя, как отдельную, выраженную политическую силу. Возможность выражения воли православного большинства связана с позицией духовенства, – настоятелей приходов, главы благочиния и епархии. Общественная активность последних достаточно велика. Так, если покойный владыка Ставропольский и Владикавказский Гедеон (Докукин) за более чем десятилетие главенства над епархией посещал Северную Осетию считанные разы, то епископ Феофан (Ашурков) менее чем за два года побывал в республике уже 25 раз [7]. Можно говорить о высоком авторитете в администрации города и президента, заметной общественной активности благочинных православных церквей Северной Осетии.

Мужской монастырь в Куртатинском ущелье достаточно известен и популярен не только у местных жителей и отдыхающих. Нужно отметить, что в среде отдыхающих здесь людей, достаточно состоятельных, становится престижным, «модным» делать пожертвования на «свой» монастырь. Также обитель становится местом паломничества.

Немецкий Фонд помощи детям вкупе со Ставропольско-Владикавказской епархией возводят детский реабилитационный центр на территории Аланского женского монастыря, что говорит как о высоком уровне доверия к РПЦ за границей, так и об активной позиции самой обители.

Разумеется, сама православная среда неоднородна. Внутри нее существуют свои маргинальные группировки, номинально считающие себя православными, однако не признающими Московского Патриархата, позиционирующие себя как «истинно-православные», «катакомбники», «автономники» и т.п. В этой среде господствуют апокалиптические настроения. Эти группы очень малочисленны (3-7 человек, по республике – не более нескольких десятков), люди, входящие в них, как правило психически неуравновешенны, в той или иной степени десоциализированы. Деятельность их заключается в

собраниях, на которых имитируются «таинства», ведутся разговоры о «экуменическом характере» РПЦ [7].

Обстановка в конфессиональной области по республике в целом стабильная, наиболее благополучны в этом отношении исторически православные районы, такие как Дигорский, Ардонский, Алагирский. Дестабилизационные ситуации в Моздокском районе связываются именно с происходящим процессом отторжения района от православной Осетии.

Православная Церковь в Осетии стабилизирует отношения между государством и обществом. Фактом остается декларируемая (что тоже немаловажно) историческая принадлежность большинства населения России и Северной Осетии к православию. В таких условиях не может не сложиться особой формы взаимодействия между церковью большинства и государством.

Очевидно также, что на настоящем этапе ни о каком тотальном во-церковлении населения речи идти не может – население религиозно безграмотно. В основах вероучения, принадлежности к которому заявляет большинство (более 60%) населения республики, разбираются очень немногие [7]. С одной стороны, это говорит о достаточно четкой исторической конфессиональной самоидентификации людей, с другой – об относительной индифферентности в вопросах веры. Также можно говорить об отсутствии напряженности (например, по вопросу о свободе религиозной практики) внутри православного большинства.

Благочиние готово к поддержке социальных проектов государства. Поскольку ряд приходов не способен к самостоятельному решению крупных проблем, связанных со строительством, они заинтересованы в поддержке их со стороны государства. А эти проблемы весьма актуальны, т.к. до настоящего времени Церковь в республике в полной мере не оправилась от нанесенного в 30-е годы XX в. удара.

Совершенно необходимым признается храмовое строительство в Северо-Западном (БАМ) районе Владикавказа, необходимы храмы и часовни в восточной части Пригородного района. Государство не станет брать на себя финансирование всех этих проектов, однако оно может способствовать популяризации их в обществе и у меценатов. Пожертвования на религиозные организации не облагаются налогом, а прибыль от производственной деятельности «на основе собственности религиозных объединений» облагается подоходным налогом, так же как прибыль любой общественной организации. Правитель-

ству предоставлено право провозглашения тех или иных религиозных праздников общегосударственными.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.1. Оп.3. Д.537.
2. ЦГА РСО-А. Ф.1. Оп.3. Д. 131.
3. ЦГА РСО-А. Ф.1. Оп.3. Д.545.
4. Вечная память почившим! // Журнал Московской Патриархии. 1969. №12.
5. Хубулова С. А. Власть и церковь в современных условиях //Религия Под ред. докт. ист. наук, проф.З.В. Кануковой. Владикавказ: изд-во СОГУ, 2003.
6. Храните Веру Православную // Православная Осетия. 2005. №10.
7. Полевой материал автора, 2000 год.

А. С. ХАЛИЛОВА,
кин, мнс ИИАЭ ДНЦ РАН (г. Махачкала)

МИГРАЦИИ ДАГЕСТАНЦЕВ В «ТРАДИЦИОННО РУССКИЕ» РЕГИОНЫ ЮГА РОССИИ В 1980-2010 ГОДЫ: ПРИЧИНЫ, ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ

№ 12-31-01201. («Общественно-политические взаимоотношения, миграционные контакты и социально-бытовое сотрудничество Республики Дагестан с Краснодарским краем, Ставрополем и Ростовской областью в 1980-2010 г.»)

В статье на основе полевого материала, данных статистики, социологических опросов и других источников рассматриваются вопросы, связанные с миграцией выходцев из Дагестана в Ставрополье, Краснодарский край и Ростовскую область в 1980-2010 годы. Определяются причины возникновения миграции, выделяются ее основные виды. Сделана попытка проследить последствия этих процессов.

Ключевые слова: Дагестан, миграция, русские, юг России, отходничество, студенты.

Изучение миграционных движений на Северном Кавказе, и в целом в России, занимает внимание научной общественности уже не первое десятилетие. Однако, и по сей день многие их из причин, особенностей и итогов остаются не освещенными в научных трудах. Это во многом связано с тем, что при исследовании вопросов, связанных с миграцией различных народов, ученый прежде всего сталкивается с необходимостью не только проследить ее направление, но и определить причины, заставившие людей покинуть ранее обжитые места, а также изучить возможности для адаптации новоприбывших в среде местного населения и их дальнейшей социализации в окружающее общественное пространство.

Особенностью исследуемого в данной статье периода является и само отношение к миграции в указанный период. В частности, в 80-х годах XX века отношение к миграции и мигрантам было основано на твердой уверенности местного населения в том, что все необъятные просторы великого СССР являются общей собственностью всех граждан страны и потому не имеет существенного значения то, где именно проживает тот или иной этнос, переход государства к рыночным отношениям в начале 1990-х годов во многом изменил восприятие понятия «своя земля» у населения РФ. Особенно остро этот процесс протекал в многонациональной южной окраине России. К началу 2000-х годов ощущение исключительной принадлежности определенной национально-территориальной общности сформировалось в полном объеме к той или иной территории в РФ, в особенности на Северном Кавказе. В связи с этим, коренным образом изменилось отношение к мигрантам: из сограждан одной общей родины они превратились в «людском понимании» в «захватчиков территорий предков» [1, 2]. В то же время перемещенному еще в советский период в целях обеспечения трудовыми ресурсами сопредельных субъектов населению, прожившему в этих регионах более 50 лет не совсем понятно это восприятие. Именно поэтому так важно определить сегодня настоящие причины миграционных процессов, протекавших на Северном Кавказе в 1980-2000 годы, выявить их основные виды и рассмотреть последствия для региона проживания.

Говоря о причинах, приводивших к перемещению населения из Дагестана в традиционно русские регионы Северного Кавказа, а именно в Ставрополье, на Кубань и в Ростовскую область, в первую очередь следует упомянуть политику рационального обеспечения трудовыми ресурсами, проводившуюся советским руководством, – один из основных видов миграции на сегодняшний день, – так называемую трудовую миграцию.

Еще в начале 50-х годов прошлого столетия, принимая во внимание малоземелье, исконно свойственное Дагестану, и необходимость в развитии тонкорунного и полутонкорунного овцеводства в ДАССР, Постановлением Совета Министров СССР от 28.05.1954 г. № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и Кизлярские пастбища» отгонные пастбища площадью 61,4 тыс. га, расположенные в нынешних административных границах Ставропольского края были переданы 24 колхозам Дагестана «...с устранением чересполосицы и в закреплены за каждым колхозом навечно»

[3]. В соответствии с этим постановлением уже более 50 лет происходит миграция дагестанских животноводов в Ставропольский край. Однако, постепенно этот процесс стал принимать все более негативную окраску. Как отмечают нынешние животноводы, ранее приглашенные из Дагестана в восточные районы Ставрополья для оказания помощи в развитии края, в настоящее время у них возникли трудности с пребыванием в крае. Представители районных администраций Ставропольского края в вопросах с дагестанскими мигрантами, проживающими на Ставрополье уже более 40-50 лет, зачастую идут на нарушения законодательства РФ, снимая с регистрации жителей овцеводческих кошар. По мнению политолога, сопредседателя общественной палаты Курского района Ставропольского края В. Тимофеева, «...идет рейдерский захват этих кошар, но он более циничный, чем рейдерский захват каких-то там фабрик, заводов. Дело в том, что захватываются не только кошары, но и дома, где проживают уже десятки лет чабаны и их дети» [4]. Говоря о положении трудовых мигрантов из Дагестана в Ставропольском крае, хочется подчеркнуть, что изучение всего массива имеющихся данных относительно конфликтных ситуаций в области сельского хозяйства позволяет сделать вывод, подтверждающий несостоятельность гипотезы об их межэтнической направленности.

По сути, в условиях перехода к рыночным формам хозяйствования происходит фактический передел средств производства и прибыли. В этом случае трудовая миграция выходцев из Дагестана воспринимается местными сельхозпроизводителями как угроза собственному благосостоянию. В то же время следует отметить, что многие из дагестанцев, переезжающих в Ставропольский край для ведения животноводства – сельские жители, занимающиеся тяжелым трудом. По данным исследования ИЭП им. Е. Т. Гайдара и ИЦ «RAMCOM», это «контингент, обеспечивающий сезонную трудовую миграцию, люди, готовые работать за еду и 500-600 руб. ежедневной оплаты труда» [5]. Вполне понятно, что старожильческое население края не согласно работать на таких условиях. Однако, по мнению ставропольчан, именно наличие такого предложения на рынке труда не позволяет им полноценно повышать цену на свои услуги в сельскохозяйственной отрасли.

Другой причиной трудовой миграции в Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область можно смело назвать растущую безработицу в 1980-2010 годах. В условиях перехода к рыноч-

ным отношениям проблема занятости населения внутри республики приобрела свою худшую форму – скрытую. По данным статистического учета, в 1990-1995 годах до 60% населения было безработным, причем большинство из них составляла молодежь до 30 лет [6, 58; 7, 36]. Очень высоким в этот период был процент безработных с высшим образованием [8, 25].

Оказавшись безработными, дагестанцы были вынуждены выезжать в регионы, в которых все еще оставался спрос на рабочую силу. Таким образом, безработица стала причиной отходничества – другой разновидности трудовой миграции. В целом сезонная миграция из Дагестана в соседние регионы для уборки урожая овощей и фруктов присутствовала на всем протяжении изучаемого периода. Именно она привела к формированию в Ставропольском крае и Ростовской области дагестанских хозяйств кутанного типа с преобладанием индивидуального сельскохозяйственного труда. Переход к рыночным формам хозяйствования постепенно привел к превращению кутанов на равнине в полноценные населенные пункты. На базе прикутаных поселков складывается новая сеть независимых от горных территорий населенных мест, привлекательных для заселения и перспективных в плане социально-экономического роста. В результате происходит усиление миграционных потоков «село горное – город», «село горное – село равнинное» и появление направление потока «город – село равнинное» [9, 71]. Переселение по этому принципу сохраняется и по сей день. Анализируя эту ситуацию, нельзя не согласиться с доводами ученых отдела кавказоведения МАЭ РАН, которые считают, что «значительные показатели трудовой миграции за пределы Дагестана среди жителей сельских районов республики не могут быть объяснены только с точки зрения экономических показателей. Значимым является социокультурное наполнение данной практики» [10, 165]. Отметим, что к середине 2000-х годов число отходников из Дагестана в традиционно русские регионы юга России представлено следующими данными: «В Ростовской области – 7453 человека (26,4% от общего числа мигрантов), в Ставропольском крае – 10773 отходника (38,1%), в Краснодарском крае – 3516 человек (12,4%)» [11, 22]. Подчеркнем, что в настоящее время сезонная миграция это именно тот вид деятельности, который можно назвать взаимовыгодным сотрудничеством между жителями сопредельных регионов. Сезонные мигранты, гораздо лучше адаптируются в среде старожильческого населения, потому что не воспринимаются как угроза местному рабочему классу.

Еще одной причиной миграции в традиционно русские регионы Северного Кавказа стали выезды с целью обучения в вузах. В 80-е годы XX века это направление инициировалось руководством республики. Потребность Дагестана в квалифицированных кадрах в тот период не могла быть решена за счет собственных ресурсов. В вузах республики отсутствовал целый ряд специальностей в области промышленности и сельского хозяйства. В частности, в протоколах отдела науки и образования Обкома КПСС за 1981 год отмечалось, что «в соответствии с приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР «О плане и порядке внеконкурсного приема в высшие учебные заведения, перевода на IV и V курсы и приема на подготовительные отделения при высшее учебных заведениях лиц коренного населения автономных республик, автономных областей и автономных округов РСФСР» Дагестанской АССР ежегодно выделяется 32-35 внеконкурсных мест в вузах Российской Федерации и по 10 мест на подготовительных отделениях. За 4 года направлено в эти вузы 162 представителя коренных народностей ДАССР, на подготовительные отделения – 46, всего 208 человек» [12, л.34.].

1990-е годы ставшие временем упадка в образовательной сфере, повышения уровня коррупции в этой среде, а соответственно и понижения статуса и уровня доступности для населения учебных заведений Дагестана привели к увеличению этого потока. По данным Комитета государственной статистики Республики Дагестан в связи с учебой из Дагестана выехало: в 1989 году – 5,6%, 1999 – 5,7%, 2010-10% абитуриентов [13]. Учитывая, что население Республики непрерывно растет, то соответственно увеличивается и количественный показатель студенческой миграции. В то же время если в 1980-е годы в вузах традиционно русских регионов Северного Кавказа число выходцев из Дагестана составляло в среднем до 20-25% от общего числа студентов, то к 2000 годам их число сократилось до 9-11%. Таким образом, говорить о том, что дагестанские мигранты, получающие образование в Ростовской области, Краснодарском крае или Ставрополье, могут оказать какое-либо реальное воздействие на условия жизни коренного населения, либо составить в образовательной среде настоящую конкуренцию местным жителям, не приходится. Кроме того, отношение местного населения к дагестанским студентам периода 1980-1990-х годов более чем положительное. В частных беседах многими подчеркивается их доброже-

лательное отношение к, более 20% русских в возрасте от 30 лет и старше считают дагестанцев своими друзьями.

Говоря о положении дел к концу 2000-х годов, отметим, что по данным социологического опроса, проводившегося в 2013 году в Ставрополье, Краснодарском крае и Ростовской области, число студентов среди в числе дагестанских мигрантов составляло от 24% до 39%. Причем 56% респондентов подчеркивают, что наибольший поток пришелся на 2005-2012 годы. Наверное, необходимо озвучить и изменения, произошедшие на уровне личного общения между представителями Дагестана и современной молодежью принимающих субъектов. В противовес восприятию дагестанцев предыдущего периода, только 12% местных молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет считают их своими друзьями. Во многом это обосновывается тем, что дети 1990-х годов, не получившие в нашей республике твердых воспитательных установок, не воспринявшие многих морально-нравственных норм, свойственных дагестанцам, отличаются гораздо худшими поведенческими характеристиками по сравнению с представителями предыдущих поколений. Их поведение характеризуется потерей всех лучших черт горского характера с сохранением и гипертрофией худших [14]. А господство индивидуалистских настроений в среде современной молодежи только усугубляет взаимное отторжение. При этом, «нелюбовь к приезжим» носит не идеологический характер, а скорее, прикладной, ситуативный.

Помимо вышеизложенных причин, еще одним основанием для выезда выходцев из Дагестана в традиционно русские регионы Северного Кавказа следует считать причины личного характера. К ним, в первую очередь, следует отнести выезды в связи с нестабильностью ситуации в республике. Отметим, что данный вид миграции приобрел широкое распространение в связи с событиями в Дагестане в 1999 году. В условиях КТО уезжало не только некоренное население Дагестана (русские, украинцы, евреи, татары, армяне и другие), но и представители коренных дагестанских национальностей, особенно из Хасавюртовского и Левашинского районов Дагестана (в общем, без крова остались около 17 тысяч человек, многие из которых стали вынужденными переселенцами) [15, 47].

Последствия миграционных движений дагестанцев в традиционно русские регионы Северного Кавказа в 1980-2010 годы весьма неоднозначны. В их числе есть и позитивные моменты (укре-

пление межрегионального сотрудничества, расширение рынков сбыта, оказание помощи в развитии региона), и негативные черты (нарастание взаимного отторжения в условиях роста рыночной конкуренции, обострение межэтнической ситуации в принимающих регионах в связи с перетеканием конфликтов в быту в сферу межнациональных отношений), а также то, что на сегодняшний день у представителей власти и общественности нет четкого плана по развитию положительного и преодолению негативного в сфере взаимоотношений между старожильческим населением Ставрополя, Кубани, Ростовской области и мигрантами из Республики Дагестан.

Примечания

1. Бессарабова А. Миграционный абсцесс [электронный ресурс] // Мир новостей. Эл.журнал. № 35 Режим доступа: <http://mirnov.ru/arhiv/mn922/mn/08-1.php> (дата обращения 20.04.2013).
2. Романов А. Мигранты не только заселяют Россию, но и захватывают в ней власть [Электронный ресурс] // Мультипортал КМ.РУ. <http://www.km.ru/node/714145/comments> (дата обращения 22.04.2013)
3. Постановление Совмина СССР от 28.05.1954 № 1023 «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Черные земли» и кизлярские пастбища» [электронный ресурс] // Законодательство России. URL: <http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16230.htm> (дата обращения 5.05.2013)
4. Кому мешают дагестанские чабаны на Нефтекумье? [Электронный вариант] // Портал Нефтекумск. Режим доступа: <http://www.neftekumsk.ru/nft/1808-924464.html> (дата обращения 12.05.2013).
5. Стародубровская И. В., Соколов Д. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. [электронный ресурс]// Кавказская политика/ URL: <http://kavpolit.com/istoki-konfliktov-na-severnom-kavkaze-chast-vi/?print> (дата обращения 18.05.2013).
6. Пути мира на Северном Кавказе / Под ред. В. А. Тишкова М., 1999.
7. Алиев А. К. Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. М., 1998.
8. Эфендиев И. И. Безработица в Дагестане: проблемы и решения // Возрождение, 1997. № 3.

9. Мудуев Ш. С. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. Махачкала, 2003.
10. Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI вв.: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Москва, 2012. с.165.
11. Алиев Ш. Отходничество жителей сельских районов Дагестана // Труды Географического общества Дагестана. Вып. 35. Махачкала. 2007.
12. Выступление секретаря обкома КПСС Коробейникова В. А. // Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф-1-п. Оп.2. Д.5068.
13. Данные Комитета государственной статистики Республики Дагестан Махачкала, 2010.
14. Проблемы отношений коренного населения и кавказских диаспор // Вопросы национализма. М., 2011, № 5.
15. Алиева А. В. Дагестанские переселенцы на Ставрополье во второй половине XX века. Дисс.на соиск.уч.ст. кин. Ставрополь, 2004.

М. М. КАДЫКОВА,
студент КБГУ (г. Нальчик)

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В КБР

В статье приведен анализ актуальных проблем, принявших национальную окраску, межселенных территорий КБР. Затрагивается тема этнической идентичности, как одного из ключевых ресурсов, который может быть задействован этническими лидерами, предпринимателями в борьбе за власть, и другие стратегические ресурсы.

Ключевые слова: межнациональные конфликты, идентичность, национальное движение, политический кризис, этнополитическая ситуация.

Сложный и длительный процесс перестройки в СССР привел к тому, что заложенный в ней демократический потенциал способствовал резкому подъему национального самосознания всех народов огромной Советской «империи». Оказалось, что ни один этнос не был удовлетворен уровнем своего социально-экономического развития и положением, занимаемым в составе страны. По сути можно утверждать, что именно неразрешенность национальных проблем стала одной из главных причин развала огромного Советского государства [1, 100].

Таким образом, 1980-х-1990-х гг. национальный вопрос прочно занял одно из центральных мест в общественной жизни СССР. В условиях общего ухудшения социально-экономической ситуации, ослабления системы власти и управления, он становится одним из основных факторов, которые привели к этнополитической дезинтеграции Советского государства [2]. Межнациональные конфликты, переживаемые современной Россией и другими бывшими республиками СССР, неизбежные составляющие общественных потрясений,

вызванных переходом к рыночной экономике и новым формам организации политической жизни [3, 579].

Современная этнополитическая ситуация в КБР является результатом достаточно сложного периода постсоветского развития. Поэтому ее осмысление на данном этапе представляется невозможным без реконструкции и анализа тех процессов, которые впервые проявились в 1990-е годы. Как многонациональная республика, с наличием двух титульных народов – кабардинцев и балкарцев, русских и большого количества других национальностей, она сталкивается с довольно высоким уровнем межэтнической напряженности.

Известно, что кабардины и балкарцы на протяжении своей истории имели достаточно мирные, добрососедские и дружеские отношения. В их истории нет каких-либо серьезных конфликтных страниц. В связи с чем, перед нами неизбежно встает вопрос, чем же вызваны те проблемы, прочно вошедшие в жизнь республики, начиная с 1990-х годов, межнациональные противоречия двух титульных, субъектообразующих народов Кабардино-Балкарии.

На рубеже 1980-1990-х гг. этническая мобилизация в Кабардино-Балкарии получила решающий импульс не в результате внутренних для республики межэтнических противоречий, а в связи с общим процессом кризиса и разрушения политической системы советского социализма [4, 73]. Отключение прежних механизмов регулирования межэтнического баланса, сделало неизбежной ту или иную форму самоопределения и суверенизации.

Мощный подъем национального самосознания способствовал выдвижению на первый план национальных интересов, как у кабардинцев, так и у балкарцев. Естественное ожидание народом реформ в системе межнациональных отношений, привело к возникновению общественных организаций ставящих своей целью защиту национальных интересов. Первые общественные организации – кабардинская «Ашамез» и балкарская «Ныггыш» и др., на первом этапе основное внимание сосредоточили вокруг проблемы культурного возрождения, возвращения национальных названий населенным пунктам, переименованию улиц городов, призванных отразить национальную специфику республики, проблемам охраны природной среды [5, 181]. Эти организации и общества возглавлялись представителями национальной интеллигенции, но

социальная база была гораздо шире. Своей деятельностью они сыграли весомую роль в формировании общественного сознания, в возрождении культуры, языка, традиций и обычаев, в защите интересов своих народов.

Необходимо отметить, что во многом к их голосу стали прислушиваться властные структуры республики. Со временем, национальные движения начинают отход от своих первоначальных идеалов и встают на путь этнической мобилизации. Стремясь привлечь на свою сторону народы для решения этнополитических задач, они постепенно занимают в общественно-политической жизни «пустующую нишу политической оппозиции» [6].

В условиях углубляющегося социально-экономического кризиса и роста национального самосознания народов в начале 1990-х гг. обострились в республике межнациональные отношения. Кризис в политической системе республики был настолько серьезен, что возникла фактическая угроза раскола КБР по национальному признаку. Общественно политическая ситуация значительно осложнилась, когда в ноябре 1991 г. Съезд балкарского народа принял решение о выходе из КБР и образовании самостоятельной республики Балкария. Был образован Национальный совет балкарского народа (НСБН). В ответ на это 10 января 1992 г. Съезд кабардинского народа объявил о воссоздании Кабардинской республики в пределах исторической территории. Таким образом, активизация балкарского национального движения в начале 1990-х гг. первоначально была связана с наиболее радикальными требованиями, прежде всего – с требованием раздела Кабардино-Балкарии на два субъекта. С аналогичными требованиями выступали тогда и кабардинцы. Два народа республики в политическом отношении двигались как бы параллельным курсом, не будучи тогда (как и когда-либо позднее) в состоянии конфликта друг с другом [7].

В конце сентября 1992 г. в республике политический кризис достиг своей кульминации: были введены внутренние войска из центральных регионов России [8, 605], но все-таки удалось избежать кровавых столкновений. Межнациональная напряженность не переросла в открытый конфликт. После многочисленных встреч между представителями национальных движений и властных структур напряженность спала. Идея «раздела» Кабардино-Балкарии окончательно стала несостоятельной – как юридически, так и практически. Во второй половине 1990-х гг. президенту Валерию Кокову удалось

взять под личный контроль все политические процессы, происходившие в республике [9].

Вместе с тем, следует обратить пристальное внимание, что в этот период обозначились такие исторические реалии, которые надолго стали актуальными проблемами современной Кабардино-Балкарии. Так, в эти годы возникают требования переоценки черных для народов страниц истории [10,182]. Для кабардинской организации «Ашамез», а позже «Адыгэ хасэ» это проблема новой оценки колониальной Русско-Кавказской войны и переселения народов Кавказа в Турцию и другие мусульманские страны, а также репатриация соотечественников на историческую родину.

Для балкарских национальных движений такой проблемой, как и для других репрессированных народов, стала проблема оценки преступлений сталинского режима в годы войны. Значимый этнический аспект эта проблема приобрела с принятием постановления «О декларации ВС СССР о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» и постановлении об образовании комиссии по подготовке предложений о восстановлении районов Балкарии в границах, существовавших на 1 января 1944 г. [11, 346].

Таким образом, эти вопросы прочно входят в перечень наиболее актуальных проблем республики. Причем, необходимо отметить, что присутствуют элементы расширительного толкования понятий «реабилитация» и «восстановления всех прежних прав» балкарского народа [12,120]. Весь комплекс социально-экономических проблем горных населенных пунктов напрямую связывался с тем, что реабилитация не была доведена до конца. На определенном этапе понятие «реабилитация балкарского народа» полностью отождествилась в сознании и практике национальной элиты с понятием «политическое самоопределение балкарского народа». А поскольку трагедия народа, историческая несправедливость по отношению к нему, становились весьма затруднительными взвешенные дискуссии и прагматический подход к решению конкретных вопросов, а рациональное оппонирование сторон превращалось в напряженное морально-психологическое противостояние [13, 120]. Как мы увидим ниже, эти проблемы сохраняют свое политическое звучание и по сей день.

После преодоления наиболее кризисных ситуаций в начале 1990-х гг. наступил относительно стабильный период развития республики. Усиление федеральной власти на Северном Кавказе в начале 2000-х гг. делало все менее реалистичными идеи создания в этом регионе новых субъектов, в частности, Республики Балкария. Поэтому, даже наиболее радикальные представители балкарского национального движения, на рубеже веков постепенно переходили от политических требований к экономическим (хотя, в наиболее острые моменты тема отделения звучала вновь).

Новый виток напряжения межнациональных отношений наступил в 2005 г. Когда так называемый земельный вопрос, приобрел большой общественный резонанс. Главным противоречием земельного конфликта в КБР является реализация Федерального закона РФ № 131 от 06.10.2003г «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». В исполнение положений этого закона Парламентом КБР приняты законы «Об административно-территориальном устройстве КБР» № 12-РЗ от 27.02.2005 г., «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» № 13-РЗ от 27.02.2005 г. Концептуальная основа республиканского Закона № 13-РЗ заключалась в том, что территории поселений были определены в пределах исторически сложившихся земель населенных пунктов и фактического порядка землепользования, что в целом соответствовало положениям ст.11 ФЗ № 131. С другой стороны, земли общего пользования (отгонные пастбища, государственный земельный запас, государственный лесной фонд) не были включены в границы поселений и получили статус межселенных территорий. Между тем предусмотренное указанными республиканскими законами придание значительной части земель статуса межселенных территорий находилось в противоречии с нормами ФЗ №131, так как КБР относится к субъектам РФ с высокой плотностью населения, в которых согласно ФЗ, наличие межселенных территорий не допускается. В ответ на это балкарскими общественными объединениями и администрациями ряда населенных пунктов было развернуто широкое движение протеста [13].

28 мая 2005 г. у Мемориала жертвам политических репрессий балкарского народа, состоялся митинг. Обсуждавшаяся на нем проблема межселенных территорий трактовалась исключительно в национальном аспекте: «под видом межселенных территорий у балкарского народа изымаются земли его исторического проживания» [14, 7].

Впервые за почти десять лет, звучали требования создать отдельную Балкарскую республику в составе РФ. Однако, эти требования не вошли в итоговую резолюцию. Звучала на митинге и критика в адрес «официальных» балкарских лидеров за обслуживание интересов властей. В обращении, которое принял митинг, в частности, говорилось: «Властями республики до настоящего момента не исполнен пакет федеральных нормативно-правовых актов о полной реабилитации жертв политических репрессий, о реабилитации репрессированных народов» [14].

Парламент КБР с августа 2005 г. по август 2006 г. внес 18 поправок в республиканский Закон № 13 РЗ, которые предполагали увеличить земли поселений за счет межселенных территорий. Причем увеличивались в основном земли балкарских поселений. Так если на 2005 г. территории, включенные в границы сельских поселений, с преимущественным проживанием балкарцев составляли 90,7 га (население 41, 3 тыс. чел.), в результате поправок эти территории составили уже 334,4 тыс. га. А площадь земель в границах сельских поселений с преимущественным проживанием кабардинцев составила 333,2 тыс. гектаров (население 253,7 тыс. чел.).

Эти мероприятия привели к сопротивлению кабардинского национального движения. Которое считает, что эти действия ведут к неравному, несправедливому и неправомерному «разделу» территории республики между этническими группами [15,135]. Это ускорило организационное оформление кабардинского национального движения. 4 апреля 2009 г. состоявшийся Форум адыгских общественных объединений с участием всех слоев населения, принял решение сформировать постоянно действующий Координационный совет с привлечением в его состав авторитетных представителей общественности, различных профессиональных сфер, экспертного сообщества. Сформированный 10 апреля Координационный совет адыгских общественных объединений КБР, в числе других своих задач, в центре внимания рассматривает проблемы исполнения Федерального закона № 131 и республиканские законы: № 12-РЗ и №13-РЗ [16, 8-9].

Таким образом, проблемы межселенных территорий, принявшие национальную окраску, остаются актуальны для республики и до сих пор не разрешены.

Исходя из выше изложенного, можно сделать следующие выводы. В Кабардино-Балкарии имеют место конфликты, связанные с

этнической идентичностью. Этническая идентичность, как один из ключевых ресурсов может быть задействован этническими лидерами, предпринимателями в борьбе за власть и другие стратегические ресурсы. Это проявилось в 1990-е годы, когда этнические различия легли в основу лозунга разделения республики по этническому признаку.

В условиях отсутствия потенциала для развития нероссийских форм государственности и альтернатив существующему национально-государственному устройству Кабардино-Балкарии, национальный вопрос фактически трансформировался в выяснение отношений между этноэлитами, а также между ними и официальными республиканскими властями [17].

В Кабардино-Балкарии за многие века, как практически у всех народов Кавказа, сложилось свое понимание этнической идентичности: в отличие от «немецкой» концепции (по крови) или «французской» (по гражданству), основа «кавказской» идентичности – «своя земля» [18, 25]. При этом важно учесть, что в условиях кавказского малоземелья и обостренного этнического сознания вопрос о будущем отдельных пастбищ и поселков легко связывается с вопросом о будущем целого народа.

Нельзя также не отметить, что в целом в республике сложился «некий механизм политической актуализации проблемы реабилитации» [19, 384], далеко не способствующий ее позитивному решению. Как было указано выше, вновь возникающие вопросы общественно-политической жизни КБР, в данном случае муниципальные реформы, понимаются в контексте широкого этноисторического понимания реабилитации. А программа суверенизации Балкарии, как гарантия благоприятного разрешения современных проблем этноса, актуализируется в трудные и противоречивые периоды жизни республики.

Потенциал межэтнической напряженности в КБР остается достаточно высоким. Это объясняется ростом национального самосознания в начале 1990-х гг. А также тем, что за два десятилетия постсоветского периода выросло целое поколение молодых людей, не охваченных процессом интернациональной социализации, но получивших все необходимое, чтобы идентифицировать себя в родной национальной среде [20, 67-68]. Для многих из них национальное стало преобладающим в определении своего места и назначения в обществе. А такие процессы, как помпезные празд-

нования не всегда научно обоснованных исторических дат, фальсификация отдельных исторических событий, попытки «удревнения» этнических корней и т.д. отвлекают народное внимание и не способствуют разрешению насущных социально-экономических проблем.

Примечания

1. Апшева М. И. Демократизация общества и этничность // Общественные науки и современность. 2008. № 1.
2. Шорова М. Б. Национальный вопрос в общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии (середина 1980-х – 1990-е гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010.
3. Здравомыслов А. Г. Матвеева С. Я. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве // Вестник РАН. 1995. Том 65. №7.
4. Боров А. Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6.
5. Кучуков М. М. Межнациональные отношения и национальное самосознание. Нальчик, 1992.
6. Шорова М. Б. Указ. соч.
7. Казенин К. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия /<http://lib.rus.ec/b/377683/read> (дата обращения: 16.06.2013).
8. Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005.
9. Казенин К. Указ. соч.
10. Кучуков М. М. Указ. соч.
11. Боров А. Х. Депортация и реабилитация Балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. Нальчик. 2006. Вып. 4.
12. Боров А. Х. Думанов В. Х. Кажаров В. Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
13. Чеченов А. Гаунова И. Кушхова К. Влияние государственных программ развития на институты на локальном уровне // От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Берлин-Нальчик-Ош. 2013. Вып. 2.
14. Боров А. Х. Политический аспект реорганизации системы местного самоуправления // Этнополитические и религиозные проблемы Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2011.

15. В интересах мира и согласия в КБР (материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 г.) / Калмыков Ж. А. Нальчик, 2010
16. Там же.
17. Шорова М. Б. Указ. соч.
18. Маркедонов С. Либман А. Языкова А. Северный Кавказ: современное состояние, возможности и перспективы управления кризисными ситуациями. // Россия и мусульманский мир. 2009. № 1.
19. Сериков А. Интеграционная диагностика этнополитической ситуации в регионе как инструмент прогнозирования локальных конфликтов // От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Берлин-Нальчик. 2011. Вып. 1.
20. Боров А. Х. Депортация и реабилитация Балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии... Указ. соч.

Е. Г. МАТРОСОВА,
кэн, доцент ФГБОУ ВПО РАНХиГС (г. Пятигорск)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО ИМИДЖА СКФО

Исследование посвящено актуальной проблеме формирования позитивного имиджа СКФО. Значительное внимание в статье уделяется анализу работы средств массовой информации, которые зачастую не освещают важнейшие культурные, спортивные, экономические и иные события регион. В выводах автором предлагается ряд мероприятий, для решения этого вопроса.

Ключевые слова: имидж региона, субъект, территория, толерантность, идентичность, СМИ, инвестиции.

«Нужно менять сложившийся образ Северного Кавказа и улучшать инвестиционный климат, что позволит эффективно решать стоящие перед местной властью задачи, а также придаст мощный импульс развитию муниципалитетов», считают участники состоявшегося 5 мая 2013 г. во Владикавказе совещания мэров столиц субъектов Северо-Кавказского федерального округа [1]. Сегодня вопросы имиджа Северо-Кавказского федерального округа в целом и отдельно входящих в него субъектов заботит многих – как простых граждан, так и организаций и органов власти и управления.

В Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) до 2025 года указано, что для СКФО характерен негативный имидж [2]. Такой «оттенок» имидж, можно сказать, приобрел из-за недостаточного уровня обеспечения безопасности, невысокого уровня обеспеченности субъектов, входящих в состав СКФО гостиницами и специальными средствами размещения, отсутствием качественной туристской инфраструктуры и невысоким уровнем сервиса, низким уровнем развития транспортной сети и др.

Имидж территории – это совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа. Имидж территории – это набор убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и др. особенностей данной территории. Все перечисленные факторы позволяют, при упоминании названия, сразу же строить целую цепь ассоциаций по отношению к данной территории.

Имидж территории может быть разноплановым – искусственно создаваемым, который складывается в сознании людей, а также стихийно создаваемым, который формируется под воздействием мнения людей, использования «сарафанного радио», распространения слухов, средств массовой информации. Сколько людей, столько и представлений о конкретной территории может быть продемонстрировано. Поскольку сами люди совершенно разные, специфично и их восприятие о территории, кроме того, люди имеют отличающуюся информацию о территории, неодинаков и их опыт, связанный с ней.

Формировать имидж территории необходимо обязательно с опорой на ее конкурентные преимущества, с учетом мнения населения, с активным вовлечением бизнес-сообщества территории и, конечно, органов власти и управления. Немаловажное значение имеет анализ микро и макросреды территории. В микросреду относим цель и задачи по направлению целенаправленного формирования имиджа СКФО, в основном, органами власти и управления, иных заинтересованных субъектов. К факторам макросреды относим изменения, направления развития, а также совершенствование различных сфер: политической, культурной, правовой, финансовой, экономической и др., которые могут оказать положительное воздействие на формирование и развитие привлекательного имиджа СКФО. Проанализировав различные источники, проведя социологический опрос в молодежной, мы получили информацию, которая, к сожалению, указывает на то, что имидж СКФО воспринимается как негативный. Он ассоциируется чаще всего с терроризмом, бандитизмом, недостаточной системной работой органов власти в данном направлении, нестабильностью, конфликтностью, дисбалансом информации в СМИ о СКФО. В тоже время совершенно забывается, на наш взгляд, о том «богатстве», которым располагает Северо-Кавказский федеральный

округ, в частности: об уникальном сочетании бальнеологических ресурсов – минеральной питьевой воды, термальных вод и лечебной грязи; об агропромышленном комплексе; об электроэнергетике, добывающих и обрабатывающих секторах промышленности; о санаторно-курортной сфере, туризме; о транспортной сети; об исторических памятниках архитектуры; о Государственных заповедниках и национальных парках; об уважении, культуре взаимодействия между народами и др.

На наш взгляд, особое значение в формировании имиджа СКФО принадлежит средствам массовой информации (СМИ). По нашим наблюдениям, СМИ часто оставляют без внимания важнейшие культурные, спортивные, экономические и иные события региона, и больше транслируют «жареные факты». Например, без особого внимания, остались масштабные спортивные состязания «Кавказские игры», на которые приехали первые лица СКФО и выдающиеся российские спортсмены. Мало кого заинтересовал бард-рок-фестиваль «За мир на Кавказе», даже, несмотря на то, что в мероприятии принимали участие более двух тысяч человек и была сделана заявка в Книгу рекордов Гиннеса и др.

Сегодня СМИ как каналы массовой коммуникации, организационно-технический комплекс, занятый сбором, обработкой и распространением для массовой аудитории словесной, образной, музыкальной информации во многом способны формировать и продвигать позитивный и привлекательный имидж СКФО. Продвижение территории – это процесс информирования потребителей о возможностях и выгодах, конкурентных преимуществах, предоставляемых территориями, с целью повышения их привлекательности в глазах целевых потребителей и обеспечения конкурентоспособности. СМИ должны создавать новое информационное пространство, ориентированное на формирование привлекательного имиджа СКФО. Для этого нужно организовывать и проводить постоянное взаимодействие между региональными и федеральными СМИ для обмена профессиональным опытом; оказывать влияние на представления россиян о регионе через освещение информации о «богатствах» СКФО телевидением – известными телевизионными программами, активизацию «местного» телевидения на формирование специальных передач, просветительских документальных и художественных фильмов об СКФО и др.

Конечно, необходимо оказывать помощь СМИ и проводить дополнительные информационно-коммуникационные акции и

мероприятия. В частности, Общественный Совет СКФО предлагает [3]:

- создать молодежную ассоциацию блогеров СКФО, которая могла бы координировать свою деятельность в интернет-пространстве и направлять ее в конструктивное русло;
- на грантовой основе поддерживать молодежные проекты, нацеленные на продвижение позитивного имиджа региона и международного взаимодействия;
- сформировать на постоянной основе группу PR-специалистов, способных осуществлять необходимое информационное воздействие; разрабатывать конкурсы грантов для проектов нужной тематики и осуществлять экспертный отбор наиболее значимых проектов; оказывать методическое содействие разработчикам этих проектов с целью эффективного противодействия экстремизму и радикализму в информационной сфере;
- организовать и поддержать ряд проектов в области культуры и информационной политики, направленных на восстановление межнационального мира и согласия, на межкультурное взаимодействие. Предлагаем дать старт и финансовую обеспеченность следующим проектам: Всероссийский проект «Кочующая культурная столица» – Ежегодный фестиваль культуры или биеннале под названием «Кавказ – земля гостеприимства» – Бард-рок фестиваль «За мир на Кавказе» – Интернет-портал «История и культура Северного Кавказа» – Ежегодный медиа-фестиваль «Образ Кавказа» – Федеральный телеканал о мусульманах и для мусульман «Аль-РТВ», выходящий в эфир в 2012 году – Северокавказский медиа-центр с привлечением высокопрофессионального медиа-сообщества и вузовских кадров факультетов журналистики для обучения и повышения квалификации северокавказских журналистов.

Также необходимо проведение долгосрочной информационной кампании, направленной на формирование общегражданской идентичности и межэтнической толерантности в Северо-Кавказском федеральном округе, а также формирование позитивного имиджа Северо-Кавказского федерального округа в российских и иностранных средствах массовой информации, как указано в *Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года*.

Формирование положительного имиджа территории и ее продвижение позволят: определять и максимально учитывать нужды и потребности туристов, представителей бизнеса, жителей данной тер-

ритории; повысить доходы бюджета территории; повысить занятость населения; привлечь успешные компании на территорию; определить направление деловой активности, уровень конкуренции и состояние рынка; разработать новый туристский продукт и каналы его продвижения; совершенствовать имидж, бренд территории и успешно его транслировать.

Примечания

1. Для привлечения инвесторов регионам Северного Кавказа надо изменить имидж, считают мэры городов СКФО. Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/206144/>.

2. Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года. Режим доступа: – <http://www.region-07.ru/e/845265-strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razviti>.

3. Резолюция III конференции Общественного совета Северо-Кавказского федерального округа «Роль культуры и СМИ в создании позитивного имиджа региона и противодействии радикализму в молодежной среде». – Режим доступа: <http://www.skfo.gov.ru/obshestvo/obshestvennyj-совет-skfo/konferencii-obshestvennogo-soveta-skfo/tretya-konferenciya-obshestvennogo-soveta-24032011/>.

**В. А. ТАРИЕВА,
г. Владикавказ**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье автор рассматривает место НИР в самостоятельной работе студентов социальной сферы; возможности применения теоретических методов познания в научных исследованиях студентов заочной формы обучения. В статье автором оценивается роль творческих заданий в подготовке студентов к НИР.

Ключевые слова: учебный процесс, студенты, научно-исследовательская работа, учебно-методическое обеспечение, преподаватель.

Реализация ФГОС ВПО 3-го поколения в высшей школе, требует введение новых образовательных основных и вариативных программ обучения студентов с повышенной долей их самостоятельной работы.

Совершенствование последней будет способствовать модернизации учебного процесса в вузе; сокращению доли аудиторных занятий и увеличению самостоятельной работы студентов. Концепция развития социального образования в России требует подготовки высококвалифицированного работника, конкурентоспособного на современном рынке труда (востребованного работодателями), компетентно способного к качественной и эффективной работе по своей специальности.

Для решения выше обозначенных задач необходимо повышать роль научно-исследовательского и учебно-методического обеспечения самостоятельной работы студентов, развивать у них креативную активность, инициативность. Кроме того, требуется системная реор-

ганизация учебного процесса, переработка учебно-методических материалов, составление новых дидактических подходов, контрольно – обучающих сборников практических

заданий и т.п. для самостоятельного освоения обучающимися учебного материала. В связи с этим изменяется учебная нагрузка преподавателей, которые должны в большей степени уделять внимание научно-методической

работе и эти изменения необходимо отразить во всех индивидуальных планах [1].

Переход на обучение студентов в соответствии ФГОС 3-го поколения вызывает необходимость формирования нового УМК, содержащего переработанные учебные планы и программы с увеличенной долей самостоятельной работы студентов, в том числе с применением информированных, компьютерных, дистанционных, практико-ориентированных, научно-методических и т.п. технологий в обучающем процессе. При этом преподаватель должен акцентировать внимание на выполняемых студентами научно-исследовательских (НИР) и учебно-исследовательских работах (УИР) студентами, готовящих их в первую очередь, к самостоятельному решению профессиональных задач (через написание реферативных, курсовых, дипломных работ и т.п.) [2].

Самостоятельная работа студентов формирует у них потребность к самообразованию, создает предпосылки непрерывного образования, повышения своей квалификации. Выполнение самостоятельной работы студентами под руководством преподавателя обеспечивает им эффективную подготовку, качественное усвоение теоретического материала, приобретение определенных практических умений и навыков. Выполняя задания, студенты не только повторяют пройденный материал, но формируют определенные навыки профессиональной деятельности, что дает возможность преподавателям оценить уровень знаний, а также степень подготовленности студентов к выполнению практических умений по изучаемым разделам [3].

Контрольно-обучающие задания помогают сформировать научный взгляд на рекреацию, как деятельность человека в свободное от работы время для восстановления и укрепления физических, духовных сил, работоспособности, в конечном итоге способствуют всестороннему развитию личности. Сборник содержит контролируемые программы, тестовые задачи различного уровня слож-

ности, ситуационные задачи, проблемные вопросы и варианты их решения предназначен для студентов, обучающихся по направлениям: «Социальная работа»; аспирантов, специалистов, занятых научной, педагогической, практической деятельностью в области социальной работы.

Преподаватель, перед выполнением заданий студентами, дает им инструктаж, методику решения, наблюдает и активно помогает в преодолении возникающих трудностей, оценивает результаты каждой работы, в целом подводит итоги работы всей группы. В дальнейшем, предусмотрено проведение практического (итогового) занятия по типу общей конференции, где студенты выступают с подготовленными докладами, презентационными материалами и т.п. Наиболее успешные студенты в дальнейшем принимают участие в студенческих внутри межвузовских конференциях, олимпиадах, конкурсах НИР и УИР студентов [3]. Такая модель самостоятельной работы имеет неоспоримые преимущества и позволяет исключить устаревшую традиционную форму реферативной работы. Другой формой творческих учебных заданий является создание портфолио-портфеля достижений учащегося за весь период обучения.

Портфолио является организатором и систематизатором учебной деятельности студента, средством обратной связи и инструментом самооценки. Целями подготовки портфолио является накопление информации о собственной деятельности, обучение ее систематизации, развитие навыков ведения письменной документации, анализа собственной деятельности, отражение личного развития. Преподавателями кафедры осуществляются консультации студентов, работающих над презентациями и портфолио – это пример самостоятельной работы под контролем преподавателя. Кроме того, современной формой организации самостоятельной работы является активное использование студентами ресурсов Интернет. Преподавателями кафедры организованы группы на сайте «В контакте» для студентов, благодаря чему они имеют возможность оперативно консультироваться с преподавателями, обсуждать материалы и работать с рекомендуемой литературой и методическими материалами.

Говоря о научно-исследовательском и учебно-методическом обеспечении самостоятельной работы студентов, необходимо рассмотреть возможности применения теоретических методов познания в

исследованиях студентов заочной формы обучения. Данная проблема весьма актуальна, так как часто студенты заочной формы обучения не принимают участия в научно-исследовательской работе студентов. Поэтому пути привлечения их к этому виду деятельности является важным фактором повышения эффективности обучения студентов, обучающихся по данной форме. Обязательной составляющей частью подготовки специалистов по социальной работе является дипломная работа, которая является одним из видов самостоятельной работы студентов. Процесс формирования тем дипломных работ осуществляется следующим образом: в форме государственного заказа от органов и учреждений социального обеспечения. Тематика дипломных работ связана с приоритетными научными направлениями научных исследований кафедры: социальная работа в учреждениях, организациях и социальных службах, социальная работа с семьями и с детьми, социальная геронтология, занятость и ее регулирование, безработица в молодежной среде, медико-социальные основы здоровья населения. Их объединяет выраженная практическая направленность. Эффективность систем подготовки специалистов с высшим образованием способствует продвижению специалистов на рынке труда и формированию работников социальной сферы новой формации. Для стимулирования учебы и поощрения лучших студентов кафедра разработала рейтинговую систему и положения обучения студентов, в которой предусматривается возможность освобождения от собеседования на экзамене по билету по результатам тестирования (для заочного отделения учитывается также оценка за самоподготовку), но оставляет за студентами право прийти на собеседование и повысить свою оценку, показав глубокие знания предмета [4].

Таким образом, самостоятельная работа студентов способствует развитию у них творческой активности, повышению компетентности, совершенствованию мыслительных навыков, а также воспитывает личность будущего профессионала.

Примечания

1. Лында А. С. Дидактические основы формирования самоконтроля в процессе самостоятельной учебной работы учащихся. М.: Высшая школа, 1979. 157 с.

2. Рубаник А., Большакова Г., Тельных Н. Самостоятельная работа студентов // Высшее образование в России. 2005. № 6. С.120-124.
3. Сенашенко В., Жалнина Н. Самостоятельная работа студентов: актуальные проблемы // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 103-114.
4. Пидкасистый П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов. М.: Педагогическое общество России, 2004. 108 с.
5. Абасов З. Проектирование и организация самостоятельной работы студентов // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 81-84.
6. Границкая А.С. Научить думать и действовать. Адаптивная система обучения. М.: Просвещение, 1991. 174 с.
7. Зимняя И. А., Педагогическая психология. М.: Логос, 2000. 183 с.
8. Ксензова Г. Уроки самоконтроля и самооценки: цели, компоненты, типы // Директор школы. 2001. № 2. С.77-82.
9. Кулюткин Ю.Н. Психология обучения взрослых. М.: Просвещение, 1985. 128 с.
10. Федорова М., Якушкина Л. Модель организации внеаудиторной самостоятельной работы // Высшее образование в России. 2007. № 10. С. 88-90

**А.А. ТУМОВ,
студент КБГУ (г. Нальчик)**

ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена актуальной проблеме экономических предпосылок развития земельного конфликта в КБР, с возможным перерастанием в этнополитический конфликт. В статье анализируются правовые несоответствия в законодательстве на федеральном и региональном уровне.

Ключевые слова: земельные отношения, этнический конфликт, ресурс, муниципальные образования, общественные организации.

Утверждение о том, что республики Северного Кавказа сегодня охвачены земельными конфликтами – не преувеличение. Проблемы, вызванные отсутствием регулирования земельных отношений, присутствуют в большинстве республик СКФО. Одну из самых острых форм земельный конфликт принял в Кабардино-Балкарской Республике.

Актуальность исследования определяется особой остротой проблемы в республике. Как известно, Кабардино-Балкария является одним из самых густонаселенных регионов Российской Федерации, для экономики которого важное значение имеют земельные отношения, и отсутствие их регулирования непременно должно было привести к дестабилизации обстановки в республике. О важности проблемы свидетельствует и то, что она вызвала интерес высших лиц государства: так, полпред президента в СКФО Александр Хлопонин назвал проблему «резонансной» [1], а в 2011 г. президент Медведев собрал в Нальчике представителей общественных и правозащитных организаций и подчеркнул необходимость сохранения дружественных отношений.

Многонациональная территория Кабардино-Балкарии представлена большей частью тремя этносами: русскими, живущими преимущественно в равнинной части; кабардинцами, заселяющими предгорно-равнинную часть, и балкарцами, занимающими горно-предгорную зону [2, 126]. При анализе земельной проблемы в Кабардино-Балкарии необходимо учитывать, что для Кабардино-Балкарии, как и для других регионов Северного Кавказа, земля имеет многофункциональное значение: это одновременно и хозяйственный ресурс, и территория проживания определенных этнокультурных общностей. Это и является причиной того, что в сочетании с конкуренцией за основной ресурс – землю, этничность начинает выступать консолидирующим фактором для тех или иных актеров конфликта – таким образом, проблема в экономической сфере перерастает в конфликт идентичностей [3, 134].

Обострение земельной проблемы в Кабардино-Балкарии связано с принятием в 2003 году Федерального закона №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Почвой для обострения ситуации стало принятие в 2005 году законов №12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и №13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике», регулирующих земельные отношения. Реализация этих законопроектов привела к тому, что значительная часть земли, принадлежащей балкарским муниципалитетам, получила статус «межселенной территории» и была переведена в республиканскую собственность, а два крупных балкарских села Хасанья и Белая Речка были включены в состав городского округа Нальчик [4].

Данные меры противоречили федеральному законодательству. Причиной тому послужила некоторая путаница: в Конституции РФ (ст. 4) декларируется верховенство федеральных законов на территории всей страны, однако в Конституции КБР (ч. 4, ст. 16) заявлено, что в случае противоречия федерального закона с нормативным правовым актом КБР приоритет имеет региональный закон [2, 127]. В правовом отношении эту ситуацию сложно интерпретировать даже профессиональным юристам.

В №131-ФЗ говорится, что межселенные территории могут создаваться только в регионах с низкой плотностью населения [5], в то время как в КБР уровень плотности населения превышает сред-

ний общероссийский. Что касается отнесения двух населенных пунктов к городскому округу Нальчику, то по этому поводу в ФЗ сказано, что изменение границ населений должно осуществляться с согласия жителей этого населенного пункта. Однако ни в Хасанье, ни в Белой Речке референдумы не проводились. Существует мнение, что включение сел в состав городского округа было обусловлено желанием нальчикской администрации взять контроль над средствами, выделяемыми поселкам из бюджетов разных уровней, над предприятиями, а также тем, что поселки расположены вблизи горных массивов, что делает перспективным там развитие туризма [6]. Как бы то ни было, законодательные решения республиканского парламента лишили сёла местного самоуправления, а пользователей земель, объявленных республиканской собственностью – возможности заниматься традиционными видами деятельности [7].

В связи со сложившейся ситуацией активизировали свою деятельность балкарские общественные организации – в первую очередь Совет старейшин балкарского народа и «Алан». В 2007 году представители этих организаций обратились с петицией в Конституционный суд РФ, который признал принятие республиканских законов нарушением федерального законодательства. В ответ на это в 2008-2009 годах Правительство КБР внесло в Парламент законопроект о переводе всех межселенных территорий в республиканскую собственность. Была создана согласительная комиссия, призванная урегулировать спорные вопросы по изменению границ муниципальных образований. Однако согласительная комиссия вскоре распустилась: из нее по собственному желанию вышел председатель общественной организации «Хасэ» Ибрагим Яганов. В конце концов, в октябре 2010 года Парламент КБР принял в первом чтении закон «О порядке определения территорий и использования земель отгонного животноводства», согласно которому 212 тыс. га пастбищ предусмотрены для перевода в республиканскую собственность и использованию для целей отгонного животноводства и могут быть только арендованы, но не куплены [8].

Таким образом, проблема завершилась очередным нарушением Федерального Закона, который не разрешает чересполосицы и не допускает выделения территорий одного муниципального района для сельских поселений другого. Действия Парламента КБР привели к ухудшению межнациональных отношений в республике.

От работы в согласительной комиссии отказался Совет старейшин балкарского народа, который потребовал включения отгонных пастбищ в границы сельских поселений, которые находятся в непосредственной близости от них. Это преимущественно балкарские населенные пункты [9]. Координационный совет адыгских организаций предложил оставить пастбища в собственности сельских муниципалитетов, независимо от места их расположения. Кабардинские лидеры утверждают, что притязания балкарцев на высокогорные пастбища чрезмерны, поскольку свыше 60% из них проживают на равнине. Если же к остальным 40 процентам перейдут пастбища, эта небольшая часть населения получит контроль почти над половиной территории республики, где сосредоточена основная часть ее ресурсов [4].

Проблема постепенно принимала все более серьезные формы. В октябре 2009 г. несколько представителей балкарских организаций провели пикет на Манежной площади в Москве, требуя исполнения федерального законодательства. В 2010 г. Координационный совет балкарских общественных организаций принял решение всеми силами способствовать обеспечению защиты политических прав балкарского народа [10].

Наблюдается также и активизация кабардинских общественных организаций. 17 ноября 2009 г. в Нальчике прошел митинг адыгской общественности, на котором прозвучали требования вернуть ситуацию с отгонными пастбищами положение, существовавшее до 2005 г., принять закон об отгонном животноводстве, а затем уже решить проблему межселенных территорий в соответствии с федеральным законодательством [11, 22]. Представители кабардинских общественных организаций обратились к Президенту РФ Медведеву Д. А., Председателю Правительства Путину В. В., Президенту КБР А. Б. Канокову [12, 118-137] с петициями.

Таким образом, при анализе земельной проблемы КБР мы видим, как из плоскости земельных отношений она переместилась в область межэтнических конфликтов. Изначально чисто экономический вопрос, порожденный несоответствиями в федеральном и республиканском законодательстве, принял форму конфликта идентичностей, так как земля в Кабардино-Балкарии является не только материальным ресурсом, но и объектом этнокультурной идентификации. Несмотря на давно признанную «интернациональность» рынка, ситуация является символическим отражением политического баланса в

республике. Из плоскости простого торга (цена земли – цена аренды), вопрос переместился в плоскость, где торг неуместен (национальное самосознание). И хотя полноценный этнический конфликт в республике отсутствует (наблюдаются лишь его симптомы), можно с уверенностью сказать, что земельный вопрос является центральным вопросом и политической, и экономической, и даже «исторической» конкуренции в республике. При этом не стоит забывать, что этнические аргументы в земельных спорах – это аргументы, с помощью которых оппоненты пытаются апеллировать к ценностям, мобилизующим большие группы людей, и подобные действия в любом случае лишь приведут к дальнейшей эскалации конфликта.

Примечания:

1. Хлопонин обсудил с жителями Кабардино-Балкарии земельную проблему / Кавказский Узел. – 23.07.2010. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/171990/> (дата обращения: 20.06.2013).

2. Чеченов А., Чемаев Н. Политико-административные преобразования и использование земель в Кабардино-Балкарии: регулирование конфликтных ситуаций / От понимания локальных конфликтов к использованию шансов развития. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Под ред. Я. Келера и А. Гуни. Нальчик, 2011.

3. Гуня А., Келер Я., Цюрхер К. Эмпирические исследования локальных конфликтов. М., 2008.

4. Северный Кавказ: сложности интеграции. Этничность и конфликт / Аналитический портал «Polit.ru». URL: http://polit.ru/article/2012/11/30/Ethnicity_and_Conflict/#ultr021 (дата обращения: 01.05.2013).

5. Федеральный Закон №131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=70040> (дата обращения: 15.06.2013).

6. Казенин К.И. «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. URL: <http://lib.rus.ec/b/377683/read> (дата обращения: 01.05.2013).

7. Рябцев О. Почва для конфликтов / Аналитический портал «Expert.ru». URL: <http://expert.ru/south/2008/25/konflikty/> (дата обращения: 21.06.2013).

8. Акопов П., Арсланова З. Обнаженные нервы земли / Кавказская политика. URL: <http://kavpolit.com/obnazhennye-nervy-zemli/> (дата обращения: 01.05.2013).

9. Парламент Кабардино-Балкарии принял во втором чтении законопроект «О статусе земель для отгонного животноводства» / Кавказский Узел. – 01.10.2010. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174981/> (дата обращения: 20.06.2013).

10. Шорова М.Б. Трудности этнополитической консолидации в современной Кабардино-Балкарской республике // Современные исследования социальных проблем. 2012. №9. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/shorova.pdf> (дата обращения: 01.05.2013).

11. Боров А.Х. Политический аспект реорганизации системы местного самоуправления / Этнополитические и религиозные проблемы Кабардино-Балкарии: предпосылки, характер и перспективы решения. Нальчик, 2011.

12. В интересах мира и согласия в КБР. Материалы форума адыгских общественных объединений КБР 4 апреля и общереспубликанского митинга 17 ноября 2009 года. Нальчик, 2010.

В.В. ХУБУЛОВА,
ст. преподаватель Северо-Кавказский институт РАНХиГС
(г. Пятигорск)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В странах с рыночной экономикой возникла особая форма взаимодействия бизнеса и государства: государственно-частное партнерство (ГЧП). ГЧП – институциональный и организационный альянс государственной власти и частного предпринимательства с целью реализации общественно значимых социальных проектов, как на территории страны, так и в отдельных регионах. ГЧП можно охарактеризовать как характерную черту смешанной экономики.

Такая форма сотрудничества, возникает чаще всего в объектах общественной инфраструктуры: транспортной, коммунальной, социальной (ремонт, реконструкция, строительство), как правило, эти объекты находятся в муниципальной собственности.

Особенностью российской модели разграничения полномочий (предметов ведения) по способу их системного структурирования является отказ от юридической формализации в Конституции Российской Федерации. Разделение предметов и прав ведения между федеральным Центром, субъектами РФ и муниципальными образованиями четко не обозначено. Предметы ведения субъектов РФ не определяются федеральной

«Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью» (ст.130, п.1) [1]. «Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения». «Органы местного самоуправления могут наделяться законом отдельными государственными

полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств» (ст. 132, п. 1 и 2) [1].

Вопросы местного значения (полномочия) в основном определены **Федеральным законом №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»** (ст. 14, 15, 16) и Градостроительным кодексом Российской Федерации (от 29.12.2004 г., № 190-ФЗ) [2].

Необходимо говорить и о распределении расходных обязательств, в результате реформы произошло увеличение полномочий региональных властей, но размер доходной части бюджетов не увеличился, в результате они выполняются за счет трансфертов, представим в виде таблицы 1.

Таблица 1

Распределение расходных обязательств, финансирование за счет трансфертов [5, с.97]

Обязательства	Федерация	Регионы	Муниципальные образования
Финансовое обеспечение школ-интернатов, детских домов, домов ребенка		Субвенции	←
Школьные обязательства (финансовое обеспечение учебного процесса)		Субвенции	←
Предоставления услуг образования в учреждениях социальной политики		Субвенции	←
Детские сады, школы, поликлиники, финансируемые федеральными министерствами	→	→	
Льготы инвалидам, ветеранам труда, труженики тыла, репрессированные	→	Субсидии	
Пособия гражданам, имеющим детей	→	→	
Пособия на погребения	→	→	
Экологический контроль			Субвенции
Дошкольное образование	→	→	→
Школьное образование (за исключением финансового обеспечения учебного процесса)		→	→
Адресные жилищные субсидии			Субсидии
Начальное и среднее профессионально-техническое образование	→	→	→
Первичная пожарная безопасность	→	→	←
Субсидирование сельхозпроизводства	→	→	←
Платежи за работающее население ОМС	→	→	←

В этих условиях особую актуальность приобретает обобщение опыта других стран по привлечению частного бизнеса к реализации муниципальных проектов, а также выработке основных направлений государственно-частного партнерства на местном уровне в целях модернизации социальной инфраструктуры муниципалитета.

Таким образом, под государственно-частным партнерством будем понимать особую систему экономических отношений, формирующихся между государством и хозяйствующим субъектом по поводу использования ресурсов частного сектора для создания или модернизации общественной инфраструктуры, общественных услуг, а также для развития других сфер [3].

Государственно-частное партнерство можно определить как эффективный инструмент инновационного развития страны, региона и муниципальных образований. Реализация ГЧП способствует формированию предпосылок взаимовыгодного сотрудничества государства и бизнеса, но в то же время создает дополнительные риски в процессе осуществления совместных проектов (усложненный порядок реализации, высокие транзакционные издержки, риски формирования структуры корпоративного управления, неоднозначное отношение общественности и политические последствия) [4, с. 78].

Для того чтобы обеспечить высокие темпы экономического роста, повышение конкурентоспособности, диверсификации российской экономики и перехода к инновационному развитию, необходимо привлечение инвестиционных ресурсов (как иностранных, так и из внутренних инвесторов). Таким образом, государственно-частное партнерство сможет выступить в роли катализатора процессов финансирования приоритетных высокотехнологичных секторов экономики, которые в силу долгосрочности инновационных проектов, низкой доходности или повышенного риска инвестиций ограничены в поступлении частного капитала, также финансирование развития социальной инфраструктуры.

Практически всегда ГЧП создается для решения конкретных задач социально-экономического развития определенной территории – региона, муниципального образования или его части, учет местных условий при выработке решений будет в значительной степени определять успех реализуемых проектов.

В настоящее время в России инструмент государственно-частного партнерства (ГЧП) представляется одним из наиболее эффективных и сравнительно низкзатратных механизмов регионального и муниципального развития в наиболее востребованных сферах – ин-

новационного развития, развития отраслевых кластеров, привлечения инвестиций.

ГЧП – это юридически оформленные отношения органов власти и субъектов предпринимательства в отношении объектов, находящихся в юрисдикции государства, основанные на обязательном разделении рисков, учете интересов и координации усилий сторон, осуществляемые в целях наиболее эффективной реализации проектов, имеющих важное общественно-государственное значение.

В настоящее время среди федеральных нормативных правовых актов, тем или иным образом регулирующих отношения, возникающие в сфере ГЧП можно назвать:

- договорные конструкции, предусмотренные Гражданским кодексом РФ.
- Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»;
- Федеральный закон от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»;
- Постановление Правительства РФ об Инвестиционном фонде РФ;
- Постановление Правительства РФ от 4 мая 2005 года № 284 «О государственном учете результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения».

Государственно-частное партнерство в современных условиях рассматривают как эффективный механизм управления социальной сферы экономики. Замена административных рычагов управления городом на экономические с целью развития инфраструктуры, оптимизации бюджетных расходов, повышения качества предоставляемых услуг, привлечения инвестиций является необходимостью в современных условиях [6].

Для решения этой задачи в некоторых субъектах Российской Федерации реализуются проекты на основе ГЧП с участием частного, в том числе, и международного капитала.

Примером реализации государственно-частного партнерства может быть Ненецкий Автономный Округ, где заключены следующие соглашения:

- с «Роснефтью» с выделением на социально-экономическое развитие по 5 млн. долларов в год на срок действия лицензий на право

пользования недрами на Черпаюском, Хасырейском, Нядейюском месторождениях округа;

- с «Тоталь РРР» предусмотрено финансирование социальной сферы на сумму 250 тыс. долларов ежегодно на период действия лицензии на Харьягинском месторождении. С учетом инфляции указанная сумма постоянно увеличивается и сейчас составляет свыше 350 тыс. долларов США.

- соглашениях с «Арктикнефтью» и «Арктикморнефтегазразведкой» предусмотрено финансирование объектов социальной сферы из расчета 100 долларов за 1 тыс. тонн нефти, добытой на Песчаноозерском месторождении и т.д.

На территории данного региона в результате действия государственного частного партнерства наблюдается улучшение объектов социальной инфраструктуры: в 2008 году такими объектами являются детский сад на 300 мест, родильный дом на 50 коек в Нарьян-Маре; средняя школа в п. Каратайка; автодорога Израель – Н. Одес и прочие объекты [7].

Приоритетом в развитии проектов партнерства власти и бизнеса на муниципальном уровне должно стать решение вопросов законодательного и нормативного регулирования сферы ГЧП, качественной подготовки проектной и договорной документации, организации проектного финансирования с участием российских и иностранных финансовых институтов.

Институт государственно-частного партнерства активно реализуется на территории Ставропольского края. В Невинномысске окончено строительство физкультурно-оздоровительного комплекса «Ледовый дворец». Реализация уникального для Северо-Кавказского федерального округа проекта стала возможной благодаря государственно-частному партнерству Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, партии «Единая Россия», Правительства Ставропольского края, Администрации Невинномысска и минерально-химической компании «ЕвроХим». Спортивный комплекс будет включать круглогодично работающий ледовый каток с трибуной на 750 мест, что позволит не только осуществлять учебно-тренировочный процесс, но и проводить соревнования по хоккею и фигурному катанию. Помимо этого на базе комплекса будет создана детско-юношеская спортивная школа, оборудованы зал индивидуальной силовой подготовки и хореографический класс. Открытие спортивного комплекса подарит жителям Невинномысска и всего Северного Кавказа возможность приобщиться к ледовым видам спорта и возродить слав-

ные традиции Невинномысской школы фигурного катания, воспитанницей которой является Олимпийская чемпионка Елена Бережная.

У филиала «Невинномысская ГРЭС» ОАО «ЭНЕРГО-5» иное направление-оказание поддержки медицинским, социальным, образовательным учреждениям. Сотрудники электростанции по собственной инициативе собрали финансовые средства, на которые были приобретены и доставлены в медицинское учреждение функциональная кровать, два инвалидных кресла и т.д. В этой новой современной палате для неврологических больных будут – лечится дети не только из Невинномысска, но и из близлежащих районов Ставропольского края.

Характеризуя положительные результаты реализации проектов ГЧП, представители муниципалитетов чаще всего указывают: на привлечение крупных инвестиций к финансированию общественно значимых проектов или получение доступа к рынкам частных капиталов; повышение качества, доступности и экономической эффективности предоставляемых услуг.

В качестве отрицательных результатов ГЧП чаще всего отмечаются возможное повышение цен, тарифов, иногда – ограничение конкуренции, угроза нарушения конфиденциальности информации. Подводя итог, можно сказать, что вопросы взаимоотношения государства и бизнеса всегда находились в центре пристального внимания любого современного демократического правового государства. Более того, в последние годы во всем мире наблюдается тенденция усиления сотрудничества власти и бизнеса. В первую очередь, это проявляется в таких сферах, как электроэнергетика, транспорт, здравоохранение, образование. Предприятия в этих сферах, имеют стратегическое значение и не могут быть приватизированы, но, с другой стороны, государство не всегда обладает достаточным объемом средств, необходимых для их поддержки и развития. В этом случае применяется такая форма взаимодействия власти и бизнеса, как государственно-частное партнерство. Особенную актуальность тема государственно-частного партнерства приобрела в условиях мирового финансового кризиса, в связи с которым многие отрасли российской экономики почувствовали потребность в государственной поддержке. Председатель Правительства РФ Владимир Путин, открывая совещание в Новомосковске в сентябре 2009 года, назвал «Государственно-частное партнерство – основой посткризисного развития регионов».

При переходе России на инновационный путь развития необходимы финансовые вложения и целый ряд мер государственного регулирования с параллельным развитием предпринимательской компоненты (механизмов государственно-частного партнерства). Уже существующие и формирующиеся меры, призванные способствовать повышению мобильности инвестиций и росту инновационной сферы России, работают не в полной мере, либо требуют дополнительных затрат. Основным инструментом, способным вывести государство на принципиально новый уровень в сфере инноваций – государственно-частное партнерство, причем, при поиске партнеров необходимо сделать акцент на малые инновационные предприятия, которые при сохранении регулятивной роли государства способны обеспечить достижение необходимого для современной экономики уровня развития инноваций и модернизации социальной сферы региона.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации // «Российская газета» от 21 января 2009г. № 7.
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (закон о МСУ) от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Официальный сайт компании «Консультант Плюс» – Сайт доступа / <http://www.consultant.ru/>.
3. Дерябина М.А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. № 8.
4. Ларин С. Н. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт и российские реалии // Государственно-частное партнерство в инновационных системах / Под общ. Ред. С. Н. Сильвестрова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 78.
5. Управление региональными и муниципальными финансами / Спб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2008. – С.97.
6. Форум регионов России: «Государственно-частное партнерство в комплексном развитии территорий» – Сайт доступа – <http://www.ppp-lawrussia.ru/forum28/index3.htm> [15/06/2013]
7. Широков В.Б. Механизмы организации государственно-частного и муниципально-частного партнерства в северных регионах России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов, электронный доступ / <http://www.jurnal.org/articles/2010/ekon84.html/> [09/10/2012]

15) стр. 363, 364, 365, 366 и т.д.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ

26 июня 2013 г. на заседании Диссертационного совета Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова состоялась защита кандидатской диссертации научного сотрудника отдела истории СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А **Басиевой Залины Максимовны**.

Тема диссертационного исследования З. М. Басиевой «**Черкесия в системе международных отношений (1829-1856 гг.)**». Научный руководитель – доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСО-Алания, профессор Р. С. Бзаров.

10 октября 2013 г. на заседании Диссертационного совета при Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова состоялась защита кандидатской диссертации соискателя отдела осетинского языкознания СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А **Абаевой Фатимы Олеговны**.

Тема диссертационного исследования Ф. О. Абаевой – «**Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика)**». Научный руководитель – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ, заслуженный деятель науки РСО – Алания, доцент **Бесолова Елена Бутусовна**.

25-27 июня 2013 г. во Владикавказе проходила ежегодная **VIII Международная историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».**

Научное мероприятие, учрежденное Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, ориентировано на аспирантов и молодых ученых, занимающихся исследованием актуальных проблем истории, этнологии, антропологии, филологии, социологии и политологии.

В работе конференции, помимо представителей высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов РАН (Санкт-Петербург, Дагестан, Кабардино-Балкария, Ставропольский край, Северная Осетия, Краснодарский край), так же приняли участие и молодые исследователи из Японии, Италии и Республики Южная Осетия.

С приветственным словом к участникам школы-конференции обратилась директор СОИГСИ, д.и.н., профессор **З. В. Канукова**: «Главной целью нашей школы является подготовка кадров для научно-исследовательской деятельности. Российская академия наук большое внимание уделяет молодежи, 8 лет финансирует проведение нашей Школы, выделяет ставки для молодых ученых, сертификаты на приобретение жилья. Активно функционирует программа Президиума РАН «Поддержка молодых ученых». В результате такой политики значительно помолодел коллектив института, первые участники Школы сегодня являются полноправными членами нашего коллектива, они защитили диссертации, опубликовали монографии, продолжают научные исследования.

Сегодня у вас есть уникальная возможность проконсультироваться по интересующим вопросам с ведущими учеными России, послушать мастер-классы, доложить о своих результатах, получить компетентную экспертную оценку, поднять свой профессиональный уровень».

Пленарная часть работы научного мероприятия состояла из серии мастер-классов. Перед молодыми исследователями выступил заведующий отделом этнографии народов Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), один из ведущих российских этнологов, д.и.н., который рассказал о традиционных соци-

Мастер-класс доктора исторических наук Ю. Ю. Карпова

альных институтах и их трансформации в наши дни. Юрий Юрьевич проиллюстрировал свое выступление конкретными примерами из истории и современности народов Кавказа, подробно остановившись на институте мужских союзов у горцев.

*Мастер-класс профессора
П. А. Кузьминова*

Мастер-класс профессора Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, д.и.н. **П. А. Кузьминова** был посвящен особенностям историографического анализа. Петр Абрамович особо подчеркнул важность знакомства с историографией той или иной проблемы для всестороннего и глубокого понимания предмета исследования.

Директор Центрального государственного архива РСО-А **Л. С. Засеева** в ходе своего мастер-класса «Методика проведения исследования по архивным документам» рассказала о правилах пользования архивными мате-

риалами, в том числе, документами с ограниченным доступом. Л. С. Засеева признала положительной практику популяризации архивных документов, призвав молодых историков и этнологов после защиты диссертации на соискание ученой степени, заняться и изданием сборника документов по теме своего исследования.

Научно-правовому обеспечению процедуры защиты диссертации было посвящено выступление ученого секретаря диссертационного совета при Северо-Осетинском государственном университете им. К. Л. Хетагурова, д.п.н., профессора **С. Р. Чеджемова**. Сергей Русланович отметил важность проведения ежегодной школы-конференции, поскольку молодые исследователи приобретают здесь необходимый опыт.

Мастер-класс профессора Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, д.и.н. **П. А. Кузьминова** был посвящен особенностям историографического анализа. Петр Абрамович особо подчеркнул важность знакомства с историографией той или иной проблемы для всестороннего и глубокого понимания предмета исследования.

Директор Центрального государственного архива РСО-А **Л. С. Засеева** в ходе своего мастер-класса «Методика проведения исследования по архивным документам» рассказала о правилах пользования архивными мате-

*Мастер-класс профессора
С. Р. Чеджемова*

В дальнейшем работа конференции проходила в четырех секциях: «История», «Этнология и антропология», «Филология», «Социология и политология». Сопредседателями каждой секции выступили молодые ученые – научные сотрудники СОИГСИ.

Всего на конференции было представлено более 70 научных докладов, которые опубликованы в данном выпуске научного журнала «**Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых**».

28-29 июня 2013 г. Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А совместно с Северо-Осетинским историко-родословным обществом была организована **Международная научная конференция «Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность»**.

Местом проведения научного мероприятия стал санаторий «Сосновая роща», расположенный в живописном предгорье на окраине Владикавказа.

Столь популярное в отечественной и зарубежной исторической науке направление объединило ученых из Швейцарии, Азербайджана, Армении, Украины, Москвы, Махачкалы, Нальчика, Краснодара, Грозного, Сочи и Владикавказа.

Постоянный участник конференции д.и.н., профессор, заведомой новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН **Э.М. Далгат** выступила с докладом «Судьбы горской интеллигенции. Абдурагим Далгат». Молодой исследователь из Краснодара, аспирант

Профессора Э. М. Далгат и З.В. Канукова

Кубанского государственного университета **Е. В. Брацун** представил доклад на тему «Горцы Северо-Западного Кавказа на службе России: история и генеалогия рода полковника К. К. Улагая».

А. В. Магальян (Армения)

К.и.н., научный сотрудник Института истории Национальной Академии Наук Республики Армения **А. В. Магальян** рассказал о генеалогии Мелик-Еганянов, владык Дизака (XVIII-XIX вв.).

На конференции было представлено более 30 докладов, отражающих последние результаты генеалогических исследований народов Кавказа.

12 октября 2013 г. в рамках Владикавказской региональной площадки **III Всероссийского фестиваля науки** в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства РСО-А прошел День открытых дверей. Посетителями одного из старейших научных учреждений на Северном Кавказе стали студенты исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.

В фойе института посетители могли ознакомиться с экспозицией изданий СОИГСИ, отражающей все направления научных изысканий сотрудников института.

Приветствуя гостей, директор СОИГСИ, доктор исторических наук, профессор **З. В. Канукова** рассказала о целях и задачах III Всероссийского фестиваля науки, о роли гуманитарного знания, социальных и культурных инноваций в современном мире, об истории создания института и основных направлениях его научной деятельности. «Среди вас есть наши будущие аспиранты, коллеги, наука станет вашей профессией, поэтому опыт, который накоплен многими поколениями сотрудников института, является для вас бесценным», – подчеркнула Залина Владимировна.

Центральным мероприятием дня открытых дверей стала публичная лекция профессора **З. В. Кануковой** «Ислам в мировой истории и культуре». Будущих ученых заинтересовали вопросы истории ислама на Северном Кавказе, а также проблема роста религиозной нетерпимости в молодежной среде.

В дискуссии приняли участие профессор **С. А. Айларова**, доцент **Н. Х. Дзагурова**, сотрудники, аспиранты и студенты. Все они были единодушны во мнении о необходимости сохранения вековых обычаев мирного сосуществования всех традиционных религиозных конфессий, представленных на Юге России, и важности изучения их истории и современного состояния.

Следующим этапом Дня открытых дверей стало посещение участниками Научного архива СОИГСИ. Заведующая архивом кандидат филологических наук **Р. Н. Абисалова** и старший научный сотрудник, кандидат филологических наук **Д. В. Сокаева** рассказали о документах, хранящихся в фондах Научного архива и правилах пользования историческими источниками. Как отметила Р. Н. Абисалова, архив насчитывает более 10 тысяч единиц хранения. «Все это уникальные рукописи северо-кавказских просветителей, тексты нартовских сказаний, материалы фольклорных и этнографических экспедиций,

записи народных мелодий, личные архивы известных ученых, писателей и общественных деятелей. Ежегодно материалами Фонда рукописей пользуются более 100 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Ростова, Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Дагестана», – отметила Раиса Николаевна.

С гостями также побеседовал председатель Совета молодых ученых СОИГСИ, кандидат исторических наук **Б. А. Синанов**.

Научные достижения молодых ученых Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и РСО-Алания были представлены на Выставке научно-технического творчества молодежи РСО-Алания, которая состоялась **11-13 октября 2013 г.** во Дворце культуры Горского государственного аграрного университета.

Выставка проходила в рамках **IV Международной научно-практической конференции «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки»**, организованной Министерством РСО-А по делам молодежи физической культуры и спорта, Советом молодых ученых и специалистов при Главе РСО-А и Владикавказским научным центром РАН и Правительства РСО-А.

Экспозиция изданий СОИГСИ

Молодые ученые СОИГСИ представили свои труды. Основу экспозиции составили книги из Серии «Первая монография». Учрежденная руководством Института в 2006 году, Серия предоставляет возможность молодым ученым, защитившим кандидатские диссертации, познакомиться с результатами своих научных изысканий не только научное сообщество, но и широкую общественность республики. В Серии «Первая монография» вышли следующие работы: **Парсиева Л.К.** «Теория междометия в общей парадигме современного языкознания», **Дарчиева С.В.** «Северокавказские депутаты Государственной Думы России (1906-1917)», **Чибирова М.Л.** «Художественный перевод и национальный колорит», **Цогоева Ф.Б.** «Экологическая безопасность горных территорий РСО-А: социокультурный анализ», **Гагиев В.Т.** «Тумы. Чанки. Кавдасарды», **Цаллагова И.Н.** «Паремии осетинского языка: язык осетинской загадки», **Дзапарова Е.Б.** «Церковная интеллигенция в Осетии. Харлампий Цомаев», **Багаев А.А.** «Военное дело осетин XV-XIX вв.», **Дарчиева М.В.** «Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов)», **Абаева Ф.О.** «Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика)», **Агузарова С.В.** «Судьба как выражение ментального мира», **Басиева З.М.** «Черкесия в системе международных отношений 1829-1856 гг.», **Цопанова А.В.** «Психология политического терроризма», **Дзалаева К.Р.** «Городская культура осетин (вторая пол. XIX – начала XX вв.)», **Моргоева Л.Б.** «Экспрессивные грани слова: семантика и прагматика» и др.

Важной составляющей экспозиции стали выпуски периодического издания СОИГСИ «**Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых**» и сборники научных трудов Зимней историко-филологической школы-семинара.

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**
ВЫП. 10

Научный журнал

Компьютерная верстка — А.В. Черная

Подписано в печать 28.12.2013
Формат бумаги 70×108 $\frac{1}{16}$. Печать цифровая. Бум. 65 гр.
Гарнитура шрифта «Minion». Усл.п.л. 33,00
Тираж 100 экз. Заказ №185

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО–Алания

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано в ИПЦ СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г.Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru